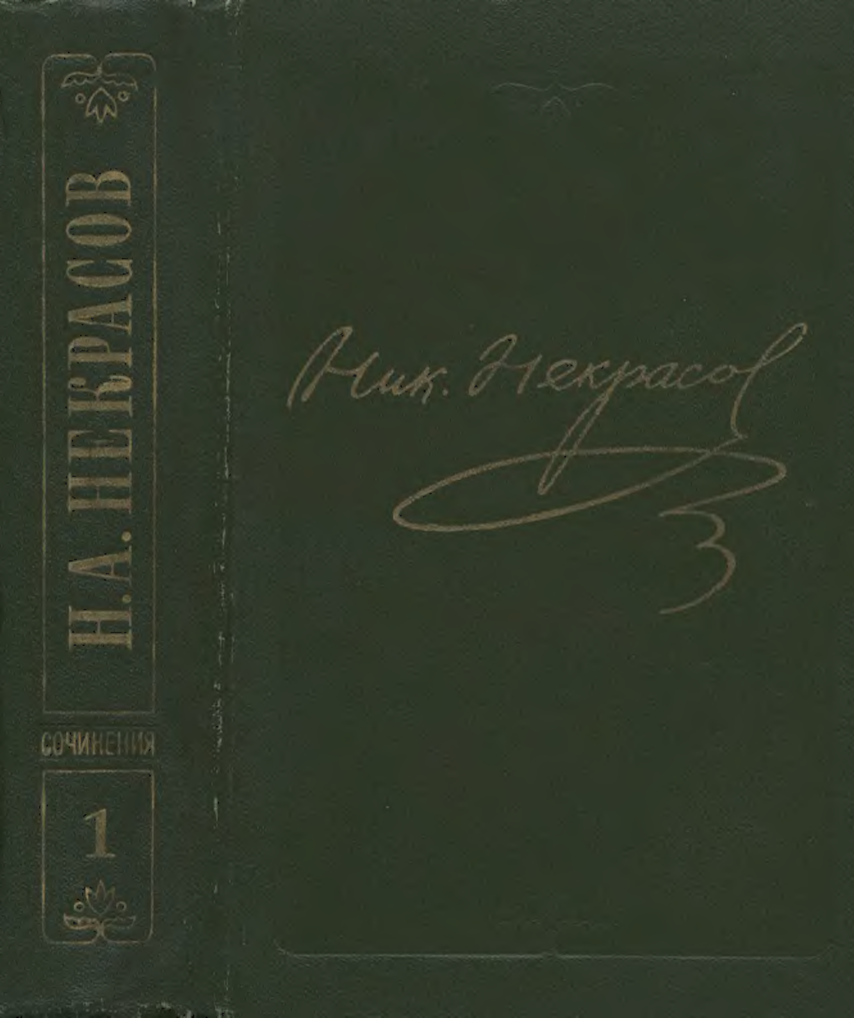
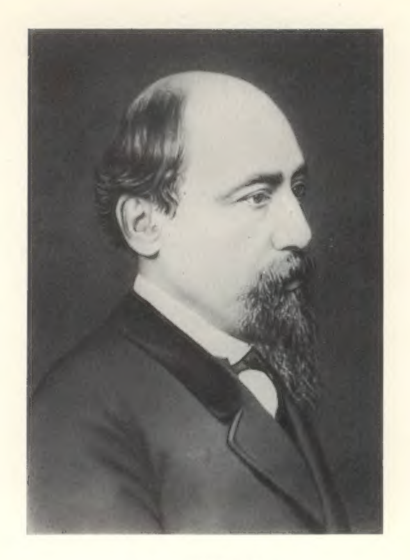

Н.А. НЕКРАСОВ
СОЧИНЕНИЯ
1
Ник. Некрасов



Н. А. НЕКРАСОВ
Фотография 1870-х годов.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)



Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМА 1—10



ЛЕНИНГРАД «НАУКА» — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

Н. А. НЕКРАСОВ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
1838—1855 гг.



ЛЕНИНГРАД «НАУКА» — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

$Н \frac{70401-534}{042(02)-81}$ Подписное. 4702010100.

ОТ РЕДАКЦИИ

Литературное наследие Н. А. Некрасова — великого русского поэта и крупнейшего журналиста-издателя имеет сложную судьбу. Прижизненные издания его сочинений включали только поэзию, причем многие из своих стихов автор так и не увидел напечатанными. Будучи поэтом революционно-демократической ориентации, Некрасов больше чем кто-либо из русских писателей страдал от цензурного гнета. Первое посмертное издание его поэзии (Стихотворения Н. А. Некрасова. Т. 1—4. СПб., 1879) под редакцией С. И. Пономарева — самое полное из всех дореволюционных изданий — включало в себя не более половины поэтического наследия Некрасова. Шесть прижизненных изданий его стихотворений были еще менее полными.

Целенаправленная работа по составлению полного свода стихотворений Некрасова, очищенного от цензурных искажений и корректорских погрешностей, началась после Великой Октябрьской социалистической революции. Главная заслуга в трудном деле разыскания, критической проверки и комментирования некрасовских текстов принадлежит В. Е. Евгеньеву-Максимову к К. И. Чуковскому. Этапными вехами в истории публикации некрасовских стихотворений стали подготовленные этими учеными издания: Н. А. Некрасов. Стихотворения. Издание исправленное и дополненное. Пг., 1920; Н. А. Некрасов. Полное собрание стихотворений. М., 1927; Н. А. Некрасов. Полное собрание стихотворений. Т. 1—2. М.—Л., 1934—1937; Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1—12. М., 1948—1953.

Идея создания академического Полного собрания сочинений и писем Некрасова возникла и обсуждалась в научно-издательских сферах еще во второй половине 1930-х гг. Тогда же была проделана некоторая предварительная работа по реализации этой идеи. Однако событиями Великой Отечественной войны эта работа была приостановлена на самом начальном этапе. Ее результаты в значительной степени были использованы при подготовке Полного собрания сочинений и писем в двенадцати томах.

Двенадцатитомное издание и «Полное собрание стихотворений в трех томах» (Л., 1967. Большая серия «Библиотеки поэта») являются наиболее полными комментированными изданиями поэтических произведений Некрасова и знаменуют собою почти полное завершение свода стихотворений поэта. Однако и в них есть пробелы: в Полном собрании сочинений и писем отсутствует известное стихотворение «Так, служба!..», есть пропуски в разделах «Коллек-

тивное» и «Dubia»; в трехтомник «Библиотеки поэта», включающий новые, ранее неизвестные тексты, не вошли некоторые стихотворные отрывки Некрасова; отделы «Стихотворения, приписываемые Некрасову» и «Коллективное» также не могут считаться достаточно полными.

Сложнее обстоит дело с нестихотворными разделами наследия Некрасова. Его проза, драматургия, критика, переписка, автобиографические и редакционно-издательские материалы не входили до двенадцатитомника ни в одно из собраний сочинений писателя,[1] однако и в нем представлены весьма неполно. Сюда не вошли многие письма, мелкие заметки, обращения в цензуру, речи, редакционные объявления, деловые бумаги, уже давно известные специалистам. Вместе с тем в это издание попали некоторые произведения, не принадлежащие перу Некрасова, в частности ему была приписана и включена в последний том рецензия В. Г. Белинского на «Воспоминания» Ф. В. Булгарина.

Поиски художественного, публицистического и эпистолярного наследия Некрасова продолжались и после издания Полного собрания сочинений и писем. За период с 1953 г. до начала подготовки академического издания и в процессе его подготовки выявлено дополнительно большое количество некрасовских текстов. Особенно пополнился корпус критики и переписки Некрасова, свод редакционно-издательских материалов.[2]

Одна из важных общих проблем некрасоведения — датировка его произведений. Стихотворения Некрасова, в подавляющем своем большинстве посвященные злободневным проблемам его времени, требуют установления как можно более точной даты их создания. Авторские даты там, где они есть, не всегда точны, а в иных случаях фиктивны. Датировки целого ряда произведений Некрасова в настоящем издании аргументированно уточнены, а в отдельных случаях и исправлены. Участниками настоящего издания проведено также фронтальное сличение всех опубликованных текстов Некрасова с их первоисточниками и осуществлено создание полного свода других редакций и вариантов его сочинений.

Настоящее академическое Полное собрание сочинений и писем Н. А. Некрасова состоит из 15 томов (с непрерывной нумерацией), подразделяющихся на две серии:

---

[1] Исключение составляет пятитомное Собрание сочинений Н. А. Некрасова под редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова и К. И. Чуковского (М.—Л., 1930), в которое вошли некоторые прозаические, критические произведения и письма Некрасова.

[2] Редакция настоящего издания отчетливо сознает, что свод некрасовского наследия может и будет пополняться и после этого издания. Наиболее значительные находки могут быть в области драматургии, прозы, критики, переписки Некрасова, дошедшей до нас с большими утратами. Так, остается до сих пор не найденной повесть «Антон», о которой автор упоминает в письме к Ф. А. Кони от 25 ноября 1841 г. Не может считаться вполне завершенным и свод поэтических произведений Некрасова. Остаются пока не найденными поэма «Семейство» (середина 1840-х гг.), которую автор готовил для «Петербургского сборника» (о ней упоминает В. Г. Белинский в письме к А. И. Герцену от 2 января 1846 г.), и некоторые другие стихотворные произведения Некрасова.

I СЕРИЯ. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. Стихотворения 1838—1855 гг.
2. Стихотворения 1856—1866 гг.
3. Стихотворения 1867—1877 гг.
4. Поэмы.
5. «Кому на Руси жить хорошо».
6. Драматургия.
7. Художественная проза 1840—1847 гг.
8. Художественная проза 1843—1856 гг.
9. «Три страны света» (два полутома).
10. «Мертвое озеро» (два полутома).

II СЕРИЯ. КРИТИКА. ПУБЛИЦИСТИКА. БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

11. Литературная и театральная критика 1841—1869 гг. (два полутома).
12. Публицистика.
13. Письма 1840—1866 гг.
14. Письма 1866—1877 гг.
15. Автобиографические и редакционно-издательские материалы.

Основными целями издания являются: публикация всех научно проверенных текстов Некрасова, завершенных и незавершенных, на основе всех имеющихся рукописных и печатных первоисточников; датировка произведений с точностью, доступной современному некрасоведению; восстановление их творческой истории, их научное комментирование.

Общий принцип расположения произведений внутри серии — хронологический, с отдельными отступлениями в необходимых случаях (см.: Комментарии, с. 567—568). Материалы каждого тома издания располагаются по следующим разделам:

1. Основные тексты произведений данного тома.
2. Коллективное (если имеется).
3. Dubia (если имеется).
4. Другие редакции и варианты.
5. Комментарии.

Произведения, опубликованные Некрасовым при жизни один раз, печатаются по первопечатному тексту, а если имеется автограф, датированный позднее публикации, то по этому автографу. Тексты, публиковавшиеся Некрасовым несколько раз, печатаются, как правило, по последнему авторизованному изданию либо по автографу, датированному позднее последней прижизненной публикации.

Тексты произведений, не публиковавшихся при жизни автора, печатаются по автографам, в случае их отсутствия — по авторизованным копиям, посмертным публикациям. Цензурные и автоцензурные искажения и исправления устранены по автографам, авторизованным публикациям и другим авторитетным источникам. Явные опечатки, описки и грамматические ошибки в воспроизводимом тексте исправляются без специальных оговорок.

Ошибочно пропущенные в источнике слова или части слов восстанавливаются в ломаных скобках.

Текст дается по современной орфографии, кроме случаев, когда воспроизводятся произносительная (речевая) особенность некрасовского времени, а также диалектизмы, славянизмы и пр.

В комментарий к каждому произведению входят: справка об источниках основного текста, печатных и рукописных; справка о месте первой публикации произведения; справка о других прижизненных изданиях и о времени первого включения в собрание сочинений; перечень всех существующих автографов; датировка произведения и ее обоснование. Комментарий содержит сведения по истории создания и печатания произведения (включая цензурную историю), о его источниках, прототипах, отзывах современников, переложениях на музыку. Комментируются реалии произведения: цитаты из произведений других авторов, имена исторических лиц, исторические события, упоминаемые в произведении, вышедшие из употребления слова. Раздел «Комментарии» в каждом томе предваряется редакторской преамбулой.

Список условных сокращений и обозначений, принятых в издании, дан на страницах 462—464, 709—711 первого тома. В пятом томе помещается алфавитный указатель поэтических произведений Некрасова. Алфавитный указатель адресатов Некрасова печатается в четырнадцатом томе; в последнем томе помещается общий алфавитный указатель всех произведений Некрасова и указатель имен по всему тексту издания.

Полное собрание сочинений и писем Некрасова подготовлено Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР при активном участии некрасоведов Москвы, Петрозаводска, Ивано-Франковска, Калининграда и других городов страны. Имена участвовавших в подготовке издания указаны в каждом томе.

СТИХОТВОРЕНИЯ
1845—1855

1845

В ДОРОГЕ

«Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, расскажи —
Буду, братец, за всё благодарен».

— Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать —
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафанницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши.
Вид вальяжный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тоись, сватался к ней благородной
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка),—
Да, знать, счастья ей бог не судил:
Не нужна-ста в дворянстве холопка!

Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер... А справивши свадьбу,

Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Через месяц приехал зятек —
Перебрал по ревизии души
И с запашки ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрубила ему
В чем-нибудь, али напросто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно,—
Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка — крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадили
На тягло — да на ней и женили...
Тоись, сколько я нажил хлопот!
Вид такой, понимаешь, суровой...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спорилось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла — становилось
Инда жалко подчас... да куды! —
Не утешишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет как шальная...
Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет всё глядит
Да читает какую-то книжку...
Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно ба́рченка, каждый день чешет,
Бить не бьет — бить и мне не дает...

Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...

«Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..»

ПЬЯНИЦА

Жизнь в трезвом положении
Куда нехороша!
В томительном борении
Сама с собой душа,
А ум в тоске мучительной...
И хочется тогда
То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.
Всё та же хата бедная —
Становится бедней,
И мать — старуха бледная —
Еще бледней, бледней.
Запуганный, задавленный,
С поникшей головой,
Идешь как обесславленный,
Гнушаясь сам собой;
Сгораешь злобой тайною...
На скудный твой наряд
С насмешкой неслучайною
Все, кажется, глядят.
Всё, что во сне мерещится,
Как будто бы назло,
В глаза вот так и мечется
Роскошно и светло!
Всё — повод к искушению,
Всё дразнит и язвит
И руку к преступлению
Нетвердую манит...
Ах! если б часть ничтожную!
Старушку полечить,

Сестрам бы не роскошную
Обновку подарить!
Стряхнуть ярмо тяжелого,
Гнетущего труда,—
Быть может, буйну голову
Сносил бы я тогда!
Покинув путь губительный,
Нашел бы путь иной
И в труд иной — свежительный —
Поник бы всей душой.
Но мгла отвсюду черная
Навстречу бедняку...
Одна открыта торная
Дорога к кабаку.

*
* *

Отрадно видеть, что находит
Порой хандра и на глупца,
Что иногда в морщины сводит
Черты и пошлого лица
Бес благородный скуки тайной,
И на искривленных губах
Какой-то думы чрезвычайной
Печать ложится; что в сердцах
И тех, чьих дел позорных повесть
Пройдет лишь в поздних племенах,
Не всё же спит мертвецки совесть
И, чуждый нас, не дремлет страх.
Что всем одно в дали грядущей —
Идем к безвестному концу,
Что ты, подлец, меня гнетущий,
Сам лижешь руки подлецу.
Что лопнуть можешь ты, обжора!
Что ты, великий человек,
Чьего презрительного взора
Не выносил никто вовек,
Ты, лоб, как говорится, медный,
К кому все завистью полны,—
Дрожишь, как лист на ветке бедной,
Под башмаком своей жены.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Подражание Лермонтову)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.
Стану сказывать не сказки —
Правду пропою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губернии раздался
Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик.
Но отец твой — плут известный —
Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подрастешь — и мир крещеный
Скоро сам поймешь,
Купишь фрак темно-зеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: «Я благонамерен,
За добро стою!»
Спи — твой путь грядущий верен!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выду —
И махну рукой!

В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.

Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин
И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин.
Заживешь — и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновник мой прекрасный!
Баюшки-баю.

*
* *

Стишки! стишки! давно ль и я был гений?
Мечтал... не спал... пописывал стишки?
О вы, источник стольких наслаждений,
Мои литературные грешки!
Как дельно, как благоразумно-мило
На вас я годы лучшие убил!
В моей душе не много силы было,
А я и ту бесплодно расточил!
Увы!.. стихов слагатели младые,
С кем я делил и труд мой и досуг,
Вы, люди милые, поэты-преплохие,
Вам изменил ваш недостойный друг!..
И вы... как много вас уж — слава небу — сгибло...
Того хандра, того жена зашибла,
Тот сам колотит бедную жену
И спину гнет дугой... а в старину?
Как гордо мы на будущность смотрели!
Как ревностно бездействовали мы!
«Избранники небес», мы пели, пели
И песнями пересоздать умы,
Перевернуть действительность хотели,
И мнилось нам, что труд наш — не пустой,
Не детский бред, что с нами сам всевышний
И близок час блаженно-роковой,
Когда наш труд благословит наш ближний!
А между тем действительность была
По-прежнему безвыходно пошла,
Не убыло ни горя, ни пороков —
Смешон и дик был петушиный бой
Не понимающих толпы пророков
С не внемлющей пророчествам толпой!

И «ближний наш» всё тем же глазом видел,
Всё так же близоруко понимал,
Любил корыстно, пошло ненавидел,
Бесславно и бессмысленно страдал.
Пустых страстей пустой и праздный грохот
По-прежнему движенье заменял,
И не смолкал тот сатанинский хохот,
Который в сень холодную могил
Отцов и дедов наших проводил!..

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ (ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ)

Так мы готовимся, о други!
На достохвальные заслуги
Великой родине своей...

Н. Языков

Друг, товарищ доброхотный!
Помня, чествуя, любя,
Кубок первый и почетный
Пью в чужбине за тебя.
Мил мне ты!.. Недаром смлада
Я говаривал шутя:
«Матерь! вот твоя отрада!
Пестуй бережно дитя.
Будет Руси сын почтенный,
Будет дока и герой,
Будет наш — и непременно
Будет пьяница лихой!»
Не ошибся я в дитяти:
Вырос ты удал и рьян
И летишь навстречу братий
Горд, и радостен, и пьян!
Горячо и, право, славно
Сердце русское твое,
Полюбил ты достославно
Нас развившее питье.
Весь ты в нас!.. Бурлит прекрасно
В жилах девственника кровь,
В них восторженно и ясно
К милой родине любовь
Пышет. Бойко и почтенно
За нее ты прям стоишь...

С ног от штофа влаги пенной,
Влаги русской — не слетишь!
Враг народов иностранных,
Воеватель удалой,
Ты из уст благоуханных
Дышишь родине хвалой,
Доли жаждешь ей могучей...
Беспредельно предана
Ей души твоей кипучей
Ширина и глубина!..
И за то, что Русь ты нашу
Любишь — речь к тебе держу,
И стихом тебя уважу,
И приязнью награжу.
Будь же вечно тем, что ныне:
Своебытно горд и прям,
Не кади чужой святыне,
Не мирволь своим врагам;
Не лукавствуя и пылко
Уважай родимый край:
Гордо мужествуй с бутылкой —
Ни на пядь не уступай,
Будь как был!.. За всё за это,
Да за родину мою,
Да за многи, многи лета
Нашей дружбы — днесь я пью...
Пью... величественно-живо
В торжествующий стакан
Одуряющее диво
Ущедренных небом стран
Льется. Лакомствуя мирно,
Наслаждаюсь не спеша...
Но восторженностью пирной
Не бурлит моя душа.
Хладных стран заходный житель,
Здесь почетно-грустен я:
Не отцов моих обитель
Здесь — не родина моя!
То ли дело, как, бывало,
Други, в няниной дому
Бесподобно, разудало
Заварим мы кутерьму!..
Чаши весело звенели,

Гром и треск, всё кверху дном!
Уж мы пили! уж мы пели!..
В удовольствии хмельном
Вам стихи мои читал я...
Сотый чествуя бокал,
Им читанье запивал я
И, запивши, вновь читал.
Благосклонно вы внимали...
Было чудное житье:
Други мне рукоплескали,
Пили здравие мое!
Здесь не то... Но торжествую
Я и здесь порой, друзья.
Счастье! фляжку — и большую —
У матросов добыл я
Влаги русской... Как Моэта
Мне наскучит легкий хмель,
Пью и потчую соседа...
Объяденье! богатель!
Ровно пьем; цветущ и весел,
Горделиво я сижу...
Он... глядишь — и нос повесил!
Взором радостным слежу,
Как с подскоком жидконогой
Немец мой — сутул, поджар —
Выйдет храбро, а дорогой
Бац да бац на тротуар...
Драгоценная картина
Сердцу русскому! Она
Возвышает славянина
Силу скромную...
Вина!
На здоровье Руси нашей!
Но, увы мне, о друзья!
Не состукиваюсь чашей
Дружелюбно с вами я —
И не пьется... Дух убитый
Достохвальной грустью сжат,
И, как конь звучнокопытый,
Все мечты туда летят,
Где родимый дым струится,
Где в виду своих сынов
Волга царственно катится

Средь почтенных берегов...
Что ж? туда!.. Я скор на дело!
Под родные небеса
Вольно, радостно и смело
Я направлю паруса —
Мигом к вам явлюсь на сходку!
Припасайте ж старику
Переславльскую селедку
И полштофа травнику!..

НОВОСТИ

(Газетный фельетон. 1845)

Почтеннейшая публика! на днях
Случилося в столице нашей чудо:
Остался некто без пяти в червях,
Хоть — знают все — играет он не худо.
О том твердит теперь весь Петербург.
«Событие вне всякого другого!»
Трагедию какой-то драматург,
На пользу поколенья молодого,
Сбирается состряпать из него...
Разумный труд! Заслуги, удальство
Похвально петь; но всё же не мешает
Порою и сознание грехов,
Затем что прегрешение отцов
Для их детей спасительно бывает.
Притом для нас не стыдно и легко
В ошибках сознаваться — их немного,
А доблестей — как милостей у бога...

Из черного французского трико
Жилеты, шелком шитые, недавно
Вошли в большую моду: в самом деле славно!

Почтенный муж шестидесяти лет
Женился на девице в девятнадцать
(На днях у них парадный был обед,
Не мог я, к сожаленью, отказаться);
Немножко было грустно. Взор ея
Сверкал, казалось, скрытыми слезами
И будто что-то спрашивал. Но я
Отвык, к несчастью, тешиться мечтами,
И мне ее не жалко. Этот взор

Унылый, длинный, этот вздох глубокий —
Кому они? — Любезник и танцор,
Гремящий саблей, статный и высокий —
Таков был пансионский идеал
Моей девицы... Что ж! распорядился
Иначе случай...
Маскарад и бал
В собранье был и очень долго длился.
Люблю я наши маскарады; в них,
Не говоря о прелестях других,
Образчик жизни петербургско-русской,
Так ловко переделанной с французской.

Уныло мы проходим жизни путь,
Могло бы нас будить одно — искусство,
Но редко нам разогревает грудь
Из глубины поднявшееся чувство,
Затем что наши русские певцы
Всем хороши, да петь не молодцы,
Затем что наши русские мотивы,
Как наша жизнь, и бедны и сопливы,
И тяжело однообразье их,
Как вид степей пустынных и нагих.

О, скучен день и долог вечер наш!
Однообразны месяцы и годы,
Обеды, карты, дребезжанье чаш,
Визиты, поздравленья и разводы —
Вот наша жизнь. Ее постылый шум
С привычным равнодушьем ухо внемлет,
И в действии пустом кипящий ум
Суров и сух, а сердце глухо дремлет;
И свыкшись с положением таким,
Другого мы как будто не хотим,
Возможность исключений отвергаем
И, словно по профессии, зеваем...
Но — скучны отступления!

Чудак,
Знакомый мне, в прошедшую субботу
Сошел с ума... А был он не дурак
И тысяч сто в год получал доходу.
Спокойно жил, доволен и здоров,
Но обошли его по службе чином,

И вдруг, уныл, задумчив и суров,
Он стал страдать славяно-русским сплином;
И наконец, в один прекрасный день,
Тайком от всех, одевшись наизнанку
В отличия, не свойственные рангу,
Пошел бродить по улицам, как тень,
Да и пропал. Нашли на третьи сутки,
Когда сынком какой-то важной утки
Уж он себя в припадках величал
И в совершенстве кошкою кричал,
Стараясь всех уверить в то же время,
Что чин большой есть тягостное бремя,
И служит он, ей-ей, не для себя,
Но только благо общее любя...

История другая в том же роде
С одним примерным юношей была:
Женился он для денег на уроде,
Она — для денег за него пошла,
И что ж?— о срам! о горе! — *оказалось,*
Что им обоим *только показалось*;
Она была как нищая бедна,
И беден был он так же, как она.
Не вынес он нежданного удара
И впал в хандру; в чахотке слег в постель,
И не прожить ему пяти недель.
А нежный тесть, неравнодушно глядя
На муки завербованного зятя
И положенье дочери родной,
Винит во всем «натуришку гнилую»
И думает: «Для дочери другой
Я женишка покрепче завербую».

Собачка у старухи Хвастуновой
Пропала, а у скряги Сурмина
Бежала гувернантка — ищет новой.
О том и о другом извещена
Столица чрез известную газету;
Явилась тотчас разных свойств и лет
Тьма гувернанток, а собаки нет.

Почтенный и любимый господин,
Прославившийся емкостью желудка,

Безмерным истребленьем всяких вин
И исступленной тупостью рассудка,
Объелся и скончался... Был на днях
Весь город на его похоронах.
О доблестях покойника рыдая,
Какой-то друг три речи произнес,
И было много толков, много слез,
Потом была пирушка — и большая!
На голову обжоры непохож,
Был полон погреб дорогих бутылок,
И длился до заутрени кутеж...
При дребезге ножей, бокалов, вилок
Припоминали добрые дела
Покойника, хоть их, признаться, было
Весьма немного; но обычай милый
Святая Русь доныне сберегла:
Ко всякому почтенье за могилой —
Ведь мертвый нам не может сделать зла!
Считается напомнить неприличным,
Что там-то он ограбил сироту,
А вот тогда-то пойман был с поличным.
Зато добра малейшую черту
Тотчас с большой горячностью подхватят
И разовьют, так истинно скорбя,
Как будто тем скончавшемуся платят
За то, что их избавил от себя!
Поговорив — нечаянно напьются,
Напившися — слезами обольются,
И в эпитафии напишут: «Человек
Он был такой, какие ныне редки!»
И так у нас идет из века в век,
И с нами так поступят наши детки...

Литературный вечер был; на нем
Происходило чтенье. Важно, чинно
Сидели сочинители кружком
И наслаждались мудростью невинной
Отставшей знаменитости. Потом
Один весьма достойный сочинитель
Тетрадищу поспешно развернул
И три часа — о изверг, о мучитель! —
Читал, читал и — даже сам зевнул,
Не говоря о жертвах благосклонных,

С четвертой же страницы усыпленных.
Их разбудил восторженный поэт;
Он с места встал торжественно и строго,
Глаза горят, в руках тетради нет,
Но в голове так много, много, много...
Рекой лились гремучие стихи,
Руками он махал как исступленный.
Слыхал я в жизни много чепухи
И много дичи видел во вселенной,
А потому я не был удивлен...
Ценителей толпа рукоплескала,
Младой поэт отвесил им поклон
И всё прочел торжественно с начала.
Затем как раз и к делу приступить
Пришла пора. К несчастью, есть и пить
В тот вечер я не чувствовал желанья
И вон ушел тихонько из собранья.
А пили долго, говорят, потом
И говорили горячо о том,
Что движемся мы быстро с каждым часом
И дурно, к сожаленью, в нас одно,
Что небрежем отечественным квасом
И любим иностранное вино.

На петербургских барынь и девиц
Напал недуг свирепый и великий:
Вскружился мир чиновниц полудикий
И мир ручных, но недоступных львиц.
Почто сия на лицах всех забота?
Почто сей шум, волнение умов?
От Невского до Козьего болота,
От Козьего болота до Песков,
От пестрой и роскошной Миллионной
До Выборгской унылой стороны —
Чем занят ум мужей неугомонно?
Чем души жен и дев потрясены??
Все женщины, от пресловутой Ольги
Васильевны, купчихи в сорок лет,
До той, которую воспел поэт
(Его уж нет),— помешаны на польке!
Предчувствие явления ея
В атмосфере носилося заране.
Она теперь у всех на первом плане

И в жизни нашей главная статья;
О ней и меж великими мужами
Нередко пренья, жаркий спор кипит,
И старец, убеленный сединами,
О ней с одушевленьем говорит.
Она в одной сорочке гонит с ложа
Во тьме ночной прелестных наших дев,
И дева пляшет, общий сон тревожа,
А горничная, барышню раздев,
В своей каморке производит то же.
Достойнейший сын века своего,
Пустейший франт, исполнен гордой силой,
Ей предан без границ — и для него
Средины нет меж полькой и могилой!
Проникнувшись великостью труда
И важностью предпринятого дела,
Как гладиатор в древние года,
С ней борется он ревностно и смело...
Когда б вы не были, читатель мой,
Аристократ и побывать в танцклассе
У Кессених решилися со мной,
Оттуда вы вернулись бы в экстазе,
С утешенной и бодрою душой.
О юношество милое! Тебя ли
За хилость и недвижность упрекнуть?
Не умерли в тебе и не увяли
Младые силы, не зачахла грудь,
И сила там кипит твоя просторно,
Где всё тебе по сердцу и покорно.
И, гордое могуществом своим,
Довольно ты своею скромной долей:
Твоим порывам смелым и живым
Такое нужно поприще — не боле,
И тратишь ты среди таких тревог
Души всю силу и всю силу ног...

СОВРЕМЕННАЯ ОДА

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов,
И червонцы твои не украдены
У сирот беззащитных и вдов.

В дружбу к сильному влезть не желаешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь,
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу на глаз красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породою:
«Братья нам по Христу мужички!»
И родню свою длиннобородую
Не гоняешь с порога в толчки.

Не спрошу я, откуда явилося,
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе всё свалилося
За твою добродетель и честь!..

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

СТАРУШКЕ

Когда еще твой локон длинный
Вился над розовой щекой
И я был юноша невинный,
Чистосердечный и простой,—
Ты помнишь: кой о чем мечтали
С тобою мы по вечерам,
И — не забыла ты — давали
Свободу полную глазам,
И много высказалось взором
Желаний тайных, тайных дум;
Но победил каким-то вздором
В нас сердце хладнокровный ум.
И разошлись мы полюбовно,
И страсть рассеялась как дым.
И чрез полжизни хладнокровно
Опять сошлись мы — и молчим...

А мог бы быть и не таким
Час этой поздней, грустной встречи
Не так бы сжала нас печаль,
Иной тоской звучали б речи,
Иначе было б жизни жаль...

*
*   *

Он у нас осьмое чудо —
У него завидный нрав.
Неподкупен — как Иуда,
Храбр и честен — как Фальстаф.
С бескорыстностью жидовской,
Как хавронья мил и чист,
Даровит — как Тредьяковской,
Столько ж важен и речист.
Не страшитесь с ним союза,
Не разладитесь никак:
Он с французом — за француза,
С поляком — он сам поляк,
Он с татарином — татарин,
Он с евреем — сам еврей,
Он с лакеем — важный барин,
С важным барином — лакей.
Кто же он? . . . .
. . . .

*
* *

Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
Я душу падшую извлек,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавший порок;

Когда, забывчивую совесть
Воспоминанием казня,
Ты мне передавала повесть
Всего, что было до меня;

И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена,—

Верь: я внимал не без участья,
Я жадно каждый звук ловил...
Я понял всё, дитя несчастья!
Я всё простил и всё забыл.

Зачем же тайному сомненью
Ты ежечасно предана?
Толпы бессмысленному мненью
Ужель и ты покорена?

Не верь толпе — пустой и лживой,
Забудь сомнения свои,
В душе болезненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змеи в груди
И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

*
* *

Пускай мечтатели осмеяны давно,
Пускай в них многое действительно смешно,
Но всё же я скажу, что мне в часы разлуки
Отраднее всего, среди душевной муки,
Воспоминать о ней: усилием мечты
Из мрака вызывать знакомые черты,
В минуты горького раздумья и печали
Бродить по тем местам, где вместе мы гуляли,—
И даже иногда вечернею порой,
Любуясь бледною и грустною луной,
Припоминать тот сад, ту темную аллею,
Откуда мы луной пленялись вместе с нею,
Но, больше нашею любовию полны,
Чем тихим вечером и прелестью луны,
Влюбленные глаза друг к другу обращали
И в долгий поцалуй уста свои сливали...

1846

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок.

Полумрак на всё ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошел!» — привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит...

*
* *

Ходит он меланхолически,
Одевается цинически,
Говорит метафорически,
Надувает методически
И ворует артистически...

ОГОРОДНИК

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь,—
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работал по весне,
Вот однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
Смотрит в оба да слушает песню мою.

По торговым селам, по большим городам
Я недаром живал, огородник лихой,
Раскрасавиц девиц насмотрелся я там,
А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела!..
Стало жутко, я песни своей не допел.
А она — ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней как шальной я глядел.

Я слыхал на селе от своих молодиц,
Что и сам я пригож, не уродом рожден,—
Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
У меня ль, молодца, кудри — чесаный лен...

Разыгралась душа на часок, на другой...
Да как глянул я вдруг на хоромы ее —
Посвистал и махнул молодецкой рукой,
Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою
И смеялась со мной и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
Только буйную голову свешу на грудь...
«Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
Ты устал,— чай, пора уж тебе отдохнуть».

— Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часок.—
Да как заступ брала у меня, смеючись,
Увидала на правой руке перстенек...

Очи стали темней непогодного дня,
На губах, на щеках разыгралася кровь.
— Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
Неприветно глядишь, хмуришь черную бровь?

«От кого у тебя перстенек золотой?»
— Скоро старость придет, коли будешь всё знать.
«Дай-ка я погляжу, несговорный какой!» —
И за палец меня белой рученькой хвать!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
Я давал — не давал золотой перстенек...
Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
Да не знаю уж как — в щеку девицу чмок!..

Много с ней скоротал невозвратных ночей
Огородник лихой... В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Целовал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
А под утро мороз под ногами хрустит.
Вот однажды, как я крался в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо: «Держи вора!» — кричит.

Со стыдом молодца на допрос привели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел...
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетьми, и уводят дружка
От родной стороны и от лапушки прочь
На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

*
* *

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу — день за днем бесполезно губя;

Что я, силы своей не пытав ни на чем,
Осудил сам себя беспощадным судом

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб! —
Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб;

Что, доживши кой-как до тридцатой весны,
Не скопил я себе хоть богатой казны,

Чтоб глупцы у моих пресмыкалися ног,
Да и умник подчас позавидовать мог!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратил свой век, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь мир,
А брожу дикарем — бесприютен и сир,

И что злоба во мне и сильна и дика,
А хватаясь за нож — замирает рука!

ТРОЙКА

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Всё лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,

Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвесть,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоем, полном движенья,
Полном жизни,— появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки,—
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

РОДИНА

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, довременно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный,
И неребяческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег...
Воспоминания дней юности — известных
Под громким именем роскошных и чудесных,—
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной...

Вот темный, темный сад... Чей лик в аллее дальной
Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубил... о! знаю, знаю я!..
Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы...
Но знаю: не была душа твоя бесстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И всё, что вынести в тебе достало сил,
Предсмертный шепот твой губителю простил!..

И ты, делившая с страдалицей безгласной
И горе и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой.

Вот серый, старый дом... Теперь он пуст и глух:
Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг,—
А встарь?.. Но помню я: здесь что-то всех давило,
Здесь в малом и в большом тоскливо сердце ныло.
Я к няне убегал... Ах, няня! сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
При имени ее впадая в умиленье,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?..

Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но всё, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым,—
Всему начало здесь, в краю моем родимом!..

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада,—
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понурив голову над высохшим ручьем,
И набок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...

ПСОВАЯ ОХОТА

> Провидению угодно было создать человека так, что ему нужны внезапные потрясения, восторг, порыв и хотя мгновенное забвение от житейских забот; иначе, в уединении, грубеет нрав и вселяются разные пороки.
>
> *Реутт. Псовая охота*

1

Сторож вкруг дома господского ходит,
Злобно зевает и в доску колотит.

Мраком задернуты небо и даль,
Ветер осенний наводит печаль;

По небу тучи угрюмые гонит,
По полю листья — и жалобно стонет...

Барин проснулся, с постели вскочил,
В туфли обулся и в рог затрубил.

Вздрогнули сонные Ваньки и Гришки,
Вздрогнули все — до грудного мальчишки.

Вот, при дрожащем огне фонарей,
Движутся длинные тени псарей.

Крик, суматоха!.. ключи зазвенели,
Ржавые петли уныло запели;

С громом выводят, поят лошадей,
Время не терпит — седлай поскорей!

В синих венгерках на заячьих лапках,
В остроконечных, неслыханных шапках

Слуги толпой подъезжают к крыльцу.
Любо глядеть — молодец к молодцу!

Хоть и худеньки у многих подошвы —
Да в сертуках зато желтые прошвы,

Хоть с толокна животы подвело —
Да в позументах под каждым седло,

Конь — загляденье, собачек две своры,
Пояс черкесский, арапник и шпоры.

Вот и помещик. Долой картузы!
Молча он крутит седые усы,

Грозен осанкой и пышен нарядом,
Молча поводит властительным взглядом.

Слушает важно обычный доклад:
«Змейка[1] издохла, в забойке Набат,

Сокол сбесился, Хандра захромала».
Гладит, нагнувшись, любимца Нахала,

И, сладострастно волнуясь, Нахал
На спину лег и хвостом завилял.

2

В строгом порядке, ускоренным шагом
Едут псари по холмам и оврагам.

Стало светать; проезжают селом —
Дым поднимается к небу столбом,

Гонится стадо, с мучительным стоном
Очеп[2] скрипит (запрещенный законом);

Бабы из окон пугливо глядят,
«Глянь-ко, собаки!» — ребята кричат...

Вот поднимаются медленно в гору.
Чудная даль открывается взору:

Речка внизу, под горою, бежит,
Инеем зелень долины блестит,

А за долиной, слегка беловатой,
Лес, освещенный зарей полосатой.

Но равнодушно встречают псари
Яркую ленту огнистой зари,

И пробужденной природы картиной
Не насладился из них ни единый.

«В Банники,[3]— крикнул помещик,— набрось!» [4]
Борзовщики [5] разъезжаются врозь,

А предводитель команды собачьей,
В острове [6] скрылся крикун-доезжачий.

Горло завидное дал ему бог:
То затрубит оглушительно в рог,

То закричит: «Добирайся, собачки!
Да не давай ему, вору, потачки!»

То заорет: «Го-го-го! — ту!-ту!!-ту!!!»
Вот и нашли — залились на следу.

Варом-варит [7] закипевшая стая,
Внемлет помещик, восторженно тая,

В мощной груди занимается дух,
Дивной гармонией нежится слух!

Однопометников лай музыкальный
Душу уносит в тот мир идеальный,

Где ни уплат в Опекунский совет,
Ни беспокойных исправников нет!

Хор так певуч, мелодичен и ровен,
Что твой Россини! что твой Бетховен!

3

Ближе и лай, и порсканье, и крик —
Вылетел бойкий русак-материк!

Гикнул помещик и ринулся в поле...
То-то раздолье помещичьей воле!

Через ручьи, буераки и рвы
Бешено мчится: не жаль головы!

В бурных движеньях — величие власти,
Голос проникнут могуществом страсти,

Очи горят благородным огнем —
Чудное что-то свершилося в нем!

Здесь он не струсит, здесь не уступит,
Здесь его Крез за мильоны не купит!

Буйная удаль не знает преград,
Смерть иль победа — ни шагу назад!

Смерть иль победа! (Но где ж, как не в буре,
И развернуться славянской натуре?)

Зверь отседает [8] — и в смертной тоске
Плачет помещик, припавши к луке.

Зверя поймали — он дико кричит,
Мигом отпазончил,[9] сам торочит,[10]

Гордый удачей любимой потехи,
В заячий хвост отирает доспехи

И замирает, главу преклоня
К шее покрытого пеной коня.

4

Много травили, много скакали,
Гончих из острова в остров бросали,

Вдруг неудача: Свиреп и Терзай
Кинулись в стадо, за ними Ругай,

Следом за ними Угар и Замашка —
И растерзали в минуту барашка!

Барин велел возмутителей сечь,
Сам же держал к ним суровую речь.

Прыгали псы, огрызались и выли
И разбежались, когда их пустили.

Рёвма-ревет злополучный пастух,
За лесом кто-то ругается вслух.

Барин кричит: «Замолчи, животина!»
Не унимается бойкий детина.

Барин озлился и скачет на крик,
Струсил — и валится в ноги мужик.

Барин отъехал — мужик встрепенулся,
Снова ругается; барин вернулся,

Барин арапником злобно махнул —
Гаркнул буян: «Караул, караул!»

Долго преследовал парень побитый
Барина бранью своей ядовитой:

«Мы-ста тебя взбутетеним дубьем
Вместе с горластым твоим холуем!»

Но уже барин сердитый не слушал,
К стогу подсевши, он рябчика кушал,

Кости Нахалу кидал, а псарям
Передал фляжку, отведавши сам.

Пили псари — и угрюмо молчали,
Лошади сено из стога жевали,

И в обагренные кровью усы
Зайцев лизали голодные псы.

5

Так отдохнув, продолжают охоту,
Скачут, порскают [11] и травят без счету.

Время меж тем незаметно идет,
Пес изменяет, и конь устает.

Падает сизый туман на долину,
Красное солнце зашло вполовину,

И показался с другой стороны
Очерк безжизненно-белой луны.

Слезли с коней; поджидают у стога,
Гончих сбивают, сзывают в три рога,

И повторяются эхом лесов
Дикие звуки нестройных рогов.

Скоро стемнеет. Ускоренным шагом
Едут домой по холмам и оврагам.

При переправе чрез мутный ручей,
Кинув поводья, поят лошадей —

Рады борзые, довольны тявкуши:
В воду залезли по самые уши!

В поле завидев табун лошадей,
Ржет жеребец под одним из псарей...

Вот наконец добрались до ночлега.
В сердце помещика радость и нега —

Много загублено заячьих душ.
Слава усердному гону тявкуш!

Из лесу робких зверей выбивая,
Честно служила ты, верная стая!

Слава тебе, неизменный Нахал,—
Ты словно ветер пустынный летал!

Слава тебе, резвоножка Победка!
Бойко скакала, ловила ты метко!

Слава усердным и бурным коням!
Слава выжлятнику,[12] слава псарям!

6

Выпив изрядно, поужинав плотно,
Барин отходит ко сну беззаботно,

Завтра велит себя раньше будить.
Чудное дело — скакать и травить!

Чуть не полмира в себе совмещая,
Русь широко протянулась, родная!

Много у нас и лесов и полей,
Много в отечестве нашем зверей!

Нет нам запрета по чистому полю
Тешить степную и буйную волю.

Благо тому, кто предастся во власть
Ратной забаве: он ведает страсть,

И до седин молодые порывы
В нем сохранятся, прекрасны и живы,

Черная дума к нему не зайдет,
В праздном покое душа не заснет.

Кто же охоты собачьей не любит,
Тот в себе душу заспит и погубит.

ПРИМЕЧАНИЯ К «ПСОВОЙ ОХОТЕ»

[1] *Змейка, Набат, Сокол, Хандра, Нахал* и далее употребляющиеся в этой пьесе названия — *Свиреп, Терзай, Ругай, Угар, Замашка, Победка* — собачьи клички.

[2] Так называется снаряд особого устройства, имеющий в спокойном положении форму неправильного треугольника. С помощию этого снаряда в некоторых наших деревнях достают воду из колодцев, что производится с раздирающим душу скрипом.

[3] *Банники* — название леска.

[4] *Набрасывать* — техническое выражение: спускать гончих в остров для отыскания зверя (остров — отъемный лес, удобный, по положению своему, для охотников). Набрасывает гончих обыкновенно так называемый доезжачий; бросив в остров, он поощряет их порсканьем (порскать — значит у охотников криками понуждать гончих к отысканию зверя и подбивать всю стаю на след, отысканный одною) и вообще содержит в неослабном повиновении своему рогу и арапнику. Помощник его называется подъезжим. При выезде из дому или переходе от одного острова к другому соблюдается обыкновенно такой порядок: впереди доезжачий, за ним стая гончих, а за нею подъезжий, всегда готовый с криком: «В кучу!» — хлестнуть арапником собаку, отбившуюся от стаи,— а за ним уже барин и остальные борзовщики. Обязанность борзовщика — стеречь зверя с борзыми близ острова, переменяя место по направлению движения стаи. В уменье выбрать хорошую позицию, выждать зверя, выгнанного наконец гончими из острова, хорошо принять его (т. е. вовремя показать собакам) и хорошо потравить — заключается главная задача охотника и великий источник его наслаждения.

[5] См. примеч. 4.

[6] См. примеч. 4.

[7] *Варом-варит* — техническое выражение — употребляется, когда гонит вся стая дружно, с неумолкающим лаем и заливаньем, что бывает, когда собаки попадут на след только что вскочившего зайца (называемый горячим следом) или когда зверь просто у них в виду. В последнем случае говорится: гонят по зрячему, и гон бывает в полном смысле неистовый. При жарком и дружном гоне хорошо подобранной стаи голоса гончих сливаются в довольно стройную и не чуждую дикой приятности гармонию, для охотников ни с чем не сравнимую.

[8] *Зверь отседает* — говорят, когда заяц, уже нагнанный борзыми, вдруг оставляет их далеко за собою, обманув неожиданным уклонением в сторону, прыжком вверх или другим каким-нибудь хитрым и часто разительным движением. Иногда, например, он бросается просто к собакам; собаки с разбега пронесутся вперед, и, когда попадут на новое направление зайца, он уже далеко.

[9] *Отпазончить* — отрезать задние лапы в среднем суставе.

[10] *Торочить, приторачивать* — привязывать зайца к седлу, для чего при охотничьих седлах находятся особенные ремешки, называемые тороками.

[11] См. примеч. 4.

[12] *Тявкуша* — то же, что гончая, иногда также называются выжлецами (в женск.— выжловка); от этого слова доезжачий, заправляющий ими, называется еще *выжлятником*.

*
* *

(Подражание Лермонтову)

В неведомой глуши, в деревне полудикой
Я рос средь буйных дикарей,
И мне дала судьба, по милости великой,
В руководители псарей.
Вокруг меня кипел разврат волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубые черты.
И прежде, чем понять рассудком неразвитым,
Ребенок, мог я что-нибудь,
Проник уже порок дыханьем ядовитым
В мою младенческую грудь.
Застигнутый врасплох, стремительно и шумно
Я в мутный ринулся поток
И молодость мою постыдно и безумно
В разврате безобразном сжег...
Шли годы. Оторвав привычные объятья
От негодующих друзей,
Напрасно посылал я поздние проклятья
Безумству юности моей.
Не вспыхнули в груди растраченные силы —
Мой ропот их не пробудил;
Пустынной тишиной и холодом могилы
Сменился юношеский пыл,
И в новый путь, с хандрой, болезненно развитой,
Пошел без цели я тогда
И думал, что душе, довременно убитой,
Уж не воскреснуть никогда.

Но я тебя узнал... Для жизни и волнений
В груди проснулось сердце вновь:
Влиянье ранних бурь и мрачных впечатлений
С души изгладила любовь...
Во мне опять мечты, надежды и желанья...
И пусть меня не любишь ты,
Но мне избыток слез и жгучего страданья
Отрадней мертвой пустоты...

*
* *

— Так, служба! сам ты в той войне
Дрался — тебе и книги в руки,
Да дай сказать словцо и мне:
Мы сами делывали штуки.

Как затесался к нам француз
Да увидал, что проку мало,
Пришел он, помнишь ты, в конфуз
И на попятный тотчас драло.
Поймали мы одну семью,
Отца да мать с тремя щенками.
Тотчас ухлопали мусью,
Не из фузеи — кулаками!
Жена давай вопить, стонать,
Рвет волоса,— глядим да тужим!
Жаль стало: топорищем хвать —
И протянулась рядом с мужем!
Глядь: дети! Нет на них лица:
Ломают руки, воют, скачут,
Лепечут — не поймешь словца —
И в голос, бедненькие, плачут.
Слеза прошибла нас, ей-ей!
Как быть? Мы долго толковали,
Пришибли бедных поскорей
Да вместе всех и закопали...

Так вот что, служба! верь же мне:
Мы не сидели сложа руки,
И хоть не бились на войне,
А сами делывали штуки!

1847

НРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

1

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
Жена моя, закрыв лицо вуалью,
Под вечерок к любовнику пошла.
Я в дом к нему с полицией прокрался
И уличил... Он вызвал — я не дрался!
Она слегла в постель и умерла,
Истерзана позором и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

2

Приятель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закону рассудить нас предоставил;
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

3

Крестьянина я отдал в повара,
Он удался; хороший повар — счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье

Имел: любил читать и рассуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отечески посек его, каналью;
Он взял да утопился: дурь нашла!
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

4

Имел я дочь; в учителя влюбилась
И с ним бежать хотела сгоряча.
Я погрозил проклятьем ей: смирилась
И вышла за седого богача.
Их дом блестящ и полон был как чаша;
Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
И через год в чахотке умерла,
Сразив весь дом глубокою печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла...

*
* *

В один трактир они оба ходили прилежно
И пили с отвагой и страстью безумно мятежной,
Враждебно кончалися их биллиардные встречи,
И были дики и буйны их пьяные речи.
Сражались они меж собой, как враги и злодеи,
И даже во сне всё друг с другом играли.
И вдруг подралися... Хозяин прогнал их в три шеи,
Но в новом трактире друг друга они не узнали...

*
* *

Если, мучимый страстью мятежной,
Позабылся ревнивый твой друг
И в душе твоей, кроткой и нежной,
Злое чувство проснулося вдруг —

Всё, что вызвано словом ревнивым,
Всё, что подняло бурю в груди,
Переполнена гневом правдивым,
Беспощадно ему возврати.

Отвечай негодующим взором,
Оправданья и слезы осмей,
Порази его жгучим укором —
Всю до капли досаду излей!

Но когда, отдохнув от волненья,
Ты поймешь его грустный недуг
И дождется минуты прощенья
Твой безумный, но любящий друг —

Позабудь ненавистное слово
И упреком своим не буди
Угрызений мучительных снова́
У воскресшего друга в груди!

Верь: постыдный порыв подозренья
Без того ему много принес
Полных муки тревог сожаленья
И раскаянья позднего слез...

*
* *

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, как, больной и голодный,
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал — и пронзительно звонок
Был его крик... Становилось темней;
Вдоволь поплакал и умер ребенок...
Бедная! слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду завтра мы оба
Так же глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —
Вместе свезут и положат рядком...

В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,

Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоем совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлоблен я был...

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятья
Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!...

*
* *

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понурив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцалуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня,—

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

1848

* * *

Когда горит в твоей крови
Огонь действительной любви,
Когда ты сознаёшь глубоко
Свои законные права,—
Верь: не убьет тебя молва
Своею клеветой жестокой!

Постыдных, ненавистных уз
Отринь насильственное бремя
И заключи — пока есть время —
Свободный, по́ сердцу союз.

Но если страсть твоя слаба
И убежденье не глубоко,
Будь мужу вечная раба,
Не то — раскаешься жестоко!..

ВИНО

1

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.
Без вины меня барин посек,
Сам не знаю, что сталось со мной?
Я не то чтоб большой человек,
Да, вишь, дело-то было впервой.
Как подумаю, весь задрожу,
На душе всё черней да черней.
Как теперь на людей погляжу?
Как приду к ненаглядной моей?
И я долго лежал на печи,
Всё молчал, не отведывал щей;
Нашептал мне нечистый в ночи
Неразумных и буйных речей,
И наутро я сумрачен встал;
Помолиться хотел, да не мог,
Ни словечка ни с кем не сказал
И пошел, не крестясь, за порог.
Вдруг: «Не хочешь ли, братик, вина?» —
Мне вослед закричала сестра.
Целый штоф осушил я до дна
И в тот день не ходил со двора.

2

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.
Зазнобила меня, молодца,
Степанида, соседская дочь,
Я посватал ее у отца —
И старик, да и девка не прочь.

Да, знать, старосте вплоть до земли
Поклонился другой молодец,
И с немилым ее повели
Мимо окон моих под венец.
Не из камня душа! Невтерпеж!
Расходилась, что буря, она,
Наточил я на старосту нож
И для смелости выпил вина.
Да попался Петруха, свой брат,
В кабаке: назвался угостить;
Даровому ленивый не рад —
Я остался полштофа распить.
А за первым — другой; в кураже
От души невзначай отлегло,
Позабыл я в тот день об ноже,
А наутро раздумье пришло...

3

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.
Я с артелью взялся у купца
Переделать все печи в дому,
В месяц дело довел до конца
И пришел за расчетом к нему.
Обсчитал, воровская душа!
Я корить, я судом угрожать;
«Так не будет тебе ни гроша!» —
И велел меня в шею прогнать.
Я ходил к нему восемь недель,
Да застать его дома не мог;
Рассчитать было нечем артель,
И меня, слышь, потянут в острог...
Наточивши широкий топор,
«Пропадай!» — сам себе я сказал;
Побежал, притаился, как вор,
У знакомого дома — и ждал.
Да прозяб, а напротив кабак,
Рассудил: отчего не зайти?
На последний хватил четвертак,
Подрался — и проснулся в части...

*
* *

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни гордости, ни веры благодатной —
Постыдное бессилие раба!

Ей всё равно — холодный сумрак гроба,
Позор ли, слава, ненависть, любовь,—
Погасла и спасительная злоба,
Что долго так разогревала кровь.

Я жду... но ночь не близится к рассвету,
И мертвый мрак кругом... и та,
Которая воззвать могла бы к свету,—
Как будто смерть сковала ей уста!

Лицо без мысли, полное смятенья,
Сухие, напряженные глаза —
И, кажется, зарею обновленья
В них никогда не заблестит слеза.

*
* *

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

1850

*
* *

Прихожу на праздник к чародею:
Тьма народу там уже кипит;
За затеей хитрую затею
Чародей пред публикой творит.
Всё в саду торжественно и чудно,
Хор цыган по-старому нелеп,
Что же мне так больно и так трудно,
Отчего угрюм я и свиреп?..
Уж не жду сегодня ничего я,
Мой восторг истрачен весь давно:
Я могу лишь воспевать героя —
Как в нем всё велико и умно!
Он Протей! он истинный художник!
Как его проказы хороши!
И артист, и барин, и сапожник —
Все найдут здесь пищу для души!

*
*   *

Так это шутка? Милая моя,
Как боязлив, как недогадлив я!
Я плакал над твоим рассчитанно суровым,
Коротким и сухим письмом;
Ни лаской дружеской, ни откровенным словом
Ты сердца не порадовала в нем.
Я спрашивал: не демон ли раздора
Твоей рукой насмешливо водил?
Я говорил: «Когда б нас разлучила ссора —
Но так тяжел, так горек, так уныл,
Так нежен был последний час разлуки...
Еще твой друг забыть его не мог,
И вновь ему ты посылаешь муки
Сомнения, догадок и тревог,—
Скажи, зачем?.. Не ложью ли пустою,
Рассеянной досужей клеветою,
Возмущена душа твоя была?
И, мучима томительным недугом,
Ты над своим отсутствующим другом
Без оправданья суд произнесла?
Или то был один каприз случайный,
Иль давний гнев?..» Неразрешимой тайной
Я мучился: я плакал и страдал,
В догадках ум испуганный блуждал,
Я жалок был в отчаянье суровом...

Всему конец! Своим единым словом
Душе моей ты возвратила вновь
И прежний мир, и прежнюю любовь;
И сердце шлет тебе благословенья,
Как вестнице нежданного спасенья...

Так няня в лес ребенка заведет
И спрячется сама за куст высокой;

Встревоженный, он ищет и зовет,
И мечется в тоске жестокой,
И падает, бессильный, на траву...
А няня вдруг: ау! ау!
В нем радостью внезапной сердце бьется,
Он всё забыл: он плачет и смеется,
И прыгает, и весело бежит,
И падает — и няню не бранит,
Но к сердцу жмет виновницу испуга,
Как от беды избавившего друга...

*
* *

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревог, полна утрат,
Расстаться было неизбежно —
И за тебя теперь я рад!
Но с той поры как всё кругом меня пустынно!
Отдаться не могу с любовью ничему,
И жизнь скучна, и время длинно,
И холоден я к делу своему.
Не знал бы я, зачем встаю с постели,
Когда б не мысль: авось и прилетели
Сегодня наконец заветные листы,
В которых мне расскажешь ты:
Здорова ли? что думаешь? легко ли
Под дальним небом дышится тебе,
Грустишь ли ты, жалея прежней доли,
Охотно ль повинуешься судьбе?
Желал бы я, чтоб сонное забвенье
На долгий срок мне на душу сошло,
Когда б мое воображенье
Блуждать в прошедшем не могло...

Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движенье страсти,
Так бурно взволновавшей кровь,
И долгую борьбу с самим собою,
И не убитую борьбою,
Но с каждым днем сильней кипевшую любовь.
Как долго ты была сурова,
Как ты хотела верить мне,
И как и верила, и колебалась снова,

И как поверила вполне!
(Счастливый день! Его я отличаю
В семье обыкновенных дней;
С него я жизнь мою считаю,
Я праздную его в душе моей!)
Я вспомнил всё... одним воспоминаньем,
Одним прошедшим я живу —
И то, что в нем казалось нам страданьем,—
И то теперь я счастием зову...

А ты?.. ты так же ли печали предана?..
И так же ли в одни воспоминанья
Средь добровольного изгнанья
Твоя душа погружена?
Иль новая роскошная природа,
И жизнь кипящая, и полная свобода
Тебя невольно увлекли?
И позабыла ты вдали
Всё, чем мучительно и сладко так порою
Мы были счастливы с тобою?
Скажи! я должен знать... Как странно я люблю!
Я счастия тебе желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнетет тоска разлуки,
Души моей смягчает муки...

*
* *

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и нежившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим,—
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она недалека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

НА УЛИЦЕ

1

ВОР

Спеша на званый пир по улице прегрязной,
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,
Вздрогнув и побледнев, вдруг поднял вой и плач
И, бросясь от лотка, кричал: «Держите вора!»
И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сертуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
Стыда, отчаянья, моленья и испуга...
Пришел городовой, подчаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгой,
И вора повели торжественно в квартал.
Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!» —
И богу поспешил молебствие принесть
За то, что у меня наследственное есть...

2

ПРОВОДЫ

Мать касатиком сына зовет,
Сын любовно глядит на старуху,
Молодая бабенка ревет
И всё просит остаться Ванюху,
А старик непреклонно молчит:
Напряженная строгость во взоре,
Словно сам на себя он сердит
За свое бесполезное горе.

Сивка дернул дровнишки слегка —
Чуть с дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрел же он сивке бока,
Да помог старику и Ванюха...

3

ГРОБОК

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет, детинушка,
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.

А как было живо дитятко,
То и дело говорилося:
«Чтоб ты лопнуло, проклятое!
Да зачем ты и родилося?»

4

ВАНЬКА

Смешная сцена! Ванька-дуралей,
Чтоб седока промыслить побогаче,
Украдкой чистит бляхи на своей
Ободранной и заморенной кляче.
Не так ли ты, продажная краса,
Себе придать желая блеск фальшивый,
Старательно взбиваешь волоса
На голове, давно полуплешивой?
Но оба вы — извозчик-дуралей
И ты, смешно причесанная дама,—
Вы пробуждаете не смех в душе моей —
Мерещится мне всюду драма.

1851

МОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Говорят, что счастье наше скользко,—
Сам, увы! я то же испытал!
На границе Юрьевец-Повольска
В собственном селе я проживал.
Недостаток внешнего движенья
Заменив работой головы,
Приминал я в лето, без сомненья,
Десятин до двадцати травы;
Я лежал с утра до поздней ночи
При волшебном плеске ручейка
И мечтал, поднявши к небу очи,
Созерцая гордо облака.
Вереницей чудной и беспечной
Предо мной толпился ряд идей,
И витал я в сфере бесконечной,
Презирая мелкий труд людей.
Я лежал, гнушаясь их тревогой,
Не нуждаясь, к счастию, ни в чем,
Но зато широкою дорогой
В сфере мысли шел богатырем;
Гордый дух мой рос и расширялся,
Много тайн я совмещал в груди
И поведать миру собирался;
Но любовь сказала: погоди!
Я давно в созданье идеала
Погружен был страстною душой:
Я желал, чтоб женщина предстала
В виде мудрой Клии предо мной,
Чтоб и свет, и танцы, и наряды,
И балы не нужны были ей;
Чтоб она на всё бросала взгляды,
Добытые мыслию своей;

Чтоб она не плакала напрасно,
Не смеялась втуне никогда,
Говоря восторженно и страстно,
Вдохновенно действуя всегда;
Чтоб она не в рюмки и подносы,
Не в дела презренной суеты —
Чтоб она в великие вопросы
Погружала мысли и мечты...
И нашел, казалось, я такую.
Молода она еще была
И свою натуру молодую
Радостно развитью предала.
Я читал ей Гегеля, Жан-Поля,
Демосфена, Галича, Руссо,
Глинку, Ричардсона, Декандоля,
Волтера, Шекспира, Шамиссо,
Байрона, Мильтона, Соутэя,
Шеллинга, Клопштока, Дидеро...
В ком жила великая идея,
Кто любил науку и добро;
Всех она, казалось, понимала,
Слушала без скуки и тоски,
И сама уж на ночь начинала
Тацита читать, надев очки.
Правда, легче два десятка кегель
Разом сбить ей было, чем понять,
Как велик и плодотворен Гегель;
Но умел я вразумлять и ждать!
Видел я: не пропадет терпенье —
Даже мать красавицы моей,
Бросивши варенье и соленье,
Философских набралась идей.
Так мы шли в развитье нашем дружно,
О высоком вечно говоря...
Но не то ей в жизни было нужно!
Раз, увы! в начале сентября
Прискакал я поутру к невесте.
Нет ее ни в зале, ни в саду.
Где ж она? «Они на кухне вместе
С маменькой» — и я туда иду.
Тут предстала страшная картина...
Разом столько горя и тоски!
Растерзав на клочья Ламартина,

На бумагу клала пирожки
И сажала в печь моя невеста!!
Я смотреть без ужаса не мог,
Как она рукой месила тесто,
Как потом отведала пирог.
Я не верил зрению и слуху,
Думал я, не перестать ли жить?
А у ней еще достало духу
Мне пирог проклятый предложить.
Вот они — великие идеи!
Вот они — развития плоды!
Где же вы, поэзии затеи?
Что из вас, усилья и труды?
Я рыдал. Сконфузилися обе,
Видимо, перепугались вдруг;
Я ушел в невыразимой злобе,
Объявив, что больше им не друг.
С той поры я верю: счастье скользко,
Я без слез не проживаю дня;
От Москвы до Юрьевец-Повольска
Нет лица несчастнее меня!

ДЕЛОВОЙ РАЗГОВОР

Журналист *(выходя утром в свой кабинет и садясь к рабочему столу)*

Вот почта новая. Какая груда дел!
Куда деваться мне от писем и посылок?
В провинции народ взыскателен и пылок:
Чуть к первому числу с журналом не поспел,
Завалят письмами — тоска и разоренье!
Тот делает упрек, тому дай объясненье,
А тот с угрозами... досадная статья!
Посылки также вздор, их ненавижу я!
Плохие повести, а чаще рифмотворство!..
Я, кажется, стихам не делаю потворства —
В них толку не ищи... Какая польза в том,
Что чувствовал поэт то дома, то на бале?..
Я положителен и в жизни и в журнале,
Девиз мой: интерес существенный во всем!
И как их различать? Хороших нет эстетик,
А практик я плохой — я больше теоретик...

Слуга *(входит и докладывает)*

Помещик Свистунов — приезжий из Уфы.

Журналист

Проси его, проси: сегодня принимаю...

(Слуга уходит.)

Всю жизнь я разделил на ровные графы,
Как счетную тетрадь, и только отмечаю,
Куда который час и как употреблен...
В рот капли не беру и ем один бульон...

Подписчик *(входя)*

Семь лет подписчиком и данником покорным
Я вашим был — и ныне состою.
Пылая к вам почтеньем непритворным
(Простите, батюшка, докучливость мою),
Священным долгом счел, прибыв в столицу нашу,
Сначала облететь ее во все концы,
Кунсткамеру взглянуть, потом особу вашу...
А там опять домой... чай, ждут мои птенцы!..

Журналист

Садитесь; очень рад. Как розы среди терний,
Как светлый ручеек во глубине степей —
Цветисто говоря,— так жители губерний
Приятны нам всегда. Вы, щедростью своей
Поддерживая нас, конечно, заслужили,
Чтоб полное мы к вам почтение хранили,—
И если в микроскоп рассматривать меня
Охота вам придет — я должен согласиться!

Подписчик

Поздненько, батюшка, мне оптике учиться:
Мне стукнет шестьдесят через четыре дня!

Журналист

Да я ведь пошутил. А говоря прямее,
Как дело всякое со стороны виднее,
То и доволен я, что завернули вы...
Трудами наших рук и нашей головы
Мы жертвуем для вас, журналы издавая...

Подписчик *(перебивая, с поклоном)*

И благодарность вам, почтеннейший, большая...

Журналист

Мы пишем день и ночь; торопимся, спешим
Роман перевести; театр, литературу

За месяц обозреть, исправить корректуру —
Всё к первому числу... И еле мы дышим,
Оттиснув наконец и выдав книжку нашу...
Но какова она?.. Которые статьи
Охотно вы прочли в кругу своей семьи?
Какие усыпить успели милость вашу?
Не знаем ничего, и знать нам мудрено.
Конечно, судят нас собратья аккуратно;
Но замечать они умеют только пятна,
И в беспристрастии их упрекнуть грешно!
Купаясь в мелочной и тягостной борьбе,
Которая порой близка бывает к драке,
Увы! не знаем мы цены самим себе
И ощупью бредем в каком-то полумраке!
Кто ж может этот путь тернистый осветить?
Кто на дурное нам беззлобиво укажет?
Кто за хорошее нам благодарность скажет,
Умея покарать, умея и простить?

Подписчик

Конечно, публика...

Журналист

К тому и речь веду я.
Как умный человек и как подписчик мой,
Вы представителем явились предо мной
Всей нашей публики; и вас теперь спрошу я:
Довольны ли вы тем, что производим мы?
Интересуют ли читателей умы
«Словесность», «Критика», «Хозяйство», «Смесь», «Науки»?..
Что любит публика? к чему не горяча?

Подписчик

Благодаря всевластной силе скуки
И рьяности чтецов, читаются сплеча,
За исключением «Наук» и «Домоводства»,
Все ваши рубрики...

Журналист

О стыд! о готтентотство!
Ужель еще читать не начали «Наук»?

Подписчик

Давно бы начали, но, батюшка, «Науки»
Так пишутся у вас, что просто вон из рук!
Охотно ставлю вам семью свою в поруки:
Изрядным наделен достатком — сыновей
Я дома воспитал, а дочек в пансионе,
Страсть к чтенью развита у всех моих детей;
Засядем вечерком с журналом на балконе,
Читаем, и летят скорехонько часы...
Не спит моя жена; а как довольны дети!
Но чуть в «Науки» я — повесят все носы,
Как будто их поймал волшебник лютый в сети!
Стараюсь убеждать, доказываю им,
Что с пользою теперь мы время посвятим
Не басенке пустой, а дельному трактату,
И дети верят мне... Поближе к ним подсяду,
Читаю, горячусь... Но такова статья,
Что через час и сам спать начинаю я!
Ну, что вы скажете?..

Журналист

Еще бы малым детям
Читать вы начали ученые статьи!..

Подписчик

Нет, дети, батюшка, не малы уж мои,
И в нашей публике ученей вряд ли встретим:
Держал учителей, три года жил в Москве...
Прислушивался я частехонько к молве
И слышал всё одно: «Быть может, и прекрасно,
Да только тяжело, снотворно и неясно!»
Имейте, батюшка, слова мои в виду!..
Притом какие вы трактуете предметы?
«Проказы домовых, пословицы, приметы,
О роли петуха в языческом быту,

Значенье кочерги, история ухвата...»
Нет, батюшка, таких статеек нам не надо!

Журналист

Но ежели вопрос нас к истине ведет,
Ученый помышлять обязан ли о скуке?

Подписчик

Не спорю, батюшка, полезно всё в науке,
И ваша кочерга с достоинством займет
В ученом сборнике достойные страницы...
Но если дилетант-читатель предпочтет
Ученой кочерге пустые небылицы,
Ужели он неправ?

Журналист

Да вы против наук?

Подписчик

Напротив, батюшка, я их всегдашний друг!
И в вашем, и в других журналах, хоть нечасто,
Случалось мне встречать ученые статьи —
Я сам, жена моя, домашние мои
Читали жадно их, как повести... Нет, за сто
Изрядных повестей, поверьте, не отдам
Одной такой статьи: какое снисхожденье
К невинной публике! какое изложенье!
Не путешествуя, по дальним городам
С туристом я блуждал; талантливый ученый
Вопрос мне разъяснял в истории мудреный...
Вот этаких статей побольше надо нам!

Журналист *(со вздохом)*

Ах, рады бы и мы всегда таким статьям,
Да где их доставать? Таланты так ленивы,
Что ежели статью в журнале в год прочли вы
С известным именем — благополучный год!
Но часто журналист и по три года ждет

Обещанной статьи; а в публике толкуют,
Что шарлатанит он...

Подписчик

Куда как негодуют,
Что обещаний вы не держите своих!

Журналист *(махнув рукой)*

Мы нынче и давать уж перестали их!

Подписчик

Но прихотлив талант — в нем возбудить охоту
Полезно иногда — скупитесь, видно, вы?

Журналист

Помилуйте! платить готовы мы без счету!
Кто только прогремит, по милости молвы,
Тому наперехват и деньги и вниманье...
Ох, дорогонько мне пришлось соревнованье!
Набили цену так в последние года,
Что наши барыши не годны никуда!
Бог знает, из чего стараемся, хлопочем?
«Известности» теперь так дорого берут,
Что сбавил цену я своим чернорабочим...
Романы, например... поверьте, приведут
Мою и без того тщедушную особу
К сухотке злой они, а может, и ко гробу!
Спасение в одном — почаще перевод
Печатай, и конец...

Подписчик

По мне, так переводы
Пора бы выводить решительно из моды,
А много перевесть романа два-три в год...
Не спорю: хороши французские романы,
И в аглицких меня пленяет здравый ум...
Но мы читаем их, как дети, наобум:
Нас авторы ведут в неведомые страны;

Народности чужой неясные черты
Нам трудно понимать, не зная той среды,
В которой романист рисуется как дома...
То ль дело русский быт и русское житье?
Природа русская?.. Жизнь русская знакома
Так каждому из нас, так любим мы ее,
Что, как ни даровит роман ваш переводный,
Мы слабую ему статейку предпочтем,
В которой нам дохнет картиною народной,
И русской грустию, и русским удальством,
Где развернется нам знакомая природа,
Знакомые черты знакомого народа...

Журналист

Вы судите умно. Всё к сведенью приму.
Теперь же вам вопрос последний предлагаю:
Сужденье ваше знать о «Критике» желаю...

Подписчик

Позвольте умолчать.

Журналист

Скажите, почему?

Подписчик

Сегодня повод вам своей свободной речью
Я подал, сударь мой, и так к противоречью,
И если мнение о «Критике» скажу,
Название глупца, пожалуй, заслужу.

Журналист

Напротив, никогда! Ведь нет о вкусах спора!
Прошу вас, и клянусь, что яблоком раздора
Не будет никакой строжайший приговор.

Подписчик

Ну, если так, я рад! Полезно разговор,
О чем бы он ни шел, довесть до окончанья.

Я вашей «Критики» любитель небольшой:
Не то чтоб были в ней неверны замечанья,
Но многословием, надутой пустотой,
Самодовольствием, задором и педантством
Смущает нас она... а пуще шарлатанством!
Ну что хорошего? Как только летний жар
Немного поспадет и осенью суровой
Повеет над селом, над полем и дубровой,
Меж вами, так и жди, поднимется базар!
Забыв достоинство своей журнальной чести,
Из зависти, вражды, досады, мелкой мести
Спешите вы послать врагам своим стрелу.
Враги стремительно бросают вам перчатку —
И бурей роковой к известному числу
Всё разрешается... Ошибку, опечатку
С восторгом подхватив, готовы целый том
О ней вы сочинить... А публика? Мы ждем,
Когда окончится промышленная стычка,
Критический отдел наполнившая весь
И даже наконец забравшаяся в «Смесь»,
И думаем свое: «Несчастная привычка,
Ошибка грустная испытанных умов,
К чему ты приведешь?..» О, выразить нет слов,
Как сами вы себя роняете жестоко,
Как оскорбляете вы публику глубоко —
И всё ведь из чего?.. Шумливая толпа
Газетных писунов, журнальных ратоборцев,
Напрасно мыслишь ты, что публика слепа!..
Я верю вам, когда бездарных стихотворцев
Преследуете вы, трактуя свысока
О рифме, о стихе, о формах языка,
Во имя Пушкина, Жуковского и Гете
Доказывая им, что хуже в целом свете
Не писывал никто и что рубить дрова
Полезней, чем низать — «слова, слова, слова!»
(Привычка водится за всем ученым миром
Сужденье подкрепить то Данте, то Шекспиром.
Я верю вам, когда озлобленным пером
Вонзаетесь порой в нелепые романы,
Пигмеям нанося решительные раны,
В надежде щегольнуть и собственным умом;
Когда, неловкий стих или хромую фразу,
Вдобавок исказив и, на потеху глазу,

Косыми буквами поставив мне на вид,
Кричите вы: «И вот что автор говорит!
Где мысль, где логика, где истинное чувство?
Тут попран здравый смысл, поругано искусство!
О муза русская! осиротела ты!..»
Горячность ваша мне хотя и непонятна
(Вы знаете, что есть и в самом солнце пятна),
Но верить я готов, что чувство правоты
Внушило вам и желчь, и едкие сарказмы
(Хотя противное видали и не раз мы!).
Я также верил вам, сочувствовал душой,
Когда в своих статьях, приличных и достойных,
Вы отзывалися с разумной похвалой
О Пушкине и о других покойных.
Язык красноречив, манера хороша:
Кто страстно так любил, так понимал искусство,
В том был глубокий ум, горело ярко чувство,
Светилася прекрасная душа!..
Когда авторитет, давно шумевший ложно,
Вы разрушаете — вам также верить можно;
Когда вы хвалите ученые труды,
Успех которых вам не сделает беды,
Я тоже верю вам (хоть страсть к литературе
Вас в равновесии не держит никогда:
То вдруг расходитесь, подобно грозной буре,
То так расхвалитесь, что новая беда).
Но иначе смотреть, иную думать думу
Привык я, господа, прислушиваясь к шуму,
Который иногда затеяв меж собой,
Вы разрешаетесь осеннею грозой;
Тоска меня берет, по телу дрожь проходит,
Когда один журнал, к другому подходя,
О совести своей журнальной речь заводит...

Журналист

Ужели, мой журнал внимательно следя,
И в нем открыли вы уловки самохвальства?

Подписчик

О, как же, батюшка, и даже до нахальства!..

Журналист *(вскакивая)*

Но где ж? Помилуйте! еще подобных слов
Я сроду не слыхал...

Подписчик

Уж будто?

Слуга *(докладывает)*

Хрипунов!

Журналист

А! нужный человек!

Подписчик *(вставая)*

Так значит, до свиданья?
Оно и хорошо, а то, разгорячась,
До грубости свои довел я замечанья
И засиделся сам,— прощайте! третий час!
Простите, что мои сужденья были жестки
(А может, скажете, что даже просто плоски).
Но льстить не мастер я и спину гнуть в кольцо...
Не думайте, что мы трудов не ценим ваших:
Нет, дельный журналист — полезное лицо!
В вас благодетелей мы часто видим наших,
Мы благодарны вам за честные труды,
Которых видимы полезные плоды,—
Вы развиваете охоту к просвещенью,
Вы примиряете нас с собственною ленью,
И вам всегда открыт охотно наш карман —
Нас опыт научил, что без статей журнальных
Осенних вечеров, дождливых и печальных,
Нам некуда девать! Невежества туман
Рассеялся давно; смягчило время нравы;
Разгульные пиры и грубые забавы
Времен невежества сменило чередой
Стремленье к знанию, искусствам благородным,
И редкий дворянин — конечно, молодой —
Теперь не предпочтет собакам превосходным

Журнал ваш... Для чего ж грошовый интерес
Над правдою берет в вас часто перевес?
К чему хвастливый тон, осенние раздоры,
Зацепки, выходки, улики, желчь и споры?
К чему самих себя так глупо унижать?
Поверьте, публика поймет и без навета,
Что хорошо у вас, что дурно у соседа,
Да, право, и труда большого нет понять!
Поверьте, всё пойдет и тихо и прекрасно,
Когда вы станете трудиться, господа,
Самостоятельно, разумно и согласно —
И процветете все на многие года!..
Прощайте! надоел я вам своим болтаньем;
Но если речь мою почтили вы вниманьем,
Готов я забрести, пожалуй, и опять...

Журналист

Весьма обяжете... Прощайте! буду ждать!

*
* *

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Всё, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир — и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участья...

НОВЫЙ ГОД

Что новый год, то новых дум,
Желаний и надежд
Исполнен легковерный ум
И мудрых и невежд.
Лишь тот, кто под землей сокрыт,
Надежды в сердце не таит!..

Давно ли ликовал народ
И радовался мир,
Когда рождался прошлый год
При звуках чаш и лир?
И чье суровое чело
Лучом надежды не цвело?

Но меньше ль видел он могил,
Вражды и нищеты?
В нем каждый день убийцей был
Какой-нибудь мечты;
Не пощадил он никого
И не дал людям ничего!

При звуках тех же чаш и лир,
Обычной чередой
Бесстрастный гость вступает в мир
Бесстрастною стопой —
И в тех лишь нет надежды вновь,
В ком навсегда застыла кровь!

И благо!.. С чашами в руках
Да будет встречен гость,
Да разлетится горе в прах,
Да умирится злость —

И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца!

Нас давит времени рука,
Нас изнуряет труд,
Всесилен случай, жизнь хрупка,
Живем мы для минут,
И то, что с жизни взято раз,
Не в силах рок отнять у нас!

Пускай кипит веселый рой
Мечтаний молодых —
Им предадимся всей душой...
А время скосит их? —
Что нужды! Снова в свой черед
В нас воскресит их новый год...

1852

*
*   *

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят...

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья

Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья,—

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

МУЗА

Нет, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла,
Среди забав моих и отроческих дум
Мечтой неясною не волновала ум
И не явилась вдруг восторженному взору
Подругой любящей в блаженную ту пору,
Когда томительно волнуют нашу кровь
Неразделимые и Муза и Любовь...

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страданья и оков,—
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото — единственный кумир...

В усладу нового пришельца в божий мир,
В убогой хижине, пред дымною лучиной,
Согбенная трудом, убитая кручиной,
Она певала мне — и полон был тоской
И вечной жалобой напев ее простой.
Случалось, не стерпев томительного горя,
Вдруг плакала она, моим рыданьям вторя,
Или тревожила младенческий мой сон
Разгульной песнею... Но тот же скорбный стон
Еще пронзительней звучал в разгуле шумном.
Всё слышалося в нем в смешении безумном:

Расчеты мелочной и грязной суеты,
И юношеских лет прекрасные мечты,
Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы.
В порыве ярости, с неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
Кричала: «Мщение!» — и буйным языком
В сообщники свои звала господень гром!

В душе озлобленной, но любящей и нежной
Непрочен был порыв жестокости мятежной.
Слабея медленно, томительный недуг
Смирялся, утихал... и выкупалось вдруг
Всё буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» — шептала надо мной...

Так вечно плачущей и непонятной девы
Лелеяли мой слух суровые напевы,
Покуда наконец обычной чередой
Я с нею не вступил в ожесточенный бой.
Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила...

*
* *

(Из Гейне)

Ах, были счастливые годы!
Жил шумно и весело я,
Имел я большие доходы,
Со мной пировали друзья;

Я с ними последним делился,
И не было дружбы нежней,
Но мой кошелек истощился —
И нет моих милых друзей!

Теперь у постели больного —
Как зимняя вьюга шумит —
В ночной своей кофте, сурово
Старуха Забота сидит.

Скрипя, раздирает мне ухо
Ее табакерка порой.
Как страшно кивает старуха
Седою своей головой!

Случается, снова мне снится
То полное счастья житье,
И станет отраднее биться
Изнывшее сердце мое...

Вдруг скрип, раздирающий ухо,—
И мигом исчезла мечта!
Сморкается громко старуха,
Зевает и крестит уста.

ЗА ГОРОДОМ

«Смешно! нас веселит ручей, вдали журчащий,
И этот темный дуб, таинственно шумящий;
Нас тешит песнею задумчивой своей,
Как праздных юношей, вечерний соловей;
Далекий свод небес, усеянный звездами,
Нам кажется, простерт с любовию над нами;
Любуясь месяцем, оглядывая даль,
Мы чувствуем в душе ту тихую печаль,
Что слаще радости... Откуда чувства эти?
Чем так довольны мы?.. Ведь мы уже не дети!
Ужель поденный труд наклонности к мечтам
Еще в нас не убил?.. И нам ли, беднякам,
На отвлеченные природой наслажденья
Свободы краткие истрачивать мгновенья?»

— Э! полно рассуждать! искать всему причин!
Деревня согнала с души давнишний сплин.
Забыта тяжкая, гнетущая работа,
Докучной бедности бессменная забота —
И сердцу весело... И лучше поскорей
Судьбе воздать хвалу, что в нищете своей,
Лишенные даров довольства и свободы,
Мы живо чувствуем сокровища природы,
Которых сильные и сытые земли
Отнять у бедняков голодных не могли...

СТАРИКИ

Неизбежные напасти,
Бремя лет, трудов и зла
Унесли из нашей страсти
Много свету и тепла.

Сердце — времени послушно —
Бьется ровной чередой,
Расстаемся равнодушно,
Не торопимся домой.

Что таиться друг от друга?
Поседел я — видишь ты;
И в тебе, моя подруга,
Нету прежней красоты.

Что ж осталось в жизни нашей?
Ты молчишь... печальна ты...
Не случилось ли с Парашей —
Сохрани господь — беды?..

ПРЕКРАСНАЯ ПАРТИЯ

1

У хладных невских берегов,
В туманном Петрограде,
Жил некто господин Долгов
С женой и дочкой Надей.

Простой и добрый семьянин,
Чиновник непродажный,
Он нажил только дом один —
Но дом пятиэтажный.

Учась на медные гроши,
Не ведал по-французски,
Был добр по слабости души,
Но как-то не по-русски:

Есть русских множество семей,
Они как будто добры,
Но им у крепостных людей
Считать не стыдно ребры.

Не отличался наш Долгов
Такой рукою бойкой
И только колотить тузов
Любил козырной двойкой.

Зато господь его взыскал
Своею благодатью:
Он город за женою взял
И породнился с знатью.

Итак, жена его была
Наклонна к этикету

И дом как следует вела —
Под стать большому свету:

Сама не сходит на базар
И в кухню ни ногою;
У дома их стоял швейцар
С огромной булавою;

Лакеи чинною толпой
Теснилися в прихожей,
И между ними ни одной
Кривой и пьяной рожи.

Всегда сервирован обед
И чай весьма прилично,
В парадных комнатах паркет
Так вылощен отлично.

Они давали вечера
И даже в год два бала:
Играли старцы до утра,
А молодежь плясала;

Гремела музыка всю ночь,
По требованью глядя.
Царицей тут была их дочь —
Красивенькая Надя.

2

Ни преждевременным умом,
Ни красотой нимало
В невинном возрасте своем
Она не поражала.

Была ленивой в десять лет
И милою резвушкой:
Цветущ и ясен, божий свет
Казался ей игрушкой.

В семнадцать — сверстниц и сестриц
Всех красотой затмила,

Но наших чопорных девиц
Собой не повторила:

В глазах природный ум играл,
Румянец в коже смуглой,
Она любила шумный бал
И не была там куклой.

В веселом обществе гостей
Жеманно не молчала
И строгой маменьки своей
Глазами не искала.

Любила музыку она
Не потому, что в моде;
Не исключительно луна
Ей нравилась в природе.

Читать любила иногда
И с книгой не скучала,
Напротив, и гостей тогда
И танцы забывала;

Но также *синего чулка*
В ней не было приметы:
Не трактовала свысока
Ученые предметы,

Разбору строгому еще
Не предавала чувство
И не трещала горячо
О святости искусства.

Ну, словом, глядя на нее,
Поэт сказал бы с жаром:
«Цвети, цвети, дитя мое!
Ты создана недаром!..»

Уж ей врала про женихов
Услужливая няня.
Немало ей писал стихов
Кузен какой-то Ваня.

Мамаша повторяла ей:
«Уж ты давно невеста».
Но в сердце береглось у ней
Незанятое место.

Девичий сон еще был тих
И крепок благотворно.
А между тем давно жених
К ней сватался упорно...

3

То был гвардейский офицер,
Воитель черноокий.
Блистал он светскостью манер
И лоб имел высокий;

Был очень тонкого ума,
Воспитан превосходно,
Читал Фудраса и Дюма
И мыслил благородно;

Хоть книги редко покупал,
Но чтил литературу
И даже анекдоты знал
Про русскую цензуру.

В Шекспире признавал талант
За личность Дездемоны
И строго осуждал Жорж Санд,
Что носит панталоны;

Был от Рубини без ума,
Пел басом «caro mio» *
И к другу при конце письма
Приписывал «addio». **

Его любимый идеал
Был Александр Марлинский,

* Дорогой мой (итал.).
** Прощай (итал.).

Но он всему предпочитал
Театр Александрынский.

Здесь пищи он искал уму,
Отхлопывал ладони,
И были по сердцу ему
И Кукольник и Кони.

Когда главою помавал,
Как некий древний магик,
И диким зверем завывал
Широкоплечий трагик,

И вдруг влетала, как зефир,
Воздушная Сюзета —
Тогда он забывал весь мир,
Вникая в смысл куплета.

Следил за нею чуть дыша,
Не отрывая взора,
Казалось, вылетит душа
С его возгласом: «Фора!»

В нем бурно поднимала кровь
Все силы молодые.
Счастливый юноша! любовь
Он познавал впервые!

Отрада юношеских лет,
Подруга идеалам,
О сцена, сцена! не поэт,
Кто не был театралом,

Кто не сдавался в милый плен,
Не рвался за кулисы
И не платил громадных цен
За кресла в бенефисы,

Кто по часам не поджидал
Зеленую карету
И водевилей не писал
На бенефис «предмету»!

Блажен, кто успокоил кровь
Обычной чередою:
Успехом увенчал любовь
И завелся семьею;

Но тот, кому не удались
Исканья — не внакладе:
Прелестны грации кулис —
Покуда на эстраде,

Там вся поэзия души,
Там места нет для прозы.
А дома сплетни, барыши,
Упреки, зависть, слезы.

Так отдает внаймы другим
Свой дом владелец жадный,
А сам, нечист и нелюдим,
Живет в конуре смрадной.

Но ты, к кому души моей
Летят воспоминанья,
Я бескорыстней и светлей
Не видывал созданья!

Блестящ и краток был твой путь...
Но я на эту тему
Вам напишу когда-нибудь
Особую поэму...

В младые годы наш герой
К театру был прикован,
Но ныне он отцвел душой —
Устал, разочарован!

Когда при тысяче огней
В великолепной зале,
Кумир девиц, гроза мужей,
Он танцевал на бале,

Когда являлся в маскарад
Во всей парадной форме,
Когда садился в первый ряд
И дико хлопал «Норме»,

Когда по Невскому скакал
С усмешкой губ румяных
И кучер бешено кричал
На пару шведок рьяных,—

Никто б, конечно, не узнал
В нем нового Манфреда...
Но ах! он жизнию скучал —
Пока лишь до обеда.

Являл он Байрона черты
В характере усталом:
Не верил в книги и мечты,
Не увлекался балом.

Он знал: фортуны колесо
Пленяет только младость;
Он в ресторации Дюсо
Давно утратил радость!

Не верил истине в друзьях —
Им верят лишь невежды,—
С кием и картами в руках
Познал тщету надежды!

Он буйно молодость убил,
Взяв образец в Ловласе,
И рано сердце остудил
У Кессених в танцклассе!

Расстроил тысячу крестьян,
Чтоб как-нибудь забыться...
Пуста душа, и пуст карман —
Пора, пора жениться!

4

Недолго в деве молодой
Таилося раздумье...
«Прекрасной партией такой
Пренебрегать — безумье»,—

Сказала плачущая мать,
Дочь по головке гладя,
И не могла ей отказать
Растроганная Надя.

Их сговорили чередой
И обвенчали вскоре.
Как думаешь, читатель мой,
На радость или горе?..

*
* *

О письма женщины, нам милой!
От вас восторгам нет числа,
Но в будущем душе унылой
Готовите вы больше зла.
Когда погаснет пламя страсти
Или послушаетесь вы
Благоразумья строгой власти
И чувству скажете: увы! —
Отдайте ей ее посланья
Иль не читайте их потом,
А то нет хуже наказанья,
Как задним горевать числом.
Начнешь с усмешкою ленивой,
Как бред невинный и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской...

О ты, чьих писем много, много
В моем портфеле берегу!
Подчас на них гляжу я строго,
Но бросить в печку не могу.
Пускай мне время доказало,
Что правды в них и проку мало,
Как в праздном лепете детей,
Но и теперь они мне милы —
Поблекшие цветы с могилы
Погибшей юности моей!

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

Ах ты, страсть роковая, бесплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмеет нас красавица модная,
Вкруг нее увиваются львы:

Поступь гордая, голос уверенный,
Что ни скажут — их речь хороша,
А вот я-то войду как потерянный —
И ударится в пятки душа!

На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова.

Улыбнусь — непроворная, жесткая,
Не в улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу — шутка плоская:
Покраснею мучительно я!

Помещусь, молчаливо досадуя,
В дальний угол... уныло смотрю
И сижу неподвижен, как статуя,
И судьбу потихоньку корю:

«Для чего-де меня, горемычного,
Дураком ты на свет создала?
Ни умишка, ни виду приличного,
Ни довольства собой не дала?..»

Ах! судьба ль меня, полно, обидела?
Отчего ж, как домой ворочусь

(Удивилась бы, если б увидела),
И умен и пригож становлюсь?

Всё припомню, что было ей сказано,
Вижу: сам не сказал бы глупей...
Нет! мне в божьих дарах не отказано,
И лицом я не хуже людей!

Малодушье пустое и детское,
Не хочу тебя знать с этих пор!
Я пойду в ее общество светское,
Я там буду умен и остер!

Пусть поймет, что свободно и молодо
В этом сердце волнуется кровь,
Что под маской наружного холода
Бесконечная скрыта любовь...

Полно роль-то играть сумасшедшего,
В сердце искру надежды беречь!
Не стряхнуть рокового прошедшего
Мне с моих невыносливых плеч!

Придавила меня бедность грозная,
Запугал меня с детства отец,
Бесталанная долюшка слезная
Извела, доконала вконец!

Знаю я: сожаленье постыдное,
Что как червь копошится в груди,
Да сознанье бессилья обидное
Мне осталось одно впереди...

1853

ФИЛАНТРОП

Частию по глупой честности,
Частию по простоте,
Пропадаю в неизвестности,
Пресмыкаюсь в нищете.
Место я имел доходное,
А доходу не имел:
Бескорыстье благородное!
Да и брать-то не умел.
В Провиантскую комиссию
Поступивши, например,
Покупал свою провизию —
Вот какой миллионер!
Не взыщите! честность ярая
Одолела до ногтей;
Даже стыдно вспомнить старое —
Ведь имел уж и детей!
Сожалели по Житомиру:
«Ты-де нищим кончишь век
И семейство пустишь по миру,
Беспокойный человек!»
Я не слушал. Сожаления
В недовольство перешли,
Оказались упущения,
Подвели — и упекли!
Совершилося пророчество
Благомыслящих людей:
Холод, голод, одиночество,
Переменчивость друзей —
Всё мы, бедные, изведали,
Чашу выпили до дна:
Плачут дети — не обедали,—
Убивается жена,

Проклинает поведение
Гордость глупую мою;
Я брожу как привидение,
Но — свидетель бог — не пью!
Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущный хлеб...
Так мы десять лет ровнехонько
Бились, волею судеб.

Вдруг — известье незабвенное! —
Получаю письмецо,
Что в столице есть отменное,
Благородное лицо;
Муж, которому подобного,
Может быть, не знали вы,
Сердца ангельски незлобного
И умнейшей головы.
Славен не короной графскою,
Не приездом ко двору,
Не звездою станиславскою,
А любовию к добру,—
О народном просвещении,
Соревнуя, генерал
В популярном изложении
Восемь томов написал.
Продавал в большом количестве
Их дешевле пятака,
Вразумить об электричестве
В них стараясь мужика.
Словно с равными беседуя,
Он и с нищими учтив,
Нам терпенье проповедуя,
Как Сократ красноречив.

Он мое же поведение
Мне как будто объяснил,
И ко взяткам отвращение
Я тогда благословил;
Перестал стыдиться бедности:
Да! лохмотья нищеты
Не свидетельство зловредности,
А скорее правоты!

Снова благородной гордости
(Человек самолюбив),
Упования и твердости
Я почувствовал прилив.
«Нам господь послал спасителя,—
Говорю тогда жене,—
Нашим крошкам покровителя!»
И бедняжка верит мне.
Горе мы забвенью предали,
Сколотили сто рублей,
Всё как следует разведали
И в столицу поскорей.
Прикатили прямо к сроднику,
Не пустил — ступай в трактир!
Помолился я угоднику,
Поначистил свой мундир
И пошел... Путем-дорогою,
Чтоб участие привлечь,
Я всю жизнь мою убогую
Совместил в такую речь:
«Оттого-де ныне с голоду
Умираю словно тварь,
Что был глуп и честен смолоду,
Знал, что значит бог и царь.
Не скажу: по справедливости
(Невелик я генерал),
По ребяческой стыдливости
Даже с правого не брал —
И погиб... Я горе мыкаю,
Я работаю за двух,
Но не чаркой — вашей книгою
Подкрепляю слабый дух,
Защитите!..»
Не заставили
Ждать минуты ни одной.
Вот в приемную поставили,
Доложили чередой.
Вот идет его сиятельство,—
Я сробел; чуть жив стою;
Впал в тупое замешательство
И забыл всю речь свою.
Тер и лоб и переносицу,
В потолок косил глаза,

Бормотал лишь околёсицу,
А о деле — ни аза!
Изумились, брови сдвинули:
«Что вам нужно?» — говорят.
— Нужно мне...— Тут слезы хлынули
Совершенно невпопад.
Просто вещь непостижимая
Приключилася со мной:
Грусть, печаль неудержимая
Овладела всей душой.
Всё, чем жизнь богата с младости
Даже в нищенском быту,—
Той поры счастливой радости,
Попросту сказать: мечту —
Всё, что кануло и сгинуло
В треволненьях жизни сей,
Всё я вспомнил, всё прихлынуло
К сердцу... Жалкий дуралей!
Под влиянием прошедшего,
В грудь ударив кулаком,
Взвыл я вроде сумасшедшего
Пред сиятельным лицом!

Все такие обстоятельства
И в мундиришке изъян
Привели его сиятельство
К заключенью, что я пьян.
Экзекутора, холопа ли
Попрекнули, что пустил,
И ногами так затопали...
Я лишился чувств и сил!
Жаль, одним не осчастливили —
Сами не дали пинка...
Пьяницу с почетом вывели
Два огромных гайдука.
Словно кипятком ошпаренный,
Я бежал, не слыша ног,
Мимо лавки пивоваренной,
Мимо погребальных дрог,
Мимо магазина швейного,
Мимо бань, церквей и школ,
Вплоть до здания питейного —
И уж дальше не пошел!

Дальше нечего рассказывать!
Минет сорок лет зимой,
Как я щеку стал подвязывать,
Отморозивши хмельной.
Чувства словно как заржавели,
Одолела страсть к вину;
Дети пьяницу оставили,
Схоронил давно жену.
При отшествии к родителям,
Хоть кротка была весь век,
Попрекнула покровителем.
Точно: странный человек!
Верст на тысячу в окружности
Повестят свой добрый нрав,
А осудят по наружности:
Неказист — так и неправ!
Пишут, как бы свет весь заново
К общей пользе изменить,
А голодного от пьяного
Не умеют отличить...

*
* *

Я посягну на неприличность
И несколько похвальных слов.
Теперь скажу про эту личность:
Ах, не был он всегда таков!

Он был когда-то много хуже,
Но я упреков не терплю
И в этом боязливом муже
Я всё решительно люблю:

Люблю его характер слабый,
Когда, повесив длинный нос,
Причудливой, капризной бабой
Бранит холеру и понос;

И похвалу его большую
Всему, что ты ни напиши,
И эту голову седую
При моложавости души.

ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели;
Кипел, горел — и быстро ты угас!
Ты нас любил, ты дружеству был верен —
И мы тебя почтили в добрый час!
Ты по судьбе печальной беспримерен:
Твой труд живет и долго не умрет,
А ты погиб, несчастлив и незнаем!
И с дерева неведомого плод,
Беспечные, беспечно мы вкушаем.
Нам дела нет, кто возрастил его,
Кто посвящал ему и труд и время,
И о тебе не скажет ничего
Своим потомкам сдержанное племя...
И, с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила...

БУРЯ

Долго не сдавалась Любушка-соседка,
Наконец шепнула: «Есть в саду беседка,

Как темнее станет — понимаешь ты?..»
Ждал я, исстрадался, ночки-темноты!

Кровь-то молодая: закипит — не шутка!
Да взглянул на небо — и поверить жутко!

Небо обложилось тучами кругом...
Полил дождь ручьями — прокатился гром!

Брови я нахмурил и пошел угрюмый —
«Свидеться сегодня лучше и не думай!

Люба белоручка, Любушка пуглива,
В бурю за ворота выбежать ей в диво;

Правда, не была бы буря ей страшна,
Если б... да настолько любит ли она?..»

Без надежды, скучен прихожу в беседку,
Прихожу и вижу — Любушку-соседку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мне заботы обсушить голубку!

Да зато с той ночи я бровей не хмурю,
Только усмехаюсь, как заслышу бурю...

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ГРАФА ГАРАНСКОГО

(Перевод с французского: Trois mois dans la Patrie. Essais de Poésie et de Prose, suivis d'un Discours sur les moyens de parvenir au développement des forces morales de la Nation Russe et des richesses naturelles de cet État. Par un Russe, comte de Garansky. 8 vol. in 4°. Paris, 1836). *

Я путешествовал недурно: русский край
Оригинальности имеет отпечаток;
Не то чтоб в деревнях трактиры были — рай,
Не то чтоб в городах писцы не брали взяток —
Природа нравится громадностью своей.
Такой громадности не встретите нигде вы:
Пространства широко раскинутых степей
Лугами здесь зовут; начнутся ли посевы —
Не ждите им конца! подобно островам,
Зеленые леса и серые селенья
Пестрят равнину их, и любо видеть вам
Картину сельского обычного движенья...
Подобно муравью, трудолюбив мужик:
Ни грубости их рук, ни лицам загорелым
Я больше не дивлюсь: я видеть их привык
В работах полевых чуть не по суткам целым.
Не только мужики здесь преданы труду,
Но даже дети их, беременные бабы —
Все терпят общую, по их словам, «страду»,
И грустно видеть, как иные бледны, слабы!
Я думаю, земель избыток и лесов

* Три месяца в отчизне. Опыты в стихах и прозе, сопровождаемые рассуждением о мерах, способствующих развитию нравственных начал в русском народе и естественных богатств Российского государства. Сочинение россиянина, графа де Гаранского. Восемь томов в четвертую долю листа. Париж, 1836 *(франц.)*.

Способствует к труду всегдашней их охоте,
Но должно б вразумлять корыстных мужиков,
Что изнурительно излишество в работе.
Не такова ли цель — в немецких сертуках
Особенных фигур, бродящих между ними?
Нагайки у иных заметил я в руках...
Как быть! не вразумишь их средствами другими,
Натуры грубые!...
Какие реки здесь!
Какие здесь леса! Пейзаж природы русской
Со временем собьет, я вам ручаюсь, спесь
С природы реинской, но только не с французской!
Во Франции провел я молодость свою;
Пред ней, как говорят в стихах, всё клонит выю,
Но всё ж по совести и громко признаю,
Что я не ожидал найти такой Россию!
Природа недурна: в том отдаю ей честь,—
Я славно ел и спал, подьячим не дал штрафа...
Да, средство странствовать и по России есть —
С французской кухнею и с русским титлом графа!..

Но только худо то, что каждый здесь мужик
Дворянский гонор мой, спокойствие и совесть
Безбожно возмущал; одну и ту же повесть
Бормочет каждому негодный их язык:
Помещик — лиходей! а если управитель,
То, верно,— живодер, отъявленный грабитель!
Спрошу ли ямщика: «Чей, братец, виден дом?»
— Помещика...— «Что, добр?» — Нешто, хороший барин,
Да только...— «Что, мой друг?» — С тяжелым кулаком,
Как хватит — год хворай.— «Неужто? вот татарин!»
— Э, нету, ничего! маненечко ретив,
А добрая душа, не тяготит оброком,
Почасту с мужиком и ласков и правдив,
А то скулу свернет, вестимо, ненароком!
Куда б еще ни шло за барином таким,
А то и хуже есть. Вот памятное место:
Тут славно мужички расправились с одним...—
«А что?» — Да сделали из барина-то тесто.—
«Как тесто?» — Да в куски живого изрубил
Его один мужик... попал такому в лапы...—
«За что же?» — Да за то, что барин лаком был

На свой, примерно, гвоздь чужие вешать шляпы.—
«Как так?» — Да так, сударь: как женится мужик,
Веди к нему жену; проспит с ней перву ночку,
А там и к мужу в дом... да наш народец дик,
Сначала потерпел — не всяко лыко в строчку,—
А после и того... А вот, примерно, тут
Извольте посмотреть — домок на косогоре,
Четыре барышни-сестрицы в нем живут,
Так мужикам от них уж просто смех и горе:
Именья — семь дворов; так бедно, что с трудом
Дай бог своих детей прохарчить мужичонку,
А тут еще беда: что год, то в каждый дом
Сестрицы-барышни подкинут по ребенку.—
«Как, что ты говоришь?» — А то, что в восемь лет
Так тридцать три души прибавилось в именье.
Убытку барышням, известно дело, нет,
Да, судырь, мужичкам какое разоренье! —

Ну, словом, всё одно: тот с дворней выезжал
Разбойничать, тот затравил мальчишку,—
Таких рассказов здесь так много я слыхал,
Что скучно, наконец, записывать их в книжку.
Ужель помещики в России таковы?
Я к многим заезжал; иные, точно, грубы —
Муж *ты* своей жене, жена супругу *вы*,
Сивуха, грязь и вонь, овчинные тулупы.
Но есть премилые: прилично убран дом,
У дочерей рояль, а чаще фортепьяно,
Хозяин с Францией и с Англией знаком,
Хозяйка не заснет без модного романа;
Ну, всё как водится у развитых людей,
Которые глядят прилично на предметы
И вряд ли мужиков трактуют как свиней...

Я также наблюдал — в окно моей кареты —
И быт крестьянина: он нищеты далек!
По собственным моим владеньям проезжая,
Созвал я мужиков: составили кружок
И гаркнули: «Ура!..» С балкона наблюдая,
Спросил: довольны ли?.. Кричат: «Довольны всем!»
— И управляющим? — «Довольны»... О работах
Я с ними говорил, поил их — и затем,

Бекаса подстрелив в наследственных болотах,
Поехал далее... Я мало с ними был,
Но видел, что мужик свободно ел и пил,
Плясал и песни пел; а немец-управитель
Казался между них отец и покровитель...
Чего же им еще?.. А если точно есть
Любители кнута, поборники тиранства,
Которые, забыв гуманность, долг и честь,
Пятнают родину и русское дворянство,—
Чего же медлишь ты, сатиры грозной бич?..
Я книги русские перебирал всё лето:
Пустейшая мораль, напыщенная дичь —
И лучшие темны, как стертая монета!
Жаль, дремлет русский ум. А то чего б верней?
Правительство казнит открытого злодея,
Сатира действует и шире и смелей,
Как пуля находить виновного умея.
Сатире уж не раз обязана была
Европа (кажется, отчасти и Россия)
Услугой важною . . . .

В ДЕРЕВНЕ

1

Право, не клуб ли вороньего рода
Около нашего нынче прихода?
Вот и сегодня... ну, просто беда!
Глупое карканье, дикие стоны...
Кажется, с целого света вороны
По вечерам прилетают сюда.
Вот и еще, и еще эскадроны...
Рядышком сели на купол, на крест,
На колокольне, на ближней избушке,—
Вон у плетня покачнувшийся шест:
Две уместились на самой верхушке,
Крыльями машут... Всё то же опять,
Что и вчера... посидят, и в дорогу!
Полно лениться! ворон наблюдать!
Черные тучи ушли, слава богу,
Ветер смирился: пройдусь до полей.
С самого утра унылый, дождливый,
Выдался нынче денек несчастливый:
Даром в болоте промок до костей,
Вздумал работать, да труд не дается,
Глядь, уж и вечер — вороны летят...
Две старушонки сошлись у колодца,
Дай-ка послушаю, что говорят...

2

«Здравствуй, родная».— Как можется, кумушка?
Всё еще плачешь никак?
Ходит, знать, пó сердцу горькая думушка,
Словно хозяин-большак?
«Как же не плакать? Пропала я, грешная!

Душенька ноет, болит...
Умер, Касьяновна, умер, сердешная,
Умер и в землю зарыт!

Ведь наскочил же на экую гадину!
Сын ли мой не был удал?
Сорок медведей поддел на рогатину —
На сорок первом сплошал!
Росту большого, рука что железная,
Плечи — косая сажень;
Умер, Касьяновна, умер, болезная,—
Вот уж тринадцатый день!

Шкуру с медведя-то содрали, продали;
Деньги — семнадцать рублей —
За душу бедного Савушки подали,
Царство небесное ей!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна,—
Чуть я домой добрела.

Ветер шатает избенку убогую,
Весь развалился овин...
Словно шальная пошла я дорогою:
Не попадется ли сын?
Взял бы топорик — беда поправимая,—
Мать бы утешил свою...
Умер, Касьяновна, умер, родимая,—
Надо ль? топор продаю.

Кто приголубит старуху безродную?
Вся обнищала вконец!
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?
Кто, как доносится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?
Умер, Касьяновна, умер, голубушка,—
Даром ружье пропадет!

Веришь, родная: с тоской да с заботами
Так опостылел мне свет!
Лягу в каморку, покроюсь тенётами,
Словно как саваном... Нет!

Смерть не приходит... Брожу нелюдимая,
Попусту жалоблю всех...
Умер, Касьяновна, умер, родимая,—
Эх! кабы только не грех...

Ну, да и так... дай бог зиму промаяться,—
Свежей травы мне не мять!
Скоро избенка совсем расшатается,
Некому поле вспахать.
В город сбирается Марья Романовна,
По миру сил нет ходить...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна,
И не велел долго жить!»

3

Плачет старуха. А мне что за дело?
Что и жалеть, коли нечем помочь?..
Слабо мое изнуренное тело,
Время ко сну. Недолга моя ночь:
Завтра раненько пойду на охоту,
До свету надо покрепче уснуть...
Вот и вороны готовы к отлету,
Кончился раут... Ну, трогайся в путь!
Вот поднялись и закаркали разом.
«Слушай, равняйся!» — Вся стая летит:
Кажется, будто меж небом и глазом
Черная сетка висит.

14 ИЮНЯ 1854 ГОДА

Великих зрелищ, мировых судеб
Поставлены мы зрителями ныне:
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идут против России;
Пожар войны полмира обхватил,
И заревом зловещим осветились
Деяния держав миролюбивых...
Обращены в позорище вражды
Моря и суша... Медленно и глухо
К нам двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И наконец приблизились — стоят
Пред укрепленной русскою твердыней...
И ныне в урне роковой лежат
Два жребия... и наступает время,
Когда решитель мира и войны
Исторгнет их всесильною рукой
И свету потрясенному покажет.

* * *

Мы, посетив тебя, Дружинин,
Остались в верном барыше:
Хотя ты с виду благочинен,
Но чернокнижник по душе.
Научишь каждого веселью;
Полуплешивое дитя,
Серьезно предан ты безделью,
А дело делаешь шутя...
Весьма радушно принимаешь
Ты безалаберных друзей
И ни на миг не оставляешь
Ты аккуратности своей:
В числе различных угощений
Ты нам охоту снарядил
Среди наследственных владений...
И лист бумаги положил
Для чернокнижных вдохновений...

ПРИЗНАНИЯ ТРУЖЕНИКА

По моей громадной толщине
Люди ложно судят обо мне.
Помню, раз четыре господина
Говорили: «Вот идет скотина!
Видно, нет заботы никакой —
С каждым годом прет его горой!»
Я совсем не так благополучен,
Как румян и шаровидно тучен;
Дочитав рассказ мой до конца,
Содрогнутся многие сердца!
Для поддержки бренной плоти нужен
Мне обед достаточный и ужин,
И чтоб к ним себя приготовлять,
Должен я — гулять, гулять, гулять!
Чуть проснусь, не выпив чашки чаю,
«Одевай!» — командую Минаю
(Адски глуп и копотлив Минай,
Да зато повязывать мне шею
Допускать его я не робею:
Предан мне безмерно негодяй...)
Как пройду я первые ступени,
Подогнутся слабые колени;
Стукотня ужасная в висках,
Пот на лбу и слезы на глазах,
Словно кто свистит и дует в ухо,
И, как волны в бурю, ходит брюхо!
Отошедши несколько шагов,
Я совсем разбит и нездоров;
Сел бы в грязь, так жутко и так тяжко,
Да грозит чудовище Кондрашка
И твердит, как Вечному Жиду,
Всё: «Иди, иди, иди!..» Иду...

Кажется, я очень авантажен:
Хорошо одет и напомажен,
Трость в руке и шляпа набекрень...
А терплю насмешки целый день!
Из кареты высунется дама
И в лицо мне засмеется прямо,
Крикнет школьник с хохотом: «Ура!
Посмотрите: катится гора!..»
А дурак лакей, за мной шагая,
Уваженье к барину теряя,
Так и прыснет!.. Праздный балагур
Срисовать в альбом карикатур
Норовит, рекомендуя дамам
Любоваться «сим гиппопотамом»!
Кучера по-своему острят:
«Этому,— мерзавцы говорят,—
Если б в брюхо и попало дышло,
Так насквозь оно бы, чай, не вышло?..»
Так, извне насмешками язвим,
Изнутри изжогою палим,
Я бреду... Пальто, бурнусы, шляпки,
Смех мужчин и дам нарядных тряпки,
Экипажи, вывески, друзья —
Ничего не замечаю я!..
Наконец... Счастливая минута!..
Скоро пять — неведомо откуда
Силы вдруг возьмутся... Как зефир,
Я лечу домой, или в трактир,
Или в клуб... Теперь я жив и молод,
Я легок: я ощущаю голод!..
Ах, поверьте: счастие не в том,
Чтоб блистать чинами и умом,
Наше счастье бродит меж холмами
В бурой шкуре, с дюжими рогами!..
Впрочем, мне распространяться лень...
Дней моих хранительная сень,
Здравствуй, клуб!.. Почти еще ребенок,
В первый раз, и сухощав и тонок,
По твоим ступеням я всходил:
Ты меня взлелеял и вскормил!
Честь тебе, твоим здоровым блюдам!..
Если кто тебя помянет худом,
Не сердись, не уличай во лжи:

На меня безмолвно укажи!
Уголок спокойный и отрадный!
Сколько раз, в час бури беспощадной,
Думал я, дремля у камелька:
«Жизнь моя приятна и легка.
Кто-нибудь теперь от стужи стонет,
Кто-нибудь в сердитом море тонет,
Кто-нибудь дрожит... а надо мной
Ветерок не пролетит сквозной...
Скольких ты пригрел и успокоил
И в объеме, как меня, утроил!
Для какого множества людей
Заменил семейство и друзей!..
. . . .

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет. и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

*
*   *

Пробил час!.. Не скажу, чтоб с охотой
В мир вступал я моею чредою...
Что голов, убеленных заботой!
Сколько лиц, омраченных тоскою!
Благородным проникнуты гневом,
Пусть бы старцы глядели серьезно...
Но пристало ли юношам, девам
Сокрушаться и хмуриться грозно?..
Слышу всюду один я вопрос:
«Новый год! что ты миру принес?..»

Всколыхнется ли бурей полсвета,
Тишина ль процветет над землею —
Всё поглотит бездонная Лета,
Всё законной пройдет чередою.
Настоящее станет прошедшим,
Но сойду ли я в темное царство,
Как предшественник мой — сумасшедшим,
Окровавленным, полным коварства,
Или буду умней и светлей —
Это тайна в деснице моей!

Всё на свете старо, как могила,
Всё уж было и будет всегда:
Ум и глупость, бессилье и сила,
Зависть, гнев, клевета и вражда;
Но навек благородно и ново,
Никому надоесть не успело —
Вдохновенное, светлое слово
И великое, честное дело...
Слов таких, а особенно дел
Я побольше бы видеть хотел!..

*
* *

Стол накрыт, подсвечник вытерт,
Самовар давно кипит,
Сладковатый немчик Видерт
У Тургенева сидит.
По запросу господина
Отвечает невзначай
Крепостной его детина,
Что «у нас-де вышел чай».
Содрогнулся переводчик,
А Тургенев возопил:
«Чаю нет! Каков молодчик!
Не вчера ли я купил?»
Замечание услышал
И ответствовал Иван:
«Чай у нас так скоро вышел
Оттого, что мал стакан».

ЛЕТО

Умирает весна, умирает,
Водворяется жаркое лето.
Сердит муха, комар сноровляет
Укусить,— всё роскошно одето!

Осязательно зреющий колос
Возвышается вровень с кустами.
По росе долетающий голос
Из лесов словно пахнет грибами...

По утрам продолжительны росы,
А к полудню жары чрезвычайны...

. . . .
. . . .

От шмелей ненавистных лошадки
Забираются по уши в волны.
Вечера соблазнительно сладки
И сознательной жаждою полны.

Приkликает самец перепелку,
Дергачи голосят сиповато,
Дева тихо роняет иголку
И спешит, озираясь, куда-то.

А. Фет.

МАША

Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик муж бледнолицый
Не ложится — ему не до сна!

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд...
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет... убийственный взгляд!

В ней одной его жизни отрада,
Так пускай в нем не видит врага:
Два таких он ей купит наряда,
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Под рукою казенный сундук;
Но испорчен он был с малолетства
Изученьем опасных наук.

Человек он был новой породы:
Исключительно честь понимал
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!

Лучше жить бы хотел он попроще,
Не франтить, не тянуться бы в свет,—
Да обидно покажется теще,
Да осудит богатый сосед!

Всё бы вздор... только с Машей не сладиı
Не втолкуешь — глупа, молода!

Скажет: «Так за любовь мою платишь!»
Нет! упреки тошнее труда!

И кипит-поспевает работа,
И болит-надрывается грудь...
Наконец наступила суббота:
Вот и праздник — пора отдохнуть!

Он лелеет красавицу Машу,
Выпив полную чашу труда,
Наслаждения полную чашу
Жадно пьет... и он счастлив тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.

Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел
И, бедняжка! ума не приложит,
Отчего он так скоро сгорел?

* * *

Я сегодня так грустно настроен,
Так устал от мучительных дум,
Так глубоко, глубоко спокоен
Мой истерзанный пыткою ум,—

Что недуг, мое сердце гнетущий,
Как-то горько меня веселит —
Встречу смерти, грозящей, идущей,
Сам пошел бы... Но сон освежит —

Завтра встану и выбегу жадно
Встречу первому солнца лучу:
Вся душа встрепенется отрадно,
И мучительно жить захочу!

А недуг, сокрушающий силы,
Будет так же и завтра томить
И о близости темной могилы
Так же внятно душе говорить...

СВАДЬБА

В сумерки в церковь вхожу. Малолюдно,
Светят лампады печально и скудно,
Темны просторного храма углы;
Длинные окна, то полные мглы,
То озаренные беглым мерцаньем,
Тихо колеблются с робким бряцаньем.
В куполе темень такая висит,
Что поглядеть туда — дрожь пробежит!
С каменных плит и со стен полутемных
Сыростью веет: на петлях огромных
Словно заплакана тяжкая дверь...

Нет богомольцев, не служба теперь —
Свадьба. Венчаются люди простые.
Вот у налоя стоят молодые:
Парень-ремесленник фертом глядит,
Красен с лица и с затылка подбрит —
Видно: разгульного сорта детина!
Рядом невеста: такая кручина
В бледном лице, что глядеть тяжело...
Бедная женщина! Что вас свело?

Вижу я, стан твой немного полнее,
Чем бы... Я понял! Стыдливо краснея
И нагибаясь, свой длинный платок
Ты на него потянула... Увлек,
Видно, гуляка подарком да лаской,
Песней, гитарой да̀ честною маской?
Ты ему сердце свое отдала...
Сколько ночей ты потом не спала!

Сколько ты плакала!.. Он не оставил,
Волей ли, нет ли, он дело поправил —
Бог не без милости — ты спасена...
Что же ты так безнадежно грустна?

Ждет тебя много попреков жестоких,
Дней трудовых, вечеров одиноких:
Будешь ребенка больного качать,
Буйного мужа домой поджидать,
Плакать, работать — да думать уныло,
Что тебе жизнь молодая сулила,
Чем подарила, что даст впереди...
Бедная! лучше вперед не гляди!

*
* *

Давно — отвергнутый тобою,
Я шел по этим берегам
И, полон думой роковою,
Мгновенно кинулся к волнам.
Они приветливо яснели.
На край обрыва я ступил —
Вдруг волны грозно потемнели,
И страх меня остановил!
Поздней — любви и счастья полны,
Ходили часто мы сюда,
И ты благословляла волны,
Меня отвергшие тогда.
Теперь — один, забыт тобою,
Чрез много роковых годов,
Брожу с убитою душою
Опять у этих берегов.
И та же мысль приходит снова —
И на обрыве я стою,
Но волны не грозят сурово,
А манят в глубину свою...

ПАМЯТИ <АСЕНКОВ>ОЙ

В тоске по юности моей
И в муках разрушенья
Прошедших невозвратных дней
Припомнив впечатленья,

Одно из них я полюбил
Будить в душе суровой,
Одну из множества могил
Оплакал скорбью новой...

Я помню: занавесь взвилась,
Толпа угомонилась —
И ты на сцену в первый раз,
Как светлый день, явилась.

Театр гремел: и дилетант,
И скептик хладнокровный
Твое искусство, твой талант
Почтили данью ровной.

И точно, мало я видал
Красивее головок;
Твой голос ласково звучал,
Твой каждый шаг был ловок;

Дышали милые черты
Счастливым детским смехом...
Но лучше б воротилась ты
Со сцены с неуспехом!

Увы, наивна ты была,
Вступая за кулисы,—

Ты благородно поняла
Призвание актрисы:

Исканья старых богачей
И молодых нахалов,
Куплеты бледных рифмачей
И вздохи театралов —

Ты всё отвергла... Заперлась
Ты феей недоступной —
И вся искусству предалась
Душою неподкупной.

И что ж? обижены тобой,
Лишенные надежды,
Отмстить решились клеветой
Бездушные невежды!

Переходя из уст в уста,
Коварна и бесчестна,
Крылатым змеем клевета
Носилась повсеместно —

И всё заговорило вдруг...
Посыпались упреки,
Стихи и письма, и подруг
Нетонкие намеки...

Душа твоя была нежна,
Прекрасна, как и тело,
Клевет не вынесла она,
Врагов не одолела!

Их говор лишь тогда затих,
Как смерть тебя сразила...
Ты до последних дней своих
Со сцены не сходила.

В сознанье светлой красоты
И творческого чувства
Восторг толпы любила ты,
Любила ты искусство.

Любила славу... Твой закат
Был странен и прекрасен:
Горел огнем глубокий взгляд,
Пронзителен и ясен;

Пылали щеки; голос стал
Богаче страстью нежной...
Увы! театр рукоплескал
С тоскою безнадежной!

Сама ты знала свой удел,
Но до конца, как прежде,
Твой голос, погасая, пел
О счастье и надежде.

Не так ли звездочка в ночи,
Срываясь, упадает
И на лету свои лучи
Последние роняет?..

ИЗВОЗЧИК

1

Парень был Ванюха ражий,
Рослый человек,—
Не поддайся силе вражей,
Жил бы долгий век.
Полусонный по природе,
Знай зевал в кулак
И прозвание в народе
Получил: вахлак!
Правда, с ним случилось диво,
Как в Грязной стоял:
Ел он мало и лениво,
По ночам не спал...
Всё глядит, бывало, в оба
В супротивный дом:
Там жила его зазноба —
Кра́лечка лицом!
Под ворота словно птичка
Вылетит с гнезда,
Белоручка, белоличка...
Жаль одно: горда!
Прокатив ее, учтиво
Он ей раз сказал:
«Вишь, ты больно тороплива»,—
И за ручку взял...
Рассердилась: «Не позволю!
Полно — не замай!
Прежде выкупись на волю,
Да потом хватай!»
Поглядел за нею Ваня,
Головой тряхнул:

«Не про нас ты,— молвил,— Таня»,—
И рукой махнул...
Скоро лето наступило,
С барыней своей
Таня в Тулу укатила.
Ванька стал умней:
Он по прежнему порядку
Полюбил часок,
Наблюдал свою лошадку,
Добывал оброк,
Пил умеренно горелку,
Знал копейке вес,
Да какую же проделку
Сочинил с ним бес!..

2

Раз купец ему попался
Из родимых мест;
Ванька с ним с утра катался
До вечерних звезд.
А потом наелся плотно,
Обрядил коня
И улегся беззаботно
До другого дня...
Спит и слышит стук в ворота.
Чу! шумят, встают...
Не пожар ли? вот забота!
Чу! к нему идут.
Он вскочил, как заяц сонный,
Видит: с фонарем
Перед ним хозяин сонный
С седоком-купцом.
«Санки где твои, детина?
Покажи ступай!» —
Говорит ему купчина —
И ведет в сарай...
Помутился ум у Вани,
Он как лист дрожал...
Поглядел купчина в сани
И, крестясь, сказал:
«Слава богу! слава богу!
Цел мешок-то мой!

Не взыщите за тревогу —
Капитал большой.
Понимаете, с походом
Будет тысяч пять...»
И купец перед народом
Деньги стал считать...
И пока рубли звенели,
Поднялся весь дом —
Ваньки сонные глядели,
Оступя кругом.
«Цело всё! — сказал купчина,
Парня подозвал: —
Вот на чай тебе полтина!
Благо ты не знал:
Серебро-то не бумажки,
Нет приметы, брат;
Мне ходить бы без рубашки,
Ты бы стал богат —
Да господь-то справедливый
Попугал шутя...»
И ушел купец счастливый,
Под мешком кряхтя...
Над разиней поглумились
И опять легли,
А как утром пробудились
И в сарай пришли,
Глядь — и обмерли с испугу...
Ни гугу — молчат;
Показали вверх друг другу
И пошли назад...
Прибежал хозяин бледный,
Вся сошлась семья:
«Что такое?..» Ванька бедный —
Бог ему судья! —
Совладать с лукавым бесом,
Видно, не сумел:
Над санями под навесом
На вожжах висел!
А ведь был детина ражий,
Рослый человек —
Не поддайся силе вражей,
Жил бы долгий век...

ВЛАС

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.

На груди икона медная;
Просит он на божий храм,—
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконешником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике

Бога не было; побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!

Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кащеем-мужиком;
Нрава был крутого, строгого...
Наконец и грянул гром!

Власу худо; кличет знахаря —
Да поможешь ли тому,

Кто снимал рубашку с пахаря,
Крал у нищего суму?

Только пуще всё неможется.
Год прошел — а Влас лежит,
И построить церковь божится,
Если смерти избежит.

Говорят, ему видение
Всё мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду;

Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы — видом черные
И как углие глаза,

Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут...
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.

Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,
И кружит над ними с хохотом
Черный тигр-шестокрылат.

Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол...
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочел...

Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет...
Внял господь — и душу грешную
Воротил на вольный свет.

Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И сбирать на построение
Храма божьего пошел.

С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.

Сила вся души великая
В дело божие ушла,
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полон скорбью неутешною,
Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.

Нет ему пути далекого:
Был у матушки Москвы,
И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.

Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой всё говорит
И железною веригою
Тихо на ходу звенит.

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары,—

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы божии
По лицу земли родной...

НАСЛЕДСТВО

Скончавшись, старый инвалид
Оставил странное наследство:
Как, сколько раз, когда был бит
До дней преклонных с малолетства,—

Он всё под цифрами писал
В тетрадку — с толком и раченьем
И после странный свой журнал
Читал с душевным умиленьем.

Так я люблю воспоминать
О днях и чувствах пережитых,
Читая пыльную тетрадь
Моих стихов — давно забытых...

*
*   *

Чуть-чуть не говоря: «Ты сущая ничтожность!»,
    Стихов моих печатный судия
    Советует большую осторожность
    В употребленье буквы «я».
Винюсь: ты прав, усердный мой ценитель
И общих мест присяжный расточитель,—
Против твоей я публики грешу,
Но только я не для нее пишу.
Увы! писать для публики, для света —
    Удел не русского поэта...
Друзья мои по тяжкому труду,
По Музе гордой и несчастной,
Кипящей злобою безгласной!
    Мою тоску, мою беду
Пою для вас... Не правда ли, отрадно
Несчастному несчастие в другом?
Кто болен сам, тот весело и жадно
Внимает вести о больном...

* * *

Зачем насмешливо ревнуешь,
Зачем, быть может, негодуешь,
Что Музу темную мою
Я прославляю и пою?

Не знаю я тесней союза,
Сходней желаний и страстей —
С тобой, моя вторая Муза,
У Музы юности моей!

Ты ей родная с колыбели...
Не так же ль в юные лета
И над тобою тяготели
Забота, скорбь и нищета?

Ты под своим родимым кровом
Врагов озлобленных нашла
И в отчуждении суровом
Печально детство провела.

Ты в жизнь невесело вступила...
Ценой страданья и борьбы,
Ценой кровавых слез купила
Ты каждый шаг свой у судьбы.

Ты много вынесла гонений,
Суровых бурь, враждебных встреч,
Чтобы святыню убеждений,
Свободу сердца уберечь.

Но, устояв душою твердой,
Несокрушимая в борьбе,

Нашла ты в ненависти гордой
Опору прочную себе.

Ты так встречаешь испытанья,
Так презираешь ты людей,
Как будто люди и страданья
Слабее гордости твоей.

И говорят: ценою чувства,
Ценой душевной теплоты
Презренья страшное искусство
И гордый смех купила ты.

Нет, грудь твоя полна участья!..
Когда порой снимаешь ты
Личину гордого бесстрастья,
Неумолимой красоты,

Когда скорбишь, когда рыдаешь
В величье слабости твоей —
Я знаю, как ты проклинаешь,
Как презираешь ты людей!

В груди, трепещущей любовью,
Вражда бесплодно говорит,
И сердце, обливаясь кровью,
Чужою скорбию болит.

Не дикий гнев, не жажда мщенья
В душе скорбящей разлита —
Святое слово всепрощенья
Лепечут слабые уста.

Так, помню, истощив напрасно
Всё буйство скорби и страстей,
Смирялась кротко и прекрасно
Вдруг Муза юности моей:

Слезой увлажнены ланиты,
Глаза поникнуты к земле.
И свежим терние увитый
Венец страданья на челе...

СЕКРЕТ

(Опыт современной баллады)

1

В счастливой Москве, на Неглинной,
Со львами, с решеткой кругом,
Стоит одиноко старинный,
Гербами украшенный дом.

Он с роскошью барской построен,
Как будто векам напоказ;
А ныне в нем несколько боен
И с юфтью просторный лабаз.

Картофель да кочни капусты
Растут перед ним на грядах;
В нем лучшие комнаты пусты,
И мебель и бронза — в чехлах.

Не ведает мудрый владелец
Тщеславья и роскоши нег;
Он в собственном доме пришелец,
Занявший в конуре ночлег.

В его деревянной пристройке
Свеча одиноко горит;
Скупец умирает на койке
И детям своим говорит:

2

«Огни зажигались вечерние,
Выл ветер и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.

В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.

Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени —
В кармане моем миллион!

И сам я теперь благоденствую,
И счастье вокруг себя лью:
Я нравы людей совершенствую,
Полезный пример подаю.

Я сделался важной персоною,
Пожертвовав тысячу в год:
Имею и Анну с короною,
И звание «друга сирот».

Но дни наступили унылые,
Смерть близко — спасения нет!
И время вам, детушки милые,
Узнать мой великий секрет.

Квартиру я нанял у дворника,
Дрова к постояльцам таскал;
Подбился я к дочери шорника
И с нею отца обокрал;

Потом и ее, бестолковую,
За нужное счел обокрасть
И в практику бросился новую —
Запрегся в питейную часть.
Потом...»

3

Вдруг лицо потемнело,
Раздался мучительный крик —
Лежит, словно мертвое тело,
И больше ни слова старик!

Но, видно, секрет был угадан,
Сынки угодили в отца:
Старик еще дышит на ладан
И ждет боязливо конца,

А дети гуляют с ключами.
Вот старший в шкатулку проник!
Старик осадил бы словами —
Нет слов: непокорен язык!

В меньшом родилось подозренье,
И ссора кипит о ключах —
Не слух бы тут нужен, не зренье,
А сила в руках и ногах:

Воспрянул бы, словно из гроба,
И словом и делом могуч —
Смирились бы дерзкие оба
И отдали б старому ключ.

Но брат поднимает на брата
Преступную руку свою...
И вот тебе, коршун, награда
За жизнь воровскую твою!

*
* *

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда.

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.

Всё ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы
С огорченного лица.

Но не льщусь, чтоб в памяти народной
Уцелело что-нибудь из них...
Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

Нет в тебе творящего искусства...
Но кипит в тебе живая кровь,
Торжествует мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь,—

Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца
И венком терновым наделяет
Беззащитного певца...

*
* *

Безвестен я. Я вами не стяжал
Ни почестей, ни денег, ни похвал,
Стихи мои,— плод жизни несчастливой,
У отдыха похищенных часов,
Сокрытых слез и думы боязливой;
Но вами я не восхвалял глупцов,
Но с подлостью не заключал союза,
Нет! свой венец терновый приняла,
Не дрогнув, обесславленная Муза
И под кнутом без звука умерла.

*
* *

Тяжелый крест достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь;
Кому и страсть, и молодость, и волю —
Всё отдала,— тот стал ее палач!

Давно ни с кем она не знает встречи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумные, язвительные речи
Безропотно выслушивать должна:

«Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори!.. близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей!

Тот день, когда меня ты полюбила
И от меня услышала: люблю —
Не проклинай! близка моя могила:
Поправлю всё, всё смертью искуплю!

Не говори, что дни твои унылы,
Тюремщиком больного не зови:
Передо мной — холодный мрак могилы,
Перед тобой — объятия любви!

Я знаю: ты другого полюбила,
Щадить и ждать наскучило тебе...

О, погоди! близка моя могила —
Начатое и кончить дай судьбе!..»

Ужасные, убийственные звуки!..
Как статуя прекрасна и бледна,
Она молчит, свои ломая руки...
И что сказать могла б ему она?..

ПОСЛЕДНИЕ ЭЛЕГИИ

1

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно.
Привычки, прежде милые, постыли,
И горек дым сигары. Решено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночных трудов и одиноких дум,—
Мой жребий горек. Жадного недуга
Я не избег. Еще мой светел ум,
Еще в надежде глупой и послушной
Не ищет он отрады малодушной,
Я вижу всё... А рано смерть идет,
И жизни жаль мучительно. Я молод,
Теперь поменьше мелочных забот
И реже в дверь мою стучится голод:
Теперь бы мог я сделать что-нибудь.
Но поздно!.. Я, как путник безрассудный,
Пустившийся в далекий, долгий путь,
Не соразмерив сил с дорогой трудной:
Кругом всё чуждо, негде отдохнуть,
Стоит он, бледный, средь большой дороги.
Никто его не призрел, не подвез:
Промчалась тройка, проскрипел обоз —
Всё мимо, мимо!.. Подкосились ноги,
И он упал... Тогда к нему толпой
Сойдутся люди — смущены, унылы,
Почтят его ненужною слезой
И подвезут охотно — до могилы...

2

Я рано встал, недолги были сборы,
Я вышел в путь, чуть занялась заря;

Переходил я пропасти и горы,
Переплывал я реки и моря;
Боролся я, один и безоружен,
С толпой врагов; не унывал в беде
И не роптал. Но стал мне отдых нужен —
И не нашел приюта я нигде!
Не раз, упав лицом в сырую землю,
С отчаяньем, голодный, я твердил:
«По силам ли, о боже! труд подъемлю?» —
И снова шел, собрав остаток сил.
Всё ближе и знакомее дорога,
И пройдено всё трудное в пути!
Главы церквей сияют впереди —
Недалеко до отчего порога!
Насмешливо сгибаясь и кряхтя
Под тяжестью сумы своей дырявой,
Алчбы и жажды бледное дитя,
Голодный труд, попутчик мой лукавый,
Уж прочь идет: теперь нам розный путь.
Вперед, вперед! Но изменили силы —
Очнулся я на рубеже могилы...

И некому и нечем помянуть!
Настанет утро — солнышко осветит
Бездушный труп; всё будет решено!
И в целом мире сердце лишь одно —
И то едва ли — смерть мою заметит...

3

Пышна в разливе гордая река,
Плывут суда, колеблясь величаво,
Просмолены их черные бока,
Над ними флаг, на флаге надпись: слава!
Толпы народа берегом бегут,
К ним приковав досужее вниманье,
И, шляпами размахивая, шлют
Пловцы родному берегу прощанье,—
И вмиг оно подхвачено толпой,
И дружно берег весь ему ответит.
Но тут же, опрокинутый волной,
Погибни челн — и кто его заметит?
А если и раздастся дикий стон

На берегу — внезапный, одинокой,
За криками не будет слышен он
И не дойдет на дно реки глубокой...
Подруга темной участи моей!
Оставь скорее берег, озаренный
Горячим блеском солнечных лучей
И пестрою толпою оживленный,—
Чем солнце ярче, люди веселей,
Тем сердцу сокрушенному больней!

*
* *

Еще скончался честный человек,
А отчего? Бог ведает единый!
В наш роковой и благородный век
Для смерти более одной причиной.
Не от одних завалов и простуд
И на Руси теперь уж люди мрут...
Понятна нам трагическая повесть
Свершившего злодейство,— если он
Умрет, недугом тайным поражен,
Мы говорим: его убила совесть.
Но нас не поражает человек,
На дело благородное рожденный
И грустно проводящий темный век
В бездействии, в работе принужденной
Или в разгуле жалком; кто желал
Служить Добру, для ближнего трудиться
И в жажде дела сам себя ломал,
Готовый на немногом помириться,
Но присмирел и руки опустил
В сознании своих напрасных сил —
Успев, как говорят, перебеситься!
Не понимаем мы глубоких мук,
Которыми болит душа иная,
Внимая в жизни вечно ложный звук
И в праздности невольной изнывая.
Нам юноша, стремящийся к Добру,
Смешон — восторженностью странной,
А зрелый муж, поверженный в хандру,
Смешон — тоскою постоянной.
Покорствуя решению судьбы,
Не ищет он обидных сожалений,
И мы не видим внутренней борьбы,
Ни слез его, ни тайных угрызений,
И ежели сразит его судьба,
Нам смерть его покажется случайной,
И никому не интересной тайной
Останется сокрытая борьба,
Убившая страдальца...

КАРЕТА

О филантропы русские! Бог с вами!
Вы непритворно любите народ,
А ездите с огромными гвоздями,
Чтобы впотьмах усталый пешеход
Или шалун мальчишка, кто случится,
Вскочивши на запятки, заплатил
Увечьем за желанье прокатиться
За вашим экипажем...

*
* *

Фантазии недремлющей моей
И опыта мучительного дети,
Вы — планы тысячи поэм и повестей —
Вы нерожденные должны поги<бнуть>в Лете.

НА РОДИНЕ

Роскошны вы, хлеба заповедные
    Родимых нив,—
Цветут, растут колосья наливные,
    А я чуть жив!
Ах, странно так я создан небесами,
    Таков мой рок,
Что хлеб полей, возделанных рабами,
    Нейдет мне впрок!

*
* *

Ты меня отослала далеко
От себя — говорила мне ты,
Что я буду спокоен глубоко,
Убежав городской суеты.

Это, друг мой, пустая химера —
И как поздно я понял ее.
Друг, во мне поколеблена вера
В благородное сердце твое.

*
* *

О, не склоняй победной головы
В унынии, разумный сын отчизны.
Не говори: погибли мы. Увы! —
Бесплодна грусть, напрасны укоризны.

ГАДАЮЩЕЙ НЕВЕСТЕ

У него прекрасные манеры,
Он не глуп, не беден и хорош,
Что гадать? ты влюблена без меры
И судьбы своей ты не уйдешь.

Я могу сказать и без гаданья:
Если сердце есть в его груди —
Ждут тебя, быть может, испытанья,
Но и счастье будет впереди...

Не из тех ли только он бездушных,
Что в столице много встретишь ты,
Одному лишь голосу послушных —
Голосу тщеславной суеты?

Что гордятся ровностью пробора,
Щегольски обутою ногой,
Потеряв сознание позора
Жизни дикой, праздной и пустой?

Если так — плоха порука счастью!
Как бы чудно ты ни расцвела,
Ни умом, ни красотой, ни страстью
Не поправишь рокового зла.

Он твои пленительные взоры,
Нежность сердца, музыку речей —
Всё отдаст за плоские рессоры
И за пару кровных лошадей!

В БОЛЬНИЦЕ

Вот и больница. Светя, показал
    В угол нам сонный смотритель.
Трудно и медленно там угасал
    Честный бедняк сочинитель.
Мы попрекнули невольно его,
    Что, зануждавшись в столице,
Не известил он друзей никого,
    А приютился в больнице...

«Что за беда,— он шутя отвечал,—
    Мне и в больнице покойно.
Я всё соседей моих наблюдал:
    Многое, право, достойно
Гоголя кисти. Вот этот субъект,
    Что меж кроватями бродит,—
Есть у него превосходный проект,
    Только — беда! не находит
Денег... а то бы давно превращал
    Он в бриллианты крапиву.
Он покровительство мне обещал
    И миллион на разживу!

Вот старикашка актер: на людей
    И на судьбу негодует;
Перевирая, из старых ролей
    Всюду двустишия сует;
Он добродушен, задорен и мил,
    Жалко — уснул (или умер?) —
А то бы верно он вас посмешил...
    Смолк и семнадцатый нумер!
А как он бредил деревней своей,
    Как, о семействе тоскуя,

Ласки последней просил у детей,
А у жены поцелуя!
Не просыпайся же, бедный больной!
Так в забытьи и умри ты...
Очи твои не любимой рукой —
Сторожем будут закрыты!
Завтра дежурные нас обойдут,
Саваном мертвых накроют,
Счетом в мертвецкий покой отнесут,
Счетом в могилу зароют.
И уж тогда не являйся жена,
Чуткая сердцем, в больницу —
Бедного мужа не сыщет она,
Хоть раскопай всю столицу!

Случай недавно ужасный тут был:
Пастор какой-то немецкой
К сыну приехал — и долго ходил...
«Вы поищите в мертвецкой»,—
Сторож ему равнодушно сказал;
Бедный старик пошатнулся,
В страшном испуге туда побежал,
Да, говорят, и рехнулся!
Слезы ручьями текут по лицу,
Он между трупами бродит:
Молча заглянет в лицо мертвецу,
Молча к другому подходит...

Впрочем, не вечно чужою рукой
Здесь закрываются очи.
Помню: с прошибенной в кровь головой
К нам привели среди ночи
Старого вора — в остроге его
Буйный товарищ изранил.
Он не хотел исполнять ничего,
Только грозил и буянил.
Наша сиделка к нему подошла,
Вдрогнула вдруг — и ни слова...
В странном молчанье минута прошла:
Смотрят один на другого!
Кончилось тем, что угрюмый злодей,
Пьяный, обрызганный кровью,

Вдруг зарыдал — перед первой своей,
Светлой и честной любовью.
(Смолоду знали друг друга они...)
Круто старик изменился:
Плачет да молится целые дни,
Перед врачами смирился.
Не было средства, однако, помочь...
Час его смерти был странен
(Помню я эту печальную ночь):
Он уже был бездыханен,
А всепрощающий голос любви,
Полный мольбы бесконечной,
Тихо над ним раздавался: «Живи,
Милой, желанной, сердечной!»
Всё, что имела она, продала —
С честью его схоронила.
Бедная! как она мало жила!
Как она много любила!
А что любовь ей дала, кроме бед,
Кроме печали и муки?
Смолоду — стыд, а на старости лет —
Ужас последней разлуки!..

Есть и писатели здесь, господа.
Вот посмотрите: украдкой,
Бледен и робок, подходит сюда
Юноша с толстой тетрадкой.
С юга пешком привела его страсть
В дальнюю нашу столицу —
Думал бедняга в храм славы попасть —
Рад, что попал и в больницу!
Всем он читал свой ребяческий бред —
Было тут смеху и шуму!
Я лишь один не смеялся... о нет!
Думал я горькую думу.
Братья-писатели! в нашей судьбе
Что-то лежит роковое:
Если бы все мы, не веря себе,
Выбрали дело другое —
Не было б точно, согласен и я,
Жалких писак и педантов —
Только бы не было также, друзья,
Скоттов, Шекспиров и Дантов!

Чтоб одного возвеличить, борьба
Тысячи слабых уносит —
Даром ничто не дается: судьба
Жертв искупительных просит».

Тут наш приятель глубоко вздохнул,
Начал метаться тревожно;
Мы посидели, пока он уснул,—
И разошлись осторожно...

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

1

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лесу попросила.
Отвечал: нет лесу, и не жди — не будет!
«Вот приедет барин — барин нас рассудит,
Барин сам увидит, что плоха избушка,
И велит дать лесу»,— думает старушка.

2

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером.
«Вот приедет барин: будет землемерам! —
Думают крестьяне.— Скажет барин слово —
И землицу нашу отдадут нам снова».

3

Полюбил Наташу хлебопашец вольный,
Да перечит девке немец сердобольный,
Главный управитель. «Погодим, Игнаша,
Вот приедет барин!» — говорит Наташа.
Малые, большие — дело чуть за спором —
«Вот приедет барин!» — повторяют хором...

4

Умерла Ненила; на чужой землице
У соседа-плута — урожай сторицей;
Прежние парнишки ходят бородаты;
Хлебопашец вольный угодил в солдаты,

И сама Наташа свадьбой уж не бредит...
Барина всё нету... барин всё не едет!

5

Наконец однажды середи дороги
Шестернею цугом показались дроги:
На дрогах высоких гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин; а за гробом — новый.
Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету — и уехал в Питер.

*
* *

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали.
Один я умираю — и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!
Мне самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конец. Ненастьем и грозою
Мой темный путь недаром омрача,
Не просветлеет небо надо мною,
Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрожденья!
Я звал тебя — во сне и наяву,
В труде, в борьбе, на рубеже паденья
Я звал тебя,— теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

*
* *

Где твое личико смуглое
Нынче смеется, кому?
Эх, одиночество круглое!
Не посулю никому!

А ведь, бывало, охотно
Шла ты ко мне вечерком;
Как мы с тобой беззаботно
Веселы были вдвоем!

Как выражала ты живо
Милые чувства свои!
Помнишь, тебе особливо
Нравились зубы мои;

Как любовалась ты ими,
Как цаловала, любя!
Но и зубами моими
Не удержал я тебя...

ДЕМОНУ

Где ты, мой старый мучитель,
Демон бессонных ночей?
Сбился я с толку, учитель,
С братьей болтливой моей.

Дуешь, бывало, на пламя —
Пламя пылает сильней,
Краше волнуется знамя
Юности гордой моей.

Прямо ли, криво ли вижу,
Только душою киплю:
Так глубоко ненавижу,
Так бескорыстно люблю!

Нынче я всё понимаю,
Всё объяснить я хочу,
Всё так охотно прощаю,
Лишь неохотно молчу.

Что же со мною случилось?
Как разгадаю себя?
Всё бы тотчас объяснилось,
Да не докличусь тебя!

Способа ты не находишь
Сладить с упрямой душой?
Иль потому не приходишь,
Что уж доволен ты мной?

СТИХОТВОРЕНИЯ
1838—1844

1838

МЫСЛЬ

Спит дряхлый мир, спит старец обветшалый,
Под грустной тению ночного покрывала,
Едва согрет остатками огня
Уже давно погаснувшего дня.
Спи, старец, спи!.. отрадного покоя
Минуты усладят заботы седины
Воспоминанием минувшей старины...
И, может быть, в тебе зажжется ретивое
Огнем страстей, погаснувших давно,
И вспыхнет для тебя прекрасное былое!..
И, может быть, распустится зерно
В тебе давно угасшей жизни силы,
И новой жизнию заглохшие могилы,
Печальный мир, повеют над тобой!
И снова ты проснешься от дремоты,
И снова, юноша с пылающей душой,
Забудешь старые утраченные годы
И будешь жить ты жизнью молодой,
Как в первый день создания природы!
. . . .
. . . .

Нет! тот же всё проснулся ты,
Такой же дряхлый, обветшалый,
Еще дряхлей без покрывала...
Скрой безобразье наготы
Опять под мрачной ризой ночи!
Поддельным блеском красоты
Ты не мои обманешь очи!..

СМЕРТИ

Не приходи в часы волнений,
Сердечных бурь и мятежей,
Когда душа огнем мучений
Сгорает в пламени страстей.

Не приходи в часы раздумья,
Когда наводит демон зла,
Вливая в сердце яд безумья,
На нечестивые дела;

Когда внушеньям духа злого,
Как низкий раб, послушен ум,
И ничего в нем нет святого,
И много, много грешных дум.

Закон озлобленного рока,
Смерть, надо мной останови
И в черном рубище порока
Меня на небо не зови!

Не приходи тогда накинуть
Оков тяжелых на меня:
Мне будет жалко мир покинуть,
И робко небо встречу я...

Приди ко мне в часы забвенья
И о страстях и о земле,
Когда святое вдохновенье
Горит в груди и на челе;

Когда я, дум высоких полный
Безгрешен сердцем и душой,

И бурной суетности волны
Меня от жизни неземной
Увлечь не в силах за собой;

Когда я мыслью улетаю
В обитель к горнему царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю.

Я близок к небу — смерти время!
Нетруден будет переход;
Душа, покинув жизни бремя,
Без страха в небо перейдет...

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Жизнь без надежд — тропа без цели,
Страсть без огня, без искр кремень,
Пир буйный Вакха без веселий,
Без слез тоска, без света день.

Жизнь без надежд — без силы воля,
Без пробужденья тяжкий сон;
О, как того ужасна доля,
Кто этой жизни обречен!

Он не живет; он без сознанья
Влачит томительные дни,
И цепью горького страданья
Влекутся медленно они.

Как отчужденный, с мрачной думой,
С немой печалью на челе,
Всегда унылый и угрюмый,
Он будто лишний на земле.

И в целом мире нет предмета,
Его способного пленить,
И вновь отступника от света
К нему в объятья заключить.

Глубоко в сердце уязвленный,
На всё он холодно глядит,
И уж ничто во всей вселенной
Его очей не веселит.

Всему он чужд — и нет тяжеле
Его догробного креста,
И носит он на грешном теле
Печать поборника Христа...

ЧЕЛОВЕК

Когда сверкнет звезда полночи
На полусонную Неву,
Ряды былых событий очи
Как будто видят наяву...

Я мыслю: где ты, век деяний
Царя великого Петра?
Где гений мира, гений браней
И славы русского орла?

И слышу голос: «Слоем пыли
Давно покрыт прошедший век,
И дань обычную могиле
Вовремя отдал человек!»

Обоих нет. Но память века
С ним закатилась навсегда,
А память славы человека
Горит и светит как звезда...

1839

ПОЭЗИЯ

«Я владею чудным даром,
Много власти у меня;
Я взволную грудь пожаром,
Брошу в холод из огня,
Из покоя в чад похмелья;
А как песенку спою,
Благотворного веселья
Море в сердце разолью;
Разорву покровы ночи,
Тьму веков разоблачу,
Проникать земные очи
В мир надзвездный научу.
Кто пленится сим чертогом —
Крылья дам туда летать,
С Аполлоном, гордым богом,
Наравне позволю стать.
Возложу венец лавровый
На достойного жреца
Или вмиг запру в оковы
Поносителя венца.
Я властна блаженства морем
Грудь страдальца напоить
Или вмиг счастливца горем,
Как стрелою, поразить...»

— Кто ж ты, гордая царица?
Тайну смертным обнаружь!
Светлый дух иль чаровница,
Обольстительница душ?..

Заструилась в небе змейка,
Свет блеснул, исчезла тьма:
«Я не дух, не чародейка,
Я поэзия сама!..»

МОЯ СУДЬБА

Мне плакать хочется, а плакать в мире стыдно,
Увидят люди — осмеют
И с едкой клеветой, с улыбкою обидной
Притворством слезы назовут.
О, горько жить, о, трудно пережить измену
Того, чем сладко было жить!..
Из чаши радостей я пил одну лишь пену,
Она мешала нектар пить...
Так прочь, прочь, чаша всех надежд и упований!
Не принесла мне счастья ты;
Меня сгубила ты; ты в чары ожиданий
Втравила тщетные мечты...
Я небу покорюсь... возьму другую чашу,
С ней съединю судьбу свою;
Не суетных надежд венком ее украшу —
Могильным плющем обовью.
И если слезы даст, по милости великой,
Бог, в утешение мое,
Презря и суд глупца и хохот черни дикой,
Наполню ими я ее.
И в день, когда совсем преполненная чаша
Ни капли боле не вместит,
Скажу «прощай» мятежной жизни нашей,
И дух мой в небо воспарит.
Там стану с ней, чужд черной ризы праха,
Все раны сердца обнажу
И у царя Судеб, как должного, без страха,
За них награды попрошу.

ДВА МГНОВЕНИЯ

Печальный свет лампады озаряет
Чело певца; задумчивый поэт
К себе гостей заветных ожидает,
Зовет, манит; напрасно всё: их нет!
Нейдут к нему чудесные виденья
И пусто всё; как меткою стрелой
Подстреленный орел, без крыл воображенье
На дне души томительный покой.
Как бременем подавленная, страждет
Его огнем горящая глава,
Он на листы то бремя сбросить жаждет,
Но силы нет, не вяжутся слова!
Для пылких чувств, для мысли благородной
Он не находит их; грудь скукою сперта,
Бессилен взрыв фантазии свободной,
И сердце жмет, как камень, пустота.
Он рвется, ждет; напрасно всё: ни звука!
Бессилен ум! и в этот долгий час
Его души невыразима мука;
Страдает он,— и жалок он для нас,
Как бедный труженик...
Но вот от небосклона
Святая благодать спускается к нему;
Горит чело любимца Аполлона
Огнем поэзии; восторгу своему
Не ведая границ, в порыве вдохновенья,
В созвучья стройные переливает он
Восторг души, святые помышленья
И всё, чем ум высокий поражен.

Связь с бренною землей расторгнув без усилья,
Свободен как орел, могуществен как царь,
Широко распахнув развесистые крылья,
Над миром он парит. Везде ему алтарь!
Легко душе, воображенью воля,
Раскрыты перед ним земля и небосклон —
И в этот миг его завидна доля,
И безгранично счастлив он.

ИЗГНАННИК

Еще младенцу в колыбели
Мечты мне тихо песни пели,
И с ними свыклася душа.
Они, чудесной жизни полны,
Ко мне нахлынули как волны,
Напевом слух обворожа.
Вскипело сердце дивным даром,
Заклокотал огонь в груди,
И дух, согретый чистым жаром,
Преград не ведал на пути.
Отозвались желанья воле;
Однажды ею подыша,
В мир, мне неведомый дотоле,
Рванулась пылкая душа.
Отважно я взглянул, сын праха,
В широкий, радужный эфир;
Сроднилось сердце с ним без страха,
И разлюбил я дольний мир.
И долго там в стране лазурной,
Его чуждаясь, пробыл я
И счастье пил из полной урны
Полуземного бытия.
Мое сродство с подлунным миром,
Казалось, рушилось навек;
Я, горним дышащий эфиром,
Был больше дух, чем человек...
Но пробил час — мечты как тени
Исчезли вдруг в туманной мгле,
И после сладких сновидений
Я очутился на земле.

Тогда рука судьбы жестоко
Меня к земному пригнела,
Оковы врезались глубоко,
А жизнь за муками пришла.
Печально было пробужденье,
Я молча слезы проливал,
И вот, посланник провиденья,
Незримый голос мне сказал:
«Ты осужден печать изгнанья
Носить до гроба на челе,
Ты осужден ценой страданья
Купить в стране очарованья
Рай, недоступный на земле.
В тюрьме, за крепкими замками,
Бледнеет мысль, хладеет ум,
Но ты железными цепями
Окуй волненье мрачных дум;
Не доверяй души сомненью,
За горе жизни не кляни,
Молись святому провиденью
И веру в господа храни.
Над ложем слез, как вестник славы,
Взойдет предсмертная заря,
И воспаришь ты величаво
В обитель горнего царя,
В свою небесную отчизну...»
Умолк. И ожил я душой,
И заглушили укоризну
Слова надежды золотой...

И с той поры, изгнанник бедный,
Одной надеждой я живу,
Прошедшей жизни очерк бледный
Со мной во сне и наяву.
Порой знакомый голос слыша,
Я от восторга трепещу,
Хочу лететь, подняться выше,
Но цепь звенит мне: не пущу!
И я припомню, что в оковы
Меня от неба низвели,
Но проклинать в тоске суровой
Не смею жизни и земли.
И жизнь ли — цепь скорбей, страданий,

В которой каждое звено
Полно язвительных мечтаний
И ядом слез отравлено?
Наш мир — он место дикой брани,
Где каждый бьется сам с собой:
Кто — веры сын — с крестом во длани,
Кто в сердце с адскою мечтой.
Земля — широкая могила,
Где спор за место каждый час,
Пока всевластной смерти сила
Усопшим поровну не даст.

Я похоронен в сей могиле,
Изгнанник родины моей,
Перегорел мой дух в горниле
Земных желаний и страстей.
Но я к страданьям приучился,
Всегда готовый встретить смерть,
Не жить здесь в мире я родился,
Нет, я родился умереть...
Счастливцу прежде без границы,
Теперь отрадно мне страдать,
Полами жесткой власяницы
Несчастий пот с чела стирать.
Я утешительного слова
В изгнанье жизни не забыл,
Я видел небо без покрова,
Награды горние вкусил;
И что страданья перед ними!
Навек себя им отдаю,
Когда я благами земными
Куплю на небе жизнь мою
И, не смутясь житейской битвой,
Окончу доблестно свой век.
С надеждой, верой и молитвой
Чего не может человек??

РУКОЯТЬ

СОНЕТ

Не рылся я в земле в надежде вырыть злато,
Приюта мертвецов в ночи не разгребал;
Но, каюсь,— из руки усопшего собрата
Нехитрый черенок я сделал на кинжал.

Она от гибели спасла меня когда-то:
Мне посланный удар ту руку оторвал
От тела храбреца — полмертвым он упал;
Воздать я не успел ему достойной платой,

Не мог его спасти. Нахлынули враги,
Молящим голосом он вскрикнул мне: беги!
Минуты не было последнему объятью,

Лишь руку я схватил и шпоры дал коню —
И с тех пор при себе кинжала рукоятью
На память друга я как жизнь ее храню.

ЖИЗНЬ

Прекрасно, высоко твое предназначенье,
Святой завет того, которого веленье,
Премудро учредя порядок естества,
Из праха создало живые существа;
Но низко и смешно меж нас употребленье,
И недостойны мы подобья божества.
Чем отмечаем, жизнь, мы все твои мгновенья —
Широкие листы великой книги дел?
Они черны, как демон преступленья,
Стыдишься ты сама бездушных наших тел.
Из тихой вечери молитв и вдохновений
Разгульной оргией мы сделали тебя,
И гибельно парит над нами злобы гений,
Еще в зародыше всё доброе губя.
Себялюбивое, корыстное волненье
Обуревает нас, блаженства ищем мы,
А к пропасти ведет порок и заблужденье
Святою верою нетвердые умы.
Поклонники греха, мы не рабы Христовы;
Нам тяжек крест скорбей, даруемый судьбой,
Мы не умеем жить, мы сами на оковы
Меняем все дары свободы золотой...

Раскрыла ты для нас все таинства искусства,
Мы можем создавать, творцами можем быть;
Довольно налила ты в груди наши чувства,
Чтоб делать доброе, трудиться и любить.
Но чуждо нас добро, искусства нам не новы,
Не сделав ничего, спешим мы отдохнуть;
Мы любим лишь себя, нам дружество — оковы,
И только для страстей открыта наша грудь.

И что же, что они безумным нам приносят?
Презрительно смеясь над слабостью земной,
Священного огня нам искру в сердце бросят
И сами же зальют его нечистотой.
За наслажденьями, по их дороге смрадной,
Слепые, мы идем и ловим только тень,
Терзают нашу грудь, как коршун кровожадный,
Губительный порок, бездейственная лень...
И после буйного минутного безумья,
И чистый жар души и совесть погубя,
Мы, с тайным холодом неверья и раздумья,
Проклятью предаем неистово тебя.

О, сколько на тебя проклятий этих пало!
Чем недовольны мы, за что они? Бог весть!..
Еще за них нас небо не карало:
Оно достойную приготовляет месть!

КОЛИЗЕЙ

Поросшие мхом, окаймленные плющем,
Развалины древнего зданья стоят,
Ничем не напомнят они о живущем,
О смерти на каждом шагу говорят.
Невольно сурово глядишь на руину
И думою сходствуешь с нею вполне.
Упавший обломок там вырыл стремнину,
Там сиро колонна приткнулась к стене,
Изрезало время морщинами темя,
А ветер-нахал их насквозь просверлил,
Карниз обвалился, как лишнее бремя,
Широкие двери буран растворил.
Изящные части загадочной грудой
Являются в целом смущенным очам,
Разрушено всё вековою причудой!
Но — слава искусству и древним умам! —
Еще нам напомнить и каждый обломок
Способен об их исполинском труде,
И днесь устыдится правдивый потомок
Дерзнуть посмеяться его наготе.
Глаза не окинут огромной руины,
И в час не обскачет пугливый олень;
Во всем, как остаток великой картины,
Былого величья хранит она тень.
Угрюмое зданье! века пробежали,
Пока к разрушенью ты сделало шаг;
Ты крупная буква на темной скрижали
Прошедших столетий; ты им саркофаг.
Твой жребий чудесный невольно мечтами
Зажег вдохновенную душу мою;
Поведай мне, как ты боролось с веками,

Поведай прошедшую участь свою.
«Великим умом я задумано было,
И думу глубокую множество рук
В существенность тяжким трудом обратило,
В красе величавой восстало я вдруг.
Взглянуть на меня собирались отвсюду,
Мой вид был прекрасен, торжествен и нов,
Дивился весь мир рукотворному чуду.
В средине седми величавых холмов
Я грозной и прочной стояло твердыней,
И Рим, мне бессмертную участь суля,
Меня, ослепленный мятежной гордыней,
Мерилом назвал своего бытия;
„Покуда ты живо, и я не исчезну,—
Мечтал он,— тогда лишь, как миру конец,
Мы вместе провалимся в хаоса бездну“.
Торжественной славой горел мой венец...
Наказан за гордость надменный мечтатель,
Мне многим досталось его пережить;
Хоть время, и люди, и жребий-каратель
С тех пор сговорились меня погубить.
Судьба к разрушенью мне путь указала:
Сперва как старик к нему тихо я шло,
Потом словно юноша быстро бежало,
А было уж старо и седо чело.
Что день, то я новые знало потери:
Все люди считали меня за свое
И рвали в куски, как голодные звери,
Невежды, изящное тело мое.
И вот от всего, что пленяло, дивило,
Безмерно гордился чем целый народ,
Осталась былого величья могила,
Теперь я скелет, безобразный урод.
Любуйся чудовищем с грустью мятежной,
Смотри и грусти обо мне надо мной,
Обдумай судьбу мою думой прилежной:
Невольно блеснут твои очи слезой.
Печален мой жребий, ужасен упадок!..
Но нет, не жалей меня, юный певец,
Удел настоящий мой темен, но сладок,
Тягчил меня славы прошедшей венец.
Ужасных картин я свидетелем было.
В день первый изменчивой жизни моей

Кровавое зрелище взор мой смутило:
В стенах моих звери терзали людей.
В годину гоненья на чад христианства
Неистово злоба в них рыскала вновь,
Страдало добро, ликовало тиранство,
Реками лилась христианская кровь.
А я содрогалось от хохота черни,
На мне отражался народный позор.
О, лучше б забвенье мильонами терний
Тогда ж закидало скорбящий мой взор!
Жалеть ли прошедшего с гибельной славой?!
Нет, странник, забыть я стараюсь его.
Взгляни: надо мною теперь величаво
Крест высится, веры святой торжество.
Там льется молитва, где страшная миру
Носилась речь злобы, как дикий буран;
Там амбра курений восходит к эфиру,
Где прежде дымилася кровь христиан.
О, я благодарно премудрому богу!
Пусть сорван покров красоты с моих чресл,
Пускай, указуя к паденью дорогу,
Меня изуродовал времени жезл —
Зато мои темные дни не тревожны,
Давно не обрызгано кровью стою...
Нет, нет, ко мне милостив рок непреложный,
Он чужд укоризны за участь мою...
Чу! звон колокольный! иди на средину
Развалин печальных, к предвечному в храм,
И спой там не жалобный гимн на судьбину —
Мой гимн благодарственный спой небесам...»

АНГЕЛ СМЕРТИ

Придет пора преображенья,
Конец житейского пути,
Предсмертной муки приближенье
Заслышу в ноющей груди,
И снидет ангел к изголовью,
Крестом трикраты осеня,
С неизъяснимою любовью
И грустью взглянет на меня;
Опустит очи и чуть внятно,
Тоскливо скажет: «Решено!
Под солнцем жизнь не беззакатна,
Чрез час ты — мира не звено.
Молись!» — и буду я молиться,
И горько плакать буду я,
И сам со мною прослезится
Он, состраданья не тая.
Меня учить он будет звукам
Доступных господу молитв,
И сердце, преданное мукам,
В груди их глухо повторит.
Назначит смертную минуту
Он, грустно голову склоня,
И робко спрашивать я буду:
«Господь простит ли там меня?»
Вдруг хлад по жилам заструится,
Он скажет шепотом: сейчас!
Святое таинство свершится,
Воскликнут ближние: угас!
Вдруг... он с мольбой закроет очи,
Слезой зажжет пустую грудь
И в вечный свет иль к вечной ночи
Душе укажет тайный путь...

ВСТРЕЧА ДУШ

I

Всё туманится и тмится,
Мрак густеет впереди.
Струйкой света что-то мчится
По воздушному пути,
В полуогненную ризу
Из лучей облечено.
Только час оттуда снизу,
А уж с небом сближено;
Без порывов, без усилья,
Словно волны ветерка,
Златом облитые крылья
Вольно режут облака.
Нет ни горести, ни страха
На блистательном челе.
То душа, со смертью праха
Отчужденная земле.
То от бедствий жизни бурной
Беспорочная душа
Юной девы в край лазурный
Мчится, волею дыша.
Век страдалицей высокой
На земле она была,
Лишь любовию глубокой
Да молитвою жила.
Но любви блаженством ясным
Мир ее не подарил;
Там с избранником прекрасным
Жребий деву разлучил.
Року преданная слепо,
Страсть она перемогла
И нетронутый на небо
Огнь невинности несла.

И блистателен и пышен
Был венец ее двойной,
Лёт торжественный, чуть слышен,
Сыпал искры за собой.
На недвижный и безмолвный
Неба божьего предел
Взор, уверенности полный,
Как на родину смотрел.
Только темное сомненье,
Мнилось, было на челе:
Суждено ль соединенье,
Там ли он иль на земле?

II

Слышно тихое жужжанье
От размаха легких крыл,
Пламень нового сиянья
Тучи грудь пробороздил.
Видит светлая другую,
Восходящую с земли,
Душу, в ризу золотую
Облеченную, вдали.
Ближе, ближе... вот сравнялись,
Вот сошлись на взмах крыла,
Быстро взором поменялись,
И приветно начала
Говорить одна: «Из мира
Многогрешного парю
В область светлого эфира,
В слуги горнему царю.
Грея грудь питомца горя,
Я там счастья не нашла;
Там, с людьми и роком споря,
Бед игрушкой я была.
Только раз лишь — помню живо
День и час — блаженства луч
Так роскошно, так игриво
Проблеснул мне из-за туч.
Деву с черными очами
В мире дольнем я нашла
И, пленясь ее красами,
Всё ей в жертву принесла.

Но под солнцем несчастлива
Бескорыстная любовь!
Вверг, разлукой, прихотливый
Рок меня в страданье вновь.
На свиданье с ней надеждой
С той поры живу одной,
И теперь, когда одеждой
Я не связана земной,
Радость всю меня обильно
Наполняет и живит:
Верю, мне творец всесильный
Амариллу возвратит...»
— Амариллу? голос друга
Я узнала... я твоя!
Сладким именем супруга
Назову любимца я...
Нет здесь бедственной разлуки,
Вечен брак наш... Нет преград!
Наградил нас бог за муки.
Как он щедр, велик и свят!

III

И в блаженстве беззаветном
Души родственно слились
И в сиянье огнецветном
Выше, выше понеслись.
Понеслись под божье знамя
Так торжественно, легко.
От одежд их свет и пламя
Расстилались далеко;
Счастья чистого лучами
Пышно рдело их лицо;
А венцы их над главами
Вдруг сплелись в одно кольцо —
Словно в знаменье обета
Всемогущего творца,
Что для них свиданье это
Не найдет себе конца.

ИСТИННАЯ МУДРОСТЬ

Не всё постигнул ум надменный,
Не всё светло для мудреца,
Есть много таин во вселенной,
Ключи которых у творца.
От жажды знанья плод не сладок.
О, не кичись, средь гордых дум,
Толпой бессмысленных догадок,
Мудрец! — пред богом прах твой ум;
Твои открытия случайны.
Тебе поверил ли эфир
Свои божественные тайны,
Свою судьбу сказал ли мир?
Дала ли жизнь тебе способность
Постичь хоть самого себя,
Ясна ль очам твоим загробность,
Дно моря светло ль для тебя?
Понятны ль дивные явленья
В природе неба и земли,
Пути планет, миров движенья,
Буран, что топит корабли,
Утроба гор, что родит злато
Иль мещет пламень и пожар?
Всезнанья жаждою богатый,
Ты угадал ли тайну чар,
Во сне тебе дающих крылья?
В себе ты понял ли, скажи,
Боренье силы и бессилья,
Ничтожность тела, мощь души?
А своенравная судьбина,
С которой бедственна борьба,
Что . . . .
. . . .

Играет гением и шутом,
Смиряет битвы, рушит мир,
В невежде, гордостью надутом,
Земным умам дает кумир;
Не внемлет воплей, просьб и плача,
Когда сурова и гневна,
Которой нет щедрей, богаче,
Когда раздобрится она,—
Покровы тайны, хоть украдком,
С нее ты сорвал ли, мудрец?
Не верим мы твоим догадкам:
Ты жалкий скептик, ты не жрец.
Земным умом измерить бога,
Постигнуть тайны бытия,—
Нет, это дерзко, это много,
Нет, это доля не твоя!
Благоговеть пред мистицизмом
И был и есть удел людей,
На что ж преступным скептицизмом
Мрачишь ты блеск души своей?
Зачем запретные познанья
Тебе, рабу земных оков?
Иль то для славы, для названья
. . . . гения веков?
Отринь губящий дух гордыни,
Не льстись надеждой ни на миг,
Что глас твой будет не в пустыне,
Когда ты скажешь: всё постиг!
Страшись снискать людей презренье,
Небесной кары не накличь;
Нет славы в дерзком покушенье
Непостижимое постичь!
Не стыд — сознание бессилья
Пред тем, что выше сил души.
Оставь же тщетные усилья;
Не жди, не мучься, не греши!
С мольбой возьмись за труд по силе,
Путь к знаньям верой освети
И с этим факелом к могиле —
Всего отгадчице — гряди.
Мужайся там, где слез пучина,
Люби добро, как мать птенца,
И разлюби родного сына

За отступленье от творца;
Будь бед своих сторонний зритель,
Чужих — чувствительный отец;
Всего великого ревнитель,
Всего ничтожного беглец;
Тип в совершенстве человека
В себе одном осуществи,
Собою тварь, на диво века,
Творца достойную, яви.
Вот в этом мудрость, в этом слава,
Твой долг, твой подвиг на земле!
Таким, не мудрствуя лукаво,
Явись, с смиреньем на челе,
И вознесешься ты высоко,
Блистая славою прямой,—
Как это огненное око,
Что смотрит днем на мир земной.

ЗЕМЛЯКУ

Бывали дни — в стране родной
Мы жили вместе, пылки, юны,
Но чисты сердцем и душой.
Судеб карающих перуны,
И Зевсов гром, и гром тревог,
И стрелы зависти коварной,
И стрелы молньи лучезарной
Щадили нас и наш порог.
Всё было тихо; без волнений
Текла цветущая весна,
Душа щитом беспечной лени
Была от бурь заграждена.
И нам казалось — тяжкий молот
Не раздробит его вовек;
И нам казалось — пламень, холод
И всё, чем дышит человек,
Тот щит лишь закалят надежней,
И навсегда он будет нам
Порукой в жизни безмятежной,
Ответом бурям и страстям.
Но затаенный долго пламень
Сильнее вспыхивает вдруг,
Но страшный порох рвет и камень
Так и тот щит, печальный друг,
Которым грудь мы прикрывали,
Мгновенно страсти разорвали,
Нам стали скучны ручейки,
Долины, холмики, лески —
И всё, чем в доле беззаботной
В деревне счастлив земледел

(Чему б теперь опять охотно
Душой предаться я хотел).

Мы на чужбине. Рок забросил
Далеко утлый наш челнок;
Ты скоро сердце обморозил,
Тревоги жизни пренебрег.
Я был несчастней, я пил дольше
Очарованье бытия,
Зато потом и плакал больше
И громче жаловался я.
Так и всегда: чем лучезарней
Сначала дольней жизни путь,
Тем будущность темней, коварней,
Тем глубже западает в грудь
Тоски крушительное семя
В минуты бедствий и утрат;
И разве опыт, рок и время
Его из груди истребят...
Сбылись ли наши ожиданья,
Узнали ль мы то, чем желанья
Палили кровь, томили ум?
Узнали мы тоску, страданья,
Мятеж страстей, волненье дум,
Узнали дружбу — без участья,
Привет и ласку — без любви,
Узнали то, что в мире счастья
Не уловить, как ни лови.
Что на пиру воображенья
Нарядом пышным и цветным
Рядили мы, в пылу забвенья,
То было призрак, было дым.
. . . .
. . . .
Что хладно мучит и терзает,
Ни каплей блага не живя,
То всё младое сердце знает,
То всё мы встретили, живя.
А радость, а надежда славы,
Любви и счастия даров?
Как осенью листы с дубравы,
Исчезло всё среди снегов,
К нам нанесенных вьюгой буйной

Измен крушительных и бед.
Что ж нам осталось в жизни бурной?
Что пронеслось, чего уж нет?
Нет веры в сбыточность мечтаний,
Которым предавались мы.
Есть опыт. Хладные умы
Он отучил от ожиданий,
От обольстительных надежд,
От дружбы женщин и невежд
И вечно ложных упований.
Мы всё забыли, погребли,
Что обольщает чад земли,—
И холод раннего бесстрастья
Нам скудной стал заменой счастья...

ГОРЫ

Передо мной Кавказ суровый,
Его дремучие леса
И цепи гор белоголовой
Угрюмо-дикая краса.
Мой друг, о сей стране чудесной
Ты только слышал от молвы,
Ты не видал в короне звездной
Эльбруса грозной головы.
Вот он. Взгляни, его вершина
Одета глыбами снегов,
Вокруг седого исполина
Стоят ряды его сынов.
Великолепные творенья!
Блистая гордой красотой,
Они вселенной украшенье,
Подпора тверди голубой.
Взгляни на них бесстрашным взором!
Но ты дрожишь: что видишь ты?
Или сравненьем, как укором,
Смутились дерзкие мечты?..
Да, да... наследник разрушенья,
Я понял ясно мысль твою
И, не без тайного крушенья,
Ее правдивой признаю:
Здесь от начала мирозданья
Водворены громады гор,
И полон гордого сознанья
Могучих сил их бурный взор;
Всеразрушающее время
Им уступать осуждено,
А между тем земное племя
В гробах истлело не одно.

Они всё те ж... основы твердой
Ничто разрушить не могло.
О, как торжественно, как гордо
Их величавое чело!
Всегда и холодно и бурно
Оно, закованное в лед;
Как опрокинутая урна,
Над ним висит небесный свод,
И солнце в отблесках узорных
На нем горит, как на стекле,—
Хребет возвышенностей горных,
Не чуждый небу, чужд земле.
Лишь изредка, под небосклоном,
Наскуча праздностью немой,
Сорвется с грохотом и стоном
Осколок глыбы вековой
И, весь рассыпясь мелким снегом,
Привет их долу принесет,
А дол туда же громким эхом
Благоговейный ужас шлет.

Картиной чудной вдохновенный,
Стою недвижим перед ней
Я, как ребенок умиленный.
Святой восторг души моей
И удивленья полны взоры
Шлю к тем же грозным высотам —
Чтобы заоблачные горы
Их передали небесам.

ЗЛОЙ ДУХ

Дух нечистый, дух порочный,
Как прокрался ты ко мне?
Для чего ты в час полночный
Здесь, со мной наедине?
Нет в очах твоих привета,
Как на давнем мертвеце,
Лед бесстрастья на лице,
Злобной радостью одетом,—
Только демонский восторг
Смех неистовый исторг
С уст, и он вместо ответа
Мне понятно говорит:
«Сам ты звал, за данью верной
Я пришел!..»
Так лицемерный
Демон душу сторожит.
Так он вьется, в час паденья,
Над главой во тьме ночей
И вливает яд волненья
В сердце холодом речей.
Чудны, страшны эти речи!
Часто им внимает ум,
И от каждой новой встречи
Больше в сердце мрачных дум.
Дух коварный искушенья
Ими душу окружит
И мятежное сомненье
В чистом сердце поселит.
Всё, что юношу пленяло
Дивным блеском красоты,

Что невольно увлекало
В область мысли и мечты,—
Осмеет он; и под маской
Долгой опытности, свет —
Безобразя черной краской
Зла, страданья, горя, бед —
Назовет темницей душной;
И, ребенок простодушный,
Ты погиб, когда его —
Силой духа своего —
Не отвергнешь!..

НЕЗАБВЕННАЯ

...Для сердца нужно верить.

Пушкин

О память, память! образ нежный
Надолго в сердце заключи,
Запри его рукой прилежной
И брось ненужные ключи!..

Не дай забыть того мгновенья,
Когда в полуночной тиши,
Затворник дум и вдохновенья,
Звучал я, полный восхищенья,
На струнах огненной души,—
И вдруг, чудесной невидимкой,
Как гений кроткий и благой,
Явилась дева предо мной,
Одета радужною дымкой
Туманной утренней зари,
В устах с улыбкою беспечной.
О память, память! сердцу вечно
Об ней мне в жизни говори!..

Я в ней искать единоверца
В мою любовь, в мои мечты
Пойду везде. О сердце, сердце!
Зачем так страстно любишь ты?

Я не простыну до могилы...
Чуждаясь света и пиров,
В чертог заветный к деве милой
Искать лишь буду я следов.

И близ нее, в ее чертоге
Жить будет сердце век мое;
Или умру я на пороге
Жилища райского ее...

Но если это сон волшебный,
Одна мечта — и на пути
Тревожной жизни рок враждебный
Мне не судил ее найти?!..

Я и мечту лелеять буду,
Любови к ней не погашу,
Свиданья сладкую минуту
На память сердцу запишу.
Солью мечтательное счастье
С моей существенной бедой
И жизни мрачное ненастье
Пройду бестрепетной стопой.
И верю — там, в стране лазурной,
Где радость и любовь вечна,—
В награду бедствий жизни бурной
Осуществится мне она.

ТУРЧАНКА

Гюльнара, гурия младая!
Как много пламени, лучей,
Любови, музыки, речей,
Приветов, ласк и песен рая
В живом огне твоих очей!
Кто, кто, безумец, эти очи
Отдаст за звезды ясной ночи?
Кто не забудет горя, мук,
Когда, как с арфы чудной звуки,
В порывах радости иль муки
Слетает с уст волшебный звук?
А эти перси, моря волны,
Кто не почтет, восторга полный,
Тая любовь в душе своей,
За чашу благ, в которой слито
Всё, что небесное забыто
В юдоли плача и скорбей?
Вот кудри — вороновы перья;
Черны, как гений суеверья,
Как скрытой будущности даль,
Роскошны, длинны и лоснисты,—
За поцалуй в их шелк душистый
Расстаться с жизнию не жаль.
Вот стан, но кто не примет стана
Лишь за воздушный круг тумана?
Вот ножка, дивная краса!
Под солнцем нет цветка, дорожки,
Достойных быстролетной ножки,

. . . .

Пери, Пери! диво света,
Ненаглядная краса!

Ослепляешь, как комета,
Ты и чувства и глаза.
Будто солнца луч полдневный,
Вкруг тебя блистает свет,
Смертоносен взор твой гневный,
Жизнодарен твой привет.
Пери, Пери! диво света!
Ты пленила мысль мою,
Я тебя, дочь Магомета,
Фантазируя, пою.
Как твои роскошны грезы,
Как восторженны мечты,
Как дрожат восточной розы
Неги полные листы,
Как дыханье беспокойно!
Ты как солнце горяча,
И огонь желанья знойный
Веет с груди и плеча;
Как растопленное злато,
Эта грудь нежна, чиста,
Но зато, как сталь булата,
Непорочностью тверда...
Пери, много дивной жизни
Затаила ты в себе;
Отчего ж в твоей отчизне
Нет поклонников тебе?
Скрыла ты под покрывалом
Прелесть юного чела
И от всех им, как забралом,
К сердцу двери заперла.

СОМНЕНИЕ

Ты начал жить. Роскошен жизни пир,
На этот пир ты позван для блаженства.
Велик, хорош, изящен божий мир,
Обилен всем и полон совершенства.
Лазурь небес, безбрежный океан,
Дремучий бор, так пышно разодетый,
Седой зимы сердитый ураган,
И тишина торжественная лета,
И говор вод, и пенье соловья,
И над землей витающая птица,
И по волнам скользящая ладья,
И в небесах горящая денница,
И темнота безмесячных ночей,
Приют тоски, мечтаний и любови —
Картины чудные для сердца и очей.
Ты всем пленен, и пламя юной крови
В тебе зажгло высокие мечты,
Ты вспыхнул весь огнем полунебесным
И, вдохновлен картиной красоты,
Постиг творца в творении чудесном.
Как праха сын, восторженным челом
Ты перед ним во прах повергся долу
И, до души проникнут божеством,
Послал мольбы к всевышнего престолу.
Он, внемля им, благословил тебя.
Сопутствуем надеждою веселой,
Иди, иди, надежду полюбя,
Ты с ней свершишь без горя путь тяжелый.
Но берегись! приюта не давай
В душе своей мятежному сомненью,
Беги его и сердца не вверяй

Его всегда недоброму внушенью...
С ним страшно жить, беседовать грешно,
И если раз его к груди пригреешь —
С тобой навек останется оно,
Ты в нем навек врага себе имеешь...
Порыв души в избытке бурных сил,
Святой восторг при взгляде на творенье,
Размах мечты в полете вольных крыл,
И юных дум кипучее паренье,
И юных чувств неомраченный пыл —
Всё осквернит нечистое сомненье
И окует грудь холодом могил.
Везде увидишь ты расставленные сети,
Тебя смутят тревожные мечты,
И даже там, где смело ходят дети,
Остановясь, задумаешься ты.
Ни красоты природы, ни искусства —
Ничто души убитой не займет,
Тлетворный яд губительного чувства
Другие все из сердца изженет.
Полюбишь ты: сомненья призрак бледный,
Как адский дух, предстанет пред тобой,
Внушит совет и пагубный и вредный
И грудь зальет ревнивою тоской.
В ней закипит и бешено и страстно,
Как ураган, бунтующая кровь,
Но, мучимый сомнением всечасно,
Ты проклянешь безумную любовь.
Ревнивых чувств изгладишь впечатленье —
На сердце вновь и хлад и пустота,
Вотще искать ты будешь утешенья,
Нет, для него грудь будет заперта.
Участье дружества, последняя отрада —
И от нее сомненье отвлечет;
Оно тебе врагом покажет брата
И друга доброго злодеем назовет.
Мир для тебя в пустыню обратится,
Его бежать, чуждаться станешь ты;
В груди навек сомненье приютится
И поселит в ней мрачные мечты.
Ты не отвергнешь их, привыкший сомневаться,
И скоро грешные мышления тайком
К тебе начнут глубоко прививаться

И созревать на сердце молодом.
И вот плоды несчастных размышлений,
С сомнением томительных бесед:
Ты, раб его неправедных внушений,
Им омрачишь отрадной веры свет.
Тогда, тогда — печатью отверженья
Зажжет чело отступника позор,
И торжество коварного сомненья
Тебе прочтет последний приговор...

ПЕСНЯ

Мало на долю мою бесталанную
Радости сладкой дано,
Холодом сердце, как в бурю туманную,
Ночью и днем стеснено.
Ах, уж страдальца краса благосклонная
Другом давно не звала
И, поцалуем живым раскаленная,
Грудь его грудью не жгла.
В свете как лишний, как чем опозоренный,
Вечно один он грустит,
Девы! ведь чувства во мне не затворены,
Я не бездушный гранит.
Дайте любови мне — радость безумная
Вспыхнет, как пламя, в крови;
Прочь, неотвязная грусть многодумная,
Всё утоплю я в любви!
Ты не раскаешься, дева прекрасная,
Если полюбишь меня.
Склонит цветочек погода ненастная,
Нежная дева средь дня
К солнцу небесному ручкою ловкою
Тихо его повернет —
Снова, на стебле качаясь головкою,
Он ароматом цветет:
Смят я несчастьями, горем измучен я;
Дева, явися, спаси!
С мыслью о смерти теперь неразлучен я,
Жить и любить воскреси!..

ПОКОЙНИЦА

«Кто умер здесь? какой потери
Печаль встревожила сердца?
Откройте гробовые двери —
Хочу взглянуть на мертвеца!
Хочу, на ледяные кости
Печать лобзанья наложа,
Найти там след суровой гостьи,
Где ныла пленница душа.
О боже, о творец великий!
Она!..» И помутился взор,
И горьких жалоб ропот дикий
Несвязный выразил укор.
Опомнился... взглянул: у гроба
Другой, безмолвствуя, рыдал;
Но лишь ему в лицо, как злоба,
Народ презрительно взирал
С уликой. «О, зачем, Спаситель,
В тоске рыдать об ней, как он,
Я права от тебя лишен,
И клевета, любви гонитель,
На самом гроба рубеже
Покоя не дает душе,
Простившейся с грехами тела,
И на нее через меня
Льет яд позорного огня?
Я ей чужой!..» С чела слетела
Искусно скрытая тоска,
Из роз могильного венка
Цветок он вырвал равнодушно,
Пошел — исчез в толпе бездушной...

Толпа его не поняла.
Весь день об нем, наморщив брови,
Судила, думала, врала,
И страшно молвить как, злословя,
Она покойницу звала...

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

I

Повитый ризою полночного тумана,
Под сладкий говор волн седого океана,
Как путник под напев лесного соловья,
Спит пышный град. Разврата не тая,
Он обнажил поруганное тело,—
Рука страстей над ним отяготела,
И ночи тьма не кроет от очей
Печальных признаков людского заблужденья:
Там сладострастные стоят изображенья,
Нагие прелести вакханок и цирцей.
Что чувствам льстит, а душу унижает,
Там видит взор, и ясно выражает
Картина от очей не скрытой наготы:
Присутствие греха, отсутствие святого,
Господство одного порочного и злого —
Разврата блеклые цветы...
Тихо кладбище,
Мертвых жилище,
Храм божий тих.
Мук преступленья,
Жажды, презренья
Говор притих...
Казни позорной
Место вдали,
Заговор черный,
Страсти земли —
Ада созданья,
Помыслы зла,
Злые желанья,
Злые дела,
Тихо, всё тихо,
Молчит.

II

Утопая в неге сладкой,
Беззаботно спит старик,
Дерзкий юноша украдкой
В терем девицы проник;
Жадный к деньгам видит злато,
И во сне его рука
Строит гордые палаты,
Исчисляет груз богатый
Кораблей издалека;
Враг людей, друг черной ночи,
Устремя кровавы очи
В даль, с кинжалом, на коне,
Ждет добычи терпеливо.
Все — кто въяве, кто во сне —
Полны суетностью лживой.
И надежды и мечты
Их по-прежнему ласкают,
Ничего не ждут, не знают
Дети зла и суеты.
В море неги сладострастной
Сердце их погребено;
А меж тем земля ужасный
Пир готовит им давно...

Так, в глуби ее таится
Пламя дивное, оно
Скоро вспыхнет, задымится,
Чудной силой зажжено.
Скоро будет пир кровавый
На земле и в облаках;
Пышный, гордый, величавый
Превратится город в прах.
Скоро... вестницею гнева
Всемогущего творца,
Скрыла с неба радость-дева
Прелесть юного лица.
Темно, душно... Встаньте, люди,
Умолите божий гнев,
Оторвите вы от груди
Юных жен и юных дев;
Позабудьте ложе ночи,

Вы, погрязнувшие в зле,
Возведите к небу очи,
Устремите слух к земле.
Страшно в небе, но страшнее
Под землей, там гром гремит,
Там, как в сердце Прометея,
Пламя бурное кипит.
Пробудитесь! но призванью
Вы не внемлете; пора!
Нет, отсрочки наказанью
Бог не даст вам до утра...

III

Чу! дрожит земли утроба,
Гул несется из травы;
Гром гремит, как в двери гроба
Череп мертвой головы.
Чу! трепещут кровли башен,
Завывает темный бор.
Разрушителен и страшен
Бурь подземных разговор...

IV

Вновь прогремели сердитые громы,
Эхо глухое далеко летит,
Плещется море, и рушатся домы,
Людям земля приговор говорит.
Слышишь ли, смертный, ты скрежеты ада,
Тяжкие вопли придавленных жертв,
Видишь ли тело погибшего брата? —
Он бездыханен, холоден, мертв.
Слышишь ли грозный ты звон колоколен?
Это не ты их заставил звенеть,
Слабый, унять их ты также не волен,
Покайся! близка твоя смерть...

V

Нет, ужасным сим явленьем
Человек не устрашен;
Лишь с корыстным сожаленьем
Гибель зданий видит он.

И, рискуя жизнью, страшный,
Будто житель гробовой,
В бой вступает рукопашный
С разъяренною землей:
В сокрушенные палаты
Он стремительно идет
И из них кумир свой, злато,
В поле темное несет...
И везде одна тревога,
Мелкой суетности шум,
И не внемлет гласу бога
Человека гордый ум.

VI

Но грохоты громов подземных сильнее,
А черные тучи на небе мрачнее...
И вот на свободе, как вихорь степной,
Летает, кружится взорвавшийся камень,
Потоками брызжет дробящийся пламень
И в воздухе блещет кровавой зарей;
Оттуда — свершитель небесного мщенья —
На головы грешных он с шумом летит;
Разгульно пирует везде разрушенье,
Ничтожеству всё предает и мертвит...

VII

И ужас всех обнял. Всё люди забыли,
Дрожащие руки им страх оковал;
С землею прощалися, горько вопили
И мнили: суд бога последний настал.
И мнили: то было паденье вселенной,
И с трепетом ждали паденья ея,
А громы ревели во мгле потаенной,
Валилися зданья, стонала земля...
Отчаялись люди; настал час смириться!
В их души невольно закралась боязнь;
И поняли люди, что это творится
За их преступленья достойная казнь...

VIII

И вот перед небом создателя, в страхе,
Упал непокорный народ, и во прахе
Смирилися гордые дети земли:
И те, что доселе, главою надменной
Безумно отвергнувши бога вселенной,
На град наказанье его навлекли;
И те, что в пороках одних утопали,
Забыв и молитвы, и совести глас,
Что буйно, безумно грехом торговали
И бога-творца забывали не раз,—
Пред ним все смирились и песнь о прощенье
Послали к всесильному богу-царю.
И вот, милосердый, он в знак примиренья
Зажег на лазоревом своде зарю.
Заря загорелась, и тучи пропали,
Рассеялась мрачность и тьма в небесах,
Подземные громы греметь перестали;
От града остался лишь пепел да прах.
Но люди о нем не тужили, в священных
Словах благодарности, чистых, живых,
Молитва лилася из душ обновленных,—
Им не было жалко хором дорогих.
Оделся свод неба пурпуром денницы;
Народ всё молился и в страхе твердил:
«О боже премудрый! Ты благ без границы,
Ты милостью наши грехи победил!..»

ВОРОН

БАЛЛАДА

Не шум домовых на полночном пиру,
Не рати воинственной топот —
То слышен глухой в непробудном бору
Голодного ворона ропот.
Пять дней как, у матери вырвав дитя,
Его оглодал он, терзая,
И с тех пор, то взором в дубраве следя,
То в дальние страны летая,
Напрасно он лакомой пищи искал
И в злобе бессильной судьбу проклинал.

Носился туда он, где люди без слез
Лежат после хладной кончины;
Там жертву оспорил вампир-кровосос
И не дал ему мертвечины.
Был там, где недавно пожар свирепел
Вражды, честолюбья и злости:
Там раньше другой подобрать всё успел,
Ему не досталось ни кости.
И вновь без добычи вернувшися в бор,
Кричит он и стонет, кругом водя взор.

Едва от усталости может сидеть,
К земле опустилися крылья.
Чу, шелест, чу, топот!.. рванулся лететь,
Но слабые тщетны усилья.
Вот ратник лихой. Засверкали глаза,
И демонам шлет он молитвы:
«Убей его яростных громов гроза,
Иль враг наскочи и без битвы
Тайком умертви, чтоб, лишившийся сил,
И голод и жажду я им утолил».

Но тщетна нечистая просьба, промчал
Спокойно ездок мимо врана,
С коня соскочил он, его привязал
И к хижине, мраком тумана
От взоров сокрытой, направил свой путь,
Исполнен надежды отрадной,
А ворон всё каркал и до крови грудь
Себе проклевал беспощадно.
Но вот встрепенулся он радостно вдруг,
Спорхнул, над конем обогнул полукруг.

Как будто бы замысел злобный тая,
Ему он закаркал приветно:
«Смотри, как летаю торжественно я,
Мне в мире ничто не заветно.
Меня не тягчит беспокойный седок,
Узда и удила мне чужды,
Быть так же счастливым и ты бы, конь, мог,
Не зная неволи и нужды.
Ты так же б свободно весь мир облетал
И бурным стремленьям преград не видал».

Тряхнул головой благородною конь,
Понравились льстивые речи!
Рванулся, но столб устоял; лишь огонь
Копыта взметали далече.
Вновь ворон закаркал: «Тебе ли нести
Побои, позор и неволю,
И ты ли не в силах во прах разнести
Вождя хоть какого по полю.
Как сядет твой ратник, взбесися, помчи;
Сброни его в бездну и сам ускачи!»

На волю порывом, как злой ураган
Могучим, ответил конь бурный.
И радуясь, вынул безжалостный вран
Несчастного жребий из урны.
А в хижине радость. Там он и она,
Играет он локоном девы,
Она ему шепчет, прекрасна, нежна,
Любви бесконечной напевы;
Она ему в очи приветно глядит.
Но жребий не даром блаженство дарит!

Они расстаются; уж близок рассвет.
И горько она зарыдала.
Он завтра приехать дает ей обет,
Но дева как будто узнала
Таинственный жребий, предчувствий полна,
Она его крестит, лобзая.
Он сел и поехал; уныло она,
Очами его провожая,
Стоит у порога. Вдруг конь на дыбы!
Заржал... и свершилася воля судьбы...

Летит без наездника конь молодой.
«О друг! что с тобою случилось?»
И быстро бежит она тайной тропой
И мертвой на труп повалилась.
На нем уже ворон голодный сидел
И рвал его, в радости дикой;
Сбылось, совершилось... ужасный удел
Тебальда постиг с Вероникой!

. . . .
. . . .

РЫЦАРЬ

БАЛЛАДА

Не жалобной чайки могильные крики,
Не сонного филина грустный напев,
Не говор унылый с волной повилики,
Не песни тоской сокрушаемых дев,
Не звуки поэта задумчивой лиры
В ночи прерывают природы покой —
То воин могучий над гробом Заиры
Рыдает, на меч опершись боевой.
Глухие стенанья несутся далеко;
Бесстрашного в брани смирила печаль —
Отчаянья полн, он вздыхает глубоко,
И брызжут горячие слезы на сталь.
«Заира, Заира! твою ли могилу
Я вижу? погибла надежда моя!
Молчите, дубравы и ветер унылый,
Затихни, полночная песнь соловья,—
Быть может, услышу хоть голос знакомый,
На миг хоть увижу любезной лицо.
Напрасно! нет вести из вечного дома,
Всё тихо! но ты, дорогое кольцо,
Поможешь мне вызвать из гроба Заиру.
Волнуйтеся, реки, дубравы, поля,—
Не дайте услышать уснувшему миру,
Как с грохотом треснет сырая земля.
Кольцом не простым я владею,— вручая
Его, мне сказала она: талисман
В нем дивный таится, из горнего края
Оно вызывает, врачуя от ран.
Свершайся ж, надежда! свидание с милой
Уснувшую радость во мне пробуди,
Прах, жизнью согретый, вставай из могилы,
Заира к Роланду на грудь упади!..»

Не вихрь завывает, не море бушует,
Не громы грохочут в седых облаках —
Роланд, обнимая, Заиру целует,
У рыцаря радость блистает в очах,
Он счастлив... он шепчет: «Со мною, Заира,
Пойдем, я покину и лавры и меч,
Не буду грозою подлунного мира!»
— Нет, милый, нет, в землю холодную лечь
Пора мне, простимся! мой друг, не дается
Нам прав уходить из подземных утроб,
Денница прекрасная скоро зажжется,
Прощай, до свиданья! ты в битву, я в гроб!..—
Исчезла... «Не можешь со мной ты остаться;
Так я не могу ли с тобою?.. прости,
Мой меч троегранный, с которым тягаться
Боялось полмира, мне в бой не идти!..»
День на небе. С громом сигнала сзывного
Помчалися в битву бесстрашных полки,
Но не было с ними Роланда младого.
Где ж он? На кладбище, у быстрой реки
Есть ветхая келья. Оттуда порою
Выходит отшельник, угрюм, сановит;
Он молится днем над могилой одною,
А ночью всё с кем-то на ней говорит.

ВОДЯНОЙ

БАЛЛАДА

«Меня из-под солнца сманил Водяной
В подводные царства Дуная,
Оковано сердце броней ледяной,
И стала совсем я иная:
Ни черные очи огнем не горят,
Ни щеки румянцем не рдеют,
Ни бури желаний души не томят,
Ни страсти земные не греют;
И вся, как Дуная седого волна,
Теперь я бесстрастна, мертва, холодна.

Что мне, что могу я там вольною быть,
Сквозь волны смотреть на природу
Иль, ставши волной, прихотливо браздить
Крылом задремавшую воду;
Что отдал мне мой непостижный супруг
Во власть всё подводное царство,—
Земное к земному влечет юный дух;
Но тщетно, кляня за коварство,
Прошусь я домой, он к родной стороне
Дорогу забыть приказал давно мне...»

— О, где твоя родина, дева, открой! —
Сидящей на бреге девице
Сказал юный ратник, бесстрашный герой,
Блистала слеза на реснице;
Участия полный, он деву спасти
Клялся и мечом и свободой.
«Беги, витязь юный, скорее! прости,
Иль сгибнешь, постигнут невзгодой!

Меня стережет мой супруг Водяной,
Найдет он везде, мы пропали с тобой!»

Но он не внимает.— О радость души!
В награду любви моей страстной
Спасителем быть мне твоим прикажи!
Твое опасенье напрасно.
Куда пролегает таинственный путь,
Скажи мне! — так он умоляет.
Вдруг дева упала к счастливцу на грудь
И юношу страстно лобзает:
Земная природа проснулася в ней,
На волю из груди бьет пламень страстей.

В восторге души, он недвижим и нем,
Она вся любовь, восхищенье,
Забыли земное; готово меж тем
Ужасной грозы приближенье.
Бегут, но уж поздно. Раздался в тот миг
Прерывистый хохот; о горе!
Всё шире и шире Дунай — и настиг,
Разлившись как бурное море.
И где за миг с другом стояла она,
Там бьется, бушует и скачет волна.

ПИР ВЕДЬМЫ

I

Темно в хате, душно в хате;
Пляшут ложки на столе.
Скачет ведьма на ухвате,
Едет черт на помеле.

Светло в хате, чисто в хате;
Вышла баба из трубы,
Набрала воды в ушате,
Загадала на бобы.

«Приходите, черти, змеи!
Пир дадим, сестра-душа!»
И сняла колдунья с шеи
Двухаршинного ужа...

II

Ветер свищет, ветер вьется,
Воет бор, ревет ручей;
Вдаль по воздуху несется
Стая леших и чертей.

Поле стонет, поле плачет,
Завывает, словно волк;
По земле ползет и скачет
Змей гремучих целый полк.

Вползли змеи в двери хаты,
Черти с шумом из трубы,
Безобразны и рогаты,
Повалились, как грибы.

III

Обниманья, сплетни, говор,
Всякий хочет угодить;
Черный уж, колдуньин повар,
Стал меж тем уху варить.

И покуда мыл он плошки,
Все, без скрыпки, без смычка,
Под напев голодной кошки
Принялись за трепачка...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

IV

Славно пляшет на три сорта
Сатанинская семья!
И колдунья, сватья черта,
От восторга не своя.

Что за праздник! песни, хохот,
Крик, блеянье, волчий вой,
Львиный рев и конский топот,
Зев и говор громовой.

Любо это ей до смерти!
Вдруг запели петухи,
И пропали гости-черти,
Не дождавшися ухи.

НЕПОНЯТНАЯ ПЕСНЯ

...Забываю песни муз,
Мне моря сладкий шум милее.
Пушкин

Клокочет, бушует, волнуется море
Сердито и грозно; седые валы,
Как вихри, летают на буйном просторе
И силятся сдвинуть крутые скалы.
Смотрите, смотрите — как грудью могучей
Они, разъяренные, бьют в берега!
Но вот на средину отхлынули тучей,
Как будто заслыша призванье врага.
Как будто меж ними затеялась ссора —
Ревут ураганом, громами гремят,
Понять невозможно их чудного хора,
Но, кажется, что-то они говорят.
Кто ж знает? быть может, в тревожном волненье
Безбрежной пучины бушующих вод
Есть тайныя речи и смысл и значенье.
Но кто их постигнет, но кто их поймет?..
Нас волны пленяют гармонией стройной;
Но, может, таится неведомо в ней
Звук чувства, и мысли, и дружбы спокойной,
И бурных желаний, и диких страстей.
Нет, нет, не без смысла их говор безвестный!
Прислушайтесь к звукам таинственных слов:
В них что-то поэзией веет небесной,
Как в песнях творцом вдохновенных певцов;
Как будто бы слышны то вопли разлуки,
То буйная радость, то к небу мольбы...
Но кто же постигнет волшебные звуки,
Кому же откроется тайна судьбы?..

О, если бы можно понять, хоть случайно,
То, что говорят меж собою оне!
О, если б ты, море, заветною тайной
Со мной поделилось, поведало мне:
Об чем беспрестанно, шумя и бушуя,
Ты, море, так сладко душе говоришь,
Об чем, то рыдая, то буйно ликуя,
Порою хохочешь, порою грустишь!

Открой мне, кипучее, бурное море,
Тайник заповеданный, дай мне понять,
Что дивное скрыто в твоем разговоре,
Что бурные волны твои говорят!
Их говор безвестный несется далече
И чем-то высоким пленяет меня;
Но если б я понял чудесные речи,
Душа б утонула в восторге моя...

НЕЗАБВЕННЫЙ ВЕЧЕР

Как быстро, быстро промелькнул
Восторг любви первоначальной!
Я помню: ветер тихо дул,
Приветно пел ручей хрустальный,
Дышали негою поля,
Как колыбель была земля,
Луна, как девственная жрица,
Раскинув пышные лучи,
В великолепной багрянице
Из огнерадужной парчи,
Казалась видимой короной
Главы незримого творца;
Звезд и созвездий легионы,
Как отблеск божьего лица,
Сияли в выспреннем эфире,
Веселым пламенем горя,
Как бы любуясь миром в мире,
Привет небес ему даря.
Он им амброзией растений
Курил чистейший фимиам,
И ароматный дым курений
Противен не был небесам.
Роскошно, пышно, чудотворно
Живописалась близь и даль:
Там всё в огне, а здесь всё черно,
Внизу цветы, вверху эмаль.
Я пил, в блаженстве замирая,
Восторга чистого струю,
Казалось мне, я был в раю;
Но средь чарующего рая
Чего-то взором я искал,
Чего-то мне недоставало...
Вдруг мягкий дерн затрепетал,
Вдали мелькнуло покрывало.
Она! дополнился восторг!
Он в сердце влил напиток райский,

Он взор и душу мне зажег...
В благоуханной сфере майской
Картина полночи немой
С ее немыми красотами,
И дева — ангел неземной
С живыми черными очами,
Вся из улыбки и огня,
С обетом счастия во взоре —
Всё это лило на меня
Блаженства истинного море.
Душа, казалось, то нашла,
Что ей вдали светлело метой,
Жизнь без чего для ней была
Прекрасной песнью недопетой.
Я понял, радостью горя,
Не отягчен мирской заботой,
Как гармонирует с природой
Любви восходная заря.

Промчались дни. Бывали ночи
Той и прекрасней и ясней,
В них мне не раз являлись очи,
Роскошный шелк витых кудрей,
Изящны формы плеч и стана,
Меня пронзал лобзанья жар,
Каким родит жерло волкана
Вокруг и пламень и пожар,—
Но нет того очарованья!
Душе остынувшей моей
Всё слаще первое лобзанье,
Тот первый вечер всё милей.
И все вы, новые порывы
Любить, ласкать, лобзать и жечь,
Как вы ни бурны, как ни живы,
Меня не можете увлечь
В стихию прежнего блаженства.
И если временем мне в грудь
Прекрасной девы совершенства,
Как лаву, жар палящий льют
И, будто гнев в душе капризной,
Опять пылает страсть в крови:
То не любовь, то только тризна
По первой радостной любви...

МОГИЛА БРАТА

Я был на могиле, похитившей брата,
И горькие слезы кропили ее,
В душе пролилася святая отрада,
От горя проснулося сердце мое.

Проснулися чувства и думы толпою,
И память о прежнем в душе ожила,
И резво, роскошно опять предо мною
Былого картина как май расцвела.

Как будто бы горе мое миновало,
Как будто б я с братом, и брат мой со мной,
Как будто б на сердце тоски не бывало;
Но я был обманут коварной мечтой,—

Не брат предо мною — могила сырая,
Сокрывшая тленный остаток того,
С кем весело мчалася жизнь молодая,
Кто был мне на свете дороже всего.

О слезы, о слезы! несчастных отрада!
Чрез хладную землю катитесь к нему,
На грудь упадите бесценного брата
И горе мое передайте ему!

Скажите, скажите, горючие слезы,
Что я одиноко веду мою жизнь,
Завяли в душе моей счастия розы,
И тернии горя лишь в ней разрослись.

Но что я, безумец? поймет лп бездушный
Остаток истлевший печали мои?

Душа его в небе, а гроб равнодушный
Лишь тело да кости взял в недра свои.

О небо, о вы, безграничные выси!
Я отдал бы счастье, оставил бы мир,
Чтоб в ваши пределы душой вознестися,
Орлом легкокрылым вспорхнуть на эфир.

Я там бы увидел бесценного брата
И с ним поделился бы грустью моей;
И это б мне было святая награда
За дни, проведенные в муках скорбей.

Увидел бы брата — и с ним не расстался;
Но небо высоко, а на небе он.
Лишь труп охладелый на память остался
И в душной могиле давно погребен.

Касатка порхает над братней могилой,
Душистая травка роскошно цветет,
И плющ зеленеет, и ветер унылый
Над ней заунывную песню поет.

Храм бога высокий, часовня, ограда,
Кресты да курганы — кругом тишина.
Покойся же мирно, прах милого брата,
Пока не восстанешь от долгого сна.

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ

СОНЕТ

Вчера я бесстрашно сидел под грозою
И с мужеством буйным смотрел в небеса,
Не робостью кроткой — надменной мечтою,
Суровой отвагой горели глаза.

Я песнями вторил громам; надо мною
Губительных молний вилась полоса,
Но страх потерял все права над душою,
Меня не пугала вселенной гроза.

Зачем же сегодня я бури боюся,
Под покров одинокий бегу, тороплюся?..
Ах, жизни вчера не жалел я, как сна,

Отверженный *ею,* царицею сердца,—
Сегодня же в *ней* я нашел одноверца,
«Люблю!» — мне сказала робея *она*...

НОЧЬ

I

Я не сплю, не сплю — не спится,
Сердце грустию томится,
Сердце плачет в тишине,
Сердце рвется к вышине,
К безмятежному эфиру,
Где, одетая в порфиру,
Блещет яркая звезда.
Ах, туда, туда, туда —
К этой звездочке унылой
Чародейственною силой
Занеси меня, мечта!

II

Полночь; тихо. Ангел мира
Воцарился над землей;
Вот редеет мрак эфира,
Вот раскрылся предо мной;
Вот встают из мрака тени
Очарованных видений
И вкруг звездочки златой
Вьются светлою толпой.
То спускаются, то снова
Исчезают в вышине,
То кружатся над дубровой,
То взвиваются к луне;
То, сплетясь руками дружно,
Вереницею жемчужной
Над водами пролетят
И крылами прошумят.

О, спуститесь на минуту
К безмятежному приюту,
Где один с своей мечтой
Я грущу во тьме ночной,
И из сферы жизни душной
Унесите в мир воздушный,
В мир фантазии святой!

III

Зашумела страшно буря,
Ветер буйный засвистел,
Свод небесный потемнел,
Мрачно голову нахмуря,
Дуб кудрявый затрещал,
Пошатнулся — и упал.
Страшно в поле в непогоду —
Брызжет белая волна,
Из брегов фонтаном воду
Бьет, кипучая, она;
Ветер воет, ветер свищет,
Ветер вольный всюду рыщет;
То по полю пролетит,
То над бездной прокричит,
То взовьется, закружится,
В поднебесную умчится.
Он свободен! Вот звезда
Вновь блеснула из-за тучи —
Ветер вольный, ветр летучий,
Унеси меня туда!..

ДНИ БЛАГОСЛОВЕННЫЕ

Дни благословенные, дни многоотрадные
Промелькнувшей радости,
Снова уловляю я памятию жадною
Нектар вашей сладости.
Вижу ночь весеннюю, пламень, проливаемый
Бледною Дианою,
Вновь иду под яворы, ласково встречаемый
Юною Светланою.
Вижу вновь красавицу совершенства чудного,
Счастьем упоенную,
Словно изумрудами, неба изумрудного
Блеском озаренную.
Слышу величавую музыку певучую
Слова сладкогласного,
Упиваюсь весело сладостию жгучею
Поцалуя страстного.
Мигом излечаются раны сердца вялого,
Нет тоски и холода,
И опять на миг оно памятью бывалого
Весело и молодо...

ЗАГАДКА

СОНЕТ

Непостижною святынею
Перед нами, без речей,
Небо круглою равниною
Блещет в ризе из лучей.

Что же там за далью синею,
Далью, видной для очей,
Где слито оно с пустынею
Днем и в сумраке ночей?

Не понять нам. Чудной тайностью
То для глаз облечено;
И постигнутые крайностью,

Видим только мы одно,
Что мир создан не случайностью,
Есть начальное зерно...

ОБЕТ

О, покинь меня! напрасно
О любви мне не тверди
И так пламенно, так страстно
На страдальца не гляди!
Я боюсь палящих взоров
Огнедышащих очей,
Я боюсь, как злых укоров,
Милых ласковых речей.
Отойди! я им не верю,
Я давно от них отвык;
Одичалому как зверю,
Чужд любви твоей язык.
Как дитя я суеверен;
Мне странна твоя печаль,
В этом мире — я уверен —
Никому меня не жаль.
В жизни странник, в год несчастья
Я узнал земных друзей
И чуждаться их участья
Дал обет в душе моей.
Ты пока еще не знаешь
Горькой муки бытия;
Погорюешь, пострадаешь,
Так увидишь, прав ли я.

КРАСАВИЦЕ

Красавица! не пой веселых песен мне!
Они пленительны в устах прекрасной девы,
Но больше я люблю печальные напевы:
Они манят к той дивной стороне,
Где жизнь сладка, от звуков тает камень,
Где всё восторг, поэзия и пламень,
Где без пределов радость есть,
Куда и мыслью дерзновенной
Не проникает ум надменный;
Откуда лишь мечта в наш мир заносит весть,
Когда на крыльях своевольных
Туда взлетит с границ юдольных
И там, прикована чудесным волшебством,
Вся очарована, украдкой
Заучивает гимн пленительный и сладкий,
Не смея зашуметь крылом...
Мне мил и потому печальный тон напева,
Что в первый жизни год родимая, с тоской,
Смиряла им порыв ребяческого гнева,
Качая колыбель заботливой рукой;
Что в годы бурь и бед заветною молитвой
На том же языке молилась за меня;
Что, побежден житейской битвой,
Во власть ей отдался я, плача и стеня;
Что первых слез горючей влаги
Восторга песнь не залила,
А та — надежды и отваги
С собой мне много принесла.
И тем, что горних стран таинственная дева,
Младая муза, в первый раз,

Слетя ко мне под сень развесистого древа,
Мне в нем поведала чудесный свой рассказ;
Что мне понятен стал и дивный говор бури,
И с листом шепчущийся лист,
И шум морских валов, и ветра буйный свист,
И разговор с землей лазури —
Когда впервые я песнь грусти услыхал;
Я с ними встретил в ней нежданные созвучья.
В душе убитой им отзвучья
Я много, много отыскал!
На что ж мне песнь веселья и забавы,
Когда настроена она
На звуки томные, на грустные октавы
И только ими лишь полна?
Когда на ложе грусти вечной
Спокойно задремал мой дух?
Забудь, прекрасная, песнь радости беспечной:
Его разбудишь ты для муки бесконечной,
Когда она встревожит слух.

ТОТ НЕ ПОЭТ

Кто духом слаб и немощен душою,
Ударов жребия могучею рукою
Бесстрашно отразить в чьем сердце силы нет,
Кто у него пощады вымоляет,
Кто перед ним колена преклоняет,
Тот не поэт!

Кто юных дней губительные страсти
Не подчинил рассудка твердой власти,
Но, волю дав и чувствам и страстям,
Пошел как раб вослед за ними сам,
Кто слезы лил в годину испытанья,
И трепетал под игом тяжких бед,
И не сносил безропотно страданья,
Тот не поэт!

На божий мир кто смотрит без восторга,
Кого сей мир в душе не вдохновлял,
Кто пред грозой разгневанного бога
С мольбой в устах во прах не упадал,
Кто у одра страдающего брата
Не пролил слез, в ком состраданья нет,
Кто продает себя толпе за злато,
Тот не поэт!

Любви святой, высокой, благородной
Кто не носил в груди своей огня,
Кто на порок презрительный, холодный
Сменил любовь, святыней не храня;
Кто не горел в горниле вдохновений,
Кто их искал в кругу мирских сует,
С кем не беседовал в часы ночные гений,
Тот не поэт!

ПЕСНЯ ЗАМЫ

Силен и строен мой милый, нет равного
В мире красавца ему,
В поле средь брани, средь игрища славного
Мало двоих одному.
Метко бросает он стрелы летучие,
Храбро владеет мечом,
Гордо глядят его взоры кипучие,
Ловко он правит конем.
Бровь соболиная, волосы черные,
Небо и пламень — глаза,
Речь сладкозвучная — волны подгорные,
Весь обольщенье, краса!
Светел, как отблески ярко-пурпурные
Солнца в прозрачной глуби.
Сладко смотреть ему в очи лазурные,
Дивные шепчут: люби!
Сладко внимать его слову певучему,
Тихо дыханье тая;
Счастье быть братом иль другом могучему,
Счастливей доля моя!
Тигр безбоязненный — в гения кротости
Он пред моей красотой
Вмиг превращается; и не без гордости
Я на груди молодой
Грею гранитную грудь победителя,
Если домой хоть на миг
Он прилетит — и, от ран исцелителей,
Ищет лобзаний моих.
Что же сравняется с долей прекрасною,
С долей завидной моей,
Лучше ль быть на небе звездочкой ясною,
Птичкой летать средь полей?

Нет, мне не надобны крылья раздольные,
   Блеска не надобно мне!
Если мы вместе — и так мы не дольные,
   Если обнимемся — так мы в огне.
Нам не ужасна судьбина коварная,
   Рай наш всегдашний в любви.
О ты, как в сердце моем, жизнодарная,
   Век в его сердце живи!

ЧАС МОЛИТВЫ

Когда взойдет денница золотая
　　На небосвод
И, красотой торжественно сияя,
　　Мрак разнесет,
Когда звонят, к молитве созывая,
　　И в храм идут,
И в нем стоят, моленье совершая,
　　И гимн поют;
Тогда и я, с душою умиленной,
　　Меж всех стою
И богу гимн, коленопреклоненный,
　　Тогда пою.
Когда царь дня, в волнах купаясь чистых,
　　Течет к концу
И запоет хор птичек голосистых
　　Хвалу творцу;
И я пою, и я ему молюся,
　　И в час мольбы
Спокоен я душой и не боюся
　Угроз судьбы.
Мольба всегда усладу мне приносит,
　　Мой дух свежа,
Но никогда молитвы так не просит
　　Моя душа,
Как в грозный час кипучей непогоды;
　　Слова мои
Тогда солью я с голосом природы
　　И, чужд земли,
Пошлю к творцу усердную молитву,
　　И — внемля ей,
Он усмирит враждующую битву
　　Моих страстей...

СМУГЛЯНКЕ

Черны, черны тени ночи,
Но черней твоя коса
И твои живые очи,
Ненаглядная краса.
Если вестниками бури,
Кроя свет дневных лучей,
Ходят тучи по лазури —
Это тень твоих очей!
Если вспыхнут метеоры
Над поверхностью земли —
Их твои, о дева, взоры
Огнеметные зажгли!
Если молнья ярким блеском
На мгновенье вспыхнет там
И промчится с гордым треском
Гром по мрачным высотам,
Эта молнья — жар дыханья
Томных уст твоих, краса;
Гул отзвучный их лобзанья —
Разъяренная гроза.
Вся ты — искры бурной Этны
Да чудесный черный цвет;
Нет ни бледности бесцветной,
Ни румянца в тебе нет.
Лишь меняет буря гнева
Да любовь твои черты.
Черноогненная дева,
Счастлив, кем пленилась ты!
Как люблю я, как пылаю!
Но как часто за тобой
Взор ревнивый устремляю.

Ах, ужель?.. нет, боже мой!
Страшно мыслить!.. прочь сомненье!
Ты верна. Но, о судьба!
Если вдруг души влеченье...
Страсть... безумие... борьба?

Ах! молю — когда измену
Ты замыслишь, приходи,
Вольной страсти перемену
Расскажи мне на груди:
Обниму тебя, тоскуя,
Загорюсь от поцалуя
И, страданья тая,
Перед смертию скажу я:
«За Ленору умер я!»

ВЕСНА

Волна катится за волною
В неизмеримый океан...
Зима сменилася весною,
И реже воет ураган;
Не ждет безжалостное время,
Оно торопится на срок;
Полей и нив богатых бремя,
Исчез белеющий снежок,
Цветет веселая природа,
Зазеленел дремучий бор,
Встречает шумно утро года
Пернатых птиц громовый хор;
Они поют ей гимн приветный
Во славу бога и отца
И нежат песнею заветной
Печаль унылого певца.
Прекрасно небо голубое,
Везде прохлада и покой,
И щедро солнце золотое
Питает землю теплотой
Необходимой, благодатной;
От неприступной вышины
Струится воздух ароматный
На царство света и весны.
Широко, с гордостью кичливой,
Покинув прежние брега,
Через засеянные нивы
Течет прозрачная река,
И всё цветет, и всё прекрасно!
Но где ж зима, где след зимы,
Где вой метелицы ненастной,
Где грустный мрак могильной тьмы?

Зима прошла. Пройдет весна,
Настанет лето золотое,
Природа, радости полна,
Вздохнет отраднее, в покое.
Но ненадолго; нет, опять,
Рассвирепелые, по воле
Мятежно ветры засвистят
И закружится вихорь в поле.
И зашумит дремучий бор,
Завоет он, как волк голодный;
И с высоты пустынных гор
Повеет осенью холодной;
И снова сумрачная тьма
Раскинет свой покров печальный
И всемогущая зима
Оденет в саван погребальный —
Цветущий луг, зеленый бор
И всю поблекшую природу,
И убелит вершины гор,
И закует морозом воду;
И после дивной красоты
Природа будет вновь уныла;
Так жизнь: иль майские цветы,
Или заглохшая могила...

СЕРДЦУ

Она так нежно, так заботно
В тот час взглянула мне в лицо,
Она, казалось, неохотно
Взяла венчальное кольцо,—
Ужель не сон? Ужели точно
Она невинна и верна
И не мечтой была порочной,
А тайной грустью стеснена?
Ах! искра той надежды сладкой
Могла бы грудь одушевить,
Веселый стих внушить украдкой,
Мечту и музу пробудить.
Я вновь главой поник бы ныне
Перед царицей красоты,
Неся к ногам моей богини
Любовь, покорность и мечты.
Но нет, самолюбивой думой
Напрасно сердце не живи!
Мне суждено молчать угрюмо
Под гнетом рока и любви.
Уймись же, сердце! не надейся,
Вздох затаи в грудной глуби,
Волненьем суетным рассейся
И, если можешь, разлюби
И для красот ее ослепни;
Иль страсть смирением окуй
И словно камень в нем окрепни,
Или по-прежнему цалуй
Шаг каждый ног ее прелестных —
Всё, всё, лишь только не дерзни

Толпой укоров бесполезных
Напомнить ей былые дни!
Оставь ее! она ребенок,
Она и любит — только час.
Пускай же будет дик и звонок
Твоей тоски унылый глас.
Страдай! — страданьям нет неволи.
Мне суждено, постигнул я,
Одни трагические роли
Играть на сцене бытия.

ПРИЗНАНИЕ

Я пленен, я очарован,
Ненаглядная, тобой,
Я навек к тебе прикован
Цепью страсти роковой.
Я твой раб, моя царица!
Всё несу к твоим ногам,
Без тебя мне мир темница.
О, внемли моим словам:
Несурово, хоть ошибкой,
На страдальца посмотри
И приветливой улыбкой
Хоть однажды подари!
Я люблю; ужель погубишь
Ты меня, не полюбя?
Полюби! — когда полюбишь,
Буду жить лишь для тебя!
Лишь твои живые очи,
Ручку, ножку, локон, стан
Вспоминать и дни и ночи
Буду, страстный как волкан;
И покуда будет биться
Жизнь в пылающей крови,
Лишь к тебе, моя царица,
Буду полн огнем любви.
О, скажи, краса младая,
Мне хоть слово; но молю:
Полюби, не отвергая,
Так, как я тебя люблю!

РАЗГОВОР

Тело

Что ты, душа, так ноешь, страждешь,
Грустишь и плачешь день и ночь,
Чем ты больна, чего ты жаждешь,
Чем я могу тебе помочь?
Твоя печаль непостижима.

Душа

И не поймешь ты никогда,
Чем я, несчастная, томима;
Не по тебе моя беда.
Мои страдания глубоко
Во мне самой заключены,
Они томят меня жестоко,
Моей враждой раздражены.
Не от забот, не от коварства,
Не от измен они и бед,
Но нет конца им, нет лекарства,
Но победить их силы нет.
Унять мучительное горе
Одно, быть может, и могло б;
Но далека, как берег моря,
На то надежда...

Тело

Что ж то? гроб?
Зачем такое помышленье!
Нет, не согласно я с тобой,
Гроб для меня не утешенье.
Люблю житейское волненье,

И чинный бал, и гул глухой
На беспорядочной пирушке,
Люблю повздорить со старушкой,
Затеять дружбу с молодой;
Я тем живу, в своей я сфере,
И нет достаточных причин
Роптать, теперь по крайней мере.
Себе я добрый господин:
Хваля обычай благородный,
Я каждый день себя кормлю,
Я каждой ночью крепко сплю,
Мои дни мчатся беззаботно,
Я дружно с жизнию живу
И лишь об том немножко плачу,
Что красоту и силу трачу.

Душа

Ты и во сне и наяву
Одни лишь видишь наслажденья,
Тучнеешь ты от пресыщенья,
А мне дает ли пищу тот,
Кто мною дышит и живет?
Бросают псу из сожаленья
Порой оглоданную кость,
А я в презрительном забвенье,
Я — на пиру незваный гость.

Тело

Послушна в дни земного века
Будь мне — и всё поправлю я.

Душа

Нет, над тобою власть моя
Нужна для счастья человека.
Блажен, кто не всего себя
Тебе на рабство, тело, предал,
Кто мне часть жизни заповедал,
Меня питая и любя.
Кто суете себя не продал
За наслажденья и пиры,

Кто, словно рудник, разработал
Мои сокрытые дары.
Но тот несчастен, слаб и низок,
Кто жизнью душу обделил,
Кто дружбы с ней не заключил,
Хоть от рожденья к ней так близок.
Что я тому? излишний дар!
Он из сокровищниц глубоких
Не почерпает дум высоких;
Мой светлый ум, мой чистый жар,
Мой дух бездейственностью губит.
Он не меня, он тело любит,
А мне, забытой и больной,
Назначил он удел ужасный:
Тебе покорствовать всечасно
Или, вступя в неравный бой,
Бесславно падать пред тобой.
Как тяжела такая доля!
Ее мучительно влачить.
О, если б крылья, если б воля,
О, если б цепи сокрушить!

Тело

И вправду, я не понимаю
Твоей мечтательной беды,
Но отчего-то принимаю
В тебе участье. Брось мечты!
Послушай моего совета:
Живи со мною заодно;
По мне — на шумном пире света
Нам много радости дано.
Есть упоенье в сне мятежном,
В похвальных отзывах толпы,
В труде, в недуге неизбежном,
В грозе и милости судьбы;
Есть упоенье в вихре танца,
В игре, обеде и вине
И в краске робкого румянца
Любимой девы при луне.
На темный жребий свой не сетуй,
Со мной радушно помирись,
На пир за мной охотно следуй,
Моим весельем веселись.

Вкушай земные наслажденья —
И, верь, счастлива будешь ты
Без этой выспренней мечты
О неземном предназначенье.
Итак, дай руку — мы друзья;
Тебя сегодня же прекрасно
Развеселить надеюсь я...

Душа

Прочь, искуситель! не напрасно
Бессмертьем я освящена.
Одной враждой, враждой ужасной
Тебе до гроба я должна.
Пускай она не переможет,
Но не без боли вкусишь ты
Ее жестокие плоды.
Она во сне тебя встревожит,
Она на пир с тобой придет,
Твое веселье уничтожит,
Грудь плющем горя обовьет.
Ее укоров дикий голос
В тебя вонзится, как стрела,
И на челе поднимет волос,
Напомня грешные дела.
Когда безумством человека
Я ниже тела сочтена,
Когда во дни земного века
Плодов дать миру не должна,—
Хоть неусыпною борьбою
С грехом, владеющим тобою,
Порой от пропасти его
Тебя отторгну я насильно,
И хоть однажды — труп бессильный—
Ты мне уступишь торжество!..

ДУМА

О чем тоска и сокрушенье,
О чем вседневная печаль,
Роптанья, слезы, сожаленье —
Что тратим мы, чего нам жаль?

Ужель несчастье жизни краткой
Для нас мучительней всего,
А счастье так полно и сладко,
Что стоит плакать без него?..

Пловцов минутных в бурном море
Земное счастье неполно,
И побеждать земное горе
Довольно силы нам дано.

Страданье наше, наша мука,
Когда их сносим мы с мольбой,
За счастье прочное порука
В дому другом, в стране святой;

Не вечен мир, не вечны люди,
Покинем мы минутный дом,
На волю вылетит из груди
Душа эфирным мотыльком,

И станут перлами все слезы
Сиять в лучах ее венца,
И пусть страданья, мягче розы,
Ей путь устелют в дом отца.

Не часто ль ходим мы с отвагой
По топким тундрам и горам,

Когда хоть миг единый блага
Найти за ними мнится нам?

Зачем же ропот на страданья,
Зачем по мрачному пути
Мятежной жизни, без роптанья,
С отвагой той же не идти;

Когда, порою так же трудный,
От бед житейских и забот
Тот путь не к радости минутной,
К блаженству вечному ведет?

<В АЛЬБОМ МАРИИ ФЕРМОР>

На скользком море жизни бурной
Пусть ваша скромная ладья
Плывет по гладкости лазурной
До темной цели бытия
Без бурь, без горя, без ненастья...
Пускай роскошные мечты
Вас подарят годами счастья,
Слетя с безбрежной высоты...
Пускай убийственная скука
От вас далеко улетит
И никогда печалей мука
Младого сердца не смутит.

1840

В АЛЬБОМ

Не пошлость старого обычая поэтов
Стихами воспевать красавицу свою
Причиною тому, что никаких куплетов,
Красавица моя! тебе я не пою,
Но чувство сладкого и гордого сознанья,
Что выше ты похвал, как выше описанья
Мадонна — полная нетленной красоты,
Чистейшей прелести и чудной простоты,
Перед которою чем глубже впечатленье,
Тем молчаливей восхищенье...

МЕЛОДИЯ

(К. А. Д.)

Есть страна на севере, сердцу драгоценная;
В неге поэтической
Пела лишь веселье там лира вдохновенная
Песнью гармонической.
Сердцу не забыть ее пред природой новою:
С ней жизнь сердца связана.
Словно драгоценною лентой-бирюзою,
Волгой опоясана,
Взору предстоит она стройною картиною,
Чудом оживленною:
Волны нежат слух ее дикой каватиною,
С эхом соглашенною;
Розы кашемирские ароматом дышат в ней,
Небо — как в Авзонии;
Соловьи китайские в рощах распевают ей
Дивные симфонии.
Как она пленительна, ризою пурпурною
Солнца облеченная!
Как она торжественна, в непогоду бурную
Громом ополченная!
Как она, раскинувши тени чародейские
Полночи мечтательной,
Навевает на́ душу думы нежитейские
Силой обаятельной!..
Там, срывая весело лилии цветущие
С поля ароматного,
Бегал резвый юноша в дни быстротекущие
Лета благодатного.
Пылкий, любовался он мира лучезарного
Стройною красивостью,
Ложным обольщениям счастия коварного
Веря с детской живостью;

Жизнь ценил он дорого, девой восхитительной
Перед ним представшею.
Там сдружился с музой он, песнью усладительной
Слух очаровавшею.
Горя в чашу радостей жизни поэтической
Не было примешано;
От очей мечтателя дымкой фантастической
Даль была завешена;
Всё было одето там праздничной одеждою,
Всё так улыбалося,
И чего-то сердце там, с страхом и надеждою,
Ждало — не дождалося...
Дни летели соколом... вдруг всё изменилося...
Увлечен желаньями,
Я простился с родиной; шибко сердце билося
Новыми страданьями...
Отлетел надежд моих призрак обольстительный,
Счастье изменило мне,
И теперь гнетет меня думой сокрушительной
Горе по родной стране.
Шлю привет то вздохом ей, то мечтой суровою;
В мыслях каждый час она.
Сердцу не забыть ее пред природой новою:
С ней жизнь сердца связана...

НАШ ВЕК

Свет похож на торг, где вечно,
Надувать других любя,
Человек бесчеловечно
Надувает сам себя.
Все помешаны формально.
Помешался *сей* на том,
Что, потея, лист журнальный
Растянуть не мог на том;
Тот за устрицу с лимоном
Рад отдать и жизнь и честь;
Бредит тот Наполеоном
И успел всем надоесть.
Тот под пресс кладет картофель,
Тот закладывает дом,
Тот, как новый Мефистофель,
Щеголяет злым пером.
Тот надут боярской спесью,
Тот надут своей женой;
Тот чинам, тот рифмобесью
Предан телом и душой.
У того карман толстеет
Оттого, что тонок сам,
Что журнал его худеет
Не по дням, а по часам.
Тот у всей литературы
Снял на откуп задний двор,
С журналистом шуры-муры
Свел — и ну печатать вздор.
Тот мудрец, тот тонет в грезах,
Тот состряпал экипаж
И со славой на колесах

Трехсаженных марш, марш, марш!
От паров весь свет в угаре,
Всё пошло от них вверх дном;
Нынче всякому на паре
Ездить стало нипочем.
Ум по всем концам Европы
К изобретеньям прилип,
Телеграфы, микроскопы,
Газ, асфальт, дагерротип,
Светописные эстампы,
Переносный сжатый газ,
Гальванические лампы,
Каучуковый атлас,
Паровозы, пароходы,
Переносные дома,
Летоходы, весоходы,
Страховых компаний тьма!
Пневматические трубы,
Стеарин и спермацет,
Металлические зубы
Сбили с толку белый свет.
Доктора свои находки
Сыплют щедрою рукой,
Лечат солью от чахотки
И водой от водяной;
В бога здравья тянут воду,
Воду всем тянуть велят
И, того гляди, природу
От сухотки уморят;
Водяная медицина
Наводнила целый свет,
Пациентам же от сплина
В кошельке — лекарства нет...
С быстротою паровоза
Совершенствуется век;
Ни пожара, ни мороза
Не боится человек.
Что для нас потоп, засухи?!
Есть такие лихачи,
Из воды — выходят сухи,
Из огня — не горячи.
В деле разные языки,
Руки, ноги, голова;

Все мы мудры, все велики,
Всё нам стало трын-трава.
Нет для нас уж тайны в море:
Были на его мы дне;
Кто же знает? Может, вскоре
Побываем на луне.
А потом, как знать! с терпеньем
Где не будет человек?..
Малый с толком, с просвещеньем
Далеко пойдет наш век!..

ОФЕЛИЯ

В наряде странность, беспорядок,
Глаза — две молнии во мгле,
Неуловимый отпечаток
Какой-то тайны на челе;
В лице то дерзость, то стыдливость,
Полупечальный, дикий взор,
В движеньях стройность и красивость —
Всё чудно в ней!.. По высям гор,
В долинах, в рощах без боязни
Она блуждает, но, как зверь,
Дичится друга, из приязни
Ей отворяющего дверь.
Порою любит дни и ночи
Бродить на сумрачных гробах;
И всё грустит, и плачут очи,
Покуда слезы есть в очах.
Порой на лодке в непогоду,
Влетая в бунт морских зыбей,
Обезоруживает воду
Геройской дерзостью своей.
На брег выходит; как русалка,
Полощет волосы в волнах,
То вдруг смиренно, как весталка,
Пред небом падает во прах.
Невольно грустное раздумье
Наводит на душу она.
Как много отняло безумье!
Как доля немощной страшна!
Нет мысли, речи безрассудны,
Душа в бездействии немом,
В ней сон безумья непробудный
Царит над чувством и умом.

Он всё смешал в ней без различья,
Лишь дышат мыслию черты,
Как отблеск прежнего величья
Ее духовной красоты...
Так иногда покой природы
Смутит нежданная гроза:
Кипят взволнованные воды,
От ветра ломятся леса,
То неестественно блистает,
То в мраке кроется лазурь,
И всё, смутив, перемешает
В нестройный хаос сила бурь.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОДЬЯЧИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

<1>

Ох, времечко! Скорехонько
Летишь ты, хоть без крыл.
Уж двадцать лет ровнехонько,
Как в Питере я был.
В питейном департаменте
Служение имел,
На каменном фундаменте
Домишком я владел.
С особами отличными
В знакомстве состоял,
Поклонами приличными
Начальству угождал.
Как всё переменилося!
Мне Питер стал чужой;
Всё новое явилося,
Чуть пахнет стариной!
Секрет мой обнародовать
Вновь прибыл я в него,
Хоть много израсходовать
Пришлось мне для того.
Одно мне утешительно,
Что ведать кой-кому
Секрет такой спасительно.
Приступим же к нему:

Грамматику, эстетику
Из мысли я прогнал.
Люблю лишь арифметику,
От ней богат я стал.
Сперва я от *деления*
Немало получил:

Начальник отделения
Делить меня учил.
По мере повышения
Мой капитал толстел
И рос — от *умножения*
Просителей и дел.
Дало плод *вычитание,*
Как подчиненным я
Не брать дал приказание,
За *вычетом* себя.
Сложив всё, в заключение
Сложенье я узнал,
И вышел от сложения
Изрядный капитал.
Хоть шиворот-навыворот
Я правила прошел,
Не выведут за шиворот,
Куда б я ни вошел!

До Павловска катался я
Железной мостовой,
Парами восхищался я —
Не столько быстротой!
В воксале, в упоении,
Прослушал я цыган:
Вот, доложу, уж пение —
Что палкинский орган!..
Смотрел намедни «Фебуса»...
В нем Сосницкий лихой...
Ну точно у Брамбеуса,
Смешливый слог такой.
Я надорвал животики,
От смеха лопнул фрак!
Читая «Библиотеки»,
Не хохотал я так!..
Пришлося «Титулярных» раз
Мне как-то посмотреть,
Вот здесь так, уверяю вас,
Другому б умереть.
Над ними, посудите-ка,
Смеются так, что страх;
Ну, это просто критика:
Я сам в таких чинах!..

Вчера смотрел Тальони я,
Притом еще в «Тени»:
В поступках — благовония
И прелести одни.
Что это за чудесница!
Не жаль пяти рублей!
Отменно пляшет крестница,—
Но далеко до ней...
Весь Невский, чудо Питера,
На ваньке облетел;
На вывеске кондитера
Я диво усмотрел:
Там в «Пчелку» с умилением
Турецкий франт глядит,
Читает с наслаждением
Гречанка «Инвалид».
Он в красках всё прелестнейших
Представил напоказ;
Таких вещей чудеснейших
И в Пскове нет у нас!
Не ждал, чтоб ум в кондитере
Был сметлив так, клянусь...
Уж подлинно, что в Питере
Во всем изящный вкус...
Трубой какой-то внутренней
На Невский из земли
Светящий до заутренней
Газ немцы провели.
Накрыт стеклянной шапкою,
Огонь большой такой
Горит гусиной лапкою!
Ну так... что день-деньской!
Прощайте! оставляю вас.
Чувств много, мало слов!
В Кунсткамеру бегу сейчас,
А завтра еду в Псков...

<2>

СНОВА — ЗДОРОВО!

Хоть друг я аккуратности,
Хоть я не ротозей,
Избегнуть коловратности

Не мог я в жизни сей.
Вернуться с первой станции
Я в Питер должен был,
Понеже в нем квитанции
По делу позабыл.
В великую конфузию
Был тем я приведен,
Как будто бы контузию
Мне дал Наполеон.
Меня так озадачило,
Что тут же на пути,
Как в лихорадке, начало
В санях меня трясти.
Я чуть не обморозился,
Не мог ни есть, ни спать;
Приехав, прямо бросился
Квитанции искать.
Хозяйка той гостиницы,
Где я стоял, была
В тот день у именинницы
И комнат не мела.
«Ну, это,— молвил радостно
Я сам себе,— к добру!»
Искал с надеждой сладостной
И всё нашел в сору...
Душа в каких-то сладостях
Тонула у меня;
Я в Питере, на радостях,
Остался на три дня.

На Невском у механика
Казал мне кум Антип
Картины в виде пряника,—
То есть — дагерротип.
Божуся вам сурьезно я:
Их солнушко печет;
Ну, штука прекурьезная:
Немецкий всё расчет!
Ходил я в Академию
«Помпею» ту смотреть,
За что Брюллову премию
Пришлося возыметь.
Вот это прелесть сущая!

Картина вся в огнях,
Народу там тьма-тьмущая
Пешком и на конях.
И видно, что с постели их
Спугнул всех ночью страх:
Иные без сапог из них,
Иные в колпаках.
Там мальчик, такой душенька,
На улице лежит
И точно мой Петрушенька
Глазенками глядит.
Там деньги, ради прибыли,
Сбирает с мостовой,
Согнувшись в три погибели,
Кащей такой седой.
На псковского подьячего
Похож, ни дать ни взять,
Теперь с того не для чего
Портрета рисовать.
Там дама авантажная
Катилась впопыхах;
Хоть одноколка важная,
А вся расшиблась в прах.
Сумятица ужасная!
Помпея же в пожар
Уселася, несчастная,
Одна на тротуар.
Какой-то хват пригоженький
С собой старушку звал:
Куда! — отнялись ноженьки:
Последний день настал.
Отменно нарисовано,
Отличнейшая вещь!
Я был к ней как прикованный,
Впился в нее как клещ.
Так живо представляется,
Что хоть рукой бы взять.
Брюллов наш отличается,
Уж нечего сказать!..
Конторы все питейные,
Горевшие в ту ночь,
Заводы оружейные
Потрафил он точь-в-точь.

Я думал: не в чаду ли я?
Похоже чудо как;
Был сам в то время в Туле я:
Действительно, всё так.
Создатель! Что за множество
Там разных этих зал;
Я всякого художества
Там пропасть повстречал.
А лучше всех красуется
Статуя мужика:
Он важно в бабки дуется,
И видно, что битка́!
По выходе из комнат сих
Я мимо сфинок шел
И было не заметил их,
Да надпись вдруг прочел:
«Мемноновым представлены
В святой наш Петроград,
На пристань здесь поставлены».
Действительно, стоят.
Скажу, *огромные сии*
Две сфинки — чудеса:
В фалборках, как из кисеи,
Закрыты волоса.
Таких чудны́х окроме я
Не видел отродясь:
У них физиономия
Такая, как у нас!
Вот выдумка забавная —
В театре маскерад!
Попировал там славно я,
Уж подлинно впопад.
Как в дни великопостные,
Во всей таки красе,
Такие пресурьезные,
Там в шляпах хо́дят все.
На всех салопы черные
До самых до колен,
А на иных отборные
Наряды всех племен;
Как будто с чайных ящиков
Пришли все в маскерад.
Кабы достать образчиков,

Весь Псков наш будет рад.
Уж стали бы отхватывать
Мазурку — ай-люли!
Сумели б всех порадовать,
Как в пляс бы мы пошли.
А здесь что? — Как уходятся —
Расходятся домой;
За это деньги платятся:
Обычай уж такой!..
Раскланяюсь почтительно
Теперь без дальних слов;
Прощайте! Уж действительно
Я завтра еду в Псков...

<3>

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОДЬЯЧИЙ ОПЯТЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

БЕДА НЕМИНУЧАЯ И РАДОСТЬ МОГУЧАЯ

Проплакали отчаянно
Пять суток мы с женой:
Стряслась беда нечаянно
Над нашей головой.
У черта сердце сжало бы,
Случись такой изъян:
На барина две жалобы
Пришло к нам от крестьян;
Донос их на господчика
Упрятал я под спуд,
За то меня, молодчика,
Упрятали под суд.
Прочли то есть нотацию,—
Хоть просто умирать!
Вписали в аттестацию:
К местам не принимать.
Ну где ж тут правосудие,
Я б всякого спросил?..
Чуть только вышел в люди я,
Брюшко чуть отрастил,
Количество изрядное
Деньжонок позашиб;
Житье-то было б знатное,

Да вдруг — и скушал гриб...
Скажите,— как правительство
Изволит рассуждать:
Вишь, я чиню грабительство!
С чего б им это взять?..
Ходил всегда я в нанковых,
Не то чтобы в трико,
Не брал бумажек банковых
И не тянул клико,
Умел всегда делишечки
Чистехонько вести,
И только разве лишечки
Пришлось мне загрести.
В суде не вележирствовал,
Не делал тяп да ляп;
Ни с кем не дебоширствовал:
Не всё ж ведь цап-царап...
Да что же?.. я утешуся,
Лиха ль еще беда!
Не бойтесь — не повешуся!
Найду кусок всегда!
Я поступлю в компанию:
Довольно их зело;
Приличную по званию
Я выберу — назло!..

С женою от Аничкина
Извозчика я взял,—
«Льва Гурыча Синичкина»
Глядеть каприз припал...
Да сбился я афишками,
И вышел тут крючок:
С различными делишками
Шел Пантелей Жучок.
Он человек, как водится,
Сенатский, деловой;
Да от жены приходится
Пропасть, хоть с головой.
Всё дело-то в нотациях:
Толкуют то и сё;
На тонких экскузациях
Основано тут всё.
Скажу: в большом был горе я,

Бедняга Деловой!
Такая же история,
Вот точно как со мной!..
Зато нас с Василисою
Утешила — вон та,
Что *хочет быть актрисою,*—
Такая суета.
Мне кажется, что шутствует
Она напрасно так:
Актрисой ведь присутствует
Она давно никак?
Еще тут есть отменнейший,
Честнейший человек,
Расчетливый, почтеннейший,
Одесский то есть грек.
Так сердце к нему клонится,
Ведь как умен, злодей!
Приятно б познакомиться:
Люблю таких людей!..
На днях смотрел *Парашеньку* —
Нет прелестям конца!
На крестницу Евлашеньку
В ней сходство есть лица.
Тут очень уморительно
Всех Гусева смешит,
Тут пляшут так чувствительно,
Что плачут все навзрыд.
Печальная оказия!
Не видел ввек такой:
Чуть сам не выл в экстазе я —
Уважил Полевой!
В окошке на пришпекте я
Фигуру видел раз;
Признаться: стал в решпекте я,
Глядел почти что с час.
Вертится тут помещица,
Ну точно дама пик;
Я думал, мне мерещится,
И стал-таки в тупик.
С испуга я зажмурился,
Но вдруг открыл глаза
И чуть было не втюрился,
Такая ведь краса!..

Что ж это?.. У завивщика,
Так просто, для проказ,
Машина, вроде живчика,
Вертится напоказ.
Меня сначала мучило,
Стоял я как дурак;
А вышло — просто чучело...
И всё-то в жизни так!..
Намедни, кажись в пятницу,
Иду повеся нос,
Встречаю вдруг сумятицу
И вижу тут курьез.
Коляска самокатная
Катит без лошадей:
Работа деликатная,
Не русских, знать, затей...
И лодка б так не плавала
На полных парусах —
Как будто бы два дьявола
Уселись в колесах...

Но я здесь закалякался,
А дома ждет жена;
Ну, как бы я не всплакался:
Задорлива она!
Живу в Грязной покудова,
Не плачу ни о чем;
А в Псков меня отсюдова
Не сманят калачом.
Мне здешнее правительство
Оказывает честь:
В газеты, с местом жительства,
Меня велело внесть;
Чин, имя и фамилия —
Всё внесено в столбец.
Ведь это значит — в силе я,
Каков я молодец?..
Итак — мое почтение!
Готовый быть по гроб
У вас во услужении
Феклист Онуфрич Боб.

БАБА-ЯГА, КОСТЯНАЯ НОГА

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА В СТИХАХ. В ОСЬМИ ГЛАВАХ

Дела и жизнь неживших лиц,
Воспоминанье небылиц.

Глава первая

Похищение

Проснулась шумная тревога
С восходом радостного дня...
Стоят у царского чертога
Четыре огненных коня.
Из камня искры огневые
Копытом мещут жеребцы,
Храпят и бьются; стремянные
Их крепко держат под уздцы.
Красуясь пышным одеяньем,
Сребром и золотом горя,
С нетерпеливым ожиданьем
Толпой придворные царя,
Его сотрудники лихие
В пирах, охоте и войне,
Во всем равно передовые,
Стоят на правой стороне.
Налево легкий штат царицы:
Прекрасный пол во всей красе;
В одежде праздничной девицы
В сомкнутой длинной полосе
Красивой выстроились цепью
И, засветив улыбкой взгляд,

Как в бурю небо с водной степью,
С противным строем говорят...
Вот рать! брадою Чернобога
Поклясться смело может свет,
Что побежденных ею много,
А победителя ей — нет.

Выходит царь. Ему подводят
Его любимого коня,
За ним жена и сын выходят,
И дочь — ясней младого дня;
Мила как юная Зимцерла,[1]
Она улыбкой всех дарит —
И ряд зубов, белее перла,
Глаза и души ворожит.
Она заносит ножку в стремя,—
Не смея духа перевесть,
Мужчин завистливое племя
Глазами радо ножку съесть;
Коня погладит ручкой ловкой —
Всем ручка видится во сне;
Шутя кивнет кому головкой —
И взоры всех в той стороне;
Посмотрит на кого сурово —
Тот и печален и угрюм;
Моргнет ли бровью, скажет слово —
В тупик поставит самый ум.

И наши деды знали толк
Ценить поэзию правдиво:
Был у царевны целый полк
Рабов влюбленных — и не диво!..
К нам по преданиям дошло,
Переходя от деда к внуку,
Что тот, презреньем ввержен в муку,
Весь век страдал; того сожгло
Одной улыбкой благосклонной;
Тот, говорун неугомонный,
От изумленья онемел,
Когда ей в очи поглядел...

---

[1] Русская Аврора.

Куда же едут царь с царицей
И с белолицей царь-девицей?
Куда мужчин и женщин рать
Собралась их сопровождать?..
Царь, утомясь победной славой,
Любил с зверьми вести войну,
И как охота в старину
Была и женскою забавой,
То и царица с ним порой
Делить в отъезжем поле травлю
Любила. Здесь я точку ставлю.
Пойдемте на́ поле со мной...

Разнообразными толпами
Станица воинов и жен,
С бичами, копьями, стрелами,
Пестреют в поле — шум и звон!
Кругом раскинуты тенета,
Зверей усердная гоньба
Всех утомила, как работа;
Но ловля, травля и стрельба
Идут успешно: уж сразили
Лисицу, волка и хорька,
Вдобавок в сети заманили
Недальновидного сурка
И пару зайцев затравили.
Доволен царь. Своей рукой
Он гладит мягкий пух лисицы;
Остановился, ждет царицы.
Она примчалася стрелой.
Тогда с коней своих усталых
Они для отдыха сошли;
Забыв охоту, к ним пришли
Толпы наездников удалых
И в кубках меду принесли.
Наполнен ковш шипучей влагой,
И благотворная струя,
Досыта жажду их поя,
Дарит их силой и отвагой.
Меж тем идет серьезный толк
Между придворными: кем волк
Повержен был? Кто на лисицу
Поднял неробкую десницу?

Кем загнан маленький сурок
В ему расставленный силок?..
Венец победы над лисицей
Приписан был царю с царицей,
И их же верная рука
Сразила волка и хорька.
Заслыша общее их мненье,
Пришла царица в восхищенье,
Царя державное чело
Улыбкой ясной расцвело;
Предложен тост за лов удачный,
И вот уж пенистый фиал
До края кубки наполнял,
И вот уж пьют...
                    Вдруг тучей мрачной
Небесный лик заволокло,
Как демон, с бешенством и свистом
Пронесся ветер в поле чистом,
Шатер походный унесло,
В руках ковшей как не бывало,
С придворных шапки посрывало...
Вдруг крик, и свист, и шум вдали,
И стук копыт о грудь земли
Они заслышали; чему бы
Тут удивляться им? в лесах
Ведь недостатка нет в лисах:
То, знать, царевна трубит в трубы
И с ратью гончих и девиц
Гоняет по лесу лисиц.
Но отчего-то на царицу
Вдруг страх напал, сам умный царь,
Хоть никогда не трусил встарь,
Тут от испуга рукавицу
Из рук дрожащих уронил...
Вдруг он коня поворотил,
Махнул рукой и вскачь пустился
Туда, где стук и крик носился;
За ним царица и весь двор
Помчались, едут: темный бор
Пред ними стройным великаном
Предстал преградою в пути
И, шевелимый ураганом,
Как бы шептал им: «Не ходи!»

Въезжают в лес; толпою тесной
Там девы робкие стоят,
На что-то пристально глядят;
Меж них царевны лик небесный
Увидел царь: какой-то страх
Заметен был в ее очах.
Он изумился. «Что-то худо!» —
Кричит супруге — и стрелой
Летит к царевне молодой,
Летит, летит — и видит чудо:
Вдали клубится дым густой,
В чепце из жаб, в змеиной шубе,
Не на коне — в огромной ступе,
Как сизо-белой пеленой
Обвита сетью дымовой,
Летит ужасная колдунья;
Был только день до полнолунья,—
А в это время, всякий знал,
Что ведьмам праздник наставал.
Пестом железным погоняла
Колдунья ступу, как коня,
Сквозь зубы что-то напевала,
Клыками острыми звеня.
На лбу по четверти морщина,
А рот разодран до ушей,
Огромны уши в пол-аршина,
До груди волос из ноздрей,
На месте глаз большие ямы,
Затылок сгорблен, ноги прямы,
На лбу огромные рога —
Всё это вмиг их убедило,
Что Баба старая Яга
Зачем-то бор их посетила.
И, в страхе все оторопев,
Быстрее ратники пустились
К толпе упавших духом дев.
Но поздно — как ни торопились,
Им изменили их кони,
Хоть понуждали их они...
С размаха ведьма налетела
На рать несильных, робких жен,
Их осмотрев со всех сторон,
Царевне в очи посмотрела,

Над ней как ворон пронеслась,
Рукою в грудь ее впилась,
Другой рукой за стан схватила,
С собой на ступу посадила
И прытче мысли унеслась...
Всех прежде юный брат царевны
Послал за хищницей стрелу.
Потом сам царь, печальный, гневный,
Послал другую. Мрак и мглу
Опять сменило море света.
Вдали виднелася она,
Туманом пасмурным одета,
И с ней несчастная княжна.
Погоня страшная летела
Вослед злодейке, уж чуть-чуть
Стрела Булата не задела
Ее предательскую грудь,
Но страшный ступе пест железный
Колдунью спас над самой бездной.
Она сильней им застучит —
И диво — ступа побежит,
Как лань, заслыша лай собаки;
Она удары участит —
И ступа лётом полетит
Через холмы и буераки.
День целый гналися за ней,
Всё отставали дале, дале
И наконец совсем отстали.
Царевны нет!.. Царевна с ней!

Тоскует царь. Сама себя
Царица в той беде винила:
«Охоту пламенно любя,
Не я ль и дочь к ней приучила,
Не я ль ей первая дала
Понять, что конь и что стрела?» —
Так плачет грустная царица.
«Где дочь, где солнце царь-девица?
Где царства лучшая звезда,
Любимый перл, куда, куда
Она так долго запропала?
Ее уж нет! Ее украла

Из ада присланная тварь!» —
Взывает так печальный царь.
И в непритворном сокрушенье
Они рыдают день и ночь,
Надежды нет увидеть дочь,
Надежды нет ее спасенья!..
Мгновенно царского несчастья
Весть по столице пронеслась,
Слеза горячего участья
С глаз добрых подданных слилась.
Они все искренне любили
Царя и царскую семью,
Под их правленьем мирно жили,
Благословляя жизнь свою,
Довольны мудрым их правленьем,
И были тягостней своих
Несчастья царские для них.
Веселье общим сокрушеньем
Сменилось всюду; резвый смех
И кроткий мир покинул всех.
Но кто найболее крушился?
В чью грудь всех глубже и сильней
Удар нечаянный вонзился
И страшный след оставил в ней?
Всех больше горевал Булат,
Похищенной царевны брат.
Он в тот же вечер в путь собрался,
Царю торжественно поклялся
Домой не быть до той поры,
Пока похищенной сестры
Из рук колдуньи не исхитит
И за позор не отомстит;
Святую клятву небо видит,
И если кто ей изменит,
Пускай оно того казнит...
Ему два спутника судьбою
В далеких странствиях даны:
Охотно храбрые герои,
Светан и Серп, утомлены
Однообразьем жизни дворской,
Направить путь к стране заморской
С ним согласились, дочь царя
Найти усердием горя,

С богатырями потягаться,
На дев чужбины посмотреть,
Победой громкой увенчаться
Иль так же громко умереть...
Один решимостью и силой
Уж доказал, что был не трус,
Его и бороду и ус
Давно седина серебрила.
Другой — на утре лучших лет,
Но уж знакомый с ратным боем,
Не в шутку прозванный героем,
Красавец, царства пышный цвет.

Глава вторая

О происхождении Яги и о прочем

Готов день ясный закатиться;
Три храбрых витязя верхом
По полю скачут; пыль клубится,
И брызжут искры янтарем,
Природа дремлет. В темной дали
Чернеет лес. Они к нему,
Но тут, загадкою уму,
Им три распутия предстали.
Который путь туда ведет,
Где их царевну заточили,
Кто угадает, кто поймет?
Подумав, так они решили:
«Нас трое, три дороги тут
В три страны разные ведут,—
Итак, обнимемся, простимся,
Дорогу каждый изберем
И в страны разные помчимся,
Авось царевну и найдем!..»
Три храбрых витязя обнялись,
Поклялись дружбой и расстались...
Булат избрал середний путь.
Луны не видно, в небе тучи,
Кругом Булата лес дремучий;
Булату грустно, ноет грудь,—
Один!.. Но нашего героя
Наутро ждет забава боя,

И лучше нам печаль и ночь
Прогнать скорей со сцены прочь.
Вот утро. Люди, пробудитесь,
Пора вам действовать, пора!
Без остановки ехал витязь
Дремучим лесом до утра;
Лес миновал; пред ним равнина
Лежит, роскошна как картина,
Цветами пышно убрана,
Благоуханий амброй нежной,
Как райский сад, напоена.
Невольно к думе безмятежной
Сердца настраивает вид
Природы юной и цветущей,—
Булат заснул под пышной кущей.
Но вот он встал, коня бодрит
И снова скачет. Видит: в поле
Пасутся два коня на воле,
Из-под седла, как из трубы,
Выходят дымные столбы.
Он едет дале. Видит: дева
Накрепко за руки у древа
Стоит привязана; стеня,
Как бы о помощи взывает,
Кого-то, в горести кляня,
Своим злодеем называет.
Булат долину в изумленье
Окинул из конца в конец
И ясно понял наконец
Причину странного явленья...
Со всею яростью врагов,
Миримых лишь за дверью гроба,
Дрались два витязя; их слов
Постигнуть смысл могла лишь злоба,
Но ясно было, что ценой
Победы плачущая дева...
Исполнен праведного гнева,
С участьем к жертве молодой,
Столь огорченной, неутешной,
Младой Булат летит поспешно
На место битвы роковой.
«Оставьте бой поносный свой,
Мечей бесславить не дерзайте,

Плод преступления вкусить
Себя мечтой не обольщайте!
Должны прощенья вы просить
У девы, вами оскорбленной,
Или мой меч непосрамленный
Ее злодеям будет мстить!» —
Воскликнул витязь, обнажая
Кровавый меч; между собой
Враги сраженье забывая,
К Булату кинулись стрелой.
Один на двух Булат выходит
Там, где так долг ему велит,
И в чести силу он находит,
Перун сам за него разит.
Они сошлись. Удар удачный
Поверг на землю одного,
Он захлебнулся кровью мрачной.
Теперь один на одного...
Не трусы оба, ловки, статны,
Навострены мечи булатны,
Кому же пасть, кому же жить,
Кому кого похоронить?
Кто будет гением сей битвы,
В цветах победного венца,
И за чью душу слать молитвы
К престолу вечного творца?..

Видали ль вы, когда две тучи
Стремятся в мутных небесах
Одна к другой? Уж только шаг
Их делит; грянул гром могучий,
Столкнулись плотно грудь о грудь;
Одна рассеялась, другая,
Свободней крылья расправляя,
Проходит гордо спорный путь...

Летят обломки их броней,
Дождем из стали сыплют искры;
Освирепелые как тигры
И каждый сам себя сильней,
С безумной храбростию оба
Дерутся; кровью обагрен
И отвратителен как злоба

Булатов враг; уж ранен он;
Но страшно меч его сверкает.
Под охраненьем крепких лат
Еще не ранен наш Булат,
Но глубже броню пробивает
На нем удалый меч врага.
В бою минута дорога,
Заплатишь жизнью за ошибку.
В тот миг, как с радостной улыбкой
Булатов враг заносит меч,
Чтоб вмиг главу ему рассечь,
Булат в подставленную шею
Вонзает острый меч злодею.
Стремглав сраженный враг упал.
«Достоин быть мой победитель
Царевны молодой властитель!» —
Он прошептал — и жить престал...

Хоть, по правилу, Булата
Оставлять бы здесь не надо,
А вести об нем лишь речь,
Но должно на час пресечь
Нам об нем повествованье:
Побуждает нас желанье
Повидаться час-другой
С Бабой злобною Ягой...
Злей она любого черта,
Хоть какого хочешь сорта.
Это, как и почему,
Непонятно хоть уму,
Но поистине правдиво.
Только, видишь, вот в чем диво:
Черт варил двенадцать баб
(Он, вишь, был сердечком слаб,
Был влюблен он в них по уши,
Да надули, злые души!);
Кипятком вода кипела,
Вверх бросалась пена бела,
А колдуньям нипочем,
Черта дразнят языком,
Улыбаются, хохочут,
Чертов люд честной порочут,

Брызнут пеной в сатану
Да и спрячутся ко дну...
Сатана чертовски злился,
По-каковски ни бранился,
Чуть со злости караул
Не кричал. Вдруг как зевнул,
Да закашлял: серный пламень,
Медь, железо, глина, камень —
Всё на баб, им всем назло,
Повалилось, полило.
Вмиг старухи призатихли.
«Вот что вам за фигли-мигли!» —
Закричал тут сатана
И достал старух со дна.
Стал разглядывать их молча:
«Фи! да сколько этто желчи,
Злости, разных славных штук,
Право, просто вон из рук!..
Что сравнится с ихней злостью,
Зло срослося с каждой костью,
Это просто первый сорт,
Ей-же-ей, как честный черт! —
Наконец сказал он тихо...—
Поступлю я с ними лихо;
Ну, теперь дрожи весь мир,
Будет нам тут вечный пир,
Будем чаще вас тревожить...
Знаю, как здесь зло умножить!
Чтоб была позлее тварь,
Все двенадцать этих харь
Я в одну соединяю
И такую сочиняю
Злую бабу, что она
Будет тот же сатана,
То есть я, своей особой!»
Тут он вываренной злобой
Начал тело наливать
Да над ним что-то шептать:
Вышла баба: оглянулась,
Миру злобно улыбнулась
И, лишь только на часок
Увидала чертов рог,
Прямо черта хвать по морде.

Закипела радость в черте.
«Будь мне старшая сестра,
Ты, как вижу я, добра...—
Сатана сказал и в щеку
Чмок красотку краснооку...—
Будь ты Бабою-Ягой,
С костяной ходи ногой,
Я тебя тотчас пристрою,
Не давай людям покою,
Да собьешь каких с пути,
Верны счеты тем веди...
Как приблизишься ты к аду,
Дам за всех тебе награду!»
Тут исчез вдруг сатана...
Вот теперь, я чай, ясна
Вам причина, по которой
Ни с ленивцем, ни с обжорой,
Ни с разбойником она
Быть не может сравнена.
Всех Яга превосходила,
В ней вся дьявольская сила
Находилася в одной...
Дни летели чередой.
По чертовскому наказу,
Не теряя даром часу,
Зло она творила всем,
Иногда кое за чем
Приближалася и к аду,
Получала там награду
И опять заняться злом
В мир пускалася потом.
Раз случайно, ради шутки,
Забралась она на сутки
К Тихомиру в царство,— там
Счета нет ее делам
И позорным, и бесстыдным,
Человечеству обидным.
Там царевну невзначай,
Чтоб схватить хотя на чай
С сатаны, она украла,
У себя ее держала,
Не пускала никуда,
Запирала ворота

На замок, как уходила;
А царевна всё грустила,
Всё рыдала ночь и день
И была бледна как тень...
В одиночестве страдала,
Как уйти, она не знала:
Пятиглавый страшный Змей
Наблюдал всегда за ней...
Дом колдуньин был так страшен,
По углам двенадцать башен,
Ров кругом, и нет моста...
Вся околица пуста,
Тут нигде жилья не видно...
Но хоть вчуже жить обидно,
А уж всё, чем умирать,
Лучше малость подождать,
Не придет ли час спасенья,
Или, может, сожаленье
На Ягу вдруг нападет,
И она ее снесет,
Возвратит в родное царство...
А колдуньино коварство
Всё росло. На целу ночь
Улетала она прочь,
Возвращалась днем с добычей.
И такой у ней обычай:
Угождай чем больше ей,
Тем она всё злей да злей!
Змей служил ей преусердно,
Люд губил немилосердно,
Приносил домой тела,
А колдунья их брала,
В разны твари превращала
Иль варила и съедала...

Глава третья

Царевна Любана и царевич Спиридон

Скоро сказка говорится,
Да не скоро то творится,
Что рассказывают в ней...
Победив богатырей,
Подошел Булат наш к древу,

Отвязал младую деву,
Потупил смущенный взор
И завел с ней разговор...
«Я девица не простая,—
Так, Булата озирая,
Начала она,— мой род,
Царством властвуя, живет
И богато, и счастливо,
Всех окольных царств на диво.
Я дочь царская Любана,
Надо мною слишком рано
Разразилася беда.
Я, беспечна, молода,
Проживала беззаботно,
Но судьбе было угодно
Наказать меня: злодей —
Царь соседний Федосей —
Как-то раз меня увидел,
Вдруг влюбился — и похитил.
Был с отцом моим он враг,
Не надеялся никак,
Быв беднее всех в округе,
Получить меня в супруги,
Да и мне он не был люб,
Потому что очень глуп...
Он скакал без остановки,
Не давал коню сноровки;
Вдруг сегодня встречу нам
Здесь попался царь Варлам.
Он, как знала я, давненько
Был влюблен в меня маленько...
Лишь меня увидел он,
Страшно сделался взбешен,
Закричал, мечом захлопал,
Страшно конь под ним затопал,
Он с него тотчас сошел,
Речь с противником завел,
За меня с ним поругался.
Впрочем, тот не испугался,
Слез с усталого коня,
Привязал скорей меня,
И пошла у них потеха,
Но мне было не до смеха:

Беспокойна и грустна,
Дум мучительных полна,
Я стояла, чуть дышала,
Смерть на помощь призывала,
Чтоб спастися от беды,
Вдруг явился, витязь, ты...»
И она благодаренье
За нежданное спасенье
Тут Булату воздает...
А Булат не узнаёт
Сам себя от восхищенья
И какого-то смущенья,
Страстен взгляд его очей,
Странен смысл его речей.
Но томить я вас не стану:
Он влюбляется в Любану
Просто-запросто и ей
Объясняется скорей
Без дальнейших прибауток,
Как внушил ему рассудок.
Тут Любана покраснела,
На Булата посмотрела
И влюбилася сама,
Просто молвить, без ума.
Решено было: согласье
На взаимное их счастье
У родителей просить...
Жарко друг друга любить
Поклялись они до гроба
И пустилися в путь оба,
Чтоб царевну отыскать
И спокойней пировать
После свадьбу. Конь Варлама,
Не сердитый, хоть упрямый,
Был младой царевной взят,
Посадил ее Булат;
Он сказал было невесте,
Что не худо б ехать вместе,
Да, стыдлива и скромна,
Заупрямилась она...

Третий день они уж скачут,
То надеются, то плачут

О царевне молодой,
Что украдена Ягой,
Ждут с часу на час с ней встречи,
И о ней лишь только речи
Меж собой они ведут,
Либо песенки поют
Про любовну страсть друг к другу
Да про скучную разлуку...
День под вечер уж склонялся,
Конь Булата спотыкался;
Нет ни лесу, ни жилья,
Всё песчанее земля.
Ждут, не выедут ли в поле,
Где б пустить коней по воле
И самим поотдохнуть:
Утомил их долгий путь,
Да известно, что и голод,
Как ни будь себе тут молод,
Всё не тетка, а скорей
Лютой мачехи лютей;
А они давно не ели,
На пути нет даже ели,
А не только что дерёв,
Чуть стоящих от плодов,
Как бывало это прежде...
Едут далее, в надежде
Степь песчану миновать,
Луг цветущий увидать,
Но напрасно ожиданье...
Солнце тмит свое сиянье,
Вечер мрачный настает,
Конь чем далее вперед,
Тем песок всё глубже, глубже...
«Эх, прости, создатель! глуп же
Я, вернуться бы назад!» —
Размышляет так Булат.
А Любана без движенья,
Словно некое виденье,
На коне своем сидит,
Ничего не говорит.
В ней давно ослабла сила,
И уздечку опустила
От усталости рука...

Сильно их гнетет тоска,
Холод, голод и усталость,—
Камень тут взяла бы жалость!
Но Булат не за себя
Плакал, всей душой любя
Черноокую Любану,
Он бы снес больнее рану,
Лишь была б только она
От беды сохранена...

Уж кони едва ступали,
Беспрерывно подымали
Вверх песчаные столбы...
Не уйти, знать, от судьбы!
Ночь кругом, на что решиться?
«Лучше нам остановиться,
До рассвета подождать,
Чтоб коней не потерять»,—
Говорит Булат Любане,
Не заметивши в тумане,
Что Любана чуть жива —
Нет ответа на слова.
Испугался он ужасно
И к царевне стал несчастной
Громко, жалобно взывать...
Стало на небе светать.
Он остатками настоя
Лил в лицо ей, громко воя,
И, печальна и бледна,
Вдруг опомнилась она;
Стали думать о спасенье,
Тут завидел в отдаленье
Поле пышное Булат;
Поскакал, сердечно рад,
Он туда с больной Любаной.
Вдруг, о ужас! словно пьяной,
Пошатнулся в страхе он,
Словно громом поражен:
На него, в змеиной шубе,
На своей огромной ступе,
С дикой яростью врага
Баба кинулась Яга...

Перед солнечным закатом,
Распростившися с Булатом,
Серп поехал на восток,
Месяц по небу потек,
Звезды в небе засверкали,
Он всё ехал дале, дале,
То надеждою живим,
То отчаяньем томим.
Про колдунью мыслил гневно,
Думал встретиться с царевной,
У врага ее отнять,
С нею в царство прискакать
И просить ее в награду.
Он к коню забыл пощаду,
Гнал без памяти его,
Сам не зная для чего.
Вот прошло уж трое суток,
Стал грустить он, кроме шуток,
Не встречая никого:
Скука мучила его.
Мучим тайною тревогой,
Ехал он путем-дорогой.
Вдруг однажды при реке
Видит город вдалеке —
На пространстве необъятном
Он, в величии нарядном,
Красовался, процветал,
Чем-то дивным поражал...
«Что за диво, что за чудо!
Побывать бы в нем не худо,
Чтоб немного отдохнуть,
А потом и снова в путь»,—
Серп подумал и помчался...
Конь от жара задыхался,
Он его всё боле гнал
И в минуту доскакал...
Город пышен, как столица,
Всюду праздничные лица.
«Что тут, праздник, что ль, какой?» —
У красотки молодой
Невзначай спросил проказник
И узнал, что точно праздник:
У царя родился сын,

Так сегодня день крестин...
Серп не знал, за что приняться:
Погодить иль в путь пускаться?
И, решившись наконец,
Поскакал он во дворец.
Там с придворными съякшался,
Разговорами занялся,
Был прилично угощен
И к царю потом сведен.
Царь был рад ему душевно
И с царицей да царевной
Ну расспрашивать его:
Прибыл к ним он для чего?
Он сказал, что так, случайно,
И открыл потом, за тайну,
Что царевны молодой,
Что похищена Ягой,
Он с усердьем рабским ищет
И за ней по свету рыщет.
«Отдохни немного, братец,
Я вина хотя ушатец
Для тебя поставить рад,
Я сегодня тороват:
У меня, вот видишь, диво,
Жил доселе я счастливо,
И во сне и наяву,
Но счастливей заживу:
Сын третьеводни родился,
А сегодня уж молился
На крестинах сам своих,
Вот, брат, делаем каких!
Это всё б еще не диво,
Да растет он очень живо,
Не по дням, а по часам,
Посмотри, братец, хоть сам,—
Верно, скажешь: просто милка!»
Тут велел он, чтоб кормилка
Принесла к нему дитя.
Серп подумал, что шутя
Царь об нем разговорился,
И немало удивился,
Как увидел, что оно
Не шутя говорено:

Вдруг в покой дитя вбежало
И раскланиваться стало,
Завело об чем-то речь,
Стало прутом кошку сечь.
Серп не верил, чтоб малютке
Было только трои сутки,
Говорил, что лет уж пять
Он изволит проживать,
Но, побывши с ним с полсуток,
Стал уверен, кроме шуток,
Потому что вдруг при нем
Больше стал он полвершком...
Сила в нем была велика,
Бегал он, как заяц дикий,
Не по летам был умен,
Назывался Спиридон.

Глава четвертая

Превращение Любаны и любовная страсть Бабы-Яги

А-та-та да а-ту-ту!
Как во нашем во свету
Дива разные творятся:
В чугунах змеи варятся,
Леший ходит по лесам,
Не дает покоя нам,
Ведьмы ездят на ухвате,
Черти скачут на лопате,
От рассвета до зари
Бой ведут богатыри,
Петухи между собою
Тоже склонны очень к бою,—
Между всем, что лишь живет,
Драка вечная идет!
Рыба ищет там, где глубже,
Человек — где жить получше,
И обычной чередой
Всё проходит под луной...
А-та-та да а-ту-ту!
Сказку дальше поведу...

Как опомнился Булат,
Так он стал сердечно рад,
Что с Ягою повстречался.
«Наконец-то я добрался
До тебя, бесовска дочь,
Без сестры не выду прочь!
Я задам тебе трезвону,
Будет свет дрожать от стону,
Так тебя приколочу!» —
Он подумал и к мечу
Устремился, а колдунья
(Знать, она была болтунья)
Без умолку говорит,
В чем-то всё его корит
И его о чем-то просит...
Тут Булат свой меч заносит,
По башке колдунью бьет,
Меч колдунью не берет!..
Ха-ха-ха! да хи-хи-хи!
И пустилась во смехи!..
Насмеявшися досыта,
Закричала: «Хоть обида
Мне побои от тебя,
Но прощаю я, любя,
Всю вину тебе, как брату!
(Глазки сделала Булату
Тут она и страшно рот
Искривила, как урод!)
Ты меня не уничтожишь,
А себя лишь растревожишь;
Лучше нужде покорись
И на мне, Булат, женись!
Я хотя и некрасива,
Но зато я в мире — диво,
Не найдешь такой другой;
Очарована тобой,
Вся горю я, вся пылаю,
О тебе одном мечтаю,
О тебе и ночь и день
Я грущу, бродя как тень!
Помню, взвидела я в жизни
В первый раз тебя в отчизне,
Был ты в поле на коне

И пришел по нраву мне!
Ах! не будь моим тираном!
И к моим сердечным ранам
Сострадание имей!»
Тут она еще глупей
Посмотрела на Булата...
— Даром мне тебя не надо,
Что ты, старая Яга!
Жизнь мне, что ль, не дорога?
Убирайся к черту в гости,
Да прибей его со злости,
Да подай скорей сестру,
А не то — в пыль изотру!
«Нет же, нет тебе сестрицы!
Не хотел любить Ягицы,
Так не будет век любовь
Греть твою отныне кровь!
Ты меня ввергаешь в горе,
Отпуск дам я Миловзоре,
Лишь останься ты со мной,
Мой тиран, владыка мой!
Что, не хочешь? Ну так ладно,
Для тебя будет накладно...
А! соперницу свою
Здесь вблизи я узнаю!
Нет, не дам тебе, тирану,
Целовать свою Любану!» —
И бросается стрелой
Ведьма к деве молодой...
А Любана в отдаленье
Пребывала в размышленье
И смотрела, как вдали
Небо близко от земли.
К ней колдунья подлетела,
Всю Любану обозрела,
Да и ну над ней шептать,
Черной палицей махать!
До нее лишь дотронулась,
Злобным взором улыбнулась,
Посмотрела ей в лицо —
И Любана в деревцо
Обратилася в минуту,
Да еще, к большому чуду,

Тотчас в землю тут вросла
И качаться начала...
Ветви пышно развевались,
Подымались, наклонялись —
Всё своим порядком шло:
Колдовство свое взяло!
В бой с Ягой Булат пустился,
Но он сколько ни храбрился,
Ведьме просто — ничего,
Лишь накладно для него...
Он же был притом уставши:
Не поевши, не поспавши,
Трое суток ездил он,
Поневоле не силен...
«Скучно жить мне одинокой,
Покорись судьбе жестокой,
Эй, послушай! покорись,
Поскорей на мне женись.
Я не вечно безобразна,
Я бываю и прекрасна:
Есть в году такие дни,
Наступают уж они.
Буду лучше я рядиться
Да румяниться, белиться,
Так, поверь, заворожу
И к себе приворожу!» —
Так Яга ему твердила,
А он выл, что силы было,
Над несчастным деревцом,
Обратясь к нему лицом.
Ветви с лаской наклонялись
И как будто улыбались,
То как будто плач и стон
От него вдруг слышал он...

День уж к вечеру склонялся,
С деревцом он не прощался,
Всё над ним еще сидел,
На него он всё глядел.
Гибким станом любовался,
Превращенью дивовался
И был полон грустных дум.
Вдруг вверху он слышит шум,

Оглянулся: Змей крылатый,
Весь одет в стальные латы,
И со множеством голов,
Возбуждая страшный рев,
Пролетал над ним. Булату
Он посланником из аду
Показался б, если б он
Не был храбрым урожден...
Меч Булат свой припасает
И о битве размышляет,
Вдруг с ужасным криком Змей
Замахал крылом сильней,
Распустил его пошире
И, хоть весь тонул он в жире,
Так широко рот раззел,
Что Булата разом съел,
Проглотил его как муху
И пустился что есть духу,—
К дому ведьмы прилетел
И на землю разом сел.
«Выходи, моя Ягица,
Круглолица, белолица!
Я исполнил твой приказ:
Уж Булат теперь у нас!..»
Разрядившись как девица,
Прибежала тут Ягица,
Руку с радости свою
Целовать дала Змею.
А меж тем он из утробы,
Не без радости и злобы,
Вдруг Булата возвратил.
«Как он нежен! Как он мил!
Не изволит ли белиться? —
Закричала тут Ягица,—
Впрочем, это не беда,
Лишь была бы красота!»
Да и чмок его тут в губы.
Чуть Булат с досады зубы
Тут колдунье не разбил!..
— Чтобы черт тебя любил,—
Закричал он,— я не стану,
Я люблю одну Любану!
«Ха-ха-ха да хи-хи-хи! —

И пустилась во смехи! —
Полно, милый мой дружочек,
Мой прекрасный жизненочек,
Чем же я тебе худа?
Где же лучше красота?
Рот немножко широконек,
Нос изрядно великонек,
На макушке есть рога,
Словно кость одна нога,
Да немножко ухо длинно,—
Но зато ведь я невинна!
Вот что главное, дружок!» —
И опять Булата чмок!..
Чуть не выл Булат со злости.
«Ну, попал я в добры гости...—
Говорил он про себя,—
Черт бы взял, Яга, тебя!..»
А Яга, палима страстью,
И ласкательством, и властью,
И приманками любви
На желания свои
Преклонить его стремится,
Но напрасно горячится —
Наш Булат всё «нет да нет!»
Произносит ей в ответ.
Так проходят дни и ночи,
Уж Булату нету мочи
У колдуньи старой жить,
Ласки дьявола сносить,
Быть в ужасном заточенье,—
И действительно мученье
Жизнь так глупо проводить,
Лучше запросто — не жить!
Опечаленный и бледный,
О сестре он плачет бедной,
Знает верно, что она
Близ него заключена,
И не может с ней видаться,
Вместе горю предаваться,
Вместе ждать бедам конца.
«Хоть бы вестку до отца
Как послать, он, верно б, вскоре
Прекратил сыновне горе;

Чтоб детей освободить,
Рать прислал бы, может быть», —
Так мечтал Булат несчастный.
А меж тем в колдунье страстной
Жар любви не потухал,
А всё больше прибывал.
Наконец она однажды,
Вся полна любовной жажды,
Объявила, что Булат
Будет сам себе не рад,
Коль любовь ее отвергнет,
Что в тюрьму его повергнет,
Будет всячески язвить,
Не давать ни есть, ни пить,
Что она его измучит,
Да любить себя научит!
Не послушался Булат.
В сильной злобе, из палат
Отвести его в темницу
Повелела тут Ягица.
И Булат был отведен,
В смрадный погреб посажен,
Заперт накрепко замками.
Плача горькими слезами,
Что затеять, он не знал, —
День за днем так протекал...
А Яга сильнее злилась,
Всё румянилась, белилась,
Завивала волоса,
Но ничуть ее краса
От того не возвышалась,
И по-прежнему осталась
Баба злобная Яга
Безобразна, как карга...

Глава пятая

Спиридоновы богатырские подвиги и о прочем

Крепок, силен Спиридон,
В три недели вырос он,
В три недели укрепился,
К бранной жизни приучился;

Рос он в час по полвершка,
К удивленью старика,
Своего отца родного,
И всего люду честного...
В царстве шла об нем молва,
Что такая голова
У него, каких доселе
Царства вовсе не имели:
В царстве всех богатырей
Побеждал он как детей;
Силен, словно царь Самсон,
Королевич Спиридон,
Нет ни в чем ему преграды,
Никому не даст пощады,—
Что подковку разогнуть,
Что булавочку согнуть —
Для него одно и то же;
Был он в царстве всех пригоже,
Красных девушек любил,
Не ковшом — ведром он пил,
Доказать чтоб всем отвагу,
И вино и разну брагу...
Все дивилися ему,
Не спускал он никому,
Первый был в бою кулачном,
И в курении табачном,
И в подобных шалостях,
Озорник такой, что страх;
В царстве всех приколотивши,
Осрамивши, победивши,
Кто был славен удальством,
Стал для всех он словно гром,
Стали все его бояться
И как можно удаляться...
Вдруг стал скучен Спиридон;
Не любил без дела он
Проводить ни получасу —
За проказою проказу
И за жарким боем бой
Уважал он всей душой...
Он пришел к отцу однажды:
«Скоро ль мне свободу дашь ты,
Гой еси! родитель мой!

Я терзаюся тоской,
Здесь уж жить мне несподручно,
Жить без дела как-то скучно,
Нет простора ни уму,
Ни удальству моему.
Дай коня мне, дай мне волю —
Рыскать стану я по полю;
Дай мне щит да вострый меч —
Буду головы им сечь!
Богатырской стану силой
Хвастунов дружить с могилой,
Может быть, порой сыщу
Я себе и по плечу —
Тут-то я себя потешу:
Разом глотку перережу
Непреклонному врагу,
Замолчит он, ни гугу!
В разных царствах побываю,
Всех диковин повидаю,
Присмотрю себе жену
Да домой и улизну
За твоим благословеньем...» —
Он сказал отцу с почтеньем.
Приласкал его отец,
Прослезился, наконец
Молвил, слезы отирая:
— Ладно, братец, отпускаю,
Только больно не кути,
Поумней себя веди:
Не дерися с кем попало,
Право, проку будет мало,
Не уйти нам от беды,
Раскутишься если ты,
Если всякому злодею
Подставлять ты будешь шею,
Если, ради удальства,
Будешь дерзок на слова.
Неровен ведь челядинец —
Даст тебе такой гостинец,
Что костей не соберешь,
Без ноги домой придешь... —
Тут ему благословенье

Он дает на отправленье,
И отважный Спиридон,
Тем донельзя восхищен,
Дует с радости в ладоши,
Раздает прохожим гроши,
Песнь веселую поет
И вино ковшами пьет...
«То-то чадо уродилось,
Вечно б дралось, веселилось —
Он на все проказы лих;
Кабы больше нам таких,
Так бы, верно, наше царство
Превратилося в мытарство.
Впрочем, что же? Ничего!
Дурь пройдет ведь у него,
Будет во сто раз умнее!» —
Думал царь и веселее
Становился, а сынок
Пил настойку, как квасок,
Ел себе за кочнем кочень
И был весел очень, очень,
Без особенных баляс
То и знай — пускался в пляс.
Бой затеял напоследок:
Выбил окна у соседок,
Вызывал богатырей,
Побивал их как детей
И, чтоб помнили подольше,
Им рубцов наделал больше
На спине и на руках,
На боках и на ногах.
До утра попировавши
И часок-другой поспавши,
Начал он сбираться в путь.
Пал отец к нему на грудь
И опять давал наказы,
Не пускался чтоб в проказы,
Чтоб без толку не дрался
Или как не опился!
А не то задать и перцу
Посулил ему как шмерцу.
Спиридон сел на коня,
Как огонь на нем броня,

Меч в руках огромный блещет,
Он от радости трепещет,
Нетерпением горя,
Лобызает он царя,
Огорченную царицу
И красотку царь-девицу,
Бьет коня потом ногой
И уносится стрелой...

Едет день, и два уж едет,
О победах славных бредит,
С нетерпеньем встречи ждет,
Кто помимо ни пройдет —
Рукавицу в рожу бросит
И сражаться с ним попросит.
«Верно, трусишь, нетопырь!» —
Грозно молвит богатырь
И опять всё дальше едет
Да о разных сечах бредит.
Раз он видит: на коне,
В латах кованых, в броне
Едет витязь... То-то радость!
Спиридону шепчет младость:
«Наскочи скорей — и в бой,
Драться где ему с тобой!»
Спиридон летит стрелою,
Приготовливаясь к бою;
Витязь смотрит, удивлен.
«Что ж ты смотришь? — Спиридон
Закричал ему спесиво,—
Или я какое диво?
Становись-ка, становись,
Защищаться не ленись,
Будет тут тебе работы!»
— Право, драться нет охоты,—
Молвил витязь,— жар такой,
Что дерися хоть нагой,
Так устанешь до упаду;
Дай-ка руку мне, как брату.—
Спиридон свое поет:
«Видно, страх тебя берет,
Закоптить боишься рожу.
Коли так, тебя я брошу,

Верно, ты большой, брат, трус!» —
Говорит он.— Я дерусь! —
Отвечает витязь грозно,
И начался бой сурьёзный...
Долго дрались; Спиридон
Вдвое больше был силен,
Но еще не свыкся с битвой:
Он мечом махал как бритвой,
Но неверен был удар.
А другой уже был стар,
Помогал ему тот опыт,
Что в сраженьях частых добыт,
С ним никак он не плошал,
Все удары отражал.
Наконец, уставши драться,
Ну герои обниматься.
«Оба храбры мы равно,
Удальство у нас одно,
Будем лучше мы друзьями,
Вместе тешиться боями
Станем, странствуя везде,—
Спиридон сказал.— А где
Ты живешь? Зачем пустился
В путь, давно ли веселился,
И когда опять домой
Ты отправишься, герой?»
— Я давным-давно из царства:
В силу некого коварства
Злобной Бабою-Ягой
Перл украден дорогой,
За грехи наши велики,—
Дочка нашего владыки;
Послан я ее сыскать
И злодейку наказать.
«В самом деле? Это чудно!
Нам сыскать ее нетрудно:
Ездить буду я с тобой;
Только встречуся с Ягой,
Так ее я изувечу,
Истираню, искалечу,
Что забудет воровать,
Будет ноги нам лизать!»
И Светан со Спиридоном

Разменялися поклоном,
Словно братья обнялись,
В вечной дружбе поклялись,
С час еще потолковали,
Меж себя погоревали
О царевне молодой
И решилися с Ягой
Поскорее как сойтиться,
Покровавее сразиться,
Разом дело всё решить
И царевну возвратить.
С тем и в путь они пустились,
Только той надеждой льстились,
Что Ягу как раз найдут
И во гроб ее сведут.

Глава шестая

Свидание царевича Булата с сестрой и о прочем

Время льется словно речка,
В жизни человек как свечка:
Проблеснет и догорит,
Только смрад распространит.
В мире счастие непрочно,
Сердце гибнет непорочно,
Только зло одно живет,
И толстеет, и цветет;
Слабый сильного терзает,
Глупый умному мешает,
Всё идет наоборот,
Черт мутит честной народ.
Да к большой беде народа,
Кроме всякого урода,
Чтобы пакости творить
И вконец всех разорить,
Хоть и так уж люди слабы,
Завелися Яги-Бабы
И от ведьм отбоя нет,
Право, жаль взглянуть на свет!..
Проклинал, в темнице сидя,
Света божьего не видя,
Ведьму бедный наш Булат

На особенный свой лад...
Посылал он ей проклятья —
Их не стану повторять я,
Потому что насмешу,
Если все их расскажу.
Находясь в большом свирепстве,
Помышлять он стал о бегстве,
Стены стал с досады рыть
Да окошки колотить;
Проку было в том хоть мало,
Да надежда обольщала,
А с надеждою подчас
Вместо водки пьешь и квас.
Вот однажды, приуставши,
Долго стену прорывавши,
Руки он сложил на грудь,
Лег немного отдохнуть.
Лишь заснул, пред ним виденья
Появились во мгновенье:
Наклонившися к нему,
Шепчут что-то всё ему
На языке непонятном,
Но о чем-то о приятном;
Вдруг исчезли, лишь одно
С ним осталося. Оно
Долго пристально смотрело,
То краснело, то бледнело,
И сказало наконец:
«Ты терпенья образец,
И за то тебе в награду
Дам я помощь и пощаду.
Терпеливо всё сноси,
Понапрасну не проси
У Яги себе прощенья —
Близок, близок день спасенья;
Всё случилося к добру,
Скоро ты найдешь сестру,
Добрый нрав твой мне угоден,
Скоро будешь ты свободен.
Не спеши лишь, подожди,
Да не сбейся как с пути!
А чтоб горю усажденье
Было, думай про спасенье.

Случай дам тебе такой:
Ты увидишься с сестрой,—
На, вот ключ: в твоей темнице
Есть проход к твоей сестрице —
Тут в стене направо дверь,
Отвори ее теперь,
Повидайся с ней немного,
Да смотри, наказан строго
Будешь, если чересчур
Засидишься, балагур».
Тут исчезло вдруг виденье...
«Что за чудо-сновиденье? —
Говорил Булат себе.—
Не угодно ли судьбе
Надо мною посмеяться?
Видно, нечем ей заняться!»
Так дивился, а потом
Шарить стал в стене ключом;
Через темень полуночну
Отыскал он щель замочну;
Ключ однажды повернул —
Чрез порог вдруг свет блеснул,
Дверь сама собой открылась,
И сестра пред ним явилась.
От восторга сам не свой,
Он цалуется с сестрой,
И пошла у них беседа,
Длилась долго, до рассвета,—
Про несчастие свое,
Про житье свое бытье
Миловзора рассказала
И от счастья трепетала,
Что, ее любимый брат,
С ней увиделся Булат.
«И уйти бы нам отсюда,—
Говорит Булат,— не худо,
Возвратиться бы к отцу,
Уж пора бедам к концу,
Много, много мы терпели,
Так придется неужели
Долго нам еще терпеть
И отрады не иметь?
Но уж мне пора в каюту!»

— Погоди хотя минуту,
Посиди хоть до зари
Да со мной поговори.
Дома нет, кажися, ведьмы,
Можем дольше посидеть мы,—
Говорит ему она...
Вдруг, как будто сатана,
Ворвалася ведьма в двери:
«Эге-ге! какие звери!
Вот бы лихо провели,
К двери ключ себе нашли!
Мастера, как видно, шарить!
И изволят тарабарить!
Ладно — я вас накажу,
Власть свою я докажу
Над судьбиной вашей жалкой!»
Тут своей волшебной палкой
К ним она коснулась: вмиг
На их месте, вместо их,
Две статуйки показались,
Да недвижны и остались,
В землю накрепко вросли,
Не отдернешь от земли!
«Стойте тут себе, дубины!» —
Тут разглаживать морщины
Ведьма стала на челе,
А потом на помеле,
Проюркнувши через кровлю,
Вновь отправилась на ловлю...

Туча по небу бежит,
Месяц на небе горит,
В роще свищет соловей,
Говорит с травой ручей,
Облетая вкруг кладбище,
Жадный ворон ищет пищи,
По долине на коне
Скачет путник при луне...
Кто ты, путник одинокой,
Едешь близко иль далеко?
Из палат ты, иль твой дом
Не сияет серебром?
Для чего ты среди ночи

Гонишь лошадь что есть мочи —
Иль, уставши от пути,
Хочешь кров скорей найти?
«Еду я из стран далеких,
Из палат царя высоких,
И гоню и день и ночь,
Чтоб найти цареву дочь,
Изломать колдунье кости —
Я за тем к ней еду в гости,
Я царев посланный Серп:
На щите горит мой герб,
Меч в руке моей широкий...»

Едет Серп путем-дорогой,
В даль туманную глядит,
Всё по-прежнему грустит:
Он бы с радостью подрался,
Да никто не попадался.
Скука бедного взяла
И на душу налегла.
«Хоть бы леший мне попался,
Так и с ним бы я подрался!» —
Про себя он говорил
И коня со злости бил...
Средь своих печальных дум
Вдруг вдали он слышит шум,
Шум становится сильнее,
Серп бодрее и бодрее:
«То-то,— думает,— сражусь,
За всю скуку поплачусь!
Кто бы ни был тут, хоть дьявол,
Хоть по воздуху б он плавал,
Хоть скакал бы на коне,
Хоть бы был он весь в огне,
Ни за что не дам я тягу,
Лучше мертвым тут же лягу!»
Шум еще сильней, сильней,
Вдруг он видит: страшный Змей
На него стремится прямо,
Рот огромный, словно яма,
У него уж растворен.
Серп испуган, изумлен,
Но меча не забывает,

О сраженье помышляет.
Змей летит, летит, летит —
Налетел — и делу квит!
Проглотил Серпа как муху
И помчался что есть духу.

Глава седьмая

О том, что говорило деревцо Спиридону и как он нашел Ягу

И дорогой, и бурьяном
Спиридон скакал с Светаном,
Всё хотел попасть на след,
А следа всё нет да нет.
Где к Яге-Бабе дорога?
Ведь дорог на свете много —
Словно праздничный базар,
Испещрен земной весь шар!..
Но, надежды не теряя,
О царевне размышляя,
Дале ехал Спиридон.
С каждым днем был крепче он,
С каждым днем он был сильнее,
Ловче, краше и смелее;
Рад душевно был Светан,
Что ему судьбою дан
Спутник столь во всем отличный...
Чередой всё шло обычной;
Раз, прервав немного путь,
Спиридон лег отдохнуть,
И Светан улегся тоже.
На другое утро — что же?
Нет Светана, нет как нет,
Уж пропал его и след.
Конь по-прежнему пасется,
На осине щит трясется,
Воткнут в землю, меч стоит,
Всё по-прежнему лежит,
А Светана нет да й только!
Стал, не струсивши нисколько,
Спиридон его искать
Да с надеждой поджидать,
Но Светан не возвратился.

Спиридон тут подивился,
Не стерпел, чтоб не вздохнуть,
И один пустился в путь.
Едет, голову повеся
И почти не куролеся,
Думу думает тайком,
Озираяся кругом.
Минул лес. Пред ним долина,
Разноцветна как картина,
В ряд на ней деревьев цепь,
А за ней песчана степь.
«Ехать дале, иль вернуться,
Или в сторону шатнуться?» —
Думал молча Спиридон.
Наконец решился он:
Через степь во что б ни стало
Переехать как попало,—
И поставил на своем,
Хоть устал с своим конем.
Вот в долину он въезжает,
Поскорей с коня слезает,
Озирается вокруг.
«Словно с кем-то я сам-друг,
Чей-то голос грустный слышу,
Кто ж бы это был? — не вижу!» —
Размышляет Спиридон.
Тут опять долину он
Обозрел и посредине
Деревцо на той долине
Одинокое узрел.
Отдохнуть под ним он сел...
Вдруг он слышит некий шепот
И какой-то грустный ропот
Прямо над ухом своим,—
Стал он слушать, недвижим:
«Витязь, будь великодушен,
Добродетели послушен,
Сохрани меня от бед!
Здесь немил мне дневный свет!
Я не дерево — девица,
Баба старая Ягица
Изувечила меня,
А была свободна я:

И спокойством наслаждалась,
И любовью обольщалась,
Женихом мне был Булат.
Будешь мне и друг и брат,
Если ты меня избавишь,
Полюбить себя заставишь,—
Победи скорей Ягу!
Жить я дольше не могу
В этой тягостной неволе,
Сил моих не хватит боле.
Как Ягу ты победишь,
Не сплошай тут как, смотри ж:
У нее есть жезл волшебный,
С виду он не велелепный,
Но в нем сила такова,
Что вновь буду я жива,
Если им ко мне коснешься.
С Змеем ты сперва столкнешься,
С ним дерися из всех сил,
Он становится уж хил,
И хоть много люду губит,
Да и сам Яги не любит».
Тут умолкло деревцо.
Спиридоново лицо
Полным счастьем просияло:
Уж охота забирала
Поскорей сойтись с Змеём
И с Ягицею потом.
Вдруг летит и самый Змей,
Ветра бурного быстрей;
Спиридон свой меч хватает,
Против Змея обращает,
Змей помимо пролетел,
Боком лишь его задел,
Змей свирепо оглянулся
И тотчас назад вернулся.
Тут начался жаркий бой:
Спиридон одной рукой
Все удары отражает,
А другою защищает
От ударов он себя.
Змей, свирепственно хрипя,
То и знай его колотит.

Долго битва происходит,
Оба ранены давно,
Кровь смешалася в одно,
Но конец еще не близок,
Спиридон пред Змеем низок:
Змей ударит и назад
Отлетает, супостат!
Наконец случайно Змею
Спиридон вцепился в шею,
Крепко держится, а Змей
Всё сильнее и сильней
Отбивается — но тщетно!
Спиридону лавр победный
Улыбаться начинал;
Змей последний дух собрал,
Приподнялся и в минуту
Полетел, к большому чуду!
Спиридон на нем сидит,
По башке его тузит,
Не дает ему покоя,
Он летит всё, громко воя,
Наконец он долетел
И к Яге на крышу сел;
Ну вопить тут гласом зычным,
От всегдашнего отличным,
Так вот горло и дерет,
Спиридон его всё бьет...
А Яга на голос Змея
Собралася поскорее,
Помогать ему летит.
«Плохо дело! — говорит
Спиридон себе,— ведь с ними
Мне не справиться с двоими,
Ведь, пожалуй, цап-царап!
Я и так уже ослаб,
Надо этого спровадить,
Да потом и с ведьмой ладить!»
Тут принялся Змея он
Колотить со всех сторон:
То мечом его поколет,
То зубами рвать изволит,
А меж тем он всё глядит,
Скоро ль рот Змей растворит.

Дождался — и меч с размаху,
Без печали и без страху,
В горло Змею засадил,
Там его поворотил.
Змей грызет железо зубом,
Но, в своем свирепстве глупом,
Не находит ничего
Для спасенья своего.
Что за дело Спиридону
До его смешного стону —
Он не меньше озлился,
Резать Змея принялся;
Перерезал ему глотку,
Допил бывшу в фляжке водку
И слезать он с крыши стал,
Тут Ягу он увидал,
Со всех сил к нему летящу,
Под собой земли не зрящу.
«Ну,— подумал он,— еще
Будет дело горячо,
Будет много мне работы,
Благо много и охоты!»
Навострив свои рога,
Мчится старая Яга;
Поравнялась прежде с крышей,
Поднялася после выше
И пришла в великий страх:
Мертвый Змей в ее глазах.
«Ах ты, Змей мой Змеуланыч,
Дорогой Иван Иваныч!
Кто тебя так исказил,
Буйны головы разбил?
Друг души моей безмерный,
Мой слуга нелицемерный,
Мой кормилец, брат ты мой,
Кто глумился над тобой?» —
Так колдунья сожалела
И на крышу сесть хотела;
Спиридон ее схватил,
В бок свирепо поразил.
Оглянулася Ягица,
Принялась кричать и злиться,
Длинну палицу взяла,

Бить героя начала:
Раз ударила — герою
Стало вовсе не до бою,
Не упал чуть со всех ног;
Но себя он перемог,
С новой силой стал сражаться
И, что долго прохлаждаться,
Просто-запросто сказать,
Стал Ягу он побеждать.
Тут Яга свирепо взвыла,
Пощадить ее просила.
«Нет, пощады я не дам,
Отошлю тебя к чертям!»
Пуще тут Яга озлилась,
Завертелась, закружилась
И вскричала во гневу:
«Пусть я больше не живу,
Пусть ты жизнь мою погубишь,
Тем царевны не искупишь!»
Головой тут потрясла
И со злости умерла.
Спиридон тут спохватился:
На себя он сам сердился,
Что не выведал о том
Перед ведьминым концом,
Где она царевну скрыла.
Вспомнил он, что говорило
Деревцо в долине той,
Где вступил он с Змеем в бой;
У Яги тот жезл сыскавши
И его с собою взявши,
Он отправился потом
Обыскать колдуньин дом.

Глава осьмая

О том, что делали Спиридон с Булатом и на ком ехали их невесты

В мрачну думу погружен,
Молча ходит Спиридон,
На себя нещадно гневный.
Ищет в доме он царевны,

Все покои обыскал,
Наконец вошел в подвал.
Ничего и тут — всё пусто,
Пахнет только лишь капустой.
Дальше молча он идет
И фонарь в руке несет.
Две статуйки небольшие,
Обе стройные такие,
Он увидел, посмотрел,
Приподнять было хотел,
Но напрасно горячился:
Их не поднял, как ни бился.
«Где ж царевна? Где она?
Неужели сожрана
Ненавистною Ягою?» —
Молвил он, стуча ногою.
Грустно, бедному, ему,
Не приложит он уму,
Поступить как в этом деле.
Клонит сон его к постеле,
Долго, долго он не спал,
Чересчур в бою устал.
Перемочь сна сил не стало,
Он прилег под одеяло;
Спит и видит: некий дух
Прилетает к нему вдруг
И гласит ему чуть внятно:
«Храбрость мне твоя приятна,
Ты отлично поступил,
Что вконец Ягу убил.
Не крушися, всё устрою,
Скоро всех вас успокою.
Как царевны не найти?
Снова ты в подвал поди,
Две статуйки там заметишь
(Ты огонь затем засветишь:
Без огня нельзя никак,
Там всегда ужасный мрак).
Прикоснися к ним той палкой,
Что ты взял у ведьмы жалкой,
И увидишь пред собой
Брата родного с сестрой».
Тут исчезло вдруг виденье,

Он проснулся в изумленье,
Пораздумал, погадал
И отправился в подвал.
Только палицей коснулся,
От восторга улыбнулся:
Миловзора и Булат
Пред очьми его стоят...
Брат с сестрою обнялися
И слезами залилися.
Даже самый Спиридон
Был растроган и смущен.
Объяснил он всё им вкратце,
Обнялись они, как братцы,
И сбираться стали в путь,
Не подумав отдохнуть.
Лишь Булат один невесел,
Мрачну голову повесил.
«Где Любанушка моя?
Одинок неужли я?» —
Говорил он с сожаленьем.
Спиридон тут с восхищеньем
Речь Булата перебил,
Всё как должно объяснил;
Тут в долину побежали,
Деревцо скорей сыскали,
Прикоснулися жезлом,
Да и дело всё с концом!
«Я роптать теперь не стану,
Возвратил мне рок Любану!» —
Закричал, сердечно рад,
Торжествующий Булат;
Стал с Любаной обниматься
И с восторгом целоваться.
А меж тем наш Спиридон
Миловзорой был пленен,
И она его улыбкой
Подарила не ошибкой.
Брат на помощь подоспел,
Кончить всё как раз умел.
Решено было — на счастье
У отца просить согласья,
А потом и под венец,
Если даст его отец.

В стойле ведьмы конь Булата
Поджидал его, как брата;
Там же было два коня,
Все как будто из огня,
Так вот пол ногой и роют,
Ну, не дешево, чай, стоят!
Не подумай на них сесть:
Целиком готовы съесть!
Но неробкие девицы,
Не боясь коней Ягицы,
Сели бережно на них,
И затихли кони вмиг.
Спиридон меж тем в минуту
Отыскал кобылку люту,
И отправилися в путь...
Громко песенки поют,
Разговаривают дружно.
«Ничего теперь не нужно
Нам: мы счастливы вполне;
Одного лишь жалко мне:
Где те храбрые герои,
Что со мной пустились двое
За младой моей сестрой,
Поразведаться с Ягой?» —
Говорит Булат печально...
Едут шибко, путь им дальной,
Приезжают вдруг к реке:
Волны брызжут в тростнике,
По песку, журча, струятся,
В даль туманную катятся...
«Посмотри-ка, ведь река,
Мне кажись, не глубока,
Пересохла от морозу;
Чем искать нам перевозу,
Переехать лучше вброд,
Далеко она течет,—
Говорит Булат,— скорее,
Да и ехать веселее».
И они пустились вброд.
Вот Булат на берег тот
Переехал безопасно,
С Миловзорою прекрасной
И с Любаной Спиридон

Едет вместе... только он,
И величествен и важен,
Обгоняет их на сажень.
Вышел на берег, назад
Оглянулся, и Булат
Тоже смотрит в изумленье...
«Что за чудное явленье?
Да на ком они сидят?» —
Так друг другу говорят.
Оказалось, что Любана
На́ загорбке у Светана,
Миловзора на Серпе...
Вот что вздумалось судьбе!..
Посмеялись, подивились,
Вброд за ними возвратились,
Их на берег принесли
И расспрашивать пошли:
Как да что? каким манером?
Уж наверно изувером
Всё настряпалося так?
«Да, Яга, наш общий враг,
Так над нами подшутила,
Нас в лошадок превратила:
К ней принес нас лютый Змей,
Что служил усердно ей.
Мы бы вечно так остались,
Если б вы не догадались
Нас от ведьмы увести,
Чрез ручей сей провести.
В нем течет вода живая —
От волшебства избавляя,
Прежний вид он тем дает,
Чрез него кто перейдет!» —
Так сказал Светан. Довольны,
Независимы и вольны,
Все обнялись чередой
И пустилися домой;
Радость души их живила,
Услаждала, веселила,
Дни невидимо текли.
И родительской земли
Скоро им явились зданья.
Было радостно свиданье:

От восторга сам не свой,
Всех лобзал старик седой,
В честь героя Спиридона
Дал земных он три поклона,
Дал ему в невесты дочь.
Пир начался в ту же ночь,
Две вдруг свадебки справляли,
Без пощады пировали...
Брага пенная лила,
Яствам не было числа.
Всё, что было только вкусно,
Приготовили искусно
И поставили на стол.
Пир три дня, три ночи шел.
Я там был во все три ночи,
Ел, что было только мочи,
За стаканом пил стакан,
А всё не был сыт и пьян.

СЛЕЗА РАЗЛУКИ

Тих и мрачен в час печали,
Я в лицо тебе гляжу
И на памяти скрижали
Образ твой перевожу.
Изучаю голос речи,
Мысль очей хочу понять,
Чтоб, грустя, до новой встречи
Их в душе не затерять.
Посмотри, мой друг, серьезно,
Взор улыбкой засвети,
Повернися грациозно,
Статной лебедью пройди;
Распусти власы на шейке,
Резвой ножки не скрывай,
Белой груди, чародейке,
Волноваться волю дай!
Спой мне нежно про разлуку,
Легкой нимфой протанцуй,
Дай мне беленькую руку,
Сладко, жарко поцалуй!..
Урони теперь в волненье
Две жемчужные слезы:
Будет полно впечатленье
На меня твоей красы...
Может быть, не сохраню я
В бедной памяти моей
Ни очей, ни поцалуя,
Ни движений, ни речей;
Но слеза — любви свидетель!
Ту невольную слезу,
Как младенец — добродетель,
Я в могилу унесу!

«К НЕЙ! ! ! ! !»

Гляжу с тоской на розы я и тернии
И думой мчусь на край миров:
Моя душа в Саратовской губернии,
У светлых волжских берегов.
Я близ *нее!* О рай, о наслаждение!
Как на мечтах я скоро прискакал!
Бывало, я имел туда хождение
И словно конь почтовый уставал.
Страдал тогда кровавыми мозолями...
Теперь ношусь крылатою мечтой —
В эфире — там — близ ней — над антресолями,—
И вот тайком влетел в ее покой!
Вот, вот она, души моей пиитика!
Сидит печальна и бледна.
В ее словах, в движениях политика,
А на челе — тоска по мне видна.
В ее руках цепочка с закорючками,
Она от скуки ей шалит;
Любуюсь я торжественными ручками,
Приятен мне их белоснежный вид.
Но вот она, пленительная узница,
Слезу отерла рукавом...
О, что со мной? Душа моя, как кузница,
Горит мучительным огнем!
«Не надо мне ни графов, ни полковников,—
Так говорит,— останусь век вдовой,
Когда не ты, божественный Грибовников!
Супруг мой будешь роковой!»
Запрыгал я тогда от умиления,
И в пятки вдруг душа моя ушла,
И перед ней повергся на колени я,
И речь из уст, как млеко, потекла!..

«Ты ль это,— ты ль?.. Ивана ли Иваныча
Зрю пред собой!.. Какой ты путь свершил?» —
Так изрекла.— От Дона и от Маныча,
С конца миров к тебе б я поспешил,
Не устрашась ни верстами, ни милями!
Я для тебя всем жертвовать готов!
Но я не шел пешком, меж простофилями,
Я прилетел,— сказал я в кратце слов...
Тут обнялись мы сладостно и пламенно;
Ее чело стократ я лобызал!
О, в этот час растаял бы и каменный:
Стихами ей экспромтец я сказал!
Она меня попотчевала дулями,
Я стал жевать... Но ах!.. Я пробужден!..
Где я?.. один!.. лишь *мечт* моих ходулями
Был к ней я занесен!..

ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ

Как много дум наводит день рожденья!
Как много чувств в душе он шевелит!
Тот от души его благословит
И проведет с друзьями в наслажденье.
А есть другой... Болезнен и уныл,
Бежит под сень родительских могил
И там, в пылу преступного раздумья,
Его клянет и просит у небес
В удел земной, как милости, безумья,
Чтоб страшный день из памяти исчез!..
Безумен тот, кто рад ему; безумен,
Кто упрекать и клясть его посмел.
Счастлив — чей лик ни праздничен, ни думен;
Кто перед ним ни вырос, ни сробел;
Кому с собой ни радости беспечной,
Ни горьких мук тот день не принесет;
Кому шепнет, что жизнь не бесконечна,
Что больше он, быть может, не придет!..

СКОРБЬ И СЛЕЗЫ

Мне плакать хочется.... Зачем же я не плачу,
Остановляю слез исход?
Зачем тоску, как радость, в сердце прячу,
Когда она так сердце жмет?
Затем, что не хочу страданьям облегченья,—
В нем скрыта новая беда:
Теперь душа полна глубокого мученья,
Тогда в ней будет пустота!
Средины нет — бесчувственность иль мука,
А я узнал, что тяжелей...
О нет! Ни капли слез, роптаний ни ползвука!
Тоска, ты друг души моей!
Тебя не изгоню, тебя не облегчу я,
Тебя на сердце буду греть;
Ты мучишь, ты томишь... и знаю, что живу я,
Что должен скоро умереть!

СКАЗКА
О ЦАРЕВНЕ ЯСНОСВЕТЕ

Цып, цып, цып! ко мне, малютки,
Слушать сказки, прибаутки!
Уж чего мне на веку
Не случалось, старику?
Дай бог памяти! Гисторий
Слышал пропасть! Как Егорий
С волком дрался, как солдат
Вдруг попал ни в рай, ни в ад,
Как Руслан с Бовой сражался,
Как на черте Карп катался,
Как, не для ради чего,
Черт взял душу у него!
Как Егору да Вавиле
Ведьмы ребра изломили,
Как пяток богатырев
Полонили сто полков,
Как Ягу прибил Данилыч,
Сатана Сатанаилыч
Как на землю нисходил,
Души добрые мутил...
Как Иван коня-горбатку
Заставлял плясать вприсядку,
Как бесстрашный царь Макар
Полонить ходил татар...
Как по щучьему велепью,
По Иванову прошенью
Ведра на гору взошли
На потеху всей земли...
Как он ездил на лежанке,
Как держал колдунью в банке
Чернокнижник Змеулан,

Страх для всех окольных стран...
Знаю всё, но не об том
Речь теперь мы поведем.
Поведем мы речь про царство,
Про большое государство,
Где во время сказки сей
Государь был Елисей...
Елисеево правленье
Было всем на удивленье,
Силе вражеской назло
Царство крепло и цвело;
Там не слышно было мору,
Ни вражды, ни заговору,
Ни других каких потех,
Побери их леший всех!..
Все как братья словно жили,
А царя уж как любили,
Так, не хваставши, скажу,
И ума не приложу!
Да и то сказать, еще бы
Не любить его особы —
Был он подданных отец,
Награди его творец!..
Словно с детками родными,
Он, вишь, всем делился с ними,
Чуть победа, празднество —
У него и пиршество!
Все бояра, все миряна,
Все чиновные граждана
Уж к нему приглашены
И вповал напоены!
У царя еще, окроме
Этих милостей, был в доме
Преогромный вечный пир
Для того, кто сед и сир...
Так он страждущих всех нежил...
Бог за то его потешил
И, по благости своей,
Даровал ему детей
Умных, добрых, залихватских,
Проживавших в чувствах братских!
Старший сын его Роман
С виду был другой Полкан,

Настоящим он проем
Ходит в доме по покоям,
Ростом чуть ли не в сажень
И красив, как вешний день...
Кудри сами завивались,
И усы уж пробивались,
Был уж он во цвете лет,
Расцветал как маков цвет...
«Что, Роман, брат, не пора ли
И жениться для морали?
Ты уж взрослый молодец»,—
Раз сказал ему отец.
Наш Роман потупил очи
И заплакал что есть мочи,
Так что сердце у царя
Сжалось в виде сухаря,
Так что инда все окошка
В доме вздрогнули немножко...
— Рад я, батюшка, жениться,
Коль невеста мне случится
Из каких заморских стран,—
Наконец сказал Роман.—
Только надо не простую,
А царевну молодую,
Чтоб была она умна,
И богата, и красна.
«Правда, правда! — царь ответил.—
Я еще не заприметил
Для тебя, брат, по плечу,
Но авось ведь и сыщу!»
На другой день совещанья
Разослал царь приказанья,
Чтоб немедленно к нему,
Как владыке своему,
Ради некого присловья
Собралися все сословья,
А меж тем велел он пир
Приготовить на весь мир...
Дело важное решиться
На пиру должно: боится
Царь,— не то чтоб самому
Недостало тут уму
И не то чтоб из приличий,

А старинный был обычай
Дело важное решать,
Чтоб несчастья избежать,
Не нажить поклепу света,
После общего совета...
Пир готов великолепный,
На столе напиток хлебный,
Мед и прочее вино
Уж давно принесено...
Гости в доме кишмя кишат,
От восторга еле дышат,
Что пришла такая честь —
За столом им царским есть...
Вышел царь. Пошли поклоны,
Толковали про законы,
Про спокойство, про войну,
Про дела и старину...
Елисей вдруг с места сходит,
На высокий трон восходит
И оттуда речь ведет,
Поклонившись наперед...
«Вам, бояра и дворяна
И чиновные граждана,
Всем известно, что я сед,
Что уж мне не двадцать лет...
И для этой-то причины,
Чтобы не было кручины,
Чтоб всё шло у вас к добру
И тогда, как я умру,—
Объявляю всенародно,
Что оставить мне угодно,
Не в обиду никому,
Трон мой царский, по уму
И по росту великану,
Сыну старшему Роману.
Но чтоб это учинить,
Надо нам его женить,
Чтобы он не баловался,
За чужими не гонялся,
А найпаче чтоб в стихи
Не пустился на грехи...
Ваш совет я уважаю
И затем вам предлагаю

Поразмыслить и решить:
Сыну ровню где найтить?
Из которого-де царства,
Вы скажите без коварства,
Нам царевна по плечу,—
А не то приколочу»,—
Царь промолвил ради шутки
(Он остер на прибаутки,
Хоть и нету в них пути...
Ну, да бог ему прости!).
Тут бояра и дворяна
И чиновные граждана
Почесали за ушьми
И задумались вельми...
Долго думали, корпели,
Угодить царю хотели;
Всяк совет давал тут свой
Ради надобности той;
Царь, прослушавши: «Не пара! —
Отвечал им.— Та уж стара,
Та горбата, та бедна,
Не царевна та княжна...»
Лоб бояра потирали,
Думать снова начинали...
А мудрец один седой
Лишь качает головой.
«Ладно,— думал он,— постойте,
Что вы тут себе ни пойте,
А как я свое скажу,
Так уж, верно, угожу»;
И решившись наконец,
Начинает так мудрец:
«Царь наш, ты наш благодетель,
Счастья нашего содетель,
Не вели меня казнить,
А вели мне говорить...»
— Говори! — царь отвечает,
И мудрец так продолжает:
«Силен ты, богат и славен,
Кто с тобой по власти равен?
У кого такая рать?
Где такая благодать?
Царства более твово

В свете нет ни одного,
Все владыки, все соседи
Пред твоим величьем дети,
И в свекрови ни одна
Из их дочек не годна...
Да и нет во всей природе,
Ни в одном сиречь народе,
Нет пригодной для него,
Для Романа твоего...
К пользе царственной ревнуя,
Обвенчать его хочу я
На красотке неземной,
На владычице ночной.
Пречудеснейшая тайна
Мне открылась не случайно,—
Коли хочешь, сообщу
И что делать научу...»
— Говори! да лишь курьезно,—
Отвечает царь сурьезно,—
Разным вздором не скучай,
Подарю тебе на чай...—
Вновь мудрец так начинает:
«В неком царстве проживает,
Что за тридевять земель,
Славный царь Ходинамель...
У царя, окроме дочек,
Есть приемыш, как цветочек
Расцветает пышно он,
Весь сияньем окружен...
То царевна Ясносвета,—
В царстве лучше нет предмета,
Так чудесна, так умна,
А особенно ясна!
Все дивятся, что за чудо,
Самоцветней изумруда,
Как от месяца в ночи,
От нее идут лучи...
По известной мне науке
Прокатился раз от скуки
Я в то царство, лишь на час
Отлучившися от вас...
Как вошел во двор я пышный,
Только было там и слышно,

Что хвала ее красам,
Диву дался я и сам...
Столько блеску, столько жару,
Что недолго до пожару!
Ну, диковина! дивней
Не найдется в жизни сей!
Вот уж, правду молвить, знатно!
Только мне невероятно
Что-то стало, что она,
Вишь, от смертных рождена...
Разум мой пришел в свирепство,
Я принялся за волшебство...
И недолго я гадал,
Подноготну всю узнал...
Умолчу, каким манером,—
Не назвали б изувером!
Просто молвлю, что она
Не царевна, а луна...
В небе скучившись дежурить,
Гарцевать и балагурить
И пред солнцем не хотя
Унижаться, не светя,
Днем она на землю сходит
И в том царстве день проводит,
А как солнце сходит прочь,
Освещать уходит ночь...
Вот невеста для Романа!
Кроме царственного сана —
И ведь где же? в небесах! —
Важный клад у ней в руках.
И богатство ее будет,—
Бело озеро запрудит...»
— Ладно! — молвил Елисей.—
Нарядить к царевне сей
Послезавтра же посольство,
Да не делать своевольства,
Чинно там себя вести,
Чтоб невесту привезти
Без урону и изъяна
Для царевича Романа...
Штука славная! луна
Будет в дом к нам введена!
Ну, брат, честь тебе и место,

Да спасибо за невесту,
Ведь такой уже другой
Не отыщешь под луной!..—
Говорит царь мудрецу.
«Но еще царю-отцу
Нужно молвить, между прочим,
Что ведь этак не упрочим
Мы навек себе луны,—
Говорит мудрец,— должны
Мы к земле ее навеки
Приковать...» — Но человеки
Через эти чудеса
Могут выколоть глаза.
С обязанием подпиской,
Чтоб к земле держалась близко
И являлась поскорей,
Будем отпуск давать ей,
Только б с солнцем не дружилась
Иль с звездами не водилась;
Впрочем, это уж, того,
Дело сына моего...—
Царь сказал с самодовольством
И занялся хлебосольством...
«Нет, неладно, царь-отец! —
Отвечал ему мудрец.—
Так она, у нас соскуча,
Заберется в серы тучи,
И попробуй-ка поди
Вновь беглянку приведи!..
Но, чтоб было безопасно,
Средство знаю я прекрасно:
Есть чугунное кольцо
Здесь со мною налицо.
Вот, царевич,— тут до стану
Он согнулся в честь Роману,—
Вот возьми! да береги,
Уничтожить не моги!
Поезжай ты сам в те страны,
Я коня тебе достану,
Да такого, что он в час
Донесет тебя как раз...
Как вспылят у вас сердечки,
Да захочется колечки

Друг у друга променять,
Это ей изволь ты дать;
Ей оно вопьется в руку,
Но не бойся, стерпит муку...
Но зато, ручаюсь я,
Будет целый век твоя...»
Царь радехонек до смерти.
— Не вмешались бы тут черти! —
Говорит он. Славный пир
Тут пошел на целый мир
В честь блистательной надежды;
Наконец сомкнулись вежды;
А царевич наш Роман
Был уж близко чуждых стран...
Пречудовую свиньюшку,
Ростом с сдобную ватрушку,
Подарил ему мудрец.
Вот и к царству наконец
Наш царевич подъезжает,
Тут свиньюшку оставляет
И идет себе пешком
В преогромный царский дом.
В нем и роскошь, и богатство,
И устройство, и опрятство,
И различных тьму красот
Сам колдун не перечтет...
У дверей стоит прислуга
Вся в убранстве из жемчуга,
Так как жар вот и горит,
По-гишпански говорит...
Между ними тут Емеля...
«Где царя Ходинамеля,—
Говорит Роман,— найти,
Укажи — да проведи!»
Тут прислуга подскочила
И царевича спросила,
Кто он родом и отколь,
Не саратовская ль голь,
И не с вражьего ль навета
Прикатил к ним до рассвета?
Но с почтением потом
Отступили чередом,
Поклонились и к царю

Дали путь богатырю...
«Ну-тка, царь Ходинамель,
Оставляй свою постель! —
Закричал дурак Емеля
И толкнул Ходинамеля.—
К нам царевич из чарморя
Прикатил размыкать горе,
Угощенье припаси
Да садиться попроси!..»
Не расслышав хорошенько,
Рассердился царь маленько
И, вспылив на дурака,
Дал в загривок тумака...
Вдруг он делом спохватился,
Как надлежит извинился,
И с царевичем они
Уж осталися одни...
Тут Роман потупил очи
И заплакал что есть мочи,
Слезы вытер рукавом
И речь начал так потом:
«В наше малое поместье
Донеслося, царь, известье
Из огромного твово,
Что дивней нет ничего
Среди всех пределов света,
Как царевна Ясносвета,
Дочь названая твоя.
Ей в мужья гожусь ли я?
Согласишься ль ты — не знаю,
Но к ней страстью я пылаю,
Хоть не видел никогда».
(«Ну, да это не беда,—
Коли с неба, так уж видно,
Что ей мужем быть не стыдно»,—
Он подумал про себя...)
— Я и дочку для тебя
Уступить готов любую,
Хоть старшую, хоть меньшую...
У меня их богатель! —
Отвечал Ходинамель
И воскликнул что есть силы: —
Эй вы, дочки мои милы!

Мы, сударыни, на час
К нам в беседу просим вас...—
Только вымолвил... девицы
Прибежали из светлицы
И все стали у стены.
— Ну, которую в жены
Ты, царевич, завоюешь
Или всех их забракуешь? —
Царь сказал... Роман взглянул:
«Знать, мудрец меня надул,
Или я теперь в угаре:
Тут такие инда хари,
Что за чертовых сестер
Их признать — так не позор!» —
Так Роман себе помыслил,
Их по пальцам перечислил...
Вдруг на самом на краю
(Я от вас не утаю:
Он в тот час немного струсил,
Так его переконфузил
Ясносветы чудный взгляд!)
Видит: два глаза блестят,
Самоцветный словно камень,
Словно звезды, словно пламень!
«Та, та, та! Так вот она,
Уж доподлинно красна,
Правда, в ней уж столько жару,
Что недолго до пожару...» —
Он подумал... Зорких глаз
Не спускал с нее он час,
Поразмыслил, постыдился
Да по горло и влюбился.
«Уступи ты мне вот эту,
Сиротинку Ясносвету,
Уж куда мне до другой,
Удовольствуюсь и той!» —
Так Роман сказал с усмешкой.
Царь же думал: «Глуп как пешка
Он, урод, молокосос,
Слеп он вовсе или кос,
Хорошенько я не знаю,
Лишь того не постигаю,
Отчего не дочь мою

Он берет в жену свою...
Пусть же нянчится с девчонкой!..»
— Коли хочешь, будет женкой
Ясносветочка твоей,
Приказать не смею ей,
А даю свое согласье,—
Он сказал... Роман от счастья
Чуть в безумство не пришел,
Чепухи не замолол...
Но опомнился... К невесте
Подошел с царем он вместе
И его женою быть
Стал красавицу просить...
Ясносвета оробела,
С изумленьем посмотрела,
Раскраснелась как заря
И с согласия царя
Наконец ему сказала:
«Что охота вдруг припала,
Да и видано то где —
На безродной сироте
Сыну царскому жениться?..
Но должна я согласиться,
Коли дело уж давно
Без меня порешено...»
Тут Роман кольцо снимает,
Ей на руку надевает,
А ее берет себе;
И, покорствуя судьбе,
Царь чету благославляет
И, меж прочим, прибавляет:
— Но ты знаешь ли — она
Ведь как нищая бедна?
Я не знаю ее роду,
По двенадцатому году
В плен была она взята
И в дворец мой принята...
Я даю лишь хлеб ей с солью,
Ты берешь ее голь голью...
«Ладно,— думает Роман,—
Не глумися, бусурман!
Или ты и сам не знаешь,
Что из царства отпускаешь

Драгоценный, чудный клад;
Ладно, буду я богат,
Ведь луне сребра и злата
Занимать, я чай, не надо —
Царства купит ваши все
Тем, что есть в одной косе...»
Помолившись, поклонившись
И радушно распростившись,
Царь с царевной молодой
Отправляется домой.
Между тем царь Елисей
Называть велел гостей,—
Предан радостной надежде,
Ходит в праздничной одежде,
Приказанья отдает
Да застольную поет...
День к полудню стал склоняться —
Гости начали сбираться,
И меж множеством гостей
Прикатил царь Пантелей,
Пожилой, неполитичный,
С Елисеем закадычный,
Приглашенья он не знал,
А нечаянно попал...
Притворяться не умея,
Царь в сторонку Пантелея
Вдруг отводит и тишком
Говорит ему потом:
«Поздравляй, брат, поскорее
Ты с невесткой Елисея!
Сына, братец мой, женю,
И на нынешнем же дню!..
А невеста — так уж чудо!
Самоцветней изумруда,
Лучше б я и не желал,—
Разве ты бы дочь отдал,
Так задумался б немного...»
— Ох! давно, по воле бога,
Дочь погибла у меня,
Даже как, не знаю я.
Делать нече! Не вернется,
Только плакать остается,
А охотно бы Роман

Был в мужья ей мной избран,—
Так ответил со слезами
Пантелей и рукавами
Ну-тка слезы утирать,
Чтоб тоски не оказать...
Елисей великодушный
Сам завыл, как малодушный,
Пантелея утешал
И потом ему сказал:
«Что касается до сына,
То счастливый он детина.
Ведь, поверишь ли? луна
Будет, брат, ему жена...
Всё небесное пространство
На одно лишь ей убранство,
Вишь, в приданое идет
Целиком небесный свод
Ей с морями, областями,
Поселеньями, садами,
С кормной птицей всех сортов
И скотиной всех родов,—
Будет тут тряхнуть червонцем!
Только жаль, что вместе с солнцем
Ей придется всем владеть
И сношенья с ним иметь...
Впрочем, что же, бог помилуй!
Как войдем мы только в силу,
Можно, знаешь, и того...
Рати двинуть на него...
Не большая ведь персона,
Да и светит-то как соня,
Не заботясь ни о чем,
Ну да мы его пугнем!»
Молча слушал Пантелей
То, что баял Елисей,
И потом сказал с улыбкой:
— Ну, смотри, брат, как ошибкой
Не вломися в чепуху,
Уморишь всех со смеху...
Есть ли месяцу причина
Выходить за твово сына?
Да притом и небеса
Без него что за краса!..—

Елисей вельми серчает
И, подумав, отвечает:
«Что сказал, то докажу,
Всех на свете пристыжу».
Тут он всё пересказал,
Что мудрец ему сказал.
Пантелей пожал плечами.
«Славны бубны за горами»,—
Он подумал, а потом
Занялся и пирогом...
Так прошло около часу,
Елисей напился квасу
И хотел ложиться спать
На дубовую кровать,
Вдруг, обрадованный, слышит:
У ворот свиньюшка дышит
Так, что ажно всё дрожит.
Елисей туда бежит,
Сына у двери встречает,
Лобызает, обнимает,
А Роман вместо ответа:
«Вот царевна Ясносвета!» —
Говорит ему, и он
Отпускает ей поклон...
Сердце пляшет от блаженства
У царя! Все совершенства,
Всё, чем славен женский пол,
В Ясносвете он нашел.
Весть гремит меж тем в народе,
Что луны теперь в природе
Уж не будет, что она
За Романа отдана.
Кто шататься в пьяном виде
Ночью любит, тот в обиде
Был при случае таком;
А кто любит царский дом,
Тот в сильнейшем был восторге
И в трактирах, и на торге,
И в домах, и на дворах
Пел с восторга так, что страх...
И придворные того же
Были мне<нья>: всех пригожей,
Всех яснее, всех белей,

И прекрасней, и умней
Все царевну признавали
Да из чарок попивали...
Лишь один царь Пантелей
Что-то не был веселей...
Без любви и без привету
Он смотрел на Ясносвету,
И так пристально смотрел,
Что самой ей надоел...
Чтоб скорей окончить дело
И кутить опосле смело,
В честь счастливому концу,
Молодых ведут к венцу...
Обвенчали по порядку...
Чуть не пляшет царь вприсядку,
Так он счастью сына рад!
«Был я,— мыслит он,— богат,
А теперь уже найпаче
Буду впятеро богаче...
Что за нужда, коль темно
Будет в небе, всё равно!..
И кому это обидно,
Что луны не будет видно?
Молвит всяк, уняв тоску:
„Знать, в бессрочном отпуску,
Знать, светить ей надоело,
За другое взялась дело“.
Потолкуют да потом
И забудут чередом...
От того их не убудет...
Перву ночь теперь не будет
В небе сумрачном луны,
Диву даться все должны!..
Да и сам я подивуюсь,
На невестку полюбуюсь:
„Что, голубушка, сидишь
На земле, а не глядишь
Уж, как встарь бывало, с неба,
Словно с год не евши хлеба...“»
Солнце красное садится,
Люд крещеный веселится...
Попиваючи винцо,

Царь наш смотрит на кольцо
На руке у Ясносветы
И поет ей многи леты...
Все спокойны, все поют,
А найпаче того пьют...
Царь лишь только Пантелей
Не стает всё веселей...
То глядит на новобрачных,
То теченье облак мрачных
Мутный взор его следит...
Елисей ему твердит:
«Что ты, братец, что невесел,
Что ты голову повесил?..»
И уходит от него,
Не добившись ничего...
Там с придворными толкует,
Как он солнышко надует,
Как приданое луны
Получить они должны,
И потом, смеясь свирепо,
Обращает взор на небо...
Вдруг он видит: в небеса
Всходит свету полоса...
Он попристальней глядит...
Вот летит, летит, летит,
Светом радужным блистает
И на небо выплывает,
Миловидна и красна,
Словно прежняя, луна.
«Различить я не умею,—
Говорит он Пантелею,
Указав на высоту,—
Эту как зовут звезду?..»
Пантелей глядит, хохочет,
Елисея так порочит:
— Ну, брат, сделал ты чуху,
Уморишь всех со смеху,
Это просто ведь видна
Настоящая луна...
«Как!» — царь в бешенстве взывает,
Мудреца тут призывает,
Задает ему допрос.
А мудрец, повеся нос,

Елисею отвечает,
Что он сам того не знает...
В это время и все гости
Небо взвидели; со злости
Стали жалобно кричать,
Что луна мешает спать;
С мест своих все поскакали,
Толковали, рассуждали
И кричали так, что дом
Обернули кверху дном...
Сам царевич в изумленье
С места встал; как привиденье,
Помутился, побледнел
И на небо поглядел...
А меж тем с большим свирепством
Царь ругался над волшебством,
Проклинал его как мог,
Да простит ему то бог!
«Чрез ошибку эту злую
Взяли, может быть, простую
Девку мы себе в родство,—
Говорит он.— Шутовство,
Что ли, это, в самом деле?
Обмануть, что ль, нас хотели?»
И, серчая, что есть сил
Всю вселенну царь бранил...
А меж тем царь Пантелей
Делал во сто раз умней...
С Ясносветою несчастной
Что-то баял он согласно,
Всё об чем-то вопрошал,
Что-то всё припоминал...
Знать бы было интересно,
Да, на грех, то неизвестно...
Наконец царь Пантелей
Вдруг упал на шею к ней:
«Дочь моя! мое рожденье!
Небесам благодаренье —
Вновь ты мне возвращена!» —
Говорил он, а она
Так и падает на шею
Со слезами к Пантелею...
Тут подходит Елисей:

«Неужель отец ты ей?» —
Вопрошает.— Да, она
Точно та, что пленена
Встарь была Ходинамелем.—
Одурманен, словно хмелем,
И Роман пришел, в тот час
Объяснилось всё как раз.
Все четверо обнялися,
Быть век в мире поклялися,
Безобидно проживать
Да деньжонки наживать.
Снова кубки заблистали,
Пить прилежней вдвое стали,
И пошел такой тут пир,
Что не знал подобных мир.
Я там был три сряду ночи,
Ел что было только мочи,
За стаканом пил стакан,
А всё не был сыт и пьян...

1841

ТАБАК

Табак не признан модным франтом,
Но человек с прямым умом,
Писатель с истинным талантом
Живут, как с другом, с табаком.
Нос образованный и дикий
Его издревле уважал,
И даже Фридрих, муж великий,
Табак в карман жилетный клал.
Наполеон пред жарким боем
Им разгонял свою тоску,
И вряд ли б он прослыл героем,
Когда б не нюхал табаку.
Табак смягчает нрав суровый,
Доводит к почестям людей:
Приятель мой через *бобковый*
Достиг *известных степеней.*
Табак, наш разум просветляя,
Нас к добродетели ведет;
И если, трубку презирая,
Весь свет понюхивать начнет,
Добро, как будто в мире горнем,
Здесь процветет с того числа
И на земле табачным корнем
Искоренится корень зла.

АКТРИСА

На сцене я для всех загадка:
Иначе действую, хожу,
Смотрю так весело, так сладко,
Что хоть кого обворожу.
Но посмотрите за кулисы,
Там изменяюсь я тотчас:
Театр, актеры и актрисы
Не то на деле, что для глаз!

Что вас в театре занимает,
Что вас из кресел и из лож
Так веселит, так поражает —
Всё подражание, всё ложь!
У нас поддельные картины,
Умны мы — от чужих речей,
Природа наша — из холстины,
А солнце наше — из свечей.

Рассчитаны движенья наши,
Суфлер — вот наше волшебство,
И сами мы, кумиры ваши,—
Актеры, больше ничего!
За нами можно волочиться,
В честь нашей славе и красе.
Мы даже любим тем гордиться —
Мы те же женщины, как все.
Поклонников у каждой вволю,
На сцену явится едва!
И на мою, признаться, долю
Их также есть десятка два!

Они болтливы все, любезны
И даже остры на полдня,
Притом они мне и полезны:
Они так хвалят все меня!
В честь мне дрожат в театре стены
От их здоровых, крепких рук,
А я за то порой со сцены
Им глазки делаю — всем вдруг!

ПЕСНЬ МАРИИ

(Из драмы «Материнское благословение»)

В хижину бедную, богом хранимую,
Скоро ль опять возвращусь?
Скоро ли мать расцалую любимую,
С добрым отцом обнимусь?
Бледная, страшная, в грезах являлася
Мать моя часто ко мне,
И горячо я с мечтой обнималася,
Будто с родимой, во сне!..
Сколько, я думаю, к горю привычная,
Мать моя слез пролила...
Если б отсюда она, горемычная,
Речь мою слышать могла,
Я закричала б ей,— пусть не пугается:
«Жизнь для меня не тошна.
Матушка! дочь твоя с горем не знается:
Замуж выходит она!»

*
* *

Внизу серебряник Чекалин
Свои изделья продает,
А наверху Земфира Пален,
Как милый розанчик, цветет.

1843

ПОРТРЕТЫ

1

Суд современный, грешный суд;
В нем судьи слепы, словно дети;
Он то решает в пять минут,
На что потребно пять столетий!
Людей-гигантов каждый год
У каждой множество эпохи,
А как потомство наведет
Свои правдивые итоги —
Увы! огромная толпа
Редеет, чуть не исчезает!..
Судьба на гениев скупа,
Она веками их рождает!..

2

Подчас войдет случайно в моду
Поэт, актер иль музыкант,
Который сам не думал сроду,
Что дал господь ему талант.
Но вот о нем все закричали
И докричались до того,
Что бюст счастливца изваяли,
Великим прозвали его...
А он?.. Он с бюстом чудно сходен
Он так же точно, как и бюст,
Формально никуда не годен,
Ни в чем не грешен, тих и пуст!

3

С кого не пишем мы портретов?..
Богач, без мозга, без души,
Нам задал несколько обедов —
Скорей портрет с него пиши!

Тотчас чудес о нем наскажут,
Опишут жизнь его в два дни
И исторически докажут,
Что он Горацию сродни.
Полна хвалами биографья,
Где строчка каждая ложна
И где жена его Агафья
Агатой важно названа...

4

Иной полвека делал зло,
Труслив, бессовестен, продажен,
Но счастье плуту повезло,
И вдруг он стал спесив и важен.
У всех поклонников своих
На стенках тщательно повешен;
Он на портрете добр и тих,
Как агнец, кроток и безгрешен.
Но разгляди его вполне,
В оригинале — не в картине:
Ему б висеть не на стене,
Ему висеть бы на осине!

5

Иной, напротив, щедр и знатен,
Прилично вел себя всегда,
И громких дел, и черных пятен
Равно душа его чужда.
Он добр и пуст, и слава богу!
Ему зевать бы да толстеть,
Но и к нему нашло дорогу
Желанье — в рамке повисеть.
Занятий не берет он в руки,
Чужим умом дела ведет,
А сам от праздности и скуки
Свои портреты издает...

6

Какой-нибудь писатель странный
Во сне увидит сгоряча,
Что он из тысячи избранный,
И ну писать, писать сплеча!

Почуяв лавры над главою,
Тотчас он тиснул свой портрет,
С улыбкой гордою и злою,
«Как Байрон, гордости поэт».
Но байроническою миной
Он никого не удивил...
Он поросенка в коже львиной
Напомнил всем — и насмешил!

7

В иной актрисе нет приметы
Ума, таланта и души,
Но пишут все с нее портреты
За то, что глазки хороши.
Актер на сцене фарсирует,
А в частной жизни с ним сойдись —
Облобызает и надует,
А ты ему же подивись!
Вот он: портрет его так важен!
Вообразить не станет сил,
Что и душою он продажен,
Да и способностями хил!

8

Суд современный, грешный суд;
В нем судьи слепы, словно дети;
Он то решает в пять минут,
На что потребно пять столетий!
Людей-гигантов каждый год
У каждой множество эпохи,
А лишь потомство наведет
Свои правдивые итоги —
Увы! огромная толпа
Редеет, чуть не исчезает!..
Судьба на гениев скупа,
Она веками их рождает!..

КАБИНЕТ

восковых фигур из Вены, в человеческий рост, содержащий более 125 частию вращающихся фигур или автоматов, групп и изображений предметов исторических и мифологических, из коих многие целые из воску

Каждый день с 4 до 9 часов пополудни показываются публике при великолепном освещении

Кто не учился в детстве в школах,
Историй мира не читал,
Кто исторических героев
В натуре видеть не желал,
И кто в часы уединенья,
В часы вечерней тишины
Не рисовал воображеньем
Картин геройской старины?
Чтоб оживить свои идеи,
О чем мечтала старина,
Так вы идите в галерею,
Идите в дом Осоргина.
Там всё, что умерло и сгнило,
Мы оживили навсегда.
Оно и дешево и мило:
Ей-ей, смотрите, господа!
Чем вам по Невскому слоняться,
Морозить уши и носы,
Идите с прошлым повидаться,
Смотреть истлевшие красы.
Там целый ряд былых деяний
Людей умерших и живых
Предстанет в пышных одеяньях
В лице героев восковых.
Вы их с вниманьем рассмотрите,—
Довольны будете собой,

Притом художнику дадите
За труд награду с похвалой.

Взойдете — прямо перед вами
Стоит задумавшись один,
Тальма, прославленный людями,
Французской сцены исполин.
Его французы все любили,
Он их героев представлял;
Как мы их лица оживили,
Так он их страсти оживлял.

Иван Иваныч Штейнигер-с
С саженной бородой,
Он был в немецком городе-с
Когда-то головой.

А вот Вильгельм Васильевич
Тель, парень молодой;
Он славно дрался с немцами
За город свой родной.
Он — штука не последняя —
В историю попал,
Хоть в жизнь свою истории
Ни разу не читал.
А жил-то он в Швейцарии
В то время, когда там
Жил Геслер, злой правитель их,
Всех щелкал по ушам.
Там этому-то Геслеру
Тель как-то нагрубил.
У Теля сын был маленький,
Отец его любил.
Ну, Геслер и велел ему,
Чтоб в сына он стрелял
И яблоко с главы его
Стрелой своею снял.
С тоскою Тель прицелился,
Вдруг воздух завизжал,
Все вскрикнули от радости:
Он в яблоко попал.
Всё это здесь представлено,
Всяк сделан как живой:

Сам Геслер, Тель, жена его,
И сын, и тесть седой.
Картина интересная,
Да что тут толковать,
Придите, так увидите —
Мы рады показать.

Вот лорд Кохрен, британец храбрый,
Одет в пурпуровый мундир;
И с ним Миаули отважный,
Известный греков командир.
И предводитель фильелинов,
Искавших счастия людей
И храбро дравшихся за греков
Для славы собственной своей,—
Фабвье, полковник знаменитый.
Порядку греков он учил;
От императора французов
Он крест французский получил;
Встречался с турками он редко,
Да больно турок не любил,
Хотя и редко, да уж метко
При каждой встрече колотил.
К ним турка смуглого с посланьем
Паша египетский прислал,
Тот турок, полн негодованья,
Вождям посланье отдавал.

А здесь рожденный для короны,
Еще в младенческих летах,
Представлен сын Наполеона
У юной мамки на руках.
С дитяти глаз она не сводит,
Его лелеет, веселит,
С ним на руках весь день проводит,
Всю ночь у ног его сидит.
Смотрите больше на ребенка:
Печать несчастия на нем,
Рейхштадтским герцогом он умер,
Родился римским королем.

А здесь царевна молодая,
Во всей красе, во цвете лет,

С тоскою взоры устремляет
В последний раз на божий свет.
Пред нею, преклонив колена,
Стоит Мельвиль, седой старик,
Товарищ гибельного плена,
Главою грустною поник.
Вокруг, в тревожном ожиданье,
С слезами фрельны на глазах
Сидят, прощаясь до свиданья
В блаженной жизни, в небесах.
Вот графы Кентский и Шревсбури,
И мрачен их печальный взор,
Они несут, как тучи бурю,
Царевне грозный приговор.
Еще вблизи от эшафота,
С улыбкой зверства на устах,
Стоит отверженец народа,
Палач с секирою в руках.
При первом взгляде на картину
Все фибры сердца задрожат,
Ведь это страшная кончина
Несчастной Марии Стюарт!!

Ах, вот еще про этого,
Совсем было забыл,
Когда взойдете в двери вы,
Тут немец прежде был,
Сидит он, как оглянетесь,
Весь в черном, небольшой,
Так вы ему не кланяйтесь,
Он мертвый, восковой.
Знать, это Шульт, хозяин сам,
Сначала думал я,
Да что-то больно пристально
Он смотрит на меня.
Тут я и образумился —
Знать, это не живой,
Взглянул тотчас же в книжечку:
Ах, точно, восковой.
Он Пальмом прозывается,
В Нюрнберге прежде жил,
Да книжечку какую-то
Про немцев сочинил.

Книжонка-то пустячная,
Да франков он ругал,
Так автора несчастного
Француз и расстрелял.

А вот, пленительна, как счастье,
Стройна, как дикая сосна,
Царица неги, сладострастья
Сидит, детьми окружена.
Она бела, как снег ваш хладный,
Как ваши зори, румяна,
Как летний вечер ваш, отрадна,
Как цвет полуденный, нежна.
Кто молод, в ком бушуют страсти,
Кто их не в силах победить,
Кто любит негу сладострастья,
Кто может пламенно любить —
Вы не ходите в галерею,
Не пробуждайте сердца сон,
Не оживить вам Галатею,
Как оживил Пигмалион.
Венера сердцем овладеет,
Все чувства страсти пробудит,
Она и старость разогреет,
А юность? — в прах испепелит.

А здесь две старушоночки
Танцуют менуэт.
Величиной с котеночка,
А 70 лишь лет,
И рожицы умильные,
Улыбка на устах,
Старушки щепетильные,
Смешны-ну так, что страх!

Ну вот и Кант, философ славный,
А вот и Лютер, Меланхтон,
Вольтер, писатель презабавный,
Сатирик злой и атеист.
А здесь сидит его патрон,
Великий Фридрих, бич австрийцев,
Король, писатель и артист.

О вы, седые дипломаты,
О вы, читатели газет,
Есть и для вас в моей палате
Презанимательный предмет.

Сюда, сюда, Кузьма Петрович,
Сюда, сюда, почтенный Шпак,
Взойдите прямо и смотрите,
Немного вправо, точно так.
Преинтересная картина:
Пред вами рядышком стоят
И черноокая Христина,
И черноусый Фердинанд.

Хотите видеть в отдаленье
От пулей, ядер и огня
Картину грозного сраженья
И смерть французского вождя —
Смотрите: бледный, помертвелый,
На трупе бранного коня
Лежит Моран, беспечно смелый,
Средь грозной битвы и огня.
Он был убит под Люнебургом,
Который храбро защищал,
И эту сцену в Петербурге
Теперь кто б видеть не желал?
Смотрите ж, вот она: всё мрачно,
Вождя любимого всем жаль,
На лицах воинов бесстрашных
И безнадежность и печаль,
А их доспехи боевые
Сребром и золотом горят,
Все эти лошади — живые,
Все эти люди говорят!

А здесь Махмуд, султан турецкий,
Среди наложниц молодых,
И азиатских, и немецких,
И итальяночек живых.

Потом Антония-девица,
Она с усами, с бородой,

Хотя с усами не годится
Ходить девице молодой.

А вот и тот, кто целый мир
Геройской славой изумил,
Пред кем Европа трепетала,
Чье слово чтилось, как закон,
Чье имя храбрых ужасало,
Кто прежде был Наполеон.
Но смерть героя не щадила,
Как он при жизни не щадил,—
Она великого сразила,
Как он всю жизнь свою разил.
Под пышным черным балдахином
Лежит герой Наполеон,
Вокруг его стоят уныло
Маршал Бертран и Монтолон,
Вокруг развешены знамена,
Трофеи славы и побед,
Под ними меч Наполеона,
Который знает целый свет.

Кто ж это в бархатной скуфейке,
С крестом французским на груди,
Сидит так смирно на скамейке,
На гроб так пристально глядит?
То славный Гете современник,
Писатель с чувством и умом,
То славный веймарский советник
Виланд, вы знаете об нем.
Виланд и Гете нам знакомы,
И город Веймар нам сродни,
Под сенью царственного дома
Они так пышно расцвели.
Как сердцу русскому не биться,
Припомнив город нам родной,
Его державная царица
Была российскою княжной.

А здесь Франклин — в года былые
Он много истин нам открыл,
Открыл отводы громовые
И молний злобу усмирил.

Кто это кроткое созданье,
Кто эта дивная жена,
За что на горе и страданье
Она судьбой обречена?
Каким небесным выраженьем
Горят прекрасные глаза,
В чертах и кротость, и смиренье,
С ресницы катится слеза;
Вблизи страдалицы прекрасной
Истлевший череп и земля
Напоминают ей всечасно
Тщету земного бытия.
Ее назвать я вам не смею,
Она не здешняя жена,
Пред нею мир благоговеет,
Она для неба создана!

А это просто чучело,
Стоит такой смешной,
В старинной шапке с бантиком,
С небритой бородой.
Стоит да ухмыляется,
Как лошадь на овес,
Да так и заливается,
Такую дичь понес.
Какой-то вальс чувствительный
Орган его поет,
Ну просто так разительно,
Что всякого проймет;
Из воску весь составлен он,
А как живой стоит,
Одно мне в нем не нравится:
Совсем не говорит.
Приятно б побеседовать,—
Он много, чай, видал,
Когда с своей шарманкою
В Неметчине гулял.
Известно, что в Неметчине
Не то, что на Руси,
И бабы словно барыни,
Поди-ко расспроси!

Да вот хоть эта барыня,
Ведь с прялкою сидит,

А тоже, смотришь, в чепчике,
Да как еще вертит.
Смешная, но преумная,
Уж видно по глазам,
Читает, верно, книги всё —
Да только по складам.

А вот еще компаньица,
Прекраснейший народ,
Картежники да пьяницы,
Один из них урод,
Не знает он приличия,
Зевает за столом —
Но, верно, невоспитанный.
И платье-то на нем
Не то, что на хозяине.
Вот этот так дантист,
Носина преогромнейший,
Должно быть что артист.
Одет весьма прилично он,
Да только без очков:
Известно, что красавицы
Не любят старичков.
А он вот с этой девушкой
Ну, знаете, того.
Да кто не куртизоловал?
Так это ничего.
На свадьбе же серебряной
Не всё ведь только есть,
Жена, старушка дряхлая,
Успела надоесть.
Да к ней же подбирается
Какой-то там чудак,
Хоть стар, да, впрочем, кажется,
Что парень не дурак,
Он с розочкою аленькой
Изволит подходить,
А женщине, да старенькой,
Ведь можно всем польстить.
Проклятые картежники —
Отдельный уж народ,
Один из них хоть седенький,
А видно, что урод.

К себе он карты лучшие
Изволит подбирать,
Товарищи же вполпьяна,—
Так выгодно играть.
А<.....>баум ну точно наш,
Такая же битка́,
Как липочку ощиплет вас,
Проворная рука.
Вот здесь так чудо-девушка,
Бела и румяна,
Да что-то крепко спит она,
Должно быть что пьяна́.
Как смотришь, так и хочется
Смотреть, не свел бы глаз,
Ведь этаких красоточек
Уж не найдешь у нас.
Хоть есть, конечно, славные,
Да, знаете, не так,—
Не слишком образованы,
Не скажут слова в смак.
А брат-то у красавицы
Уж парень пожилой,
Должно быть, из Японии,
Костюм такой смешной.
Халат на нем поношенный,
Из толстого сукна,
Веревкой подпоясанный,
Как сторы у окна.

А вот еще оказия,
Ну кто б подумать мог,
Ренель, старушка дряхлая,
Родила разом трех.

Мадам Капель из Австрии
Шесть разом родила —
Да, впрочем, баба крепкая,
Лет в 30, не стара;
Все мальчики смирнехонько
На столике лежат,
У столика их матери,
Как есть, они сидят.

Вот штука любопытная,
А страшно посмотреть,
Такой ужасной смертию
Не дай бог умереть.
А рожи все прегадкие,
Смотреть — так страх берет,
Так, кажется, и бросится
Да кожу обдерет.
Ужасная история:
Какой-то граф весной
Отправился в Германию
Со всей своей семьей,
Наследство пребогатое
Он ехал получать.
В корчме остановилися
От бури ночевать.
Давно уж все по комнатам
Особым разошлись
И спать, когда всё стихнуло,
Покойно улеглись;
Вдруг страшные разбойники
Напали на корчму,
Сам грозный Гран-Диаволо,
Нет спуску никому!
И старого, и малого,
И женщин, и мужчин
Колотят напропалую,
Не спасся ни один.
Всё живо так представлено,
Так жалостно глядят
Все графские дитяточки,
И видно, что кричат.
Граф, стиснутый злодеями,
Стоит уж чуть живой,
Слуга его валяется
С разбитой головой.
Тут сам и Гран-Диаволо,
Сердито так глядит,
Он держит нитку жемчугу
И спрятать норовит,
А может быть, и четки то,
Известно, что бандит

Сначала богу молится,
А после уж кутит.

Ба, ба, а это что за рожи,
А это что за генерал?
Зачем себе и адъютанту
Он сажей рожу замарал?
Ах нет, да как бы вам не сажей,
Его уж бог так уродил,
Ведь это Гейнрих, царь Доминго,
Что после сам себя убил.
Bonjour, madame * Шарлота Гаген,
И вы, которой целый мир
С таким усердьем восхищался,
Вы, улетевший наш кумир,
И вы, краса, с подмосток сцены
В такое общество пришли,
И вы, прекрасная сирена,
Среди великих сей земли!

Вот герцог Брауншвейгский Карл,
Он целый век пропировал.

Здесь Карл X, добрый царь,
Недолго был он на престоле,
На нем он с честью восседал,
Его оставил поневоле.

Леон XII, он добрый,
Был церкви западной главой
И замечателен своею
Необычайной красотой.

А это что за старичок
Танцует с бабой молодою?
То Жак, тирольский мужичок,
С своей девятою женою.

Здесь жертва варварства и зверства
Великой нации детей,
Погибла средь своей столицы
От рук подвластных ей людей.

---

* Здравствуйте, госпожа *(франц.)*.

То ренъ Мари Антоанет,
Ее убили в цвете лет.

Почтеннейшая публика,
Уж дали вы два рублика,
Так что и толковать,
Как гривны-то не дать?
А фокусы отличные
Представит жид смешной,
Ну точно как естественный,
А он ведь не живой.
Да вам уж эта нация
Известна наперед:
Хоть мертвый жид, а за пояс
Он всякого заткнет;
Уж так они рождаются,
С такою головой,—
Другой жиденок маленький,
А вострый ведь какой.
Наш жид ужасный фокусник
Творит он чудеса,
Как будто бы колдун какой,
Отводит всем глаза.
Он сделает вам яица
Из ягод и плодов
И превратит крыс маленьких
В огромнейших котов;
Придите, так увидите,
Ужаснейший он плут,
Лимоны, сливы, яблоки
В руках его растут.
Пред ним фигурка славная
На столике стоит,
Как кончит, так хозяина
За труд благодарит.

Но я обязан в заключенье
Почтенной публике сказать,
Я сам германец, не умею
Стихов по-русски написать,
Просил об этом я другого,
А сам осмелюсь вас просить:

Мои фигуры восковые
Благоволите посетить.
Когда угодно приходите,
Мы будем рады завсегда,
Собак лишь только не водите
Да не курите, господа.
Шинели, зонтики и палки
Прошу в передней оставлять.
Потом всяк может объективно
По нашим комнатам гулять,
На всё смотрите субъективно,
Прошу руками лишь не брать.
От слишком частых потрясений
И кукла может пострадать.
Теперь скажу вам со смиреньем:
Мне честь вас видеть дорога,
Я остаюсь с моим почтеньем
Жан Шульт,
покорный ваш слуга.

ГОВОРУН

Записки петербургского жителя А. Ф. Белопяткина

Глава I

Две строчки точек.— Раздумье.— Эфир и канцелярия.— Несколько автобиографических сведений.— Нечто о супруге моей, Агафье Леонардовне.— Вступление.— О Санкт-Петербурге.— Приятности столичной жизни.— Шарманщик и шарманка.— Литература.— Иллюстрированные издания.— Большой театр.— Девица «Жизель».— Люция Гран.— «Руслан и Людмила».— Египетская магия.— Московские цыгане.— Груша, Матрена и я.— О том, какая история случилась с Гостиным двором.— Заключение.

I

Да, новый год! . . . .
. . . .
. . .Я предан сокрушению,
Не пьется мне, друзья:
Мир ближе к разрушению,
К могиле ближе я.
Льдом жизненного холода
Не сковано еще,—
В вас сердце, други, молодо,
Свежо и горячо.
Еще вам свет корыстию
Рассудка не растлил
И жизни черной кистию
Злой рок не зачернил.
За счастьем безбоязненно
Пока вы мчитесь вдаль,
И гостьей неприязненной
Не ходит к вам печаль.

Увы!.. она пробудится:
Час близок роковой!
И с вами то же сбудется,
Что сталося со мной:
В дни возраста цветущего
Я так же был готов
Взять грудью у грядущего
И славу и любовь,
Кипел чудесной силою
И рвался всё к тому,
Чего душой остылою
Теперь и не пойму.
В житейских треволнениях
Терпел и стыд и зло
И видел в сновидениях
В венке свое чело.
Любил — и имя чудное
В отчаянье твердил,—
То было время трудное:
Насилу пережил!

II

Когда восторг лирический
В себе я пробужу,
Я вам биографический
Портрет свой напишу.
Тогда вы всё узнаете,—
Как глуп я прежде был,
Мечтал, как вы мечтаете,
Душой в эфире жил,
Бежать хотел в Швейцарию,—
И как родитель мой
С эфира в канцелярию
Столкнул меня клюкой.
Как горд преуморительно
Я в новом был кругу
И как потом почтительно
Стал гнуть себя в дугу.
Как прежде, чем освоился
Со службой, всё краснел,
А после успокоился,
Окреп и потолстел.

Как гнаться стал за деньгами,
Изрядно нажился,
Детьми, и деревеньками,
И домом завелся...

III

Но счастье скоротечное
Изменчиво и зло!
Друзья мои сердечные,
Не вечно мне везло!
Терплю беду великую
С семейной стороны:
Я взял тигрицу дикую
Во образе жены...
Но что вперед печалиться?
Покуда погожу...
Наверно, всякий сжалится,
Как всё перескажу.
Большой портрет к изданию
Списать с себя велю
И в Великобританию
Гравировать пошлю.
Как скоро он воротится,
Явлюсь на суд людской,
Без галстуха, как водится,
С небритой бородой.

IV

Чтоб дни мои смиренные
В несчастье коротать,
Записки современные
Решился я писать.
Дворянство и купечество
И всех других чинов
И званий человечество
Я видел без очков.
Как мир земной вращается,
Где тихо, где содом,—
Всё мною замечается,
Сужу я обо всем.
Болтать мне утешительно,

И публику прошу
Всё слушать снисходительно,
Что я ей расскажу.

V

Столица наша чудная
Богата через край,
Житье в ней нищим трудное,
Миллионерам — рай.
Здесь всюду наслаждения
Для сердца и очей.
Здесь всё без исключения
Возможно для людей:
При деньгах вдвое вырасти,
Чертовски разжиреть,
От голода и сырости
Без денег умереть
(Где розы, там и тернии —
Таков закон судьбы!
Бедняк, живи в губернии:
Там дешевы грибы).
С большими здесь и с малыми
В одном дому живешь
И рядом с генералами
По Невскому идешь.
Захочешь позабавиться —
Берешь газетный лист,
Задумаешь прославиться —
На то есть журналист:
Хвалы он всем славнейшие
Печатно раздает,
И как — душа добрейшая —
Недорого берет!
Чего б здесь не увидели,
Чего бы не нашли?
Портные, сочинители,
Купцы со всей земли,
Найлучшие сапожники,
Актеры, повара,
С шарманками художники
Такие, что — ура!..

Я в них влюблен решительно
И здесь их воспою...

VI

Поют преуморительно
Они галиматью.
Прикрыв одеждой шкурочку
Для смеха и красы,
С мартышками мазурочку
Выплясывают псы,
И сам в минуту пьяную,
По страсти иль нужде,
Шарманщик с обезьяною
Танцует *па-де-де*.
Всё скачет, всё волнуется,
Как будто маскарад.
А русский люд любуется:
«Как немцы-то хитрят!»
Да, сильны их познания,
Их ловкость мудрена...
Действительно, Германия —
Ученая страна!

(Захочешь продолжения
Описанных чудес —
Ступай на представление
Прославленных пиес.)

VII

Придет охота страстная
За чтение засесть —
На то у нас прекрасная
Литература есть.
Цепями с модой скованный,
Изменчив человек:
Настал *иллюстрированный*
В литературе век.
С тех пор, как шутка с «Нашими»
Пошла и удалась,
Тьма книг с политипажами
В столице развелась.

Увидишь тут Суворова
(Известный был герой),
Историю которого
Состряпал Полевой.
Одетого как барина,
Во всей его красе,
Увидишь тут Булгарина,
В бекеше, в картузе.
Различных тут по званию
Увидишь ты гуляк
И целую компанию
Салопниц и бродяг.
Рисунки чудно слажены,
В них каждый штрих хорош,
Иные и раскрашены:
Ну, нехотя возьмешь!
Изданья тоже славные —
Бумага так бела —
Но часто презабавные
Выходят тут дела.
Чем книга нашпигована,
Постигнуть нет ума:
В ней всё иллюминовано,
А в тексте — мрак и тьма!
В рисунках отличаются
Клот, Тимм и Нетельгорст,
Все ими восхищаются...
Художественный пёрст!

VIII

Когда беда случилася
И хочешь, чтоб в груди
Веселье пробудилося,—
В Большой театр иди.
Так ножки разлетаются,
Так зала там блестит,
Так платья развеваются —
Величественный вид!..
Ох!.. много с трубкой зрительной
Тут можно увидать!
Ее бы «подозрительной»
Приличней называть.

Недавно там поставили
Чудесную «Жизель»
И в ней плясать заставили
Приезжую мамзель.
Прекрасно! восхитительно!
Виват, девица Гран!
В партере все решительно
Кричали: *«Се шарман!»*
Во мне зажглася заново
Поэзией душа...
А впрочем, Андреянова
Тут тоже хороша!

IX

В душе моей остылую,
Лишенную всех сил
«Русланом и Людмилою»
Жизнь Глинка разбудил.
Поэма музыкальная
Исполнена красот,
Но самое печальное
Либретто: уши рвет!
Отменно мне понравилась
Полкана голова:
Елва в театр уставилась
И горлом здорова!
Искусно всем украшена —
От глаз и до усов.
Как слышал я, посажено
В ней несколько певцов
(Должно быть, для политики,
Чтоб петь ее слова) —
Не скажут тут и критики:
«Пустая голова!..»

X

Извел бы десть бумаги я,
Чтоб только описать,
Какую Боско магию
Умеет представлять.
Ломал он вещи целые

На мелкие куски,
Вставлял середки белые
В пунцовые платки,
Бог весть куда забрасывал
И кольца и перстни
И так смешно рассказывал,
Где явятся они.
Ну, словом: Боско рублики,
Как фокусник и враль,
Выманивал у публики
Так *ловко,* что не жаль!

XI

Взамен его приехали
Цыганы из Москвы —
Скажите, не потеха ли?..
Не знаю, как-то вы,
А я, когда их слушаю,
Дыханье затая,
Чуть сам невольно с *Грушею*
Не гаркну «Соловья».
Раз собственной персоною,
Забыв лета и класс,
Я с пляшущей *Матреною*
Пустился было в пляс!

XII

Проехав мимо нашего
Гостиного двора,
Я чуть, задетый заживо,
Не закричал: «Ура!»
Бывало, день колотишься
На службе так и сяк,
А чуть домой воротишься,
Поешь — и день иссяк:
Нет входа в лавки русские!
Берешь жену и дочь
И едешь во французские,
Где грабят день и ночь.
Теперь — о восхищение

Для сердца и для глаз! —
В Гостином освещение:
Проводят в лавки газ!
Ликуй, всё человечество!
Решилось, в пользу дам,
Российское купечество
Сидеть по вечерам, —
И газ распространяется
Скорехонько с тех пор:
Ну, точно, просвещается
У нас Гостиный двор!

Рука не разгибается,
Не вяжутся слова:
Умаялся!.. Кончается
Здесь первая глава...

Глава II

Нет счастья под луной.— Романс.— Без трех в червях.— Страшный обет.— Путешествие в департамент.— Светлое воскресение.— Патриархальная жизнь.— Великий пост.— Петербургские новости.— Рубини.— Его концерты.— Оперы «Отелло», «Лючия» и пр.— Лист.— Конское ристалище Сулье.— Арабы.— Скачущие мамзели.— Некоторые любопытные и достоверные известия о ките.— О погоде.— О печальном расположении духа, в котором находится г-н Белопяткин, и о причинах того.— Звездочка.— Банк.— Путешествие по Невскому проспекту в двенадцатом часу ночи.— Предсмертный приют.— Биллиард.— Заключение.— Читатели.— Критики.— Барон Брамбеус, комета и г-н Белопяткин.

I

. . . .
. . . .
Недаром люди плакали,
Роптали на судьбу.
Сочувствую их ропоту
Растерзанной душой,
Я сам узнал по опыту —
Нет счастья под луной!
Какой предосторожности
В поступках ни держись,
Формально нет возможности
От жребия спастись.

Будь барин по сословию,
Приказчик, землемер,
Заставит плакать кровию,—
Я сам тому пример!

II

На днях у экзекутора,
Чтоб скуку разогнать,
Рублишка по полутора
Засели мы играть.
Довольно флегматически
Тянулся преферанс;
Вдруг в зале поэтический
Послышался романс;
Согрет одушевлением,
Был голос так хорош,
Я слушал с восхищением,
Забыл весь мир... и что ж?..
Ошибкою малейшею
Застигнутый врасплох,
В червях игру сквернейшую
Сыграл и — был без трех!
Хотя в душе нотацию
Себе я прочитал,
Но тут же консоляцию
Сосед с меня взыскал.
Другие два приятеля
Огромные кресты
На бедного мечтателя
Черкнули за висты.
В тот вечер уж малинника
В глаза я не видал.
Сто тридцать два полтинника
С походом проиграл!..
Ох, пылкие движения
Чувствительной души!
От вас мне нет спасения,
В убыток — барыши!
Пропетый восхитительно,
Сгубил меня романс,
Вперед играть решительно
Не буду в преферанс!

Пусть с ним кто хочет водится,
Я — правилами строг:
В нем взятки брать приходится —
Избави меня бог!
Занятьем этим втянешься,
Пожалуй, в грех такой,
Что, черт возьми! останешься
По службе без одной!

III

То ль дело, как ранехонько
Пробудишься, зевнешь —
На цыпочках, тихохонько
Из спальни улизнешь
(Пока еще пронзительно
Жена себе храпит),
Побреешься рачительно,
Приличный примешь вид.
Смирив свою амбицию,
За леностью слуги
Почистишь амуницию
И даже сапоги.
Жилетку и так далее
Наденешь, застегнешь,
Прицепишь все регалии,
Стакан чайку хлебнешь.
Дела, какие б ни были,
Захватишь и, как мышь,
Согнувшись в три погибели,
На службу побежишь...
Начальнику почтение,
Товарищам поклон,
И вмиг за отношение —
Ничем не развлечен!
Молчания степенного
День целый не прервешь,
Лишь кстати подчиненного
Прилично распечешь,
Да разве снисходительно
Подшутит генерал,—
Тогда мы все решительно
Хохочем наповал!

(Уж так издавна водится,
Да так и должно быть:
Нам, право, не приходится
Пред старшими мудрить!)
Его превосходительство —
Добрейший генерал,
Он много покровительства
Мне в службе оказал...

IV

Я с час пред умывальником
Мучительный провел,
Когда с своим начальником
Христосоваться шел,
Умылся так рачительно,
Чуть кожу не содрал,
Зато как снисходительно
Меня он лобызал!
Дал слово мной заботиться,
Жал руку горячо,
А я его, как водится,
И в брюхо и в плечо!
Вот жизнь патриархальная,
Вот служба без химер.
О юность либеральная!
Бери с меня пример!..

V

Я в пост, как бы на станции
Задержанный, скучал,
Да, к счастию, из Франции
Рубини прискакал.
От чувства безотчетного
Вдруг всякий присмирел,
Как в зале Благородного
Собранья он запел.
На голову курчавую,
Во всех концах земли
Увенчанную славою,
Все взоры навели

И звуки изумрудные
Впивали жадно в грудь.
То были звуки чудные:
Он пел не как-нибудь!
Высокое художество
И выразить нет слов!
Я слышал в жизни множество
Отличнейших певцов,
Съезжаются на старости
Сюда со всех сторон,
Ревут, как волки в ярости,
А всё не то, что он!
Начнет в четыре голоса,
Зальется как река,
А кончит тоньше волоса,
Нежнее ветерка.
По свету благодарному
Об нем недаром гул:
Мне даже, титулярному,
Он сердце шевельнул!

VI

Идешь ли в канцелярию,
Уходишь ли от дел,
Поешь невольно арию,
Которую он пел.
Выходит бестолковица,
А думаешь, что так.
Другой приостановится
И скажет: «Вот дурак!»
Отелло, мавра дикого,
Так чудно он сыграл,
Что им одним великого
Название стяжал!
Когда игралась «Лючия»,
Я пролил реки слез:
На верх благополучия
Певец меня вознес!

VII

(Как всё по службе сделаю —
Нарочно поспешу —
О Листе книгу целую
Тогда вам напишу.)

VIII

Как все, страстей игралище,
Покинув кучу дел,
На конское ристалище
Намедни я смотрел.
Шталмейстера турецкого
Заслуга велика:
Верхом он молодецкого
Танцует трепака.
Арабы взоры радуют
Отважностью своей,
Изрядно также падают
Мамзели с лошадей.
Ристалище престранное,
По новости своей,
А впрочем, балаганные
Их штуки веселей.
Начальник представления
Сулье, красив и прям,
Приводит в восхищение
В особенности дам.
Доныне свет штукмейстера
Такого не видал:
Достоинство шталмейстера
Недаром он стяжал.

IX

Прилежно я окидывал
Заморского кита.
Немало в жизни видывал
Я разного скота,
Но страшного, по совести,
Такого не видал,
Однажды только в повести

Брамбеуса читал.
Такой зверок — сокровище!
Аршинов сто длина,
Усищи у чудовища,
Как будто два бревна,
Хвост длинный удивительно,
Башка — что целый дом,
Возможно всё решительно
В нем делать и на нем:
Плясать без затруднения
На брюхе контраданс,
А в брюхе без стеснения
Сражаться в преферанс!
Столь грузное животное
К нам было трудно ввезть,
Зато весьма доходное,
Да и не просит есть.
Дерут за рассмотрение
Полтинник, четвертак,
А взглянешь — наслаждение
Почувствуешь в пятак!

X

Вот май... Все разъезжаются
По дачам, отдохнуть...
Больные собираются
К водам, в далекий путь.
Лишь я один, тревогою
Измученный, грущу.
Душевных ран не трогаю
И сердца не лечу.
Изведал уж немало я
Житейской суеты...
Ах, молодость удалая!
Куда исчезла ты?
Бывало, лето красное
Мне счастие несло:
На сердце радость ясная,
Безоблачно чело!
Светила мне незримая
Звезда издалека,

Грудь, страстью шевелимая,
Вздымалась, как река.
Тогда, за что ни схватишься,—
Всё с жаром; хоть порой
И дорого поплатишься,
Зато живешь душой!
Бывало, заиграешься —
Огромный ставишь куш,
Дадут — не отгибаешься,
Как будто триста душ!
Не мысля о погибели,
Рад сам себя на *пе,*
Согну́вши в три погибели,
Пустить назло судьбе.
Дотла пропонтируешься,
Повеся нос уйдешь,
На всех день целый дуешься,
А там — опять за то ж.
Бывало, за хорошенькой
Верст десять пробежишь,
Пристукиваешь ноженькой
Да в уши ей жужжишь:
«Куда идти изволите,
Куда вы, ангел мой?
Что пальцы вы мозолите,
Поедемте со мной?..»
Теперь... увы! — безжизненно
На целый мир глядишь,
Живешь безукоризненно —
Страстями не кипишь.
Забывши и поэзию,
И карты, и дебош,
Поутру пьешь магнезию,
Микстуру на ночь пьешь,
Нейдут на разум грации...

XI

Кончаю, скромен, тих,
У Лерхе в ресторации
Остаток дней моих,
Из службы в биллиардную

Прямехонько иду,
Игру там не азартную,
Но скромную веду.
Там члены всё отличные,
Хохочут и острят,
Истории различные
Друг другу говорят.
Никто там не заносится,
Играем чередой,
И гений Тюри носится
Над каждой головой...

XII

Здесь будет заключение
Второй моей главы.
Итак, мое почтение,
Читатель добрый. Вы
Ценитель снисходительный,
Я знаю вас давно.
А впрочем, мне решительно,
Поверьте, всё равно.
За опыты в пиитике
Я не прошу похвал.
Пускай иные критики
Отхлещут наповал —
Ей-богу, не посетую!
Свое я получил:
Брамбеус сам с кометою
За ум меня сравнил.

Глава III

(Без оглавления)

Мотивы итальянские
Мне не дают заснуть,
И страсти африканские
Волнуют кровь и грудь:
Всё грезятся балкончики,
И искры черных глаз

Сверкают как червончики
В день по сту тысяч раз.
Отбою нет от думушки:
Эх! жизнь моя!.. увы!..
Зачем женили, кумушки,
Меня так рано вы!
На свете много водится
Красавиц, и каких!
А нам любить приходится
Курносых и рябых.
Что за красотка Божия!..
Менялся весь в лице
И даже (не топор же я!)
Заплакал при конце;
Во всем талант, гармония...
Видал не много лиц
Таких, как у Альбони, я —
Певица из певиц,
В уме производящая
Содом и кутерьму,
Так много говорящая
И сердцу и уму;
Высокая и белая,
Красива и ловка,
И уж заматерелая —
Не скажешь, что жидка!
Избытки даже лишние
Заметны в ней души,
И верхние и нижние —
Все ноты хороши!..

Чтоб только петь, как Гарция,
И удивлять весь свет —
Не пожалел бы гарнца я
Серебряных монет.
На миг заботы вечные
Смолкают, не томят,
И струны все сердечные
В груди дрожат, звучат —
Звучат в ответ чудеснице.
Могуча и легка,
Душа как бы по лестнице
Восходит в облака.

А мира треволнения —
Служебный весь содом,
Начальник отделения
С запуганным лицом,
Скучнейшие нотации
Ревнующей жены,
Червонцы, ассигнации
И самые чины —
Всё в мелочь и ничтожество
Тотчас обращено...
Чего бы уж художество
И делать не должно!
Подобные влечения
В неведомый предел
Ввергают в упущения
Житейских наших дел.
От итальянской арии,
Исполненной красот,
К занятьям канцелярии
Трудненек переход;
Спокойствие сменяется
Тревогою души,
И вовсе страсть теряется
Сколачивать гроши.
Но лишь предосторожности
Вовремя стоит взять,—
Как не найти возможности
Всему противустать?
На то и волю твердую
Дал человеку бог,
Чтоб кстати душу гордую
Воздерживать он мог...
Вот мне ничто решительно
Не помешает спать,
Ни счет вести рачительно,
Ни даже... взятки брать
(Не то чтобы с просителей,
А в картах... Что сорвешь
С столичных наших жителей?
Голь продувная сплошь!) —
А всё же я признаюся,
Что Гарцией порой
Так сильно восхищаюся,

Что слезы лью рекой.
Растрогает татарина!
Так хорошо поет,
Что даже у Фиглярина
Ругательств не стает;
Глаза большие, черные,
И столько в них огня...
Жаль — силы стихотворные
Слабеньки у меня;
А будь-ка красноречие!..
Но про меня и так
Трубит давно злоречие,
Что будто я дурак.
Молчу! Где нам подобные
Предметы воспевать:
Мы дураки, способные
Взятчонки только брать!
Над нами сочинители
Смеются в повестях...
А чем мы их обидели?
Будь я в больших чинах,
Тотчас благоразумие
Внушил бы им, ей-ей!
Давай нам остроумие,
Но трогать нас не смей!
Чем хуже я профессора,
Художника, врача?
Коллежского асессора
Трудами получа,
Я никому не здравствую.
Небезызвестно вам,
Что я давно участвую
В литературе сам;
Но никогда решительно
(И бог храни вперед)
Не нападал презрительно
И на простой народ!
Без вздоров сатирических
Идет лишь Полевой
В пиесах драматических
Дорогою прямой.
В нас страсти благородные
Умеет возбуждать

И, лица взяв почетные,
Умеет уважать;
Всем похвалы горячие,
Почтенье... а писцы
И мелкие подьячие —
Глупцы и подлецы
С уродливыми рожами...
И тут ошибки нет
(Не всё же ведь хорошими
Людьми наполнен свет)...

*
* *

И он их не чуждался в годы оны
И вычитал оттуда, что она
Курит сигары, носит панталоны
И с мужем развелась и влюблена
В какого-то повесу...

*
* *

И так за годом год... Конечно, не совсем
Разнообразно... да зато спокойно,
Благонамеренно, благопристойно...
И благоприобретенье меж тем
Расти всё будет... Счастие малюток
Упрочится... Да что ж?.. И, кроме шуток,
Чем худо?..

1844

И СКУЧНО, И ГРУСТНО!

И скучно, и грустно, и некого в карты надуть
В минуту карманной невзгоды...
Жена?.. но что пользы жену обмануть?
Ведь ей же отдашь на расходы!
Засядешь с друзьями, но счастия нет и следа —
И черви, и пики, и всё так ничтожно.
Ремизиться вечно не стоит труда,
Наверно играть невозможно...
Крепиться?.. Но рано иль поздно обрежешься вдруг,
Забыв увещанья рассудка...
И карты, как взглянешь с холодным вниманьем вокруг,—
Такая пустая и глупая шутка!..

РОСТОВЩИК

Было года мне четыре,
Как отец сказал:
«Вздор, дитя мое, всё в мире!
Дело — капитал!»
И совет его премудрый
Не остался так:
У родителя наутро
Я украл пятак.
Страсть навек к монете звонкой
Тотчас получив,
Стал у всех я собачонкой,
Кто богат и чив.
Руки, ноги без зазренья
Всем лизал, как льстец,
И семи лет от рожденья
Был уж я подлец!
(То есть так только в народе
Говорится, а зато
Уж зарыто в огороде
Было кое-что.)
Говорят, есть страсти, чувства —
Незнаком, не лгу!
Жизнь, по-моему,— искусство
Наживать деньгу.
Знать, во мне раненько скупость
Охладила кровь:
Рано понял я, что глупость —
Слава, честь, любовь,
Что весь свет похож на лужу,

Что друзья — обман
И затем лишь лезут в душу,
Чтоб залезть в карман,
Что от чести от злодейки
Плохи барыши,
Что подлец, кто без копейки,
А не тот, кто без души.
И я свыкся понемногу
С ролею скупца
И, ложась, молился богу,
Чтоб прибрал отца...
Добрый, нежный был родитель,
Но в урочный час
Скрылся в горнюю обитель,
Навсегда угас!
Я не вынес тяжкой раны,—
Я на труп упал
И, обшарив все карманы,
Горько зарыдал...
Продал всё, что было можно
Хоть за грош продать,
И деньжонки осторожно
Начал в рост пускать...
Чтоб нажиться — лез из кожи,
Лук да редьку ел,
Ни спины, ни рук, ни рожи,
Верьте, не жалел!
Всех завел, провел и вывел,
С кем сойтись пришлось,
И, пока не оплешивел,
Брал процент с волос:
Вырастать им как угодно
Волю я давал
И в цирюльню ежегодно
Косу продавал.
И теперь зато, под старость,
Есть немножко тут.

(*Хлопает по карману.*)

Пусть приходят люди в ярость,
Говорят: он плут!
Шутки!.. нет, побольше стою!

Я ведь знаю свет:
Лишь тряхни-ка я казною
Да задай обед,
Все в объятья тотчас к плуту,
Все в родню, в друзья —
Я честнейший в ту ж минуту...
Что, не так ли... а???..

ЧИНОВНИК

Как человек разумной середины,
Он многого в сей жизни не желал:
Перед обедом пил настойку из рябины
И чихирем обед свой запивал.
У Кинчерфа[1] заказывал одежду
И с давних пор (простительная страсть)
Питал в душе далекую надежду
В коллежские асессоры попасть,—
Затем, что был он крови не боярской
И не хотел, чтоб в жизни кто-нибудь
Детей его породой семинарской
Осмелился надменно попрекнуть.
Был с виду прост, держал себя сутуло,
Смиренно всё судьбе предоставлял,
Пред старшими подскакивал со стула
И в робость безотчетную впадал,
С начальником ни по каким причинам —
Где б ни было — не вмешивался в спор,
И было в нем всё соразмерно с чином:
Походка, взгляд, усмешка, разговор.
Внимательным, уступчиво-смиренным
Был при родных, при теще, при жене,
Но поддержать умел пред подчиненным
Достоинство чиновника вполне;
Мог и распечь при случае (распечь-то
Мы, впрочем, все большие мастера),
Имел даже значительное нечто
В бровях...
Теперь тяжелая пора!

[1] Тогдашний портной средней руки.

С тех дней, как стал пытливостью рассудка
Тревожно-беспокойного наш век
Задерживать развитие желудка,
Уже не тот и русский человек.
Выводятся раскормленные туши,
Как ни едим геройски, как ни пьем,
И хоть теперь мы так же бьем баклуши,
Но в толщину от них уже нейдем.
И в наши дни, читатель мой любезный,
Лишь где-нибудь в коснеющей глуши
Найдете вы, по благости небесной,
Приличное вместилище души.

Но мой герой — хоть он и шел за веком —
Больных влияний века избежал
И был таким, как должно, человеком:
Ни тощ, ни толст. Торжественно лежал
Мясистый, двухэтажный подбородок
В воротничках,— но промежуток был
Меж головой и грудью так короток,
Что паралич — увы! — ему грозил.
Спина была — уж сказано — горбата,
И на ногах (шепну вам на ушко:
Кривых немножко — нянька виновата!)
Качалося солидное брюшко...

Сирот и вдов он не был благодетель,
Но нищим иногда давал гроши
И называл святую добродетель
Первейшим украшением души.
О ней твердил в семействе беспрерывно,
Но не во всем ей следовал подчас
И извинял грешки свои наивно
Женой, детьми, как многие из нас.

По службе вел дела свои примерно
И не бывал за взятки под судом,
Но (на жену, как водится) в Галерной
Купил давно пятиэтажный дом.
И радовал родительскую душу
Сей прочный дом — спокойствия залог.
И на Фому, Ванюшу и Феклушу
Без сладких слез он посмотреть не мог...
Вид нищеты, разительного блеска

Смущал его — приличье он любил.
От всяких слов, произносимых резко,
Он вздрагивал и тотчас уходил.
К писателям враждой — не беспричинной —
Пылал...бледнел и трясся сам не свой,
Когда из них какой-нибудь бесчинный
Ласкаем был чиновною рукой.
За лишнее считал их в мире бремя,
Звал книги побасенками: «Читать
Не то ли же, что праздно тратить время?
А праздность — всех пороков наших мать»,—
Так говорил ко благу подчиненных
(Мысль глубока, хоть и весьма стара)
И изо всех открытий современных
Знал только *консоляцию*...

Пора
Мне вам сказать, что, как чиновник дельный
И совершенно русский человек,
Он заражен был страстью той смертельно,
Которой все заражены в наш век,
Которая пустить успела корни
В обширном русском царстве глубоко
С тех пор, как вист в потеху нашей дворни
Мы отдали... «Приятно и легко
Бегут часы за преферансом; право,
Кто выдумал — был малый с головой!» —
Так иногда, прищурившись лукаво,
Говаривал почтенный наш герой.
И выше он не ведал наслаждений...
Как он играл?.. Серьезная статья!
Решить вопрос сумел бы разве гений,
Но так и быть, попробую и я.

Когда обед оканчивался чинный,
Крестясь, гостям хозяин руки жал
И, приказав поставить стол в гостиной,
С улыбкой добродушной замечал:
«Что, господа, сразиться бы не дурно?
Жизнь коротка, а нам не десять лет!»
Над ним неслось тогда дыханье бурно,
И — вдохновен — он забывал весь свет,
Жену, детей; единой предан страсти,

Молчал как жрец, бровями шевеля,
И для него тогда в четыре масти
Сливалось всё — и небо и земля!

Вне карт не знал, не слышал и не видел
Он ничего,— но помнил каждый приз...
Прижимистых и робких ненавидел,
Но к храбрецам, готовым на ремиз,
Исполнен был глубокого почтенья.
При трех тузах, при даме сам-четверт
Козырной — в вист ходил без опасенья.
В несчастье был, как многие, нетверд:
Ощипанной подобен куропатке,
Угрюм, сердит, ворчал, повеся нос,
А в счастии любил при каждой взятке
Пристукивать и говорил: «А что-с?»

Острил, как все острят или острили,
И замечал при выходе с бубен:
«Ну, Петр Кузьмич! недаром вы служили
Пятнадцать лет — вы знаете закон!»
Валетов, дам красивых, но холодных
Пушил слегка, как все; но никогда
Насчет тузов и прочих карт почетных
Не говорил ни слова...

Господа!
Быть может, вы надменно здесь зевнете
И повесть благонравную мою
В подробностях излишних упрекнете...
Ответ готов: не пустяки пою!

Пою, что Русь и тешит и чарует,
Что наши дни — как средние века
Крестовые походы — знаменует,
Чем наша жизнь полна и глубока
(Я не шучу — смотрите в оба глаза),
Чем от «Москвы родной» до Иртыша,
От «финских скал» до «грозного Кавказа»
Волнуется славянская душа!!

Притом я сам страсть эту уважаю,—
Я ею сам восторженно киплю,

И хоть весьма несчастно прикупаю,
Но вечеров без карт я не терплю
И, где их нет, постыдно засыпаю...

Что ж делать нам?.. Блаженные отцы
И деды наши пировать любили,
Весной садили лук да огурцы,
Волков и зайцев осенью травили,
Их увлекал, их страсти шевелил
Паратый пес, статистый иноходец;
Их за столом и трогал и смешил
Какой-нибудь наряженный уродец.
Они сидеть любили за столом,
И было им и любо и доступно
Перепивать друг друга и потом,
Повздоривши по-русски, дружелюбно
Вдруг утихать и засыпать рядком.
Но мы забав отцов не понимаем
(Хоть мало, всё ж мы их переросли),
Что ж делать нам?.. Играть!.. И мы играем,
И благо, что занятие нашли,—
Сидеть грешно и вредно сложа руки...

В неделю раз, пресытившись игрой,
В театр Александринский, ради скуки,
Являлся наш почтеннейший герой.
Удвоенной ценой за бенефисы
Отечественный гений поощрял,
Но звание актера и актрисы
Постыдным, по преданию, считал.
Любил пальбу, кровавые сюжеты,
Где при конце карается порок...
И, слушая скоромные куплеты,
Толкал жену легонько под бочок.

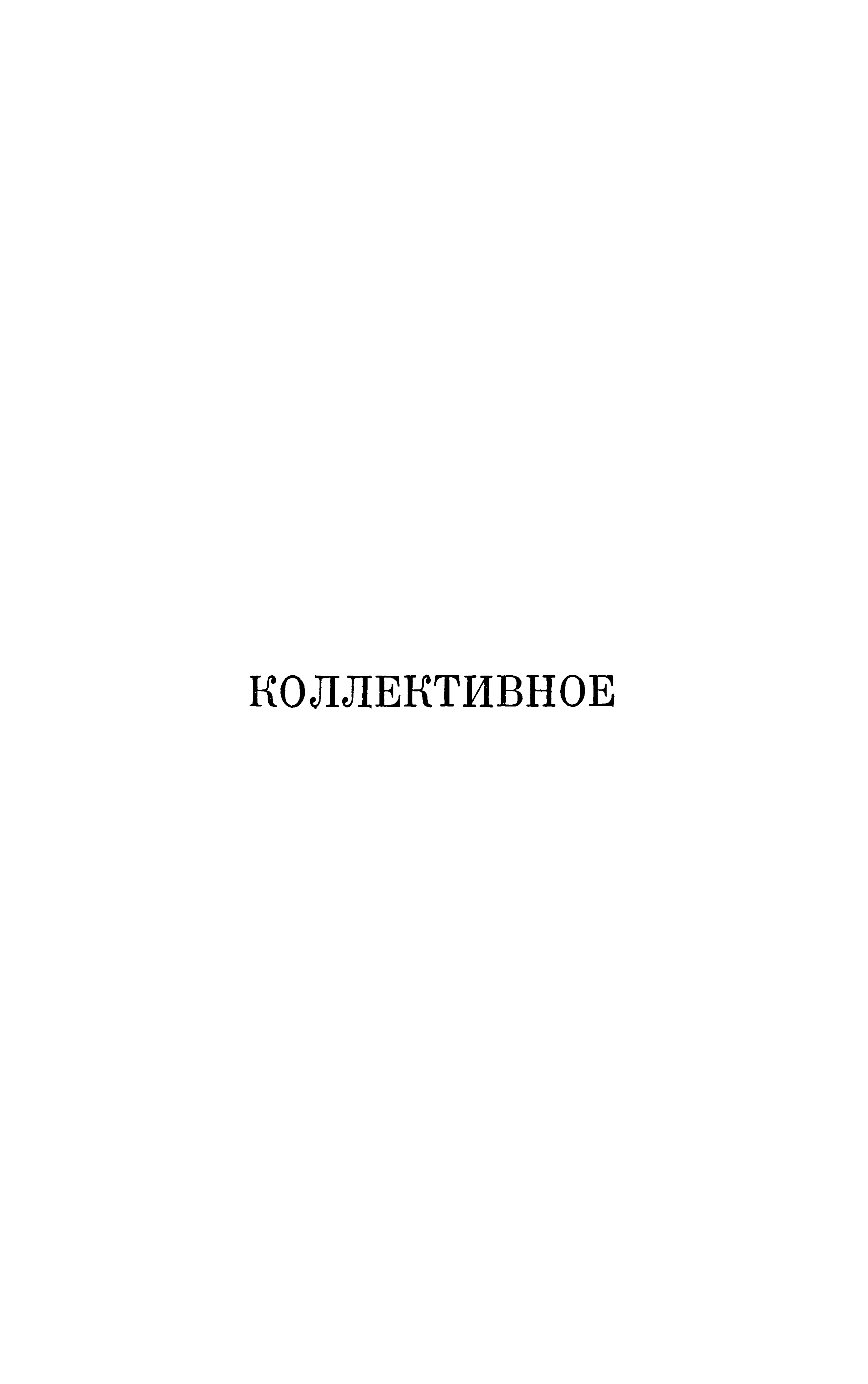
Любил шепнуть в антракте плотной даме
(Всему научит хитрый Петербург),
Что страсти и движенье нужны в драме
И что Шекспир — великий драматург,—
Но, впрочем, не был твердо в том уверен
И через час другое подтверждал,—
По службе быв всегда благонамерен,
Он прочее другим предоставлял.

Зато, когда являлася сатира,
Где автор — тунеядец и нахал,—
Честь общества и украшенье мира,
Чиновников за взятки порицал,—
Свирепствовал он, не жалея груди,
Дивился, как допущена в печать
И как благонамеренные люди
Не совестятся видеть и читать.
С досады пил (сильна была досада!)
В удвоенном количестве чихирь
И говорил, что авторов бы надо
За дерзости подобные — в Сибирь!..

ОТРЫВОК

Родился я в губернии
Далекой и степной
И прямо встретил тернии
В юдоли сей земной.
Мне будущность счастливую
Отец приготовлял,
Но жизнь трудолюбивую
Сам в бедности скончал!
Немытый, неприглаженный,
Бежал я босиком,
Как в церковь гроб некрашеный
Везли большим селом;
Я слезы непритворные
Руками утирал,
И волосенки черные
Мне ветер развевал...
Запомнил я сердитую
Улыбку мертвеца
И мать мою, убитую
Кончиною отца.
Я помню, как шепталися,
Как в церковь гроб несли;
Как с мертвым целовалися,
Как бросили земли;
Как сами мы лопатушкой
Сровняли бугорок...
Нам дядя с бедной матушкой
Дал в доме уголок.
К настойке страсть великую
Сей человек питал,
Имел наружность дикую
И мне не потакал...

Он часто, как страшилище,
Пугал меня собой
И порешил в училище
Отправить с рук долой.
Мать плакала, томилася,
Не ела по три дня,
Вздыхала и молилася,
Просила за меня,
Пешком идти до Киева
Хотела, но слегла
И с просьбой: «Не губи его!» —
В могилу перешла.
Мир праху добродетельной!
Старик потосковал,
Но тщетно благодетельной
Я перемены ждал:
Не изменил решение!
Изрядно куликнул,
Дал мне благословение,
Полтинник в руку ткнул;
Влепил с немым рыданием
В уста мне поцалуй:
«Учися с прилежанием,
Не шляйся! не балуй!» —
Сердечно, наставительно
Сказал в последний раз,
Махнул рукой решительно —
И кляча поплелась...



КОЛЛЕКТИВНОЕ

1846

ПОСЛАНИЕ БЕЛИНСКОГО К ДОСТОЕВСКОМУ

Витязь горестной фигуры,
Достоевский, милый пыщ,
На носу литературы
Рдеешь ты, как новый прыщ.

Хоть ты юный литератор,
Но в восторг уж всех поверг:
Тебя знает император,
Уважает Лейхтенберг,

За тобой султан турецкий
Скоро вышлет визирей.
Но когда на раут светский,
Перед сонмище князей,

Ставши мифом и вопросом,
Пал чухонскою звездой
И моргнул курносым носом
Перед русой красотой,

Как трагически недвижно
Ты смотрел на сей предмет
И чуть-чуть скоропостижно
Не погиб во цвете лет.

С высоты такой завидной,
Слух к мольбе моей склоня,
Брось свой взор пепеловидный,
Брось, великий, на меня!

Ради будущих хвалений
(Крайность, видишь, велика)
Из неизданных творений
Удели не «Двойника».

Буду нянчиться с тобою,
Поступлю я, как подлец,
Обведу тебя каймою,
Помещу тебя в конец.

1854

ЗАГАДКА

Художества любитель,
Тупейший, как бревно,
Аристократов чтитель,
А сам почти <----->;
Поклонник вре-бонтона,
Армянский жантильйом,
Читающий Прудона
Под пальмовым листом;
Сопящий и сипящий —
Приличий тонких раб,
Исподтишка стремящий
К Рашели робкий <---->;
Три раза в год трясущий
Журнальные статьи
И, может быть, <------->
В предбанниках <--->;
Друг мыслей просвещенных;
Чуть-чуть не коммунист,
Удав для подчиненных,
Перед Перовским — глист;
Враг хамов и каратель,
Сам хам и хамов сын —
Скажи, о друг-читатель,
Кто этот господин?

ПЕСНЬ ВАСЕНЬКЕ

Доброе слово не говорится втуне.
Гоголь

Хотя друзья тебя ругают сильно,
Но ты нам мил, плешивый человек,
С улыбкою развратной и умильной,
Времен новейших сладострастный грек.
Прекрасен ты — как даровитый странник,
Но был стократ ты краше и милей,
Когда входил в туманный передбанник
И восседал нагой среди <------>,
Какие тут меж нас кипели речи!
Как к <----> ты настраивал умы,
Как <--------> гасили девки свечи —
Ты помнишь ли? — но не забудем мы!
Среди <------> и шуток грациозных,
Держа в руке замокнувший <--------->,
Не оставлял и мыслей ты серьезных
И часто был ты свыше вдохновлен!
Мы разошлись... Иной уехал в Ригу,
Иной в тюрьме... Но помнит весь наш круг,
Как ты вещал: «Люблю благую книгу,
Но лучшее сокровище есть друг!!!!»
О дорогой Василий наш Петрович,
Ты эту мысль на деле доказал.
Через тебя стыдливый Григорович
Бесплатно <--> и даром <------->.

Тот, кто умел великим быть в борделе,
Тот истинно великий джентельмен...
<---> сто раз, о друг наш, на неделе,
Да будет тверд твой благородный <---->!
Пускай, тебя черня и осуждая,
Завистники твердят, что ты подлец,

Но и в тебе под маской скупердяя
Скрывается прещедрый молодец.
О, добр и ты... Не так ли в наше время,
В сей <----------> и осторожный век,
В заброшенном <--------> скрыто семя,
Из коего родится человек?!

ПОСЛАНИЕ К ЛОНГИНОВУ

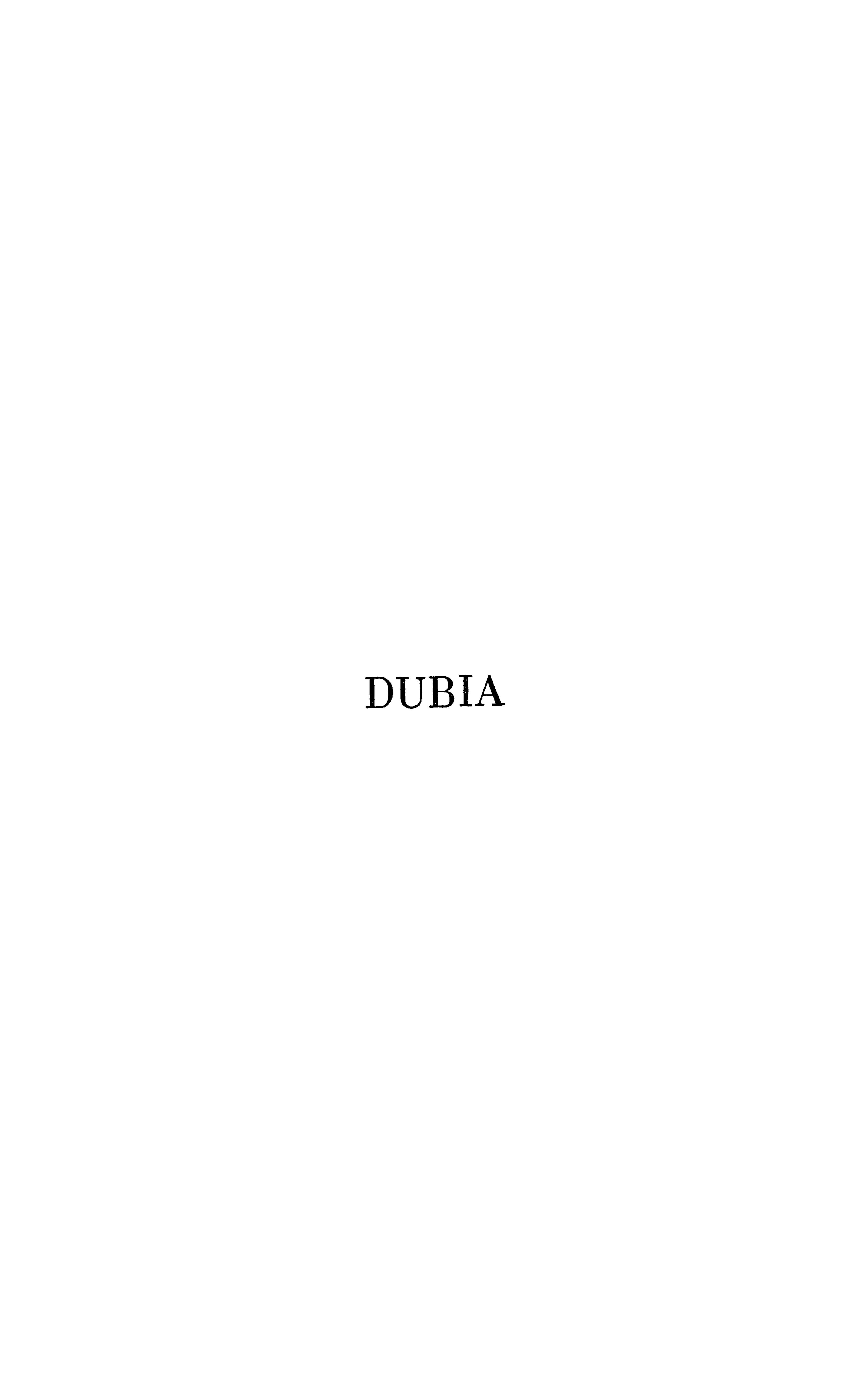
Недавний гражданин дряхлеющей Москвы,
О друг наш Лонгинов, покинувший — увы! —
Бассейной улицы приют уединенный,
И Невский, и Пассаж, и клуба кров священный,
Где Анненков, чужим наполненный вином,
Пред братцем весело виляет животом,
Где, не предчувствуя насмешливых куплетов,
Недолго процветал строптивый Арапетов,
Где, дерзок и красив, и низок, как лакей,
Глядится в зеркало Михайло Кочубей,
Где пред Авдулиным, играющим зубами,
Вращает Мухортов лазурными зрачками,
Где, о политике с азартом говоря,
Ты виртембергского пугал секретаря
И не давал ему в часы отдохновенья
Предаться сладкому труду пищеваренья,—
Ужель, о Лонгинов, ты бросил нас навек,
Любезнейший поэт и редкий человек?

Не ожидали мы такого небреженья.
Иль мало мы к тебе питали уваженья?
Иль полагаешь ты, что мы забыть могли
Того, кем Егунов был стерт с лица земли,
Кто немцев ел живьем, как истый сын России,
Хотинского предал его родной стихии,
Кто верно предсказал Мильгофера судьбу,
Кто сукиных сынов тревожил и в гробу,
Того, кто, наконец,— о подвиг незабвенный —
Поймал за жирный хвост весь причет наш священный?
Созданье дивное! Ни времени рука,
Ни зависть хитрая лаврового венка

С певца Пихатия до той поры не сдернет,
Пока последний поп в последний раз не <------>!
И что же! нет тебя меж нами, милый друг!
И даже — верить ли? — ты ныне свой досуг
Меж недостойными безумно убиваешь,
В купальне — без штанов — с утра ты заседаешь;
Кругом тебя сидят нагие шулера,
Пред вами водки штоф, селедка и икра.
Вы пьете, плещетесь и пьете вновь до рвоты!
Какие слышатся меж вами анекдоты!
Какой у вас идет постыдный разговор!
И если наконец вмешаешься ты в спор,
То подкрепляешь речь не доводом ученым,
А <-------------> и потрясаешь оным!

Какое зрелище! Но будущность твоя
Еще ужаснее... Так, вижу, вижу я:
В газетной комнате, за «Северной пчелою»,
С разбухшим животом, с отвислою губою,
Среди обжорливых и вялых стариков,
Тупых политиков и битых игроков
Сидишь ты, то икнешь, то поглядишь сонливо...
«Эй, Вася! трубочку!» — проговоришь лениво...
И тычет в рот тебе он мокрым янтарем,
Не обтерев его прилично обшлагом.
Куря и нюхая, потея и вздыхая,
Вечерней трапезы уныло выжидая,
То в карты взглянешь ты задорным игрокам,
То Петербург ругнешь, за что не знаешь сам...
А там, поужинав, залезешь в колымагу,
И повезут домой две клячи холостягу,—
Домой, где всюду пыль, нечистота и мрак,
И бродит между книг хозяином прусак,
И счастие еще, когда не встретит грубо
Пришельца позднего из Аглицкого клуба
Лихая бабища — ни девка, ни жена...
Что ж тут хорошего? Ужели не страшна,
О друг наш Лонгинов, такая перспектива?
Опомнись, воротись! Разумно и счастливо
Ты с нами заживешь, как прежде жили мы.
Здесь бойко действуют кипучие умы:
Прославлен Мухортов отыскиваньем торфа,
Из Вены выгнали барона Мейендорфа,

Милютина проект ту пользу произвел,
Что в дождь еще никто пролеток не нашел,
Языкова процесс примерно разыгрался:
Он без копейки был, без денежки остался,
Европе возвестил известный Соллогуб,
Что стал он больше подл, хотя не меньше глуп,
А Майков Аполлон, с гнилой своей улыбкой,
На днях оподлился — конечно, не ошибкой...
И Арапетов сам, тот статский генерал,
Пред кем ты так смешно и странно трепетал,
Стихами меткими недавно пораженный,
Стоит, как тучный бык, обухом потрясенный,
И с прежней дерзостью над крутизной чела
Уже не высится тюльпан его хохла!



DUBIA

1841

ТОЛК С НОВЫМ ГОДОМ

Здравствуй, братец новый год!
Ну садись-ка, потолкуем,
Как с тобою мы надуем
Православный наш народ.
Нынче люди — бог их знает —
Мудрено себя ведут.
Сидор Карпа надувает,
Смотришь — Сидор сам надут...
Перепутаются мысли
От вседневной кутерьмы,
Хоть по алгебре расчисли —
Всё внакладе мы да мы.
Издадим-ка два журнала,
Слепим бричку без осей
Да наделаем из сала
Восковых себе свечей.
А чтоб в люди выйти разом,
Ярко мы осветим газом
Глупости своих друзей.
Для детей составим книги
(Ведь на них теперь расход)
И на акциях до Риги
Смело пустим весоход...
Иногда же, так, от скуки,
Гальванические штуки
Можно будет отливать;
Иль, приделав к шару крылья,
В новый свет за кошенилью
Станем с выгодой летать;
Иль давай, mon cher, * писать,

* Мой милый *(франц.)*.

Не шутя, проект, ей-богу!
Про железную дорогу,
Хоть на Дон, в пример сказать...
А когда об нас по миру
Зашумит, мой друг, молва —
Нам авось дадут квартиру
И — казенные дрова!..

К N. N.

Мой бедненький цветок в красе благоуханной,
На радостной заре твоих весенних дней
Тебя, красавица, пришелец нежеланный
Сорвал по прихоти своей.

Расчетам суеты покорно уступая,
Ты грустно отреклась мечтаний молодых —
И вот тебя скует развалина живая
В своих объятьях ледяных.

Но ведь придет пора сердечного томленья,
Желанья закипят в взволнованной крови,
И жадно грудь твоя запросит наслажденья
В горячке огненной любви.

Мечта коварная твой жаркий бред обманет,
И к ложу твоему полночною порой
Прекрасный юноша невидимо предстанет
В разгаре силы молодой.

И вся отдашься ты могучему влеченью,
И обовьешь рукой созданье грез живых,
Но призрак сладостный исчезнет в то мгновенье...
И кто ж в объятиях твоих? —

Старик... холодный труп!.. Тебе упреком грянут:
«Зачем смущаешь ты бесчувственный покой?»
И как мучительно, убийственно обманут
Восторг души твоей больной.

1844

ПОСЛАНИЕ К СОСЕДУ

Гну пред тобою низко спину
За сладко-вкусный твой горох.
Я им объелся! Я в восторг
Пришел!.. Как сахар, как малину,
Я ел горошины твои.
Отменно ты меня уважил!
Я растолстел, я славно зажил,
Я счастлив! Словно как любви
Краснокалеными устами
Я отогрет! — и жизнь моя
Светлостеклянными струями
Бежит, как утлая ладья,
Бежит проворно, звонко, прытко,
И вот (подарок невелик,
Но от души — не от избытка)
Стихов отборных четверик
Тебе я шлю... На, ешь!.. Что? будет?..
Авось придет тебе на вкус...
А не придет — я не боюсь:
Не выдаст друг и не осудит!
Почтенный, добрый и прямой,
Неприхотливый, несердитый,
Подарок старого пиита
Ты примешь ласковой душой,
Хоть он нелепый и пустой...

ОДА «СОН»

(Подражание Василию Кирилловичу Тредьяковскому)

Покоясь спят все одре мягком на,
Тем приятства вкушая от сладкого сна;
С лирой лишь в руке не дремлет пиит;
Того горит око и лира звенит;
Хвалит он нощь, свет дневной запрудившу,
В просвещенном же уме его родившую виршу...
Некий Орфей как певал, ему так все внимали,
Что мухи, жуки, журавли, граки и индейки скакали...

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

(Из записок борзописца)

> О, не верьте этому Невскому проспекту!..
>
> . . . .
>
> Боже вас сохрани заглядывать дамам под шляпки. Как ни развевайся вдали плащ красавицы, я ни за что не пойду за нею любопытствовать. Далее, ради бога далее от фонаря! и скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастие еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим маслом своим. Но и кроме фонаря всё дышит обманом. Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но всего более тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валятся с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях и когда зажигают лампы для того только, чтоб показать всё не в настоящем виде.
>
> *Гоголь*

Я на Невском проспекте гулял
И такую красавицу встретил,
Что, как время прошло, не видал
И, как нос мой отмерз, не заметил.
Лишь один Бенедиктов бы мог
Описать надлежащим размером
Эту легкость воздушную ног,
Как, назло господам кавалерам,
Избегала их взоров она,
Наклоняя лукаво головку
И скользя, как по небу луна...
Но нагнал я, счастливец! плутовку,
Деликатно вперед забежал
(А кругом ее публики пропасть)
И: «Куда вы идете?» — сказал,
Победив<ши> врожденную робость.
Ничего не сказала в ответ,
Лишь надула презрительно губки,
Но уж мне не четырнадцать лет:
Понимаем мы эти поступки.

Я опять: «Отчего ж вы со мной
Не хотите сказать ни словечка?
Я влюблен и иду как шальной,
И горит мое сердце, как свечка!»
Посмотрела надменно и зло
И сердито сказала: «Отстаньте!»
Слышу хохот за мной (дело шло
При каком-то разряженном франте).
Я озлился... и как устоять?
На своем захотелось поставить...
«Неужель безнадежно страдать
Век меня вы хотите заставить?» —
Я сказал.. и была не была!
Руку взял... Размахнулася грозно
И такую, злодейка, дала
Оплеуху, что... вспомнить курьезно!
Как, и сам разрешить не могу,
Очутился я вмиг в Караванной.
Всё судил и рядил на бегу
Об истории этой престранной,
Дал досаде и страсти простор,
Разгонял ерофеичем скуку
И всё щеку горячую тер
И потом целовал свою руку —
Милый след всё ловил на руке
И весь вечер был тем озабочен...
Ах!.. давно уж на бледной щеке
Не бывало приятней пощечин!

КАРП ПАНТЕЛЕИЧ И СТЕПАНИДА КОНДРАТЬЕВНА

ПОЭМА В ИНДИЙСКОМ ВКУСЕ

I

Жил-был красавец, по имени Карп, Пантелея
Старого сын, обладатель деревни Сопелок
(Турово тож), трехаршинного роста детина,
Толстый и красный, как грозды калины созрелой —
Ягоды сочной, но горькой,— имел исполинскую силу,
Так что в Сопелках героя, подобного Карпу,
Не было, нет и не будет,— между мужиками
Он сиял, как сияет солнце между звездами.
Раз на рогатину принял медведя, а волка,
Жива и здрава, однажды в село притащил за полено;[1]
Храбро смотрел на широкое горло ведерной бутыли,
Кашей набитый бурдюк поглощал как мельчайшую
птичку,
Крепкий мышцею, емкий гортанью, прекрасного пола
Первый в Сопелках прельститель . . . .
. . . .
...Таков-то
Карп Пантелеевич был. Но, к несчастью, и слабость
Также имел он великую: в карты играть был безмерно
Strастен. В это же время владел Вахрушовым
обширным
Пенкин, Кондратий Степаныч, весьма благодушный
и плотный мужчина.
Долго бездетен он был и обет произнес пред судьбою
. . . .

---

[1] Хвост волка у охотников называется *поленом*.

Только б судьбы всеблагие его наградили
Сладким родительским счастьем,— и небо ему
даровало
Трех сыновей и дочь. Сыновья назывались: первый
Сидор, Федор другой и Венедикт третий; а имя
Дочери было дано Степанида. Мальчики были
Тощи и желты; звездой красоты расцвела Степанида.
Прелесть ее прошла по губернии чудной молвою.
Горничных девок и баб окруженная роем, как будто
Свежим венком, сияла меж них Степанида, сияла,
Будто малина в крапиве. Не только в уезде,
Даже в губернии самой, где лучшие жены
Очи чаруют, подобной красы не видали:
Прелесть ее могла привлечь и губернских надменных,
Гордых чиновников в город уездный и даже
В скромный приют деревенский.

II

Однажды, под вечер,
Проса пригоршню похитив тихонько в амбаре
(С доброю целью не грех иногда и похитить!),
Дева идет к ручейку, где встречать уж издавна
Гуси-любимцы привыкли кормилицу-деву...
Весело корм шелушат с алебастровых ручек
Добрые птицы дворные и взор благодарный возводят
К деве прекрасной, как будто любуяся ею.
Только один и не ест и приветливой ласки не ищет.
Тщетно к нему простирая обильную кормом
Длань, подзывает его изумленная дева:
Он не подходит. Вот она ближе к нему, а он дальше;
Дева за ним — он всё дальше... и странно
Ей показалось, что сделалось с гусем? «Постой же!—
Думает,— я тебя так не оставлю, проказник; поймаю
И за побег накажу — накормлю хорошенько!»
Просо за пазуху всыпав и платьице кверху поднявши
(Был уже вечер, и небо обильно росилось),
Ручки к нему простирает и ловит, как серна
Вслед беглецу устремляясь и алые губки кусая,
Полные милых упреков, в досаде. И вот уж накрыла;
Вот уж готова схватить; но опять непокорный
Вырвался, снова отшибся далеко — и снова,
Стан распрямив серновидный, бежит утомленная дева.

С версту и более так пробежала; но тщетны
Были усилья красавицы, силы уж ей изменяют,
Дух занимается — хочет бежать и не может...
Стала, кругом оглянулася. Вправо окраина леса,
Дальше пространная нива, покрытая рожью; налево...
«Боже! какая картина!..» И скромно потупила очи
Робкая дева и в страхе дыханье удерживать стала...

III

Влево была небольшая поляна, и кусты
Шли от нее далеко и с самим горизонтом сливались,
С края же кустов (и вот что стыдливую деву смутило)
Кто-то лежал, устремившись очами на небо
И выпуская дымок из коротенькой трубки с оправой.
Был он красив; в голубую венгерку с кистями
Затянут; обут в сапоги до колен и украшен
Желтой ермолкой с зеленою кистью; лежала
Пара легавых собак близ него, и смотрело
Смерть наносящее дуло ружья из куста. Удалиться
Силы собравшая дева хотела, но снова
Силы ей вдруг изменили; осталась и долго,
Долго смотрела, забыв и стыдливость, и гуся,
И всё, что ни есть на земле. В упоенье,
С сердцевластительным взором, с улыбкой, чарующей душу,
Молча стояла, молча глядела и таяла тайным
Пламенем... Вот бы идти; победила влеченье
Страстное... Вдруг встрепенулся — подходит
Прямо к охотнику гусь, распустив златоперые крылья,
Дерзко крича и длинной главой помавая.
Бросились псы, оглянулся охотник и видит:
Сладкоприветная дева пред ним; как с неба слетевший
Ангел, она прекрасна была, и прелесть любви окружала
Нежные члены ее, жажду любви пробуждая.
Муку любви почувствовал Карп при виде волшебного
Стройного стана ее; приподнялся и рухнулся снова
Он на колени пред нею, и речь полилася потоком,
Словно с горы сладкозвучные волны, словно из бочки
Мед искрометный на дно ендовы позлащенной.

IV

Грусть и тоска воцарились в селе Вахрушове. Печальна,
Бродит одна Степанида и тайную думает думу:
После того, что сказал ей охотник, влюбленная дева,
Словно как будто с собою расставшись, была беспрестанно
С Карпом прекрасным. Ни вкусный крыжовник, ни вишни,
Ниже галушки ее не прельщают; то в землю
Взоры потупит, то к милым Сопелкам (Турово тож) их поднимет
С темной надеждой и с полною тяжкими вздохами грудью;
Временем щеки — как жар, временем бледные; очи,
Полные слез, засохшие губы, и все в беспорядке
Мысли, как волосы... День и ночь Степанида вздыхала,
Слабая, томная; не было ей ни сна на постели,
Ниже покоя на месте ином, и Кондратий Степаныч,
Нежный родитель ее, услыхавши, что дочь Степанида
Свой покой потеряла, обедать не мог, и простыли
Даром ленивые щи, и вареники так простояли...
К счастью, недолго тоска вострозубая грызла
Жителей добрых села Вахрушова. Однажды,
Только что сели за стол и разрезали чудный
Кашей набитый пирог, и главою семьи на тарелку
Было уж взято три доли, и он, уж схвативши
Мощной рукою одну, обдававшую паром, разинул
Пасть и как тигр показал серо-желтые зубы,—
Вдруг подлетела к крыльцу таратайка, и сваха
В комнату шасть. Изменилась в лице Степанида,
Вон убежала в испуге. Сваха за ней быстро, как за робкой
Ланию пес разъяренный, и вот Степанида
С нею одной осталась одна, и тут, приосанясь,
Сваха сказала почтительным голосом ей: «Степанида,
Свет мой Кондратьевна! в Турове Карп Пантелеич,
Барин добрейший, живет-поживает, и нет и не будет
В свете красавца такого,— верь чести, не лгу я,
Лопни глаза, расступись мать сыра земля, выгний
Зубы во рту до единого. Если б его ты женою

Стала, какой бы родился у вас постреленок... о, чудо!
Выдь за него, осчастливь и его и себя ты навеки —
Ты, тихонравная, сладкоприветная, добрая девка!
Много на жизни людей повенчала я, много
Всяких даров и побой приняла за услуги,
Много наделала жен и мужей, но доныне
Встретить красавца такого, как он, не случалось.
Краля червонная ты, а твой Карп Пантелеич
Просто козырный король — выбирай, какой любишь ты масти!»
Так говорила злохитрая сваха. Меж тем Степанида,
Слушая, радостно рдела; потом в ответ прошептала,
Вся побледнев от любви:— Скажи ты то же и Карпу.—
Быстро оделася сваха, уселась опять в таратайку,
Ехать в Сопелки велела и там, за графином настойки,
Карпу влюбленному всё рассказала.
Слушая жадно, почтенный сын Пантелея, рюмку за рюмкой глотая,
Радостно рдел... Благодарного полный восторга,
Обнял старуху, сладко рыдая, и целую сотню
Собственной травли заячьих шкур подарил ей на шубу...

ОДА «ЧАЙ»

(Подражание Василию Кирилловичу Тредьяковскому)

Смертных ты поишь, настоян горячей водой,
Тем, чтоб согренье желудка дать той,—
Прекрасный, как оных древних сказок нектар,
С ромом мешаясь, внутри ты производишь пожар,
Что крутит в голове, входя в ту чрез брюхо,
От чего красен нос и зело горит ухо,—
Палке подобно брошенной вверх, тогда воспарит
Сила та, что в пиите вирши творит.
По дороге ль зимой ехавши, зябнет купец,
Перву беседу с то<бо>й в ночлеге творит молодец;
Полевой, за отчизну дерясь, офицер
Привязан к тебе на такой же манер;
Ловчий, под осень крутясь на полях,
Без тебя прозябая, готов кричать — ах!
Мудрости пускаясь умом в глубину,
С теми ж профессор имеет привычку одну;
Мы же, пииты, пиющие тя,
Одами да чтим повседневно двумя.

1846

РЕВНОСТЬ

Есть мгновенья дум упорных,
Разрушительно-тлетворных,
Мрачных, буйных, адски-черных,
Сих — опасных как чума —
Расточительниц несчастья,
Вестниц зла, воровок счастья
И гасительниц ума!..

Вот в неистовстве разбоя
В грудь вломились, яро воя,—
Всё вверх дном! И целый ад
Там, где час тому назад
Ярким, радужным алмазом
Пламенел твой светоч — разум!
Где добро, любовь и мир
Пировали честный пир!

Ад сей... В ком из земнородных
От степей и нив бесплодных,
Сих отчаянных краев,
Полных хлада и снегов,—
От Камчатки льдянореброй
До брегов отчизны доброй,—
В ком он бурно не кипел?
Кто его — страстей изъятый,
Бессердечием богатый —
Не восчествовать посмел?..

Ад сей... ревностью он кинут
В душу смертного. Раздвинут
Для него широкий путь
В человеческую грудь...

Он грядет с огнем и треском,
Он ласкательно язвит,
Всё иным, кровавым блеском
Обольет — и превратит
Мир — в темницу, радость — в муку,
Счастье — в скорбь, веселье — в скуку,
Жизнь — в кладбище, слезы — в кровь,
В яд и ненависть — любовь!

Полон чувств огнепалящих,
Вопиющих и томящих,
Проживает человек
В страшный миг тот целый век!
Венчан терньем, не миртом,
Молит смерти — смерть бы рай!
Но отчаяния спиртом
Налит череп через край...
Рай душе его смятенной —
Разрушать и проклинать,
И кинжалов всей вселенной
Мало ярость напитать!!

СТИХОТВОРЕНИЕ, *ЗАИМСТВОВАННОЕ* ИЗ ШИЛЛЕРА И ГЕТЕ

Я герой!..
Припеваючи жить
И шампанское пить,
Завираться!
Жребий мой:
Вечеринки давать,
И себя восхвалять,
И стишки издавать,
И собой
Восхищаться!
Верить одному
Вкусу своему,
Всех блаженней в мире,
Всех несчастней быть;
Но какое счастье
Так *себя* любить!..

ЖЕНЩИНА, КАКИХ МНОГО

Она росла среди перин, подушек,
Дворовых девок, мамок и старушек,
Подобострастных, битых и босых...
Ее поддерживали с уваженьем —
Ей ножки целовали с восхищеньем —
В избытке чувств почтительно-немых.

И вот подрос ребенок несравненный.
Ее родитель, человек степенный,
В деревне прожил ровно двадцать лет.
Сложилась барышня; потом созрела...
И стала на свободе жить без дела,
Невыразимо презирая свет.

Она слыла девицей идеальной;
Имела взгляд глубокий и печальный;
Сидела под окошком по ночам —
И на луну глядела неотвязно;
Болтала лихорадочно, несвязно...
Торжественно молчала по часам.

Въедалася в немецкие книжонки,
Влюблялася в прекрасные душонки —
И тотчас отрекалась... навсегда...
Благословляла, плакала, вздыхала,
Пророчила, страдала... всё страдала!!!
И пела так фальшиво, что беда.

И вдруг пошла за барина простого,
За русака дебелого, степного —
. . . .

На мужа негодуя благородно,
Ему детей рожала ежегодно
И двойней разрешилась наконец.

Печальная, чувствительная Текла
Своих людей не без отрады секла;
Играла в карточки до петухов,
Гусями занималась да скотиной —
И было в ней перед ее кончиной
Без малого — четырнадцать пудов.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

«Что не весел, Ваня?
В хоровод не станешь?
Шапки не заломишь?
Песни не затянешь?
Аль не снес, не добыл
Барину оброку?
Подати казенной
Не пре<д>ставил к сроку?
Аль набор рекрутский
Молодца кручинит —
Угодить боишься
Под красную шапку?
Аль душа-девица,
Что прежде любила,
С недругом спозналась?
Ваньке изменила?»
— Оброк и с гостинцем
Барину пре<д>ставил;
Подати казенной
За мной ни алтына;
Не боюсь рекрутства —
Брат пошел охотой;
А душа-девица
Мне не изменила —
Да ее-то, братцы,
Сроду не бывало!..

<ИЗ «САНТИМЕНТАЛЬНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ИВАНА ЧЕРНОКНИЖНИКОВА ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ ДАЧАМ»>

<1>

Ферапонт овчину дубил
И руку себе зашибил.
Он стал овчину бранить,
Когда руку стало сводить;
А я скажу ему на то,
Что он бранил ее ни за что!
Так знай же ты, детина,
Что может ушибить и овчина,
Когда ты дурак
И делаешь не так.

<2>

О, если б мог я шар земной
Схватить озлобленной рукой,—
Схватить... измять и бросить в ад!..
Я был бы счастлив... был бы рад!..

<3>

Злодею выбиты все зубы,
Порок достойно награжден.

<4>

ДРУГУ КОПЕРНАУМОВУ

Люблю твой пламенный азарт,
Когда, с небритой бородою,

Накрывшись шляпою кривою,
Идешь сражаться ты в бильярд,

Когда ты с чашей пуншевой
Кружок друзей своих обходишь
И вензеля ногами водишь
Пред хладно-чинною толпой,

Когда, вооружась бутылкой,
На драку радостно спешишь
Иль стулом франта по затылку
Как бы перуном ты разишь!

Так, удаль мне мила твоя,
Твоим я видом восторгаюсь,
И сам кием вооружаюсь,
И в драку смело лезу я!

<5>

Была прекрасная погода —
С злодеем ты гулять пошла,
И все дивились на урода,
С которым ты нежна была;
И канареечного цвету
Его безвкуснейший жилет
Являл осьмое чудо свету.
Он был, казалось, средних лет,
В его наружности холодной
Не замечалось и примет
Ни той осанки благородной,
Ни энергии юных лет,
Которые к твоим услугам —
Твои покорные рабы —
Мы предлагаем друг за другом
По воле сердца и судьбы...
Скажи: ужель сей зверь небритый
Твоей душою овладел?
Быть может, что вчера побитый
В харчевне грязной он сидел?
А нынче вдруг такой наградой
Он наслаждается, глупец,

Которая была б отрадой
Для наших пламенных сердец.
Каким достоинством сокрытым
Тебя сей зверь очаровал?
Скажи, не глазом ли подбитым?
Иль ядом лести и похвал?
Иль против воли ты, Мария,
Под гнетом роковой тоски,
Небритого и злого змия
Себе избрала в женихи?
Но ты, быть может, непослушна
Веленьям матери своей
И, к злому зверю равнодушна,
По сердцу жаждешь ты связей?..
О, если так... узнай, что ныне
Три сердца, полные тобой,
Блуждают в мире, как в пустыне,
Под гнетом страсти роковой.
Внемли же страстные моленья
Влюбленных пламенных сердец!
Но если ты без сожаленья
Идешь с злодеем под венец —
О! Гнев наш будет дик и страшен!
Где ты гуляешь с ним теперь,
Лежать там будет бездыханен,
Безгласен, мертв сей лютый зверь...
А сами мы, сплетясь руками,
Низринемся в пучину вод...
И трупы хладные волнами
К ногам жестокой принесет!

<6>

Несчастный день! позорный день!
День срама и стыда!
Я вел себя как глупый пень,
Да, да, да, да! да, да, да, да!

Смотрите, рощи и поля,
Меж вас идет колпак...
Я был глупее журавля...
Так, так, так, так! так, так, так, так!

«Ты жалкий трус! ты жалкий трус!» —
Она кричит вослед.
К ней никогда не возвращусь...
Нет, нет, нет, нет! нет, нет, нет, нет!

<7>

Нет, мало места здесь возвышенной натуре;
Пойду я в дикий лес прислушиваться к буре!

1854

*
* *

Кто видит жизнь с одной карманной точки,
Кто туп и зол, и холоден, как лед,
Кто норовит с печатной каждой строчки
Взимать такой или такой доход,—
Тому горшок, в котором преет каша,
Покажется полезней «Ералаша».

Но кто не скрыл под маскою притворства
Веселых глаз и честного лица,
Кто признаёт, что гений смехотворства
Нисходит лишь на добрые сердца,—
Тот, может быть, того и не осудит,
Что в этом «Ералаше» есть и будет.

*
* *

. . . .
Взирает он на жизнь сурово, строго,
И, глядя на него, подумать можно:
У! у него здесь (надо указывать на лоб)
много! много!..
Солидный вид, и страшный мрак во взоре,
И на челе какой-то думы след,
Отрывистость и сухость в разговоре...
Да! Мудрецом его признает свет!
Такая внешность — мудрости залогом,
Без всякого сомненья, быть должна...
Она ему способствует во многом,
И уважение внушает всем она!..

1855

НА МАЙКОВА (1855 года)

Давно ли воспевал он прелести свободы?
А вот уж цензором... начальством одобрен,
Стал академиком и сочиняет оды,
А наставительный всё не кидает тон.
Неистово браня несчастную Европу,
Дойдет он до того в развитии своем,
Что станет лобызать он Дубельтову <---->
И гордо миру сам поведает о том.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И
ВАРИАНТЫ

Полный свод всех разысканных редакций и вариантов стихотворений Некрасова публикуется впервые.[1]

Имеющиеся материалы располагаются в следующем порядке (к каждому стихотворению отдельно): 1) планы и другие предварительные наброски, отражающие развитие замысла; 2) ранние редакции, имеющие самостоятельное значение; 3) варианты рукописей и корректурных листов; 4) варианты прижизненных изданий, подготовленных автором; 5) разночтения (отличия от основного текста, авторское происхождение которых не установлено).

Рубрикация материалов по их источникам и характеру дается при помощи подзаголовков, например: «Первоначальная журнальная редакция (С)», «Варианты чернового автографа ИРЛИ» и т. п.[2]

Внутри каждой рубрики варианты помещены в последовательном порядке. Перед вариантами указываются (слева на поле страницы) номера соответствующих стихов основного текста.

Варианты рукописей и корректурных листов даются по источникам, расположенным в хронологической последовательности. Если в одном архивохранилище находится несколько автографов данного произведения (однотипных — беловые, черновые рукописи), они приводятся под буквенными обозначениями: «Автограф ИРЛИ А», «Автограф ИРЛИ Б» и т. п. Ряд последовательных вариантов одного источника, относящихся к одним и тем же стихам, обозначается буквами а, б, в и т. д.

Варианты печатных прижизненных изданий даются сводом к отдельным строкам. Если варианты одних и тех же стихов приводятся по разным источникам, то номера стихов основного текста (слева на поле) повторяются, а сами источники каждый раз указываются (справа на поле).

Предыдущие варианты к ранним редакциям, а также мелкие варианты к крупным вариантам приводятся под строкой, в виде сносок. При этом отсылочный знак дается в конце варьируемого текста; количество стихов варьируемого текста соответствует количеству стихов приводимого под строкой варианта. Если нет пояснения, по какому источнику приводятся варианты в подстрочных ссылках, то это значит, что они приводятся по тому же источнику, что и текст, к которому дана ссылка.

---

[1] За исключением вариантов синтаксического характера, которые, как правило, не приводятся.

[2] О списке условных сокращений, принятых в настоящем издании, см. ниже, с. 462—464.

Неполный вариант, предваренный редакционной пометкой *Начато,* относится к началу соответствующего стиха.

Места в вариантах, зачеркнутые автором, заключаются в прямые скобки.

Все редакционные дополнения в вариантах заключаются в ломаные скобки.

Неразобранное слово обозначается: *нрзб;* если не разобрано несколько слов, указывается их число.

Всякое сомнительное чтение в вариантах сопровождается вопросительным знаком, заключенным в ломаные скобки.

Как и общий список условных сокращений (см. ниже, с. 709—711), приводимый далее дополнительный их перечень предназначен не только для настоящего тома, но и для всего издания. В разделах «Другие редакции и варианты» и «Комментарии» используются два вида сокращений.

Для обозначения тетрадей автографов Н. А. Некрасова:

Зап. тетр. № 1 — записная тетрадь № 1 (ГБЛ, ф. 195, ед. хр. 5763).

Зап. тетр. № 2 — записная тетрадь № 2 (ГБЛ, ф. 195, ед. хр. 5762).

Зап. тетр. № 3 — записная тетрадь № 3 (ГБЛ, ф. 195, ед. хр. 5764).

Зап. тетр. № 4 — записная тетрадь № 4 (ГБЛ, ф. 195, ед. хр. 5761).

Зап. тетр. ЦГАЛИ — записная тетрадь, принадлежавшая ранее А. П. Савельеву[3] (ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 5).

Солд. тетр.— «Солдатенковская тетрадь», т. е. тетрадь беловых автографов, переданная Некрасовым книгоиздателю К. Т. Солдатенкову 7 июня 1855 г. (ГБЛ, ф. 195, ед. хр. 10786).

Для обозначения некоторых других уникальных источников текста стихотворений Н. А. Некрасова:

Кор. Кетчера — корректура книги «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856), принадлежавшая Н. Х. Кетчеру (ГИМ, ф. 440, ед. хр. 1263 б).

Список Модзалевского — рукописная книга стихотворений Н. А. Некрасова, составленная Л. Н. Модзалевским (ИРЛИ, 13.998.27).[4]

Тетр. Панаевой — тетрадь с авторизованными списками стихотворений Некрасова, принадлежавшая А. Я. Панаевой (ИРЛИ, Р. I, оп. 3, ед. хр. 20).

Экз. авт. ГБЛ — экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856) с пометками и вставками автора (ГБЛ, ф. 195, ед. хр. 18).

Экз. авт. ГПБ — экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова» (Лейпциг, 1859) с пометками и вставками автора и неустановленного лица (ГПБ, ф. 514, ед. хр. 6).[5]

---

[3] О том, что эта тетрадь принадлежала А. П. Савельеву, см. ПСС, т. I, с. 541.

[4] Описание см.: *Коплан Б. И.* К текстам Некрасова. (Из рукописных преданий).— Некр. по мат. ПД, с. 135—155.

[5] Описание см.: *Заборова Р. Б.* Запрещенный Некрасов.— Некр. сб., V, с. 270—275.

Экз. Васильковского — экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856) с пометками и вставками С. Н. Васильковского (ГПБ, ф. 514, ед. хр. 5).[6]

Экз. ГБЛ — экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856) со вставками неустановленного лица (ГБЛ, ф. 195, ед. хр. 10785).

Экз. Гербеля — экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856) с пометками и вставками Н. В. Гербеля (частное собрание С. А. Рейсера, Ленинград).[7]

Экз. ГПБ — экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856) с пометками неустановленного лица (ГПБ, 18.168.3.20).

Экз. Евгеньева-Максимова — экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856), принадлежавший В. Е. Евгеньеву-Максимову, с пометками и вставками неустановленного лица.[8]

Экз. Ефремова ПА — экземпляр альманаха «Первое апреля» (СПб., 1846), принадлежавший П. А. Ефремову, с его пометками $\left(\text{(ИРЛИб, шифр } \frac{1939\text{ и}}{2594}\right)$.

Экз. Ефремова 1859 — экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова» (Лейпциг, 1859), принадлежавший П. А. Ефремову, с его вставками и пометками $\left(\text{ИРЛИб, шифр } 77\,\frac{1}{6}\right)$.

Экз. Ефремова 1861 — экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова» (ч. 1—2. СПб., 1861), принадлежавший П. А. Ефремову, с его пометками и вставками (Музей А. С. Пушкина, Москва).[9]

Экз. Зеленого — экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856) с пометками А. С. Зеленого.[10]

Экз. ИРЛИ б — хранящийся в библиотеке ИРЛИ экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856) со вставками и пометками неустановленного лица $\left(\text{шифр } 16\,\frac{5}{40}\right)$.

Экз. Лазаревского — экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856), принадлежавший М. М. Лазаревскому, с его вставками и пометками (Библиотека Института литературы АН УССР. Киев).[11]

Экз. Лихачева — экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова (М., 1856), принадлежавший Л. А. Лихачеву, с пометками и

---

[6] Описание см. там же, с. 267—270.

[7] Описание см. в кн.: *Азадовский М. К.* Несколько новых строф и вариантов Некрасова.— НБ, 1947, № 16—17, с. 12—17.

[8] Описание см. там же, с. 17—18.

[9] Описание см.: *Розанов И.* Новые тексты Некрасова.— Известия, 1938, 4 янв., № 3 (6470), с. 3.

[10] Местонахождение экз. Зеленого нам не удалось установить. Пометки А. С. Зеленого воспроизводятся по ПСС, т. I.

[11] Описание см.: *Тарасов А. Ф.* О сборниках стихотворений Н. А. Некрасова 1856 года с рукописными вставками.— О Некрасове, вып. IV. Ярославль, 1975, с. 269, 271—274.

вставками неустановленного лица (ЦГАЛИ, ф. 338, оп. I, ед. хр. 27).[12]

Экз. Музея Н.— хранящийся в Музее-усадьбе Н. А. Некрасова «Карабиха» экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856) с пометками и вставками разных лиц (шифр 6575).[13]

Экз. Чуковского — экземпляр книги «Стихотворения Н. Некрасова» (ч. 1—2. СПб., 1861) с пометками и вставками неустановленного лица (библиотека К. И. Чуковского в Переделкине, шифр 30/17 К).

Некоторые сокращения вводятся только для использования в разделе «Другие редакции и варианты».

Для обозначения прижизненных авторизованных изданий стихотворений Н. А. Некрасова (только на правых полях страниц при указании источников приводимых вариантов):

I — Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856

II — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1—2. Изд. 2-е. СПб., 1861

III — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1—2. Изд. 3-е. СПб., 1863

IV — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1—2. Изд. 4-е; ч. 3. Изд. 1-е. СПб., 1864

V — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1—2. Изд. 5-е; ч. 3. [Изд. 2-е]; ч. 4. [Изд. 1-е]. СПб., 1869

VI — Стихотворения Н. Некрасова, т. I—III, ч. 1—5. Изд. 6-е; т. III, ч. 6. СПб., 1873—1874

Прочие условные сокращения:

А — автограф
АК — авторизованная копия
АП — авторские пометки
БА — беловой автограф
К — копия
Кор.— корректура
НР — наборная рукопись
ЧА — черновой автограф

---

[12] Рукописные вставки, имеющиеся в этом экземпляре, отчасти опубликованы К. И. Чуковским в комментарии: ПССт 1934—1937, т. I, с. 670—671. Там же указано, что этот экземпляр принадлежал Л. А. Лихачеву — внуку И. И. Панаева.

[13] Описание см.: *Тарасов А. Ф.* О сборниках стихотворений Н. А. Некрасова 1856 года с рукописными вставками.— О Некр., вып. IV, с. 262—278.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1845—1855 гг.

В ДОРОГЕ

(С. 11)

Варианты ПСб и прижизненных изданий «Стихотворений»

18 А примерно преставить, в атлас; *(ПСб, I, II, III, IV, V)*
27 Не нужна-ста в дворянство холопка! *(ПСб, I, II)*
60 При чужих не блажит — ничего, *(II)*
62 Погубило ее баловство, *(II)*

ПЬЯНИЦА

(С. 14)

Варианты ПСб

26 Всё дразнит и томит
30 Старушку б полечить,

«ОТРАДНО ВИДЕТЬ, ЧТО НАХОДИТ...»

(С. 16)

Варианты ПСб и прижизненных изданий «Стихотворений»

15—16 *заменены двумя строками точек (ПСб, I, II)*
21 Ты тонкий плут и лоб не медный, *(ПСб)*

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(С. 17)

Варианты ПСб

25 Будешь ты подьячий с виду

Разночтение Экз. ГПБ

3 Тускло смотрит месяц бледный

«СТИШКИ! СТИШКИ! ДАВНО ЛЬ И Я БЫЛ ГЕНИЙ?..»

(С. 19)

Варианты ЛГ

14—16 Тот умер, тот бьет уток — и жену,
Того хандра, другого хмель зашибла,
Тот спину гнет в дугу... а в старину!
30 Толпы невнемлющих пророков
40 Отцов и дедов проводил!..

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ (ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ)

(С. 21)

Вариант ЛГ

17 Горячо и лихо-славно

НОВОСТИ

(С. 25)

Варианты ЛГ, С и прижизненных изданий «Стихотворений»

17 А доблестей — как в поле муравы... (*ЛГ*)
20 В чести и в моде — в самом деле славно! (*ЛГ*)
41—62 *отсутствуют (ЛГ)*
45 Затем, что наши лучшие певцы *(С)*

51 Не весел день и долог вечер наш! (*С*)
54 Визиты, поздравленья и - - (*С*)
63 И несколько дополненной...
Чудак, (*ЛГ*)
71 А наконец, в один прекрасный день, (*ЛГ*)
76 Как братом и женой козла и утки (*ЛГ*)
Вм. 97—99 «Да, женишок попался неудачен
(Так рассуждал), а ведь, кажись, и взрачен!
Нет, уж вперед я буду поумней
И муженька получше завербую
Для дочери возлюбленной моей...»
Смеюсь я часто, чаще негодую
На способы к сбыванью дочерей,
Какие замечаю повсеместно
В моей отчизне кроткой и любезной,
И вообще против словечка *тесть*
В моей душе предубежденье есть.
Насильное вмешательство, укоры,
Глубоко возмущающие ссоры...
О, если вы женатый человек,
Блюдите дни супруги вашей нежно,
Не то случись несчастье — целый век
Вы прогрызетесь с тестем неизбежно.
Родитель вашей дорогой жены,
Считавший вас еще за сутки сыном,
Кому по нежным родственным причинам
Вы ручку были целовать должны
(У тестюшек у многих руки грязны,
Но, к радости зятей смиренных, есть
Такой обычай древний и прекрасный
Среди семейств российских и доднесь),—
За долг себе священнейший поставит
Не только вас до нитки обобрать,
Но с вами до могилы враждовать...
Надеюсь, что читатель не заставит
Примеры представлять. Я тороплюсь —
Забыть событья важные боюсь... (*ЛГ*)
105 Явилось тотчас разных свойств и лет (*IV, V, VI*)
Вм. 140 Так и теперь случилося. А детки,
А нежная, скорбящая жена —
Тоскуют, плачут?.. (*ЛГ*)
149 Читал, читал и — даже сам заснул, (*ЛГ*)

Вм. 173 И любим басурманское вино.
Да, точно жаль — заочно соглашаюсь!
Но — странное явленье! — возвращаюсь
С литературных наших вечеров
Всегда я как-то не совсем здоров... (*ЛГ*)
213 Инокия решилися со мной, (*ЛГ*)

СОВРЕМЕННАЯ ОДА

(С. 31)

Вариант ОЗ

9—12 *следуют после ст. 13—16.*

СТАРУШКЕ

(С. 32)

Варианты чернового автографа ИРЛИ

5 Ты помнишь: кой об чем мечтали
7—8 И волю полную давали
Души рассказчикам — глазам.
10 Желаний тайных, [*нрзб*] милых дум,
11—12 а. [А я тебе моральным вздором
Ответил — идеальный шут.]
б. Но победил моральным вздором
В нас сердце искаженный ум.
14—15 [Любовь] рассеялась как дым
[И вот теперь прехладнокровно]
Вм. 16—18 Опять сошлись мы [1]— и храним
Молчанье тягостное...
Так-то!
Когда б к избытку сил младых
Побольше разума и такта —
Не так бы вял и горько-тих
Был час случайной [2] поздней встречи,

---

[1] [Сошлись друг с другом]
[2] [последней]

Варианты ОЗ

4 Чистосердечный и пустой,—
11—12 *как в ЧА (вариант б.)*
Вм. 16—18 *как в ЧА (основной вариант)*

«ОН У НАС ОСЬМОЕ ЧУДО...»

(С. 33)

Разночтения Экз. Ефремова ПА (Е), РА, «Северного края» (СК), «Литературного вестника» (ЛВ)

17—18 Кто же он? Подлец Булгарин
Венедиктович Фаддей. (*Е*)
17—18 Кто же он? То сам Булгарин
Венедиктович Фаддей. (*РА*)
17—18 Кто же он? Фаддей Булгарин,
Знаменитый наш Фаддей. (*СК, ЛВ*)

«КОГДА ИЗ МРАКА ЗАБЛУЖДЕНЬЯ...»

(С. 34)

Варианты белового автографа ГБЛ

15—16 Мне луч божественный участья
Весь темный путь твой осветил:
28 Не пригревай змею в груди

Варианты ОЗ и прижизненных изданий «Стихотворений»

Вм. 15—18 Я разделял твои мученья,
Я горячо тебя любил
И жалкой мыслью отчужденья,
Клянусь, на миг не оскорбил!.. (*ОЗ*)
15—16 *как в БА (I, II, III, IV, V, VI)*
28 *как в БА (I, II, III, IV, V)*

Вариант рецензии Некрасова на «Дамский альбом» (1854)

18 Я всё простил и позабыл!

«ПУСКАЙ МЕЧТАТЕЛИ ОСМЕЯНЫ ДАВНО...»

(С. 36)

Вариант белового автографа ГБЛ

15 Влюбленные глаза друг к другу устремляли

Вариант С

3 Я все-таки скажу, что мне в часы разлуки

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

(С. 37)

Варианты ПА и прижизненных изданий «Стихотворений»

2 Стаи туч на край небес (*ПА*)
16 Ямщику денщик кричит... (*ПА, I, II, III, IV, V, VI*)

ОГОРОДНИК

(С. 39)

Варианты ОЗ

34 Пособи мужичку, поработай часок».
47 Я вдруг вспомнил опять, что не стар и пригож.

«Я ЗА ТО ГЛУБОКО ПРЕЗИРАЮ СЕБЯ...»

(С. 42)

Вариант прижизненных изданий «Стихотворений»

16 А до дела дойдет — замирает рука! (*I, II, III, IV, V, VI*)

Разночтения Экз. Гербеля (Г), Списка Модзалевского (М) и записи Полонского (П)

2 Что живу день за днем беспощадно губя, (*П*)
7 Что доживши с трудом до тридцатой весны, (*П*)

14 А брожу дикарем, беспощаден и сир, (*П*)
16 А хватаюсь за нож — замирает рука! (*Г, М*)

ТРОЙКА

(С. 43)

Варианты белового автографа ГБЛ

5 И зачем ты глядишь торопливо
38 Как пройдешь ты печальный свой путь,
42 И за тройкой вослед не гляди,

Варианты С и Ст 1856

28 А свекровъ в три погибели гнуть. (*С*)
44 Поскорей навсегда затуши; (*I*)

РОДИНА

(С. 45)

Варианты чернового автографа ГБЛ

6 Завидовал житью любимых барских псов,
16—17 Под громким именем «роскошных» и «чудесных»,
Наполнив [жизнь] и злобой и хандрой
18 а: [Встают в уме моем] угрюмою толпой...
б. Нисходят на душу угрюмою толпой...
19 *второе* темный *вписано*
24 Не предавалась ты [обманчивой] надежде
После 25 *начато:* [Ты знала]
Вм. 31—33 И ты, делившая с страдалицею бедной
Однообразный век, безрадостно-бесцветный,
Тебя уж также нет — сестра моей души.[1]
Ты рано отцвела, погибла ты в глуши,
Но помню я твое тоскливое рыданье.
Нет той, с которою делила ты страданье[2]
И девственной души несмелые мечты,
И помню я твой вопль: «За что погибла ты?»

---

[1] [Я помню и тебя, сестра моей души.]
[2] [Но помню я твое недоброе молчанье,
Смущавшее отца, и горькое рыданье]

И быстрый-быстрый взгляд, сверкнувший не случайно
И гневом, и грозой, и ненавистью тайной.
Смерть матери была предтечею твоей.[1]
41—44 *отсутствуют*
45—48 И няню вспомнил я (о нянях на Руси
Так много есть стихов, что боже упаси!
При имени ее впадая в умиленье,
Я встарь к ней чувствовал и сам благоговенье).
51—62 *отсутствуют*
63—64 И вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и темный гул подавленных страданий.[2]
65—66 *отсутствуют*

Варианты авторизованной копии ЦГАЛИ

1 И вот опять они знакомые места,
6 *как в ЧА ГБЛ*
11 Где от души моей до времени растленной
13 И неестественных желаний и тревог
28 Она была добра, упорна и прекрасна,
32 Однообразный путь судьбы ее несчастной,
37—40 *заменены строкой точек*
Вм. 45—48 Я к няне убегал. . . . .
51—52 И грудь моя полна враждой и злобой новой...
Нет, в юности моей, бесцветной и суровой
55 Проклятьем на нее легло неотразимым,
Между 56 и 57 *строка точек*
57 И с наслаждением кругом кидаю взор
59 В палящий летний день защита и прохлада
Вм. 63—66 *начато:* Где вторил звону

Варианты автографа ЦГАЛИ

1 И вот они опять знакомые места,
6 *как в ЧА ГБЛ и АК ЦГАЛИ*
11 *как в АК ЦГАЛИ*
13 *как в АК ЦГАЛИ*
16 Под громким именем *роскошных* и *чудесных*
18 *слово* своей *вписано*

---

[1] [И смерть ее] была предтечею твоей.
[2] *Эти два стиха идут в автографе после ст. 6.*

28 *как в АК ЦГАЛИ*
32 [Однообразный путь] судьбы ее [несчастной],
37—40 *вписаны на полях*
41 Вот серый старый дом, теперь он глух [и пуст],
47—48 *вписаны на полях*
51 И грудь моя полна враждой и [злобой] новой...
52 *как в АК ЦГАЛИ*
55 Проклятьем на [нее] легло неотразимым,
Между 56 и 57 *строка точек*
57 И с [наслаждением] кругом кидая взор
59 а. В палящий летний [день] защита и прохлада
б. В палящий летний зной защита и прохлада
63 Где вторил звону чаш и грому ликований
66 [Спокойно] и дышал и действовал и жил!..

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

4 *записанный в окончательной редакции, зачеркнут и заменен усеченной строкой:*
Разврата грязного . . . .
5—6 *заменены двумя строками точек*
9—10 *записанные в окончательной редакции, зачеркнуты и заменены двумя строками точек*
34 Из дому - - - любовниц и псарей
41 Вот бедный старый дом... Теперь он пуст и глух,
56 *записанный в окончательной редакции, зачеркнут и заменен усеченной строкой:*
Всему начало здесь . . . .
63 *как в автографе ЦГАЛИ*
65—66 *записанные в окончательной редакции, зачеркнуты и заменены двумя строками точек*

Варианты авторизованной копии ГБЛ

5—6 *как в НР ИРЛИ*
10 Где деспотом бывал — случалося — и я
34 Из дому гаеров,[1] любовниц и псарей

---

[1] [крепостных]

Вариант авторизованной копии ИРЛИ (запись К. А. Некрасова)

42 Ни женщин, ни псарей, ни конюхов, ни слуг...

Варианты Ст 1856 и Ст 1861

5—6 Где рой подавленных и трепетных людей
Завидовал житью собак и лошадей;
10 *как в АК ГБЛ*
34 *как в АК ГБЛ*

***Разночтения** Экз. Гербеля (Г), безымянной копии ГБЛ (ГБЛ), Экз. Ефремова 1861 ($Е_1$), копии Ефремова, опубликованной в Докл. РБО ($Е_2$), копии из архива А. Ф. Кони (К), ксерокопии ИРЛИ (Кс), Экз. Лазаревского (Л), копии Лаврова (Лв), Списка Модзалевского (М), Экз. Музея Н. (МН), Ст 1862, писарской копии ЦГАЛИ (ЦГАЛИ)*

1 Так вот они опять, знакомые места, (*ЦГАЛИ*)
4 Разврата мелкого и грязного тиранства, (*ГБЛ*)
6 Завистливо смотрел на барских жирных псов, (*К*)
9 Но ненависть в душе невольно затая, (*К*)
9 Но ненависть в душе наивно притая, (*ГБЛ*)
9 Но ненависть в душе наивно затая, (*Кс*)
10 Помещиком бывал, случалося, и я, (*Г, $Е_1$, $Е_2$, Л, М, МН, Ст 1862*)
10 Где некогда бывал помещиком и я, (*ЦГАЛИ*)
11 Где от души моей, безвременно растленной (*ГБЛ, К, Кс*)
12 Навеки отлетел покой благословенный, (*К, Кс*)
13 И неребяческих условий и тревог (*К*)
13 Где неребяческих сомнений и тревог (*ГБЛ*)
13 И неребяческих восторгов и тревог (*Кс*)
13 И неребяческих волнений и тревог (*ЦГАЛИ*)
14 Огонь стремительный до срока сердце сжег. (*ГБЛ, ЦГАЛИ*)
14 Огонь таинственный до срока сердце жег. (*Кс*)
17 Наполнив душу мне и злобой и хандрой, (*ЦГАЛИ*)

20 Мелькает меж ветвей болезненный, печальный? *(ГБЛ)*

20 Мелькает предо мной болезненный, печальный? *(ЦГАЛИ)*

21 Не ты ли, отвечай, не ты ли, мать моя? *(ЦГАЛИ)*

23 Ребенком продана суровому невежде, *(ЦГАЛИ)*

25—28 Ты не могла восстать одна против судьбы,
Ты жребий свой несла с покорностью рабы,
Но не была душа в тебе пуста, бесстрастна,
Она была горда, свободна и прекрасна, *(ЦГАЛИ)*

30 Предсмертный шепот твой губителю открыл. *(Кс)*

30 Предсмертный шепот твой мучительно простил. *(ЦГАЛИ)*

31—33 И ты, делившая с страдалицей несчастной
Однообразный век, томительно напрасный,
Тебя уж тоже нет, сестра души моей!.. *(ЦГАЛИ)*

37 И матери своей печальную судьбу *(Кс)*

39 С такой холодною и горькою улыбкой, *(ГБЛ, Кс)*

39 С такой холодною и страшною улыбкой, *(ЦГАЛИ)*

40 Что дрогнул сам палач, заплакавши ошибкой. *(Кс)*

41 Вот старый, ветхий дом... Теперь он пуст и глух *(К)*

41 Вот старый, старый дом!.. Теперь он пуст и глух, *(ГБЛ)*

43 А встарь так помню я, здесь что-то всех давило, *(К)*

45—46 Я к няне убегал... О нянях на Руси
Так много есть стихов, что боже упаси! (*Г, ГБЛ, E_1, E_2, Кс, Л, М, МН, Ст 1862, ЦГАЛИ*)

47 При имени ее впадал я в умиленье, *(Кс)*

48 Я прежде чувствовал к ней сам благоговенье... (*ГБЛ, E_1, E_2, Кс, Л, М, МН, Ст 1862*)

51 И грудь моя полна тоской и грустью новой... *(ГБЛ)*

54 И все, что, жизнь мою опутав с юных лет,
(Кс)
58 С отрадой вижу я, что никнет темный бор —
(К, Кс, Лв)
53 С отрадой вижу я, что срублен старый бор,
(ГБЛ)
59 В томящий летний день защита и прохлада,
(ГБЛ)
60 Что нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
(ГБЛ, Кс)
61 Понурив голову над высохшим ключом,
(ЦГАЛИ)
61 Понурив головы над высохшим ручьем, *(Кс)*
62 Что набок валится сырой и старый дом, *(К, Кс, Лв)*
64 Глухой и вечный шум подавленных страданий,
(ГБЛ)
65 Где только тот один, кто всех, смеясь, давил,
(К)
65 Где только тот один, кто всех собой давил,
(ГБЛ)

ПСОВАЯ ОХОТА

(С. 47)

Варианты С и прижизненных изданий «Стихотворений»

7 Барин, проснувшись, с постели вскочил,
(С, I)
78 То-то раздолье размашистой воле! *(II)*
119—120 *отсутствуют (II)*
121—122 *заменены двумя строками точек (I, II, III, IV)*
171—172 Нет нам запрета, по чистому полю
Рыская, тешить широкую волю. *(С)*
171—172 Нет нам запрета носиться по полю,
Рыская, теша степную и буйную волю. *(I)*

Разночтение Экз. ИРЛИ 6

121 Мы-ста тебя отваляем дубьем

«В НЕВЕДОМОЙ ГЛУШИ, В ДЕРЕВНЕ ПОЛУДИКОЙ...»

(С. 55)

Варианты белового автографа ГБЛ

1 В неведомой глуши, в [отчизне] полудикой,
17 Внезапно оторвав привычные объятья
22 Мой ропот их не возвратил...

Варианты С и Ст 1856

1 В суровой бедности, невежественно-дикой *(С)*
5 Вокруг меня кипел порок волною грязной, *(С)*
11 Проник уже разврат дыханьем ядовитым *(I)*
16 В безумных увлеченьях сжег... *(С)*
17 *как в БА (С, I)*

НРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

(С. 58)

Вариант белового автографа ГБЛ

26 Я, утомясь кричать и распекать,

Варианты С и Ст 1861

21—30 *заменены чертой (II)*
26 *как в БА (С)*
28 Он сделался пьянчужкой... дурь нашла!.. *(С)*
38 Сразив нас всех глубокою печалью... *(С)*

«ЕДУ ЛИ НОЧЬЮ ПО УЛИЦЕ ТЕМНОЙ...»

(С. 62)

Варианты авторизованной копии ГБЛ

2 Бури ль заслушаюсь в пасмурный день,
6 Рано судьба невзлюбила тебя:
50 Жертвой разврата тебя назовут,

Варианты С

6 *как в АК*
50 *как в АК*

«ТЫ ВСЕГДА ХОРОША НЕСРАВНЕННО...»

(С. 64)

Вариант С

5 Ты болтаешь так бойко и мило,

«КОГДА ГОРИТ В ТВОЕЙ КРОВИ...»

(С. 65)

Варианты С

7—8 Отвергни ненавистных уз
Бесплодно-тягостное бремя
10 . . . . . по́ сердцу союз!

ВИНО

(С. 66)

Варианты авторизованной копии ГБЛ

41 Да попался Митюха, свой брат,
После 72 Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет,
И пожалуй — хитер сатана —
Натворил бы я бед...

Варианты Ст 1856 и Ст 1861

1—4 *отсутствуют*
5 Без вины меня соцкий посек,
25—28 *отсутствуют*
37—39 Не из камня душа! Как шальной
Я на улицу скок из окна:
«Погоди! Разочтусь я с тобой!»
45—47 А за первым другой чередом

Подоспел, от души отлегло,
Задремал я, обнявшись с Петром...
49—52 *отсутствуют*
65 Я на буйные умыслы скор.

Разночтение Экз. Евгеньева-Максимова

65 Наточил я широкий топор,

«ПОРАЖЕНА ПОТЕРЕЙ НЕВОЗВРАТНОЙ...»

(С. 68)

Варианты чернового автографа ГБЛ

3 Ни [твердости], ни веры благодатной —
5—6 Ей всё равно — [и жизнь и холод] гроба,
Позор [и] слава, ненависть, любовь...
15—16 [О, скоро ли] зарею [обновленья]
[Засветится в них первая] слеза?..
15 И, кажется, зарею возрожденья

«ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ, ЧАСУ В ШЕСТОМ...»

(С. 69)

Разночтение сборника «Голодному на хлеб»

3 Там били девушку кнутом —

«ТАК ЭТО ШУТКА? МИЛАЯ МОЯ...»

(С. 71)

Вариант белового автографа ГБЛ

10 Но так тяжел, так горек и уныл,

«ДА, НАША ЖИЗНЬ ТЕКЛА МЯТЕЖНО...»

(С. 73)

Варианты белового автографа ГБЛ

1—3 Да, наша жизнь текла так горько и мятежно,
Так мало в ней встречали мы отрад,

Что разойтись нам было неизбежно,
14 Под чуждым небом дышится тебе?
16 Охотно ли покорствуешь судьбе?
27 Но с каждым днем сильней пылавшую любовь.

Варианты прижизненных изданий «Стихотворений»

41—49 *заменены семью строками точек (I)*
41—49 *заменены одной строкой точек (II, III, V, VI)*

Разночтения Экз. Васильковского (В), Экз. Гербеля (Г), Экз. ГБЛ (ГБЛ), Экз. Ефремова 1861 (Е), Экз. Евгеньева-Максимова (ЕМ), Экз. ИРЛИ 6 (ИРЛИ), Экз. Лазаревского (Л), Списка Модзалевского (М), Экз. Музея Н. (МН), копии А. Я. Панаевой (П), Ст 1862, Экз. Чуковского (Ч)

41 И также ли во дни воспоминанья *(В, Г, ГБЛ, Е, ИРЛИ, Л, М, МН, Ст 1862)*
41 И также ль в дни воспоминанья *(ЕМ, Ч)*
43 Ты вся в печаль погружена? *(ЕМ, Ч)*
45 И жизнь кипящая и полная свободы *(М, МН, Ст 1862)*
46 Тебя навеки увлекли, *(Г, ГБЛ, Е, ЕМ, ИРЛИ Л, М, МН, П, Ст 1862, Ч)*
47 И полюбила ты вдали *(М)*
47 И разлюбила ты вдали *(П)*

«Я НЕ ЛЮБЛЮ ИРОНИИ ТВОЕЙ...»

(С. 75)

Вариант авторизованной копии ГБЛ

8—9 Пока еще так бурно и мятежно
Во мне кипят ревнивые мечты —

НА УЛИЦЕ

1. ВОР

(С. 76)

Варианты белового автографа ГБЛ

8 Он был без сапогов, в коротком сертуке,

15—16 *первоначально замененные двумя строками точек, затем вписаны карандашом*

2. ПРОВОДЫ

(С. 77)

Варианты белового автографа ГБЛ

5 А старик отвернулся — молчит:
10 Чуть с дровней не упала старуха...

3. ГРОБОК

(С. 78)

Вариант чернового автографа ГБЛ

2 Белый гроб несет детинушка

Варианты белового автографа ГБЛ

1—4 Вот солдат: идет скорехонько,
Детский гроб несет под мышкою,
Всё в слезах лицо суровое,
Расставаться жаль с сынишкою!
6 Редкий день не говорилося:

Разночтение Экз. Лазаревского и Экз. Музея Н.

5 А как живо было дитятко,

МОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

(С. 80)

Варианты С

9 Я лежал с утра до темной ночи
28 В виде мудрой Клио предо мной,
67 Но не то ей было в жизни нужно!
81—84 *отсутствуют*
88 Что из вас, усилье и труды?..

ДЕЛОВОЙ РАЗГОВОР

(С. 83)

Варианты С и сборника «Для легкого чтения»

После 16 Имел я и талант и страсть к литературе,
Но в жертву с юных лет принес всё корректуре!
Бывает жаль теперь, когда завистник мой,
Бездарный кропотун, смеется надо мной,
И нечем отвечать обидной укоризне...
Но пусть не головой полезен я отчизне,
Я всё же доказать фактически могу,
Что в корректуре я себя не берегу!
Я даже был творцом таких нововведений,
Которые должны мой корректурный гений
Потомству передать,— хоть осмеяли их!
Но пусть враги мои твердят, что аккуратность
Мне заменяет честь, талант и деликатность,—
Заслуг не омрачат почетных и прямых!
Как что ни говори, без верной корректуры
Нет настоящих книг и нет литературы!..
Перед 31 *ремарка: (отрывисто и шутливо)*
После 58 Корректор я такой, что не подточишь пятки,
Но даже у меня отыщут опечатки!
Неловкую статью, тяжелый перевод —
Всё выставят на вид, а что умно и ново,
О том молчание... Завистливый народ!..
«Ни место,— говорят,— ни время не дает
Распространяться нам»,— и мнение готово!..

130 Вот этаких статей побольше надо вам!
Вм. 132 Да где их доставать? Я сам за корректурой
Занятья прекратил давно литературой,
Лишь в «Критике» пишу...

П о д п и с ч и к

Какие же статьи?

Ж у р н а л и с т

Те, что без подписи,— все до одной мои.

(При этом известии в лице подписчика выражается глубочайшее почтение.)

Таланты наши так, к несчастию, ленивы,
Вм. 292 Журнал ваш, например, достопочтенный друг!
Читателей у нас что год, то шире круг,
По милости правительства и бога
Нам к просвещению широкая дорога
Открыта... Для чего ж грошовый интерес
После 307 *(Провожает его до прихожей и, возвращаясь в кабинет, говорит):*
Он дело говорит, да что ж я делать стану
Когда меня бранят, колотят по карману!
Я, правда, начал сам... Да поздно уж теперь!
Какой, однако ж, шут! провинциальный зверь!
Без деликатности малейшей так и режет;
А всё ведь из чего? язык досужий чешет!
Послушайся его, пожалуй, перестань
Браниться... Никогда! Нет, докажу, что дрянь
Всё, кроме моего журнала,— вот и баста!

(Звонит. Входит слуга.)

А где же Хрипунов?

Слуга

Он ждет.

Журналист

Проси его!

Хрипунов

(входит с тетрадкой)

Не помешал ли вам?

Журналист

Садитесь, ничего!
А что там, батюшка, под мышкою у вас-то?

Хрипунов

Да так-с. У недругов у ваших я нашел...

Журналист

Что? Что?

Хрипунов

Неправильно поставленный глагол,
Одну бессмыслицу, семнадцать опечаток...
Неловкий каламбур...

Журналист

Острить не мастера!

Хрипунов

Я целый день писал статеечку вчера...
Зато отделал же — от головы до пяток!

(Подает статью.)

Она невелика...

Журналист

Давайте, посмотрю!
Да вот нельзя ли вам состряпать к сентябрю?

(Дает ему раскрытую книгу с отметками.)

Хрипунов

Еще?

Журналист

Потешиться тут можно превосходно!

Хрипунов

Писать готов я всё, что будет вам угодно...

Журналист

Перепечатана, вот видите, статья,
И то с ошибками... две-три нашел уж я —
Нельзя ли приискать побольше? Вот бы чудно!
Могли бы мы сказать: «Ведь, кажется, не
трудно
Перепечатывать? Взгляните между тем,
Какие пропуски, ошибки, опечатки!
И вот, читатели, вас угощают чем!
Недаром Лермонтов в стихах своих перчатки
Советовал надеть, начав читать журнал.
Сигов и Кузмичев, возрадуйтеся!.. Чем же
И кто безграмотней когда-нибудь писал?..»

Хрипунов

Смотрите, ведь они ответить могут тем же...
Пойдет история...

Журналист

Э, где им! никогда!

Хрипунов

Однако ж, и у вас встречал я иногда...

Журналист

Ну, верно пустяки... Не бойтесь — и пишите!
Да также и в других отделах поищите;
Нельзя ли перевод пощупать?..

Хрипунов

Всё прочту!
Прощайте!

(Уходит.)

Журналист

Посмотреть, какие тут улики.

(Берет статью, оставленную Хрипуновым.)

Досадно, что статьи их вечно так велики:
То два, то три листа — и редко по листу!

(Перевертывает страницы.)

Сказал, невелика, а тоже будет, верно,
Страниц до тридцати; привыкли непомерно
Растягивать они... и как не похитрить?
Условья хороши! Эх, жаль! за корректурой
Заняться не могу я сам литературой,
А то бы как писал!..

(Снова перевертывает статью и вздыхает.)

Попробуй не платить —
Отступятся, уйдут, останусь беззащитным.
А благородное молчание хранить
Не будет ли опасным и постыдным?..

«МЫ С ТОБОЙ БЕСТОЛКОВЫЕ ЛЮДИ...»

(С. 94)

Варианты чернового автографа ГБЛ

1 Мы с тобой не бескровные люди —
4 Ядовитое, резкое слово
11 После вспышки так полно и нежно
После 12 Я скажу, что напутал я вздору,
Ты дашь слово не вспыхивать больше,—
Осмеем мы минутную ссору
И обнимемся крепче и дольше!
Откровенны и счастливы оба,
Снова в жизни найдем наслажденье.
Хуже, если подавлена злоба —
Приготовит она охлажденье! [1]
[Знаю я: твое сердце прекрасно]
[Как бы ни было сердце прекрасно]
[Накоплять мелочную досаду]

---

[1] [Будем снова мы веселы вместе.
Хуже, если подавлена злоба —
Ссоры нет, а душа не на месте!]

Варианты белового автографа ГБЛ

1 а. Мы с тобою [капризные] люди:
б. Мы с тобою престранные люди:
4 Ядовитое, дерзкое слово.
После 12 *как в ЧА (четыре первых стиха)*

Варианты С

1 *как в БА (вариант а.)*
4 *как в БА*
После 12 *как в БА*

НОВЫЙ ГОД

(С. 95)

Варианты белового автографа ГБЛ

21 Бесстрастный гость приходит в мир
40—41 А время скосит их —
Что нужды? Снова в свой черед

Варианты С

14 Вражды и клеветы?
17—18 *заменены двумя строками точек*
40—41 *как в БА*

«БЛАЖЕН НЕЗЛОБИВЫЙ ПОЭТ...»

(С. 97)

Варианты белового автографа ГБЛ

14 Его коварно не злословят,
18 Тому, чей горделивый гений

Варианты С и прижизненных изданий «Стихотворений»

14 *как в БА (С, I, II, III, IV, V)*
18 *как в БА (С)*

МУЗА

(С. 99)

Варианты белового автографа ЦГАЛИ

7 Среди моих забав и отроческих дум
16—17 Рожденных для труда, неволи и оков,
Той Музы страждущей, скорбящей и болящей,
20 В усладу нового [питомца] в божий мир,
25 [Подчас не одолев] томительного горя,
36 Безумная клялась [идти] <в> упорный бой.
39—40 Смеялась, плакала... и буйным языком
На головы врагов звала господень гром!
42 Недолог был порыв жестокости мятежной.
55 Чрез бездны темные Отчаянья и Зла,

Варианты белового автографа ИРЛИ

13 Но рано над собой почувствовал я узы
16 Рожденных для забот, несчастья и трудов,—
После 32 По трудному пути растерянная гордость
И всетерпящая, постылая ей твердость,
Желанья и мечты, которым никогда
Свершиться не дано — и верная беда;
39—40 *как в БА ЦГАЛИ*
55 *как в БА ЦГАЛИ*

Варианты белового автографа ГБЛ

16 *как в БА ЦГАЛИ*
55 *как в БА ЦГАЛИ и БА ИРЛИ*

Варианты С, Ст 1856, Ст 1861

15—16 *заменены двумя тире (С)*
16 Рожденных для борьбы, страданья и трудов,— *(I, II)*
31 Расчеты мелочной и вечной суеты, *(С)*
35 В порыве мщения, с неправдою людской *(С)*
39—40 *как в БА ЦГАЛИ и БА ИРЛИ (С)*
55 *как в беловых автографах (С)*
56 Терпенья и Труда она меня вела, *(С)*

«АХ, БЫЛИ СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ!..»

(С. 101)

Вариант белового автографа ИРЛИ

1 [Ах, было счастливое время!]

Вариант белового автографа ГБЛ

21 Чу!.. скрып, раздирающий ухо

Варианты С

23—24 а. Протяжно зевает старуха,
Прикрывши ладонью уста...

б. Сморкается громко старуха,
Зевает и - - - уста! [1]

ЗА ГОРОДОМ

(С. 102)

Варианты белового автографа в альбоме Боткиной-Фет

1 Смешно! нас радует ручей, в тени журчащий,
4 Как праздных юношей болтливый соловей
18 Бессменной бедности всегдашняя забота,

Варианты белового автографа в альбоме Полонского

1 *как в предыдущем автографе*
4 *как в предыдущем автографе*

Варианты белового автографа ГБЛ

1 Смешно! нас радует ручей, вдали журчащий,
4 *как в предыдущих автографах*
23—24 *первоначально данные в усеченном виде (слово* Которых *и две строки точек), затем вписаны карандашом*

[1] *Вариант в части тиража.*

Вариант прижизненных изданий «Стихотворений»

23—24 *заменены двумя строками точек* (*I*, *II*, *III*, *IV*, *V*)

Разночтение Экз. Гербеля и Экз. Ефремова 1859

23 Которых сытые и сильные земли

СТАРИКИ

(С. 103)

Вариант белового автографа ГБЛ

12 Нет уж прежней красоты...

Варианты С

12 Нет бывалой красоты.
После 12 Взяты временем и горем
Кудри черные твои,
Не сравнишь ты с синим морем
Очи впалые мои...
14 Ты молчишь, смутилась ты...

ПРЕКРАСНАЯ ПАРТИЯ

(С. 104)

Варианты белового автографа ГБЛ

61 В глазах играл природный ум,
63 Она любила света шум
80 Высокие предметы,
85—88 *отсутствуют*
89 Хоть ей врала про женихов
91 Хоть много ей писал стихов
93 Хоть маменька твердила ей:
101—102 То был развязный кавалер,[1]
Младой и черноокий.
111—112 И даже анекдотцы знал

---

[1] *Над словами* развязный кавалер *карандашная надпись Некрасова:* гвардейский офицер.

Ну... хоть про корректуру;
125 В нем пищи он искал уму,
136 Вникая в соль куплета;
141—142 В нем бурно закипала кровь
И силы молодые...
144 Он узнавал впервые!..
157—180 *отсутствуют*
181 а. *Начато:* [Всё это делал]
б. *как в окончательном тексте*
в. И долго, долго наш герой
183—184 Но ныне он увял душой —
Убит, разочарован!
213 Он бурно молодость убил,
Вм. 217—220 На жизнь сурово он взирал
И, чтоб дела поправить,
Скорее партию желал
Богатую составить...
223 «Блестящей партией такой
Вм. 225—228 [Мамаша распевала ей:
«Другая бы гордилась —
Опять войдем в родство князей!..»
И Надя покорилась...]
229—230 а. *как в окончательном тексте*
б. Жужжал ей родственников рой,
Сыграли свадьбу вскоре...
232 На счастье или горе?..

Варианты БдЧ и прижизненных изданий «Стихотворений»

13—16 *отсутствуют (БдЧ)*
13—16 *заменены строкой точек (II)*
18 Рукою слишком бойкой. *(БдЧ, II)*
37—40 *отсутствуют (БдЧ)*
44 А молодость плясала; *(БдЧ)*
61 Природный ум в глазах играл, *(БдЧ)*
82 Не подвергала чувство
85—88 *отсутствуют (БдЧ)*
89 *как в БА (БдЧ)*
91 *как в БА (БдЧ)*
93 *как в БА (БдЧ)*
101—102 То был усатый кавалер,
Младой и черноокий. *(БдЧ)*
105 Был очень тонного ума, *(БдЧ)*

112 Ну, хоть... про корректуру. *(БдЧ, I, II)*
125 Здесь пищи не искал уму, *(БдЧ)*
128 *заменен строкой точек (I, II, III, IV, V, VI)*
141—142 В нем бурно закипали кровь
И силы молодые... (*БдЧ*)
149—152 *отсутствуют (БдЧ)*
161 Но те, кому не удались *(БдЧ)*
188 Бродил угрюм на бале; *(БдЧ, I)*
190 Во всей блестящей форме, *(БдЧ)*
212 Познав тщету надежды. *(БдЧ)*

Разночтение (вставка переписчика) Экз. авт. ГПБ

128 И Федоров и Кони.

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

(С. 113)

Вариант белового автографа ГБЛ

18 В темный угол... уныло смотрю

ФИЛАНТРОП

(С. 115)

Варианты белового автографа ИРЛИ

3—4 Я коснею в неизвестности,
Умираю в нищете.
13—16 *отсутствуют*
Вм. 23—25 Началися притеснения,
Глядь: под суд и упекли!
День-деньской таскался в люди я,
Ночью не жалел чернил,—
Не добился правосудия,
Только сапоги добил!
И свершилося пророчество
68 Я в душе благословил,
123 Грусть-тоска неудержимая
125 Всё, чем жизнь прекрасна с младости
127—130 Той поры далекой радости

И любимую мечту —
Что подавленное сгинуло
Даже в памяти моей,—
142 Обругали, что пустил,
145—156 *отсутствуют*
158 Минет двадцать лет зимой,
162 [Разыгралась] страсть к вину,
165—168 До отшествия к родителям
Не забуду, как она
Попрекала покровителем,—
Точно: штука мудрена!

Варианты белового автографа ГБЛ

3 *как в БА ИРЛИ*
14 Обуяла до ногтей.
После 16 Говорят, за эти качества
Я бы в честь теперь попал,
Но была пора подьячества,
Как я службу начинал...
24 Я сплошал — и упекли!
49—52 *отсутствуют*
54 Соревнуя, пять частей
56 Напечатал повестей.
После 60 В русском духе, молодецкая
Как по маслу речь текла,
Хоть фамилия немецкая
У особы той была.
86—89 Не пустил.... Я в нумера...
Напролет всю ночь угоднику
Мы молились... Со двора
Вышел я чем свет. Дорогою,
109 Чу!.. идут! Остановилися...
111—112 Замер дух, виски забилися,
И забыл я речь свою...
123 *как в БА ИРЛИ*
127 Той поры веселой радости,
132 К сердцу... Старый дуралей!
134 Кулаком ударя в лоб,
136 Пред особой из особ...
137—142 Видя плач сей уморительный
И в мундиришке изъян,
Человек благотворительный

Заподозрил, что я пьян...
Камердинера, холопа ли
Обругали, что пустил,
145—156 *отсутствуют*
157—158 Дальше что уж и рассказывать!
Минет тридцать лет зимой,
165—167 *как в БА ИРЛИ*
168 Точно: шутка мудрена!

Варианты С и прижизненных изданий «Стихотворений

Перед 1 Бедных петербургских жителей,
Стариков, сирот и вдов
Общество благотворителей
Приняло под свой покров.
С той поры я благоденствую,
Без печалей [1] и тревог,
И от скуки совершенствую,
Сочиняючи, мой слог.
Слава богу! между знатными
Нынче в моде, так сказать,
Не советами печатными,
Самым делом помогать:
Вот обычай утешительный!
А то в прежние года
Был со мною удивительный,
Странный случай, господа! (*С*)
1 Частью по излишней честности, *(С, I)*
3—4 Пропадал я в неизвестности,
Пресмыкался в нищете. *(С, I)*
13—14 Словом, вольнодумство ярое
Одолело до ногтей; (*С*)
После 16 Говорят, за эти качества
Я бы в честь теперь попал;
Но была пора подьячества,
Как я службу начинал. *(С, I)*
24 *как в БА ГБЛ (С, I)*
49—52 *отсутствуют (С, I)*
54 *как в БА ГБЛ (С, I)*
56 *как в БА ГБЛ (С, I)*
После 60 *как в БА ГБЛ (С, I)*

---

[1] *Разночтение Экз. Васильковского:* волнений

61—64 *отсутствуют (С)*
71 Не свидетели зловредности, *(С)*
86—89 Не пустил — я в нумера...
Вся семья моя угоднику
В ночь молилась. Со двора
Вышел я чем свет. Дорогою, (*С, I, II, III, IV*)
109 Чу! идут; остановилися! *(С)*
109 Вот идут — остановилися, (*I, II, III, IV, V, VI)*
111—112 Замер дух, виски забилися,
И забыл я речь свою! (*I, II, III, IV, V, VI*)
132 *как в БА ГБЛ (С)*
134 *как в БА ГБЛ (С, I, II, III, IV, V, VI)*
136 *как в БА ГБЛ (С, I, II, III, IV, V, VI)*
137—141 *как в БА ГБЛ (С, I)*
158 *как в БА ГБЛ (С)*

Разночтения Экз. Васильковского (В), Экз. Гербеля (Г), Экз. авт. ГПБ (ГПБ),[1] Экз. Ефремова 1861 (E_1), копии Ефремова, опубликованной в Докл. РБО (E_2), Экз. Евгеньева-Максимова (ЕМ), Экз. Лазаревского (Л), копии Лаврова (Лв), Экз. Лихачева (Лх), Списка Модзалевского (М), Экз. Музея Н. (МН), Ст 1862, Экз. Чуковского (Ч)

3 Погибаю в неизвестности, *(Лх)*
4 Погибаю в нищете. *(В, ЕМ, Л, МН, Ст 1862)*
13—14 Словом, либеральство ярое
Одолело до ногтей; (*Лх*)
Вм. 23—24 *как в БА ИРЛИ, с заменой строки* «Ночью не жалел чернил» *на* «Ночью всё жалел, тужил» *(Г, E_1, E_2, ЕМ, М, МН, Ст 1862)*
51 Не звездою генеральскою, *(Л, М)*
88 Пообчистил я мундир *(Г, E_1, E_2, Ст 1862)*
88 Пообчистил свой мундир *(М, МН)*
88 Да почистил я мундир *(В)*
88 Да почистил свой мундир (*ГПБ, Лв, Лх*)
88 Пообчистил виц-мундир *(Ч)*
89 И побрел путем-дорогою *(Лх)*
112 Позабыл и речь свою, *(Лх)*
129 Все, что невозвратно сгинуло *(ГПБ, Лх)*
Вм. 154—156 Наконец уткнулся лбом

[1] *Пометки переписчика.*

В двери здания питейного
С государственным гербом... (*Лх*)

«Я ПОСЯГНУ НА НЕПРИЛИЧНОСТЬ...»

(С. 120)

Вариант чернового автографа ЦГАЛИ

11 [Он боязливой старой] бабой

ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО

(С. 121)

Вариант белового автографа ГБЛ

16 Своим потомкам ветреное племя.

Варианты С и прижизненных изданий «Стихотворений»

16 Своим потомкам ветреное племя... *(С, I, II)*
16 Своим потомкам сдавленное племя... *(III, IV, V, VI)*

БУРЯ

(С. 122)

Первоначальная журнальная редакция (С 1850) [1]

БУРЯ

Не любил я ни грому, ни бури,
И боялся, когда по лазури,
Разрушенье и гибель тая,
Пробежит золотая [2] змея.
Да вчера молодая соседка
Мне сказала: «В саду есть беседка —
Как стемнеет, туда приходи!»

---

[1] *В подстрочных сносках приводятся варианты чернового автографа ЦГАЛИ.*
[2] огневая

Расходилося сердце в груди!
Я не знал, как я ночи дождуся,
Вдруг гляжу и поверить боюся:
Обложилося небо кругом,
Блещет молния — буря и гром! [1]
Проклиная докучную бурю
Пуще прежнего, брови я хмурю
И в беседку тоскуя иду,
Что соседки я там не найду:
«Ведь она и робка и ленива —
В бурю выйти из дому ей в диво,— [2]
И не верит, что счастье мое —
Целый мир исходить для нее! [3]
Ах! люби она столько же страстно,
Не казалась бы буря опасна,
Не казалась бы ночь ей темна, [4]
Да настолько ли любит она?..»

Без надежды вхожу я в беседку,
Озираюсь — и вижу соседку̀!

«Я боялась, что ты не придешь!..»
Не хочу, да и слов не найдешь
Передать эти жаркие речи,
Эту радость условленной [5] встречи...

«Оба, друг мой, боялися мы,
Но не грому, не бури и тьмы:
Пусть там буря ревет нестерпимо,
Наша туча промчалася мимо,
Наше счастие тихо цветет,
Наше сердце любовью живет...» [6]

Я сушил ее мокрые ножки,
И чем ярче блистали окошки,
Озаряясь мгновенным лучом,

---

[1] Дождь и молния, вихорь и гром!
[2] В бурю из дому выйти ей в диво —
[3] а. [Целый свет исходить] для нее
б. Хоть полсвета пройти для нее...
[4] [страшна] —
[5] нечаянной
[6] Наше сердце любовью живет,
Наше счастье безбурно цветет...»

И чем больше пугал ее гром,
Тем, любви ее веря сильнее,
Наслаждался и жил я полнее, [1]
И блаженной такой тишиной
Веял бури пронзительный вой
В эту черную ночь надо мной...

Не боюсь теперь грому и бури,
И когда по туманной лазури
Пробежит золотая змея,
Не робею, а радуюсь я... [2]

Варианты белового автографа ГБЛ

1—2 Долго не сдавалась Дунюшка-соседка,
Наконец сказала: «есть в саду беседка,
8 Хлынул дождь ручьями — прокатился гром!..
11 Дуня белоручка, Дунюшка пуглива,
16 Прихожу и вижу — Дунюшку-соседку!

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ГРАФА ГАРАНСКОГО

(С. 123)

Варианты авторизованной копии ГБЛ

17—20 *вписаны под строкой рукою Некрасова*
37 Природа хороша — в том отдаю ей честь —
42 Дворянский мой покой, сиятельную совесть
44 Бормочет каждому змеиный их язык:
51 А, нету, ничего! маненечко ретив,
57 Тут славно мужики покончили с одним.
60 *вписан рукою Некрасова*
70 Так мужикам от них невесть какое горе!
71 Именье — семь дворов; так бедно, что с трудом
74 Подкинут барышни-сестрицы по ребенку...
78 Да мужичкам, сударь, какое разоренье!..»
89 Хозяин с Францией и с Лондоном знаком,

---

[1] Тем [в любовь] ее веря сильнее,
Целовал я се горячее,
[2] С той поры не страшуся уж бури
И люблю я, когда по лазури,
Разрушенье и гибель тая,
Пробежит огневая змея.

103 Уехал далее... Я мало с ними был,
108 Любители кнута и грубого тиранств. .

Варианты (АП) Экз. авт. ГБЛ

45—46 Помещик нехорош, а немец-управитель
Непьющий человек, но сущий разоритель.
86 Сивуха, черный хлеб, калмыцкие тулубы.

Варианты Кор. Кетчера

46 Непьющий человек, но яростный грабитель...
86 *как Экз. авт. ГБЛ*

Варианты прижизненных изданий «Стихотворений»

7 Пространство широко раскинутых степей *(I)*
27—29 . . . .
. . . .
. . . . Какие реки здесь! *(I)*
44 Бормочет каждому лукавый их язык: *(I)*
45—46 Помещик не живет, а немец-управитель
Непьющий человек, но . . . . *(I)*
45 Помещик — чудодей! а если управитель,
(IV, V)
47—82 *заменены четырьмя строками точек (I)*
Вм. 58—80 «А что?» . . . .
. . . .
. . . . *(IV, V)*
Вм. 58—67 «А что?» . . . .
Невольно я вздрогнул. Ямщик приподнял
кнут: *(VI)*
83 Ужели господа в России таковы? *(I)*
86 *отсутствует и заменен строкой точек (I)*
86 Сивуха, черный хлеб, овчинные тулупы.
(IV, V, VI)
100 — И управителем? — «Довольны». ...О работах *(I)*
108 Любители . . . . *(I)*

Разночтения Экз. Васильковского (В), Экз. ГБЛ (ГБЛ), Экз. Зеленого (З), Экз. ИРЛИ 6 (ИРЛИ), Экз. Лазаревского (Л), Списка Модзалевского (М), Экз. Музея Н. (МН), копии Михайлова (Мх), копии Панова (П), Ст 1862

41 Но только то беда, что каждый здесь мужик
(ГБЛ, Л, МН, Ст 1862)
42 Дворянский гонор мой, спятельную совесть
(Мх)
46 То верно живодер, отъявленный губитель *(В)*
47 Спрошу я ямщика: «Чей, братец, виден дом?»
(В)
48 «Помещика».— «Что он?»— «Нешто, хороший барин, *(Л)*
48 «Помещика».— «Каков?» — «Нешто, хороший барин, *(ГБЛ)*
50 Как хватит — год хворай».— «Неужто вор-татарин?» *(В)*
51 «Э, нету ничего... маленечко ретив, *(В, М)*
57 Тут ловко мужики покончили с одним...»
(ГБЛ, Л, МН)
58 «А что?» — «Бац по башке, да и стащили в лес-то». *(П)*
60 Один мужик... попал такому в лапы... *(М)*
63 «Как так?» — «Да так, сударь, чуть женится мужик, *(М)*
67 А после и таво!.. А вот примерно тут *(Л)*
67 А после и тово... А вот, примерно, тут *(МН)*
72 Дай бог своих детей прокормить мужичонку,
(ГБЛ, Л, МН)
77—78 Убытку барышням, вестимо дело, нет,
Да, барин, мужичкам какое разоренье!» *(М)*
86 Сивуха, грязь и вонь, калмыцкие тулупы. *(З)*
108 Любители кнута и грубого разврата, *(ИРЛИ)*

В ДЕРЕВНЕ

(С. 127)

Варианты белового автографа ГБЛ

15—17 Тихо и сухо. Ушли слава богу,
Черные тучи. Пройдусь поскорей.
К вечеру пасмурный, с утра дождливый

29 Легче самой бы во гроб...
31 Мишка прошиб ему лоб.
37 Грудь что плавлёная медь...
39—40 Да околел и медведь...
Шкуру с проклятого содрали, продали;

Варианты С и Ст 1856

15—17 *как в БА (С)*
19 Утром в болоте промок до костей, (*С*)
29 *как в БА (С)*
31 *как в БА (С)*
37 *как в БА (С, I)*
39—40 *как в БА (С, I)*
42 За упокой его душеньки подали, *(С)*
45 На три молебна дала... *(С)*

«МЫ, ПОСЕТИВ ТЕБЯ, ДРУЖИНИН...»

(С. 131)

Варианты чернового автографа ЦГАЛИ

1—2 [Кто поживет с тобой], Дружинин,
Тот будет в верном барыше:
13 [Среди] различных угощений

ПРИЗНАНИЯ ТРУЖЕНИКА

(С. 132)

Ранняя редакция (по сборнику «Для легкого чтения»)[1]

Труженик

Признание новейшего Фальстафа

Те, которых часто я встречаю
В час, когда по Невскому гуляю,[2]

---

[1] ***В подстрочных сносках приводятся варианты С.***
[2] В час, как по Кузнецкому гуляю,

По моей громадной толщине
Заключают ложно обо мне.

Помню, раз четыре господина
Говорили: «Вот идет скотина![1]

Видно, нет заботы никакой —
С каждым годом прет его горой!»

Ах, когда б я был благополучен
Вполовину только,[2] сколько тучен,

Ничего бы в жизни не хотел...
Но, увы! ужасен мой удел...

Я тружусь, я мучусь через силу
И сойду безвременно в могилу,

А за что?.. Я кроткий человек,
Я собаки в жизни не посек!

Всякий в мире чем-нибудь тщеславен:
Тот гордится тем, что он забавен;

А другой, что мрачен как чума,—
Мрачность есть подобие ума![3]

Тот богат, тот беспредельно беден...
Я горжуся тем, что *я безвреден*...

Так хранит непроходимый бор
Никому не вредный мухомор

В глубине своей... Мое наследство
Получив чуть-чуть не с малолетства,

Стал я жить, как говорится, всласть,
Не учась ни занимать, ни красть!

Я не плут, не честный спекулятор,
Не крючок и даже не плантатор.

---

[1] Говорили: «Вот идет... детина!
[2] столько,
[3] Устает под бременем ума!

Не люблю тартюфов и ханжей,
Презираю снобсов и хлыщей.

(Неспособный к внешнему эффекту)
Не брожу по Невскому проспекту

При коварном свете фонарей.
(По причине тучности моей)

Предаваясь благородной лени,
Не пишу снотворных сочинений. [1]

Не служа, к отличию дорог
Никому я перебить не мог.

Ни умом, особенно блестящим,
Ни богатством, по свету гремящим,

Ни азартом рук или речей —
Я ничем не оскорбил людей,—

Самому не быть бы только битым
Да владеть хорошим аппетитом

Я хочу. Но не дает господь!
Извожу я собственную плоть.

Для поддержки сил ослабших нужен
Мне обед достаточный и ужин,

И чтоб к ним себя приготовлять,
Должен я гулять, гулять, гулять!

Чуть проснусь, кувшинчик выпью квасу,
«Одевай!» — тотчас кричу Протасу.

(Адски глуп и копотлив Протас:
Одевает часто целый час.

Да зато повязывать мне шею
Допускать его я не робею:

[1] *Ст. 31—38 отсутствуют.*

Предан мне — и хоть совсем не франт,
Мастерски устраивает бант.

Честь ему!.. тем более, что кос он...)
Наконец одет я и причесан...

Палку в руки, шляпу набекрень —
И пошли мученья на весь день...

Как пройду я первые ступени,
Подогнутся, задрожат колени;

А как вовсе с лестницы сойду,
Кажется, как будто я в аду:

Тут одно желанье и старанье —
Как-нибудь перевести дыханье;

Стукотня ужасная в висках,
Пот на лбу и слезы на глазах,

Словно кто свистит и дует в ухо,
И как волны в бурю ходит брюхо!..

Отошедши несколько шагов,
Я совсем разбит и нездоров;

Сел бы в грязь, так жутко и так тяжко,
Да грозит чудовище Кондрашка

И твердит, как Вечному Жиду,
Всё: «Иди, иди, иди!..» Иду...

Из коляски высунется дама
И в лицо мне засмеется прямо,

Крикнет мальчик с хохотом: «Ура!
Посмотрите: катится гора!..»

(А дурак[1] лакей, за мной идущий,
Вдруг икнет и захохочет пуще.)

---

[1] старик

Тот кричит: «Влеплю в политипаж!» —
И готов уж вынуть карандаш;

А другой своим заметит дамам:
«Полюбуйтесь сим гиппопотамом!»

Кучера по-своему острят
И — скоты! [1]— друг другу говорят:

«Если б в брюхо и попало дышло,
Чай, насквозь оно бы ведь не вышло!..»

Так, извне насмешками язвим,
Изнутри изжогою палим,

Я бреду... Пальто, бурнусы, шляпки,
Смех мужчин и дам нарядных тряпки,

Экипажи, вывески, друзья —
Ничего не замечаю я!..

Чуть живой, сердитый и угрюмый,
Я одной весь преисполнен думой:

Как бы время поскорей убить?
И хоть малый голод ощутить?..

То и знай справляюсь я с часами,
Услаждаясь вкусными мечтами

О хороших яствах и о том,
Что дадут сегодня за столом:

С вечера я знаю карту клуба.
(Вообще моя не дура губа —

Я поесть умею хорошо
И люблю, чтоб было всё свежо...)

Наконец... блаженная минута!..
Скоро пять — бог ведает откуда [2]

---

[1] смеясь,
[2] Наконец,.. счастливая минута!..
Скоро пять — неведомо откуда

Силы вдруг возьмутся... Как зефир,
Я лечу домой, или в трактир,

Или в клуб... Теперь я жив и молод,
Я легок: я ощущаю голод!..

Ах, поверьте! счастие не в том,
Чтоб блистать возвышенным[1] умом,

Красотой, богатствами и чином,
Наше счастье — в потрохе гусином!

(Может быть, мой вкус немного груб,
Но люблю я с потрохами суп.)[2]

Наше счастье бродит меж холмами
В бурой шкуре, с дюжими рогами!..

Впрочем, мне распространяться лень...
Дней моих хранительная сень,

Здравствуй, клуб!.. Почти еще ребенок,
В первый раз, и сухощав, и тонок,

По твоим ступеням я всходил;
Ты меня взлелеял и вскормил!

Честь тебе, твоим здоровым блюдам!..
Если кто тебя помянет худом,

Не сердись, не уличай во лжи:
На меня безмолвно укажи!

Друг людей, кормилец и защита!
Сколько раз, как ветер выл сердито,[3]

Думал я, дремля у огонька:
«Жизнь моя приятна и легка.

---

[1] чинами и
[2] *Ст. 121—124 отсутствуют.*
[3] Уголок спокойный и отрадный!
Сколько раз, в час бури беспощадной,

Кто-нибудь теперь от стужи стонет,
Кто-нибудь в сердитом море тонет,

Кто-нибудь дрожит... а надо мной
Ветерок не пролетит сквозной...

Скольких ты призрел и успокоил
И в объеме, как меня, удвоил! [1]

Для какого множества людей
Заменил семейство и друзей!..»

Впрочем, время начинать нагрузку,
Нападаю рьяно на закуску.

О, мои заклятые враги —
Ветчина, копченые сиги,

Балыки, икорка и селедки!..
Съел всего, два раза выпил водки...

А!!!! несут уху из стерлядей...
Ну, теперь, желудок мой,— смелей!

Предстоит тебе — не ужасайся!—
«Натиск лют и гнет велик»,— раздайся!

За жабо салфетку я заткнул,
Рукава у фрака отвернул

И засел! Я не даю потачки
Ни ухе, ни жирной кулебячке;

А десяток малых пирожков
Сам собой проскочит меж зубов...

Чу!!! явилось блюдо солонины —
Разгорелись очи соколины!

Вместе с ним — приятель мой ростбиф —
Весь в гарнире... не ростбиф, а миф!

---

[1] утроил!

Я грибом чуть-чуть не подавился,
Да сосед, спасибо, умудрился:

Тумака такого дал, что гриб
Вылетел и к потолку прилип!

(Кто из нас не рад сердечно другу
Оказать подобную услугу?..

Но не всякий на руку легок,
Берегите шейный позвонок...)

Караси в сметане очень вкусны,
Да от них бывают мысли грустны:

Съел всего полдюжины... Легюм?
Не хочу!.. Боюсь холерных дум...

Я и так не спал намедни ночку...
Лучше съем пока телячью почку —

А меж тем жаркое подадут...
Вот оно... О поваришка плут!

Не гуська и не индюшку с рисом —
Дал дроздов: есть нечего и крысам!..

Но свое, однако ж, я навел:
Девятнадцать дроздиков уплел!..

В заключенье съел и[1] форму крему,
Приподнять велел себя Ефрему,

Выпил чашку кофе и спросил
Коньяку — для оживленья[2] сил...

К сожаленью, счастие непрочно.
За столом блаженствовал я, точно,

Да потом... ну, много ли поел?..
Как тюлень морской отяжелел!

---

[1] я
[2] освеженья

Начались ужасные отрыжки,
Словно ел сырые кочерыжки; [1]

На желудке чувствовал бревно,
И на фраке лопнуло сукно:

Пуговица звонко отскочила
И слегка кому-то глаз подбила.

(Извинился вяло и с трудом —
Было лень ворочать языком.)

Отпиваясь разными водами,
Всех пугал кровавыми глазами;

Так дышал, что лампу погасил
И по всей бильярдной начадил;

Так храпел, уснувши на минутку,
Что весь клуб обидел не на шутку...

И притом случился кошемар.
Закричав: «Пожар! пожар! пожар!» —

Я вскочил: вертится пред глазами [2]
Красный жук с огромными усами,

И корова с голубым хвостом
Раскаленным дразнит языком

И мычит: «Давай скорее душу!» [3]
Я в ответ: «Погибну, а не струшу!..

Хоть всего в былинку иссуши...
Дура ты! нет у меня души!..» [4]

---

[1] Перешла обеденная живость
В беспокойство, тупость и сонливость;

[2] Я кричал: «Пожар! пожар! пожар!» —
Чудилось: вертится пред глазами

[3] Бес твердит: «Давай скорее душу!»

[4] Ты дурак: нет у меня души!..»

Тут меня соседи окружили
И водой холодной окатили.

Слышу толки: «Видно, паралич!»
— С кем? когда? — «Увы, Фома Фомич!»

— Так его Кондрат-таки прихлопнул?
«Я дивлюсь, как он давно не лопнул...»

— Ни один обжора-камчадал
Вполовину столько не съедал...

«Вот теперь обрадуется повар!..»
Слушая сей неприличный говор,

Я слегка потрогал каждый член:
Никаких не видно перемен,

Лишь чуть-чуть подергивает брови,
Глаз ведет... пустой приливчик крови! [1]

Я взглянул — весь клуб передо мной:
Тот качает грустно головой,

Тот глаза лазоревые [2] пялит,
Тот, под видом состраданья, жалит,

Тот зовет товарищей играть:
«Что напрасно время нам терять?

Никому нет нового нимало:
Протянулся дюжий объедало!..»

(Таково участие людей —
В том числе и преданных друзей.)

Наконец я с мыслями собрался [3]
И вперед есть менее поклялся...

---

[1] И глаза... пустой приливчик крови!
[2] без разговоров
[3] (Таково участие людей) —
Сам себе сказал я: «Не робей!»
Постепенно с мыслями собрался

Но я слаб, я человек... увы!
Привезли белугу из Москвы, [1]

И рассудок был обезоружен,
Сокрушил я самый плотный ужин, [2]

И ведь что ж? Всё сняло как рукой!..
С той поры обычной чередой

Ем обеды, ужины, закуски.
Каждый год мне панталоны узки.[3]

Ничего! В последние года
Изобрел я средство, господа,

Улучшать домашних птиц породу.
Целый день в дождливую погоду

Провожу средь уток и гусей,
Как отец среди своих детей.[4]

Глупые, но добрые творенья!
Довожу я их до ожиренья

И потом съедаю... Жил бы всласть,
Да гулянье — вот моя напасть!..

Рад не рад — идешь, как до прогулки
В рот нейдет кусочек малый булки,

Да вопрос: ходить-то каково?..
Верьте мне: нет хуже ничего!

Я тружусь, потею через силу
И сойду безвременно в могилу...

---

[1] Но я слаб,— заметить вы могли,—
По чугунке устриц привезли,
[2] Сокрушил я надлежащий ужин,
[3] Сертуки мне ежегодно узки —
[4] Утучнять домашних птиц породу.
Каждый день в дождливую погоду
Захожу в свободные часы
Индюков прикинуть на весы.

А за что? Я кроткий человек,
Я собаки в жизни не посек.

Потому — столь тяжкое несчастье,
Смею думать, вызовет участье,

Пусть узнает публика, что тот,
Кто счастливцем по́ виду слывет,

Далеко не так благополучен,
Как румян и шаровидно тучен.

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

(С. 135)

Вариант авторизованной копии ГБЛ

7 Скучно сгибаться до самой земли,

Вариант С

27 Очи потухли и голос пропал,

«ПРОБИЛ ЧАС!.. НЕ СКАЖУ, ЧТОБ С ОХОТОЙ...»

(С. 137)

Вариант чернового автографа

1—4 Пробил час! не скажу, чтоб с охотою
В мир вступил я кр<овавой?> ст<езею?> [1]
Что голов, убеленных заботою,
Сколько лиц, омраченных тоскою.

ЛЕТО

(С. 139)

Варианты чернового автографа ГБЛ

6 [Уж равняется ростом] с кустами
После 8 *начато:* Всё сбылось

---

[1] ***Или:*** тр<опою?>

МАША

(С. 140)

Варианты чернового автографа ГБЛ

2 Крепко спит молодая жена
8 Только взглянет... [мучительный] взгляд!
9 а. В ней одной его [жизнь и] отрада
б. В ней одной его счастье-отрада
10 Нет, ей участь не будет <горька>
11 а. [Как не сшить ей такого ж наряда?]
б. [Два таких он сошьет ей наряда]
12 [А столичная жизнь не легка!]
13—20 *отсутствуют*
21 а. [Можно жить бы конечно попроще]
б. Нужно жить бы потише, попроще
22 а. Отменить по суб<ботам> обед
б. Не тянуться с богатыми в свет[1]
23 а. Да что скажет богатая теща,
б. Да обидится гордая теща,
24 а. Что подумает [строгий] сосед!
б. Что подумает гордый сосед!
После 24 [Как посмотрит печальная Маша?]
26 Не поймет <*пропуск*> молода
28 Нет, упрек тяжелее труда...
29—30 И кипит [до рассвета] работа
И болит [утомленная] грудь.
31 а. [Вот прошла наконец] и суббота —
б. Наконец миновала суббота —
32 Труд окончен — пора отдохнуть
33 Он ласкает прекрасную Машу
37—38 [Нет теперь ни забот ни печали
Наслаждайся свободней дыши]
После 40 *начато:* [Жизнь горит]
41 Скоро в гроб его Маша положит
43 И до смерти ума не приложит

Вариант письма Бекетова

Но искушен он был с малолетства
15—16 Изученьем новейших наук.

---

[1] *Вписано на полях.*

Варианты белового автографа ГБЛ

17 Человек он был странной породы,
23 как в *ЧА (вариант б).*

Варианты С и Ст 1856

2 *как в ЧА (С)*
14—16 Отчего и не взять иногда?
Но — остаток наивного детства —
Уцелело в нем чувство стыда. *(С)*
17 *как в ЧА (С)*
20 Не шутя воровством называл. *(С)*
23 *как в ЧА (вариант б) (С, I)*

«Я СЕГОДНЯ ТАК ГРУСТНО НАСТРОЕН...»

(С. 142)

Вариант белового автографа ГБЛ

4 Мой больной, раздражительный ум,

Вариант С и Ст 1856

4 *как в БА*

СВАДЬБА

(С. 143)

Первоначальная редакция (по черновому автографу ГБЛ)

В сумерки в церковь вхожу я случайно.
Полно всё в ней полумраком и тайной.
Две-три лампады, убого блестя,[1]
Темные лики святых золотя,[2]
Слабых лучей не доносят высоко.[3]
Робко поднявшись, пугливое око

[1] [Как-то убого и тускло] блестя,
[2] *Начато:* Лики святые чуть
[3] а. [Свет от немногих лампад <не> восходит]
б. [Вверх не доходит, чернее там ночи]

Клонится долу,— хромой инвалид[1]
Ходит с тарелкой и медью стучит.[2]
Шепотом внятным и медленным нищий
Просит у бога покрова и пищи.
Тут же склоняется низко без слов
Пара старушечьих дряхлых голов...
[И между ними — ужель не ошибка? —
Бледны ланиты — исчезла улыбка.
Бедная! бедная! скоро же ты
Чудной лишилась своей красоты!
Так... и глаза, и черты — всё похоже...
Да... я узнал тебя... Боже мой, боже![3]
Что с тобой сталось! Каких перемен
Ты натерпелась?.. Недавних времен
Помню я лучшие дни... Как, бывало,
После трудов и больной и усталый —[4]
Жадно прохладой вечерней дыша,[5]
Брел мимо окон твоих, не спеша,[6]
С матерью ты у окошка сидела,
Весело шила и весело пела...
Или[7] уж мать на кладбище, а тот,
Что мимо окон, бывало, снует
И поцелуи тебе посылает...
Что он, скажи, он бывал... он[8] бывает?]
Стал он смелее, как мать умерла?
Ты ему сердце свое отдала?
Вижу я: стан твой немного полнее...
Вижу: украдкой, стыдливо краснея
И нагибаясь горящим лицом,

---

[1] [Кверху поднявшись, пугливые очи
Робко склоняются долу.]
[2] а. [Долу склоняется; купол висит
Мрачною бездной над храмом убогим]
б. [Свечи считает] и медью стучит
[3] [Много из прежней твоей красоты
Много, бедняжка, утратила ты
Но и глаза] и черты [так похожи...]
Да [это ты] ...Я узнал тебя... боже!
[4] После трудов [моих тяжких] усталый —
[5] а. *Начато:* [Мимо квартиры]
б. [Воздухом свежим жадно] дыша,
[6] *Начато:* а. [Мимо квартиры твоей]
б. Хаживал мимо тебя
[7] [Видно]
[8] [иль]

Хочешь ты скрыть его жалким платком.
И за того теперь бога <ты> просишь,
Чье ты под сердцем дитя теперь носишь.[1]

Кончилась служба. Пошел я за ней.
Всё рассказала мне бедная Маша...
Да не минет тебя, черный злодей,
Горя житейского полная чаша!

Варианты чернового автографа ГБЛ

Вм. 1—11 В церковь вхожу — богомолец случайный
В темные сумерки — мрак<ом> и тайной
Дышат просторного храма углы
Окна высокие полные мглы
Резко от стен отделяются темных
Тяжкие двери на петлях огромных
а. Словно заплаканы. [Сыро, темно
Много лампадок и свеч зажжено
В куполе темень такая гнездится,
Что поглядеть голова закружится]
б. Словно заплаканы. Скупо блестя,
Тусклые ризы икон золотя,
Слабых лучей не доносят высоко
Желтые свечи. Пугливое око,
Вверх поглядев, опуститься спешит
13—14 Перед налоем стоят молодые.
Свадьба. Венчаются люди простые.
15 а. Парень — [должно быть] ремесленник — [хват,]
б. Парень — какой-то ремесленник — весь
16 Буйная удаль, нахальство и спесь.
После 16 [Русый крестьянин с тоскливым лицом
В плиты холодные стукает лбом]
23 а. И нагибаясь [глубоко] лицом
б. И нагибаясь горячим лицом
24 Хочешь ты скрыть его желт<ым> платком!
25 Хитрый детина подарком да лаской
28—29 Много ночей ты с тех пор не спала
Много проплакала... Он не оставил

---

[1] *Вместо ст. 35—38* [Хочешь ты скрыть его шалью своей...]. *Ст. 37—38 вписаны вверху страницы.*

33 [Знаю всё знаю!] Попреков жестоких
35—36 Мужа разгульного будешь ты ждать
Будешь больного ребенка качать
39 а. [Много тебе предстоит впереди!]
б. Чем тебе бедность грозит впереди...

Варианты автографа ЦГАЛИ

4 [Словно живые], то полные мглы,
6 [Окна] колеблются с [тихим] бряцаньем;
12 [Пусто и тихо] — не служба теперь,
14 а. Вот [под венцами стоят] молодые:
б. Вот к алтарю подошли молодые:
15—16 Парень — [должно быть ремесленник, весь
Буйная удаль, нахальство и спесь:]
23 И нагибаясь, свой [желтый] платок
25 Видно [детина] подарком да лаской
После 32 [Видно ты знаешь: не будет он нежен!
Он и теперь так обидно небрежен.
Выстоит свадьбу — домой доведет
Да на всю ночь молодец и уйдет!..]
34 Дней трудовых [и ночей] одиноких
35—36 Будешь [дитя ты больное] качать
[По вечерам муженька] поджидать

Вариант белового автографа ГБЛ

14 *как в А ЦГАЛИ (вариант б.)*

«ДАВНО — ОТВЕРГНУТЫЙ ТОБОЮ...»

(С. 145)

Первоначальная редакция (по черновому автографу ГБЛ А)

[Измученный бесплодною мольбою,
Я с ней бродил по этим берегам
И, побежден безумною тоскою,
Стремительно при<бли>зился к волнам —
Они неслись и сладкозвучно пели, [1]
На самый край обрыва я ступил, [2]

[1] [Они в брегах заманчиво яснели]
[2] [На самый край оврага я вступил]

Но волны вдруг сурово потемнели —
Невольный страх меня оледенил!..
Рука с рукой, любви и счастья полны,
Мы через год пришли на тот обрыв,
И помню: ты благословляла волны,[1]
Сдержавшие безумный мой порыв.]

Варианты чернового автографа ГБЛ Б

1 а. [Отвергнут милая тобою]
б. [Ты помн<ишь> нелюбим тобою]
3—4 И [обезумленный тоскою]
Мгновенно бросился к волнам
6—7 На край обрыва я [вступил] —
Вдруг волны грозно [зашумели]
8 а. *начато:* [И я в]
б. И страх меня [оледенил.]
11 И [всё благословляли] волны
13 Теперь, [покинутый] тобою,
15—16 Брожу с [поникшей головою]
[Один у тех же] берегов
19 Но волны не бурлят сурово,

Вариант белового автографа ЦГАЛИ

8 И тайный страх меня смутил!..

Варианты белового автографа ГБЛ

4 *как в ЧА ГБЛ Б*
6 На край оврага я ступил
8 *как в БА ЦГАЛИ*

Вариант белового автографа в письме к Тургеневу

8 *как в БА ЦГАЛИ и БА ГБЛ*

Вариант Ст 1856

19 *как в ЧА ГБЛ Б*

---

[1] а. [И мысленно благословил я волны]
б. [И пламенно благословляли волны]

ПАМЯТИ <АСЕНКОВ>ОЙ

(С. 146)

Варианты чернового автографа ГБЛ (первая редакция)

13—16 *отсутствуют*
17 Немного в жизни я видал
19 Твой голос весело звучал —
22 Каким-то детским смехом [1]
После 22 а. [И помню:] восхитила ты
б. Так сильно восхитила ты
Любителей искусства
Слияньем дивной красоты
И творческого чувства,

Что сумасбродный дилетант
И скептик хладнокровный
Твое искусство, твой талант
Почтили данью ровной,—

С доверьем детским приняла
Ты общее вниманье —
И слишком честно поняла
Свой долг, свое призванье —

Ты вся искусству предалась,
Ничем не увлекаясь,
Ты с книгой дома заперлась,
На сцену лишь являясь.

А свет совсем другого ждал...
Обмануты,[2] сердиты
Напрасно брошенных похвал
Жалели волокиты.

И раздражен, что не попал [3]
В твой уголок домашний,
Сегодня свистнуть замышлял
Поклонник твой вчерашний...

---

[1] *Ст. 21—22 вписаны на полях.*
[2] а. [Угрюмы и]
б. [Обижены]
[3] [Озлоблен тем], что не попал

61—62 Закат твоих недолгих [дней]
Был странен и прекрасен [1]

Варианты чернового автографа ГБЛ (вторая редакция)

Вм. 1—8 Читатель верь или не верь
Но быль времен новейших
Я верно передам теперь
До мелочей малейших
11—12 И перед нею в первый раз
Актриса появилась
15 Ее блистательный талант
После 16 а. [Не только] чудо красоты —
Любители искусства
[Нашли в ней гения черты [2]
И творческое чувство.]
б. Нашли в ней чудо красоты
И творческое чувство
И гениальности черты
Любители искусства.
19 а. А голос [чудно] так звучал
б. А голос нежно так звучал
20 И каждый шаг был ловок
21—23 А взор пленительных очей
Светился детским смехом
Но лучше б воротиться ей
25 Она неопытна была
27 И слишком честно поняла
29 Подарки старых богачей

Варианты чернового автографа ЦГАЛИ

Вм. 1—8 [Кумир моих счастливых дней,
Любимый и желанный,
Мне не забыть судьбы твоей
Таинственной и странной...] [3]
11—12 а. *как в окончательном тексте, но зачеркнуто*
б. *как в ЧА ГБЛ (вторая редакция)*
15 а. *как в окончательном тексте, но зачеркнуто*

---

[1] *Эти два стиха представляют собою отдельный набросок.*
[2] [Нашли в ней диво красоты]
[3] *Вписано на полях вместо ст. 1—8 в их окончательной редакции, но затем зачеркнуто, и окончательная редакция восстановлена.*

б. Ее [блистательный] талант
в. Ее красу, ее талант
19—20 а. *как в окончательном тексте, но зачеркнуто*
б. А голос сладко так звучал
И каждый шаг был ловок
21—23 а. *как в окончательном тексте, но зачеркнуто*
б. Движенья стройны; взор очей [1]
Светился [2] детским смехом...
Но лучше б воротиться ей
25 а. *как в окончательном тексте, но зачеркнуто*
б. Она неопытна была
27 а. *как в окончательном тексте, но зачеркнуто*
б. И благородно поняла
33—34 а. [Ты всё] отвергла! Заперлась
[Ты феей] неприступной
б. Она отвергла! Заперлась
Весталкой неприступной
37 а. И что ж? [озлоблены тобой]
б. И что ж? исполнены враждой
39 а. *как в окончательном тексте, но зачеркнуто*
б. Ей [мстили черной] клеветой
в. Ей мстить решились клеветой
45 [Все поднялись, восстали] вдруг...
После 48 Увы, увы! Не от актрис
Актрисе ждать пощады.
Младые грации кулис!
Прелестны вы — с эстрады.

Там вся поэзия души,
Там места нет для прозы,
А дома зависть, барыши,
Коварство, злоба,[3] слезы.

Так отдает внаймы другим
Свой дом владелец жадный,
А сам, нечист и нелюдим,
Живет в конуре смрадной...

Но ты, к кому души моей
Летят воспоминанья,

---

[1] а. [Горел огонь живых очей]
б. [Светился взгляд ее очей]
[2] [Проникнут]
[3] [злость и]

Я бескорыстней и светлей
Не видывал созданья.
53—54 [И говорят, что делом их
Была твоя могила...]
53 а. [Не раньше вопль ее утих]
б. Их говор сам собой утих,
57 [В сознанье чистой красоты]
57—59 Печальным даром красоты
И творческого чувства
Спешила насладиться ты...
68 С тоскою [безмятежной]!
70—72 [Но духом не слабела
И голос твой звучал и пел
И чувство пламенело...]
70—71 Но [звучно] как и прежде
Твой вдохновенный голос пел

Варианты белового автографа ГБЛ

34 Весталкой неприступной —
После 48 *как в ЧА ЦГАЛИ, но с вариантом в ст. 3 второго четверостишия:*
А дома сплетни, барыши,
61 Любила Славу. Твой закат
71 Твой голосок звучал и пел

Вариант С

45 И до тебя достигла вдруг —

ИЗВОЗЧИК

(С. 149)

Варианты чернового автографа ГБЛ

2 Русский человек
После 4 а. [Пообедав спозаранку
Пересилив лень
Запрягал свою буланку
Ездил целый день.]
б. [Наедался спозаранку
Кроток нравом был

И кургузую пеганку
Попусту не бил.]
в. [Подбривал себе затылок
Красный цвет любил
От природы не был пылок —
Живота щадил.]
г. Ездил лихо: верил в бога [1]
Пил не через край [2]
И из выручки немного
Воровал на чай.
Был мясист его затылок
Широка ладонь
Нравом был не больше пылок [3]
Как саврасый конь
В жизни плелся тихим шагом
Лишь прошел бы день
И считал первейшим благом
Пищу сон и лень.
Ветер ли его [4] продует,
Что хоть вожжи брось [5]
Барин ли какой надует
Сломится ли ось [6]
Счастье [7] невзначай привалит
Иль беда придет
Ванька только зубы скалит —
Песенки поет!
Словно ведро и ненастье
Уксус и вино
Словно счастье и несчастье —
Всё ему равно. [8]
5—8 *отсутствуют*
9—16 а. Правда, с ним случилось что-то [9]
Уж тому лет пять — [10]

---

[1] *Вписано на полях:* Наблюдал Савраску строго
[2] [Кушал через] край
[3] *Перед этим стихом начато:* [Не был]
[4] [насквозь]
[5] *Перед этим стихом начато:* [Так]
[6] *После этого стиха:* [Ваньке это словно любо]
[7] Счастье [ль]
[8] *Последнее четверостишие вписано на полях.*
[9] [Было с ним однажды] что-то
Против этой строки на полях написано: зазноба.
[10] [Странное дней] пять

Как ходила за ворота [1]
Груша постоять.
[Он проведал: эта Груша
Горничной была
Выбира<я> где посуше
Осторожно шла.]
б. [Правда с ним случилось чудо
Год тому назад —
Ел он мало, спал он худо
Жизни был не рад.] [2]
День сидит да смотрит в оба
На соседний дом
Там жила его зазноба —
Кралечка лицом!
17—20 а. [Вся была легка как птичка
Весела всегда
Щебетала как синичка —
Не была горда.]
б. [Вылетала] словно птичка
[Из ворот тайком]
[Щебетала] как синичка
[Поздним вечерком.]
в. Под ворота словно птичка
Вылетит с гнезда
Защебечет как синичка —
Не была горда.
После 20 а. Прокатить себя прикажет
Ваня [рад душой —] [3]
Постарается, уважит —
[И свезет домой.][4]
[А потом всю ночку бредит
Бедный молодец [5]
Со двора чуть свет уедет —
Ошалел в конец!] [6]
б. Прокатить себя прикажет
Ваня молодец

---

[1] [Выходила] за ворота

[2] *Вместо этого зачеркнутого четверостишия написаны ст. 9—12 в окончательной редакции, но с вариантом в ст. 12:* [И совсем] не спал.

[3] [Ваня сам не свой]

[4] [Привезет домой]

[5] [Не поест путем]

[6] [Ошалел совсем]

Постарается, уважит —
Ошалел в конец!
Вм. 21—32 Говорит он ей учтиво [1]
(Стало невтерпеж):
«Вишь [2] ты больно тороплива? —
Уж домой идешь? [3]
Наглядеться дай досыта
Погоди, мой свет!»
Поглядела не сердито,
Молвила в ответ:
Прежде выкупи на волю
Порадей для нас [4]
Всё тогда тебе позволю.
И ушла смеясь.
Посмотрел ей вслед Ванюха,[5]
Тяжело вздохнул
Почесал долгонько ухо —
И рукой махнул!..
«Хороша ты — молвил — Таня
Только не про нас...».
Извелся бы бедный Ваня
Кабы бог не спас. [6]
Вм. 33—38а. [Переехала Танюша
С барыней своей.
С той поры лишь раз Ванюша
Повстречался с ней.
Поклонилась — он не пикнул
Потемнел как ночь [7]
На лошадку только крикнул
И поехал прочь...] [8]
б. Переехала Танюша [9]

---

[1] а. [Раз он ей сказал] учтиво
б. [Раз он молвил ей] учтиво
[2] «[Что]
[3] [Рано так] идешь?
[4] а. [Да потом гляди]
б. [Да потом глазей]
[5] И ушла. [За ней
Долго вслед глядел] Ванюха
[6] а. [Да в счастливый час]
б. [К счастью случай спас]
[7] а. *начато:* [Не наш]<ел?>
б. [Не повел очей]
[8] [И удрал скорей]
[9] [Танюшка]

С барыней в Москву
Скоро перестал Ванюша
Бредить наяву.
Вновь пошло всё по порядку
Попивал чаек,

К 45—48 а. [Раз купец ему попался
С стороны родной
Целый день он с ним таскался]
б. Нанял раз его купчина
На весь день зимой

Расспросил и про деревню
Есть ли дом жена
Заезжал раз пять в харчевню
Высылал вина.
Вм. 45--56 Нанял раз его купчина
Из родимых мест
Ездил с ним с утра детина [1]
До вечерних звезд [2]
Так что бить Савраска задом [3]
Начал наконец,— [4]
Рассчитал [5] часу в десятом —
Отпустил купец.
Приплелся домой Ванюха
Выпряг поскорей
Снял кушак, расправил брюхо,
Нахлебался щей...
Корму лошади прибавил,[6]
Дал воды глотнуть
Сани под навес поставил [7]
И залег соснуть...[8]
Полчаса уснул не боле
Слышит скрып ворот

---

[1] а. [Долго] ездил с ним детина
б. [Бойко] ездил с ним детина
в. [Много] ездил с ним детина
[2] [И не ел <?> до] звезд
[3] а. [Ослабел] Савраска задом
б. [Начал бить] Савраска задом
[4] [Знать устал подлец]
[5] [Наконец]
[6] [подкинул]
[7] [задвинул]
[8] [Да и лег] соснуть...

«Что за шум? горим мы, что ли?»
Поднялся народ. [1]
Вм. 57—60 а. [Ванька словно заяц сгонный
Соскочил бежит...
С фонарем хозяин сонный
Стой ему кричит.
За хозяином купчина,
Бледен как мертвец
Потерялся наш детина
«Слушай молодец]
б. [Он вскочил как заяц сгонный
С тусклым фонарем
Входит в дверь хозяин сонный
С седоком купцом]
в. Он вскочил как заяц сгонный
<пропуск>
Перед ним хозяин сонный
И купец седок
Вм. 61—64 а. Где поставил ты детина
Саночки свои
Говорит ему купчина
б. [«Где?» купчина вопрошает
Саночки твои
А хозяин прибавляет
Слышишь не таи] [2]
в. «Сани где твои детина
Слушай не скрывай?» [3]
Говорит ему купчина
И пошли в сарай...
г. [Говорит куда поставил
Сани — не скрывай
Тут Ванюху ум оставил.
Вот пришли в сарай]
65—68 Помутился ум у Вани.—
Он им показал.
Поглядел купчина в сани
И креститься стал!

---

[1] *На полях против последнего четверостишия вписаны ст. 53—56 в окончательной редакции.*

[2] *Далее следуют ст. 57—60 в окончательной редакции.*

[3] [«Где поставил ты] детина
[Сани —] не скрывай [!]

После 68 [С серебром мешок изрядный]
Вм. 69—88 Начал кланяться купчина
Ваньке до земли
Говорит: ты клад детина
Вот те три рубли
Кабы раньше догадался
Так пожалуй брат
Бедняком бы я остался
Ты бы был богат![1]
69—72 а. «Слава богу! деньги целы!» —
И тащит мешок.
[Все кругом стояли белы
Словно бел платок]
б. «Деньги целы! слава богу!
Вот мешочек мой.
Не взыщите за тревогу
Тут ведь куш большой:
73—74 [Будет тысяч пять с походом...
Я б без них пропал][2]
Вм. 77—80 Все разин<ув> рот глядели
Пикнуть не могли
Как блестели и звенели
Новые рубли —
Вм. 81—84 [«Слава господу всё цело!»
Вот те пять рублей
Завязав мешок <*пропуск*>
<*пропуск*> Да не пей]
82 Ваньку подозвал
88 Был бы ты богат!
93—95 а. Наконец угомонились [3]
Снова спать легли...
Да как утром пробудились
б. Посмеялись, [4] поглумились
Да и спать легли...
А как утром пробудились [5]
После 96 Глядь Ванюха под навесом

---

[1] *Далее следуют ст. 61—68 в окончательной редакции.*
[2] *Далее следуют ст. 73—76 в окончательной редакции.*
[3] *Этот и следующие варианты идут в автографе после ст. 112, записанного в окончательной редакции.*
[4] [Над Ванюхой]
[5] Утром рано пробудились

На вожжах висел...
Вм. 97—100 а. [Как окинули всё глазом,
Тут как раз]
б. Вышел плох конец проказам!
Глянувши [1] кругом
Так и ахнули все разом...
Начался содом. [2]
в. Глядь и обмерли с испугу
Крестятся молчат
Показав перстом друг другу
Вверх, назад идут

Набросок ГБЛ

Выпьет 25 стакан<ов>⌉
Только подноси...
Мало ли таких Иван<ов>⌉
На святой Руси?

Варианты белового автографа ГБЛ

После 4 Был широк его затылок,
Широка ладонь;
Не был он по нраву пылок,
Сердцем — не огонь.
Седоков ли много валит,
Нет ли никого —
Ванька только зубы скалит:
Всё-де: «Ничаво!»
Словно ведро и ненастье,
Сусло и вино —
Словно счастье и несчастье
Всё ему равно!
5 Уж таков был по природе —
12 Даже худо спал;
17—20 Белоручка, белоличка
Весела всегда;
Щебетала словно птичка,
Не была горда.
29—38 Поглядел за нею Ваня,
Головой потряс:

---

[1] [Оглядясь]
[2] [Поднялся весь дом]

«Хороша ты — молвил — Таня
Только не про нас!»
Скоро лето наступило,
Таня с госпожой
Жить в деревню укатила...
Парень молодой
Стал по прежнему порядку
Попивать чаек,
44 Сотворил с ним бес!..
72 Тут ведь куш большой
79—80 Ваньки бедные глядели,
Обступив кругом.
82 Ваньку подозвал:
93—95 Ваньки вдоволь подивились,
Снова спать легли,
Да как утром пробудились
106 Видно не умел:

Варианты С

После 4 Был широк его затылок,
Велика ладонь;
Не был он по нраву пылок,
Сердцем — не огонь.
Счастье ли ему повалит,
Горе ли придет —
Ванька только зубы скалит,
Песенки поет!
Словно ведро и ненастье,
Сусло и вино,
Словно счастье и несчастье —
Всё ему равно.
5 Уж таков был по природе:
12 *как в БА*
13—20 С биржи всё глядит бывало
На соседний дом:
Под ворота выбегала
Таня вечерком.
Белоручка, белоличка,
Весела всегда,
Щебетала словно птичка,
Не была горда.
25—28 Круто вырвалась Танюша

И домой бежит.
«Денег наживи, Ванюша,
Да женись!» — кричит...

29—38 *как в БА*

72 *как в БА*

79—80 *как в БА*

82 *как в БА*

93—95 *как в БА*

ВЛАС

(С. 152)

Варианты чернового автографа ГБЛ

Вм. 1—8 а. А спроси кто их строители?
Тот же всё бедняк-мужик.
Мы на днях такого видели
Богом избранный старик —

В армяке с открытым воротом,
Смуглолиц, высок и прям,—
Важно проходил он городом
И просил на божий храм. [1]

Весь в веригах; обувь бедная
Та же летом и зимой;
На груди икона медная
И котомка за спиной

б. В зимний день с открытым воротом
С непокрытой головой
Медленно проходит городом
Изнуренный и босой

Дядя Влас: одежда бедная
И вериги по рукам
На груди икона медная:
Просит он на божий храм

[1] *На полях вписаны ст. 81—84 в окончательной редакции.*

Вм. 12—24 Был он прежде. Стороной
От людей мы верных сведали.
Что он был один из тех —
Кои <*пропуск*> бога предали
<*пропуск*> грех

Что душа его у дьявола
Изнывала под замком
Да зато по Волге плавала
Барка с Власовым добром —

И заложена у дьявола
Погибала под замком

Говорят душа преступная
<Он> о ней не помышлял
Словно крепость неприступная [1]
Власов дом в селе стоял [2]

Нищим в окна неприветные [3]
Постучать избави бог
Он сокровища несметные
Словно лютый пес стерег

Гнал недужного, убогого
Только ноги уноси
Нрава был такого строгого
Что в беде и не проси! [4]

[Купит сходно хлеб у бедного
При нужде], а в черный год
Не уступит гроша медного,
До рубашки обдерет!

Он жену кликушу бледную
В гроб побоями загнал.
Под замками малолетную
Дочь красавицу держал.

---

[1] [неприветная]
[2] *Перед этим стихом начато:* [Дом]
[3] *Перед этим стихом начато:* [Под окошки]
[4] *Это четверостишие вписано на полях.*

[Женихову сваху-своднииу
Приказал по шее гнать
Мне-де дура не работ<ницу>
Из-за дочки нанимать.]

Подросла — отца покинула
Влас о ней не потужил.
Да как сорок Власу минуло
Чудо тут господь явил.

Вм. 33—36а. Говорят, ему видение
Было в третий день поста
Видел светопреставление,
Видел адовы врата.

[Видел муки расточителей
Праздных буих мытарей
И чужого присвоителей
И неправедных судей.]

б. [Говорят ему] видение
Было [в ночь на Рождество]
Видел света преставление,
[Видел ада торжество.]

в. На великий пост видение
Было Власу говорят
Видел света преставление,
Нисходил в кромешный ад.

Видел муки лютых грешников —[1]
Праздных, буих мытарей,
Сквернословов, кровосмешников,
Лихоимцев [2] и ханжей.

Вм. 37—48 Воют [3] грешники в прискорбии —
И вещают им в ответ
Ефиопы, змии, скорпии:
«Вам помилованья нет!»

---

[1] Видел он мученья грешников
[2] [Златолю]<бцев>
[3] [Стонут]

Стоном, скрежетом и грохотом
Оглашен смердящий ад
И над ним летает с хохотом
Лютый тигр[1] шестокрылат.

85—88 И дают ему прохожие —
Грош, копейку, пятачок...
Подавать на храмы божии
Любит русский мужичок![2]

Вариант авторизованной копии ГБЛ

41 Ведьмы-псицы,[3] змии, скорпии

Вариант белового автографа ГПБ

2 С непокрытой головой,

Варианты С и прижизненных изданий «Стихотворений»

1—4 Вот проходит нашим городом
Дядя Влас — старик седой,
В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой; *(С)*
19 Не уступит гроша медного, *(С)*
33—36 Что ни ночь, пред ним видение
Повторяется в бреду:
Видит светопреставление,
Видит грешников в аду: *(С)*
38 Все рогаты как коза, *(С)*
48 Черный тигр-шестикрылат. *(I, II, III)*
52 Он грехи свои прочел: *(С)*
После 52 Сочтены дела безумные...
Но всего не описать —
Богомолки, бабы умные
Могут лучше рассказать. *(С, I, II, III, IV, V, VI)*
65—68 *отсутствуют (С)*
73—76 *отсутствуют (С)*

---

[1] [змей]
[2] *Это четверостишие идет в автографе после ст. 8.*
[3] *Слова* Ведьмы-псицы *вместо зачеркнутого* крокодилы *вписаны рукою Некрасова.*

После 76 Словом истины евангельской
Собирая богу дань,
Побывает и в Архангельской,
Проберется и в Рязань... (*I, II, III, IV, V, VI*)
85 И дают ему прохожие... (*С*)

НАСЛЕДСТВО

(С. 155)

Разночтения Экз. Ефремова 1861, Экз. Лазаревского, Экз. Музея Н.

4 До дней последних с малолетства —
8 Читал с сердечным умиленьем.

«ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ ГОВОРЯ: «ТЫ СУЩАЯ НИЧТОЖНОСТЬ!»...»

(С. 156)

Варианты белового автографа ГБЛ

10 Удел не всякого поэта...
14 Мои мечты, страданья и нужду
17 Кто болен сам, тот радостно и жадно

Вариант Ст 1856 и Ст 1861

10 *как в БА*

СЕКРЕТ

(С. 159)

Варианты чернового автографа ГБЛ

1 а. [У Кр<асных> ворот, на Неглинной]
б. [Развалиной чудно картинной]
2 а. [С железной] решеткой кругом,
б. [С чугунной] решеткой кругом,
3—4 [Высоко вознесся] старинный
[Со львами чугунными] дом.
5 [Он строен был с роскошью барской]
8 Три лавки, трактир и лабаз.

9 а. [Роскошные] кочни капусты
б. [Двор вскопан под гряды] капусты
12 И люстры, и мебель в чехлах.
13—16 *отсутствуют*
17 а. Но там в [отдаленной] пристройке
б. Но там в деревянной пристройке
19 Старик умирает на койке
Перед 21 а. *зачеркнуты заглавие* Секрет и цифра **I**; *выставлена цифра* II
б. Льются у старого слезы из глаз
И начинает он странный рассказ [1]
29 а. Ни денег, ни [роду], ни племени
б. Ни денег, ни чину, ни племени
32 а. В [кармане моем] миллион!
б. В моих сундуках миллион!
После 32 [Откуда? уста не расславили] [2]
34 И [благо] вокруг себя лью: [3]
39 И дали мне Анну́ с короною
45—52 *отсутствуют*
53—55 а. [Послушайте...»

III

Вдруг помертвело
Лицо; прикусивши язык
Лежит] словно мертвое тело,
б. Вот он...»

III

Вдруг лицо помертвело
Раздался пронзительный крик,—
[Упал] словно мертвое тело,
58 а. И [детки] пошли по отцу
б. И дети пошли по отцу
60 Пот смерти бежит по лицу
61—64 А братья ключи подобрали
И к деньгам... всё видит старик,
Хотел бы кричать... да едва ли!
Не движется синий язык.

---

[1] И начинает он [для <?> рассказ]
[2] *Вписано на полях.*
[3] *Ранее стих был записан в окончательной редакции.*

65—72 *отсутствуют*
73 Вот брат подымает на брата

Варианты белового автографа ГБЛ

12 И мебель, и люстры в чехлах.
39 *как в ЧА*
45—52 *отсутствуют*
53—54 Вот он...»

III

Вдруг лицо посинело,
Раздался отчаянный крик:

Варианты корректуры ЦГИА

12 *как в БА*
37—40 *отсутствуют*
45—52 *отсутствуют*
53—54 *как в БА*

Варианты наборной рукописи ГБЛ и ИРЛИ

29 Ни денег, ни роду, ни племени,
39 а. [И дали мне А - - -]
б. [Добыв себ<е>]
в. Имею и . . . .
45—52 *отсутствуют*
59 [Отец] еще дышит на ладан

Варианты С 1851 (ст. 21—36), С 1856, Ст 1856, Ст 1861

23 Когда из далекой губернии *(С 1851)*
29 *как в НР (С 1851)*
39 *как в НР (вариант в.) (С 1856, I, II)*

«ПРАЗДНИК ЖИЗНИ — МОЛОДОСТИ ГОДЫ...»

(С. 162)

Варианты чернового автографа ИРЛИ

1—3 Роскошь жизни — молодости годы
Погубив под тяжестью труда,
Я поэтом — баловнем свободы,

7—8 [Вылью их в рифмованные звуки
И примусь опять за старый труд.]

12 а. С [побледневшего] лица.
б. С потемневшего лица.

16 Мой [хромой и] неуклюжий стих
17—18 Нет в тебе [свободного] искусства,—
Но кипит [моя] живая кровь,

20 а. [Сетует погибшая] любовь,
б. [Догорает бедная] любовь,

Вм. 21—24 а. [Та любовь, что умножает муки,
Над чужим страданьем слезы льет,
Вырывает ненависти звуки
И венцы железные кует]

б. Та любовь, что много так сулила,
Что на миг высоко вознесла
И потом навеки придавила
И под сором жизни погребла...

Разночтение Экз. Ефремова 1859

12 С омраченного лица.

«БЕЗВЕСТЕН Я. Я ВАМИ НЕ СТЯЖАЛ...»

(С. 163)

Варианты чернового автографа ГБЛ

1—2 а. [Пускай не много вами я] стяжал
[Известности, почета и] похвал
б. Безвестен я. Я вами не стяжал
Ни [зависти], ни денег, ни похвал
4 [Несбывшихся, первоначальных снов,]
6 а. Но вами я не [поощрял] глупцов,
б. Но вами я не [прославлял] глупцов,
9 Стоически поруганная Муза

Варианты белового автографа ГБЛ

9 *как в ЧА*
10 *вписан карандашом*

***Вариант** прижизненных изданий «Стихотворений»*

10 И . . . . *(I, II, III, IV, V)*

«ТЯЖЕЛЫЙ КРЕСТ ДОСТАЛСЯ ЕЙ НА ДОЛЮ»

(С. 164)

Варианты наброска ГБЛ [1]

Вм. 11—12 страстью низкой [2]
ужасная [3] мечта
[ну ей] во имя смерти близкой
сомкнет [4] ревнивые уста
13 [Тех дней когда меня ты полюбила]

Вариант белового автографа ГБЛ

6—7 Всегда одна, запугана, грустна,
Ужасные, мучительные речи

ПОСЛЕДНИЕ ЭЛЕГИИ

1. «Душа мрачна, мечты мои унылы...»

(С. 166)

Варианты белового автографа ГБЛ

3 Привычки, прежде милые, постылы,
26 Почтут его ненужною слезой

---

[1] *Сохранилась только правая часть записи.*
[2] [ревностью низкою]
[3] [ревнивая]
[4] [<смыка>ющей]

Варианты С и прижизненных изданий «Стихотворений»

3 *как в БА (С, I, II, III)*
9 Еще в надежде льстивой и послушной *(С)*
26 *как в БА (С)*

2. «Я рапо встал, недолги были сборы...»

(С. 166)

Варианты белового автографа ГБЛ

15—16 Главы церквей мелькнули впереди,
А там и сень родимого порога!..
20 Голодный Труд — попутчик мой лукавый
24 Меня, я знаю, нечем помянуть...
26 Холодный труп: всё будет решено...

Вариант Ст 1856

26 *как в БА*

3. «Пышна в разливе гордая река...»

(С. 167)

Варианты чернового автографа ГБЛ

1 Течет в разливе гордая река —
2 а. [На ней суда колеблются лениво]
б. Стоят суда колеблясь величаво
5 а. [У берега собравшийся] народ —
б. На берегу столпившийся народ —
6 а. Кто земляков, кто братьев провожает
б. К ним приковав <*пропуск*> вниманье
7 И вот снялась флотилия — идет
8 а. И на берег прощанье посылает
б. И посылает на берег прощанье
9 а. [И каждое услышано] толпой
б. Как враз оно подхвачено толпой
10 И каждому толпа сто раз ответит...
11—12 а. А [бедный челн, что борется с] волной
[И вдруг исчезнет —] кто его заметит?..
б. А тут же — не пощаженный волной
Погибни челн — и кто его заметит?..

13 [Какой бы вопль, какой бы тяжкий стон]
Вм. 13—16 Как ни был бы пронзителен и дик
Погибшего пловца последний крик —
Исчезнет он бесследно, безответно [1]
А если и раздастся дикий стон
На берегу — внезапный и ужасный
За криками не бу́дет слышен он,—
Как не за<ме>чен будет тот несчастный,
Кто испу
17—22 *отсутствуют*

Варианты беловогo автографа ГБЛ

14 На берегу — [протяжный], одинокий
17 Подруга слез и бедности моей!

«ЕЩЕ СКОНЧАЛСЯ ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК...»

(С. 169)

Варианты чернового автографа ГБЛ

Вм. 15—16 а. *начато:* Кто [Истине]
б. Кто некогда Добру служить желал
Вм. 17—20 [Кто мечется], кто сам себя ломает
В сознании своих напрасных сил
19—20 Но, пригорюнясь, руки опустил
В сознании своих [ненужных] сил,—
25 И [истины паденье замечая]
28 Смешон и муж повергнутый в хандру
29 а. Больной тоскою постоянной
б. Убитый грустью постоянной

Вариант беловогo автографа ГБЛ

Вм. 16—17 Служить Добру, кто сам себя ломал

Разночтение Экз. Музея Н.

25 И в праздности невольно изнывая.

---

[1] [безотвечен] <?>

КАРЕТА

(С. 170)

Первоначальные редакции (по черновому автографу ГБЛ)

<1>

Хотелось бы кой-что сказать и тем,
Которые о ближнем хл<опочут>, [1]
А ездят в экипаже, огражденном
Гвоздями сзади, чтоб старик усталый
Или шалун, оборванный мальчишка,
Впотьмах дерзнут забраться на запятки
То поплатились бы увечьем
За дерзость эту.

<2>

Хотелось бы и тем сказать словечко, [2]
Которые жалеют бедняков, [3]
А ездят с заостренными гвоздями,
Чтобы впотьмах усталый пешеход
Или шалун, оборванный мальчишка, [4]
Вскочивши на запятки, заплатил
Увечьем за желанье прокатиться
За их каретой...

НА РОДИНЕ

(С. 172)

Варианты чернового автографа ГБЛ

5 а. [Ах, видно так уж создан я богами]
б. [Уж видно] так я создан небесами
6 [За грех отцов —]
8 [Мне нездоров!]

Вариант Ст 1856 и Ст 1861

7 Что хлеб полей возделанных . . . .

---

[1] Которые [хлопочут] о ближнем
[2] Хотелось бы сказать [словцо и тем],
[3] Которые [о ближнем сожалеют],
[4] Или [бедняк], мальчишка шаловливый

«О, НЕ СКЛОНЯЙ ПОБЕДНОЙ ГОЛОВЫ...»

(С. 174)

Вариант чернового автографа ГБЛ

1 О, не склоняй [печальной] головы

ГАДАЮЩЕЙ НЕВЕСТЕ

(С. 175)

Варианты чернового автографа ГБЛ

Вм. 1—8 [Что гадать? ты влюблена без меры,
Партия завидно хороша:
Бравый вид, блестящие манеры,
Светский лоск... Но есть ли в нем душа?

Я могу сказать и без гаданья:[1]
Если есть она в его груди
Не одни тревоги и страданья
Будет вам и радость впереди]

9—10 [Если ж он один из тех] бездушных,
Что в столице много [видишь] ты
12 Голосу ничтожной суеты?
13 Что гордятся [свежестью убора],
16 Жизни дикой, пошлой и пустой,—
17—20 [Ну тогда — не жди большого счастья!
Не надейся главное тогда,
Что избытком страсти и участья
Ты его привяжешь навсегда.]
22 [Пламень] сердца, музыку речей —
После 24 Не любовь, не слава [2]— в наше время
Торжествует предрянная [3] страсть:
Знаешь ты — всё нынешнее племя
Отдалось тщеславию во власть.

Под его прельстительное знамя
Берегись, не стань и ты сама!

---

[1] [Что гадать? Я знаю без гаданья:]
[2] [дружба]
[3] [роковая]

Ах! оно погасит быстро пламя
Убежденья, чувства и ума. [1]

Жизнь предстанет легкою задачей —
Не тернистым поприщем добра
Летом ты займешься пышной дачей,
По зимам устроишь вечера. [2]

Хлопоча о самом высшем тоне,
Позабудешь чистые мечты, [3]
Принимать начнешь в своем салоне
Не людей, а титла и кресты [4]

И прогонишь с модного порога
Друга лучших, благородных лет
Потому что он одет убого
И на нем перчаток белых нет. [5]

В БОЛЬНИЦЕ

(С. 176)

Варианты чернового автографа ГБЛ

Вм. 1—8 а. Что освещен этот мрачный подвал?
Вот мы в окно поглядели —
Трудно и медленно в нем умирал
Бедный писатель. Сидели
Перед кроватью [6] друзья-бедняки
Всем нам знакомые лица

б. В позднюю пору вошли мы в подвал —
Я да мой старый приятель
Трудно и медленно там умирал
Бедный и честный писатель.—
Мы не слыхали давно ничего —
Где он и как поживает?

---

[1] [Благородной мысли] и ума
[2] *Начато:* [А зи<мой>]
[3] [Позабыв привычки старины,]
[4] [чины]
[5] Потому что он [чудак немного]
И [не слишком хорошо одет].
[6] *Начато:* [У изголовь<я>]

Вот наконец разыскали его —
Видим: совсем умирает! [1]
«Рад я! — он тихо и грустно сказал,— [2]
Что навестили больного,
Я перед смертью оставить желал [3]
Два-три нелишние слова».
Эту предсмертную честную речь
В форме быть может нестройной
Ныне хочу от забвенья сберечь...
Вот что сказал нам покойный...

После 4 Милый и теплый он был человек,
Хоть по таланту не прыток
С жаром марая бумагу весь век
Чуть добывал на прожиток
Но не хотел изменить своему
Как говорил он призванью —
Я не врежу — говорил — никому
Страстью моею к писанью
Худ ли, хорош ли — но честен мой труд,
Чист я душой перед богом,
Много без нас, что охотно идут
По проторенным дорогам.
Если посильной работой своей
Пользы мы сделать не можем,
Так хоть количество честных людей
Мы в государстве умножим.

Варианты белового автографа ГБЛ

После 4 Не баловала фортуна его:
Он не имел пропитанья,
Но не хотел оставлять своего —
Как говорил он — призванья.[4]
Вм. 5 Так он судил. Мы бранили его,

---

[1] *После этого стиха:* [Скоро сломил его жадный недуг!]
[2] а. *Начато:* «Рад я!» [он шепотом]
б. «Рад я!» [беззвучно несчастный] сказал
[3] а. [После себя я оставить] желал
б. Я перед смертью [сказать вам] желал
[4] *Далее следуют два четверостишия:* Худ ли, хорош ли, но честен мой труд *и т. д., как в предыдущем варианте, но с перестановкой слов в ст. 1 второго четверостишия:* Если работой посильной своей

После 32 Всё повторял: кабы легче оброк,
Век бы я вас не оставил!
(Любит глубоко и наш мужичок,
Без исключенья нет правил!)

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

(С. 180)

Варианты чернового автографа ГБЛ

7 Кто-то из соседей, лихоимец жадный,
11 Думают крестьяне: «Барин скажет слово —
14—15 [Главный управитель,] немец сердобольный,
[Выкупу не принял]... «Погодим, Игнаша,
14 Да перечит [парню] немец сердобольный,
17—18 [Даже ребятишки, передравшись в луже,
Грозно повторяют песенку всё ту же...]
17 [Даже ребятишки],— дело чуть за спором,—
20 У соседа-[скряги] — урожай сторицей;
21—22 [Ходят с бородами прежние ребяты;]
Вольный хлебопашец угодил в солдаты,

Разночтения безымянной копии ГБЛ (ГБЛ), копии Елагиной (Е), копии из архива «Русской старины» (РС), копии Тургенева (Т), безымянной копии ЦГАЛИ (ЦГАЛИ)

2 Починить избушку лесу попросила. (*ГБЛ, Е, ЦГАЛИ*)
3 Отвечал: «Нет лесу — ты не жди, не будет!» (*Т*)
3—4 «Нету тебе лесу, и не жди — не будет!
Вот приедет барин, нас с тобой рассудит, (*ГБЛ*)
6 И велит дать лесу — говорит старушка (*РС*)
7 Из соседей кто-то, лихоимец жадный, (*РС, ЦГАЛИ*)
8—9 У крестьян землицы уголок изрядный
Оттягал, отрезал воровским манером. (*ЦГАЛИ*)
15 Главный управитель. «Погоди, Игнаша, (*Т*)
15 Главный управитель. «Погоди ж, Игнаша, (*ГБЛ*)
17—19 Словом, стар и малый, чуть дело за спором,
«Вот приедет барин!» все твердили хором.—

Померла Ненила; на чужой землице *(ЦГАЛИ)*
21 Прежние парнишки стали бородаты; *(ГБЛ, Е, РС, ЦГАЛИ)*
22 Хлебопашец вольный продался в солдаты, *(РС, Т, ЦГАЛИ)*
23 А сама Наташа свадьбой уж не бредит... *(Т)*
27 На высоких дрогах гроб стоит дубовый, *(РС, ЦГАЛИ)*
30 Сел себе в карету и уехал в Питер. *(РС)*

«ЗАМОЛКНИ, МУЗА МЕСТИ И ПЕЧАЛИ!..»

(С. 182)

Варианты письма Тургенева к Анненкову

5—6 Довольно нам оплакивать потери,
Хандрить, грустить и больше ничего...
9—10 Увы! зачем, ненастьем и грозою
Мои младые годы омрача,

После 12 Зачем в тюрьму с тяжелыми замками
Не постучится ласково любовь —
Где мысль моя, пробитая гвоздями,
Закованная в цепи, точит кровь?

Когда б мои угомонились муки
И на душу сошел желанный мир —
Нашел бы я тогда другие звуки,
Другую Музу позвал бы на пир...

16 Я звал тебя... но больше не зову...

Разночтение копии Клемана

13 Волшебный луч любви и вдохновенья!

«ГДЕ ТВОЕ ЛИЧИКО СМУГЛОЕ...»

(С. 183)

Вариант С

1—2 Где твое личико смуглое
Нынче смеется? кому?..

ДЕМОНУ

(С. 184)

Варианты белового автографа ЦГАЛИ

11—12 Так [горячо] ненавижу,
Так бесконечно люблю.
14 Всё примирить я хочу

СТИХОТВОРЕНИЯ 1838—1844 гг.

СМЕРТИ

(С. 188)

Варианты СО

6—8 Когда коварный демон зла
Вливает в сердце яд безумья,
Порочит добрые дела.
19 Мне будет страшно мир покинуть,

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

(С. 190)

Варианты СО

После заглавия *посвящение:* (Н. В. С.)
12 Печально тянутся они
14 С печатью грусти на челе

ПОЭЗИЯ

(С. 192)

Варианты белового автографа ИРЛИ

12 В тайны неба научу.
14 Волю дам туда летать
17—20 *отсутствуют*

24 Растерзать и поразить!..
30 Свет блеснул, пропала тьма...

МОЯ СУДЬБА

(С. 193)

Варианты ЛПРИ

7 Из чаши радостей я пил лишь только пену,
12 Втравила мысли и мечты...
15 Не радужных надежд венком ее украшу,—
23 Скажу «прощай» я бурной жизни нашей,

ДВА МГНОВЕНИЯ

(С. 194)

Варианты ЛПРИ

28 И всё, чем ум могучий поражен,
35 И в этот миг его прекрасна доля,
После 36 *строка точек*

ИЗГНАННИК

(С. 196)

Варианты СО

После заглавия *посвящение:* (Н. Ф. Фермору)
3 И подружился с ними я.
6—8 На мир земного бытия;
Вскипело сердце чудным даром,
И дух, его согретый жаром,
15—16 Я заглянул, сын дерзкий праха,
Очами в радужный эфир;
19—20 Там над землей, в стране лазурной,
Как гость небес, носился я
23 Мое сродство с печальным миром
31—33 Тогда рука ее жестоко
Меня цепями обвила,
И цепи врезались глубоко,

35 Мне тяжко было пробужденье,
51 И веру в бога сохрани.
56 В свою любимую отчизну!
После 71 *следуют ст. 88—91, с вариантом ст. 88:*
К страданьям дух мой приучился
78—85 На друга друг подъемлет длани,
И страшен их кровавый бой...
Земля — просторная могила,
Где скорби — год, где счастью — час,
А смерть — отрадное светило,
Приют приветливый для нас.
Похороненный в сей могиле,
Изгнанник родины своей,
88—91 *отсутствуют (см. выше)*
95 Холодный пот с чела стирать;
105 Окончу радостно мой век!..

ЖИЗНЬ

(С. 200)

Варианты БдЧ

9 Они черны, как дети преступленья,
13 И гибельно парит над нами злобный гений,
17 А к пропасти ведет порок и заблужденья
31 И что же, что они безумцам нам приносят?
45—46 Нет, видно, что еще их небо не слыхало:
Оно бы за тебя нас вызвало на месть...

<В АЛЬБОМ МАРИИ ФЕРМОР>

(С. 273)

Вариант белового автографа ЦГАЛИ

1 [На море вашей жизни бурной]

БАБА-ЯГА, КОСТЯНАЯ НОГА

(С. 292)

Варианты автографа ГЦТМ

78 Зверей усердная борьба
150 Заметен стал в его очах

223 Взывает грустная царица
После 418 Та ужасная Яга,
Та костяная нога,
После 442 И обломки кирпича,
И аршинная свеча,
И кастрюли, и лопаты,
Судомойки и ухваты,—
443—444 Всё на баб, им всем на злость,
Повалилось, полилось...
После 444 [А вдобавок облака
Клубом черная смола]
450 «Фу! да сколько этто желчи,
Вм. 453 Да откудова набрали
Мне казалось мне[1] наврали
А меж тем сам вижу я
Бесов целая семья
Ничего пред ихней злостью,
После 469 [Всех двенадцати баб злобу
Я в вине соединю
И еще перегоню!..
То-то будет чудо-баба!]
477 Прямо хвать его по морде.
520 Запирала завсегда
548 Тем она всё будто злей!
После 584 И, похитивши меня,
Вот уж три ночи, три дня
603—604 *отсутствуют*
615—616 *отсутствуют*
735—736 *отсутствуют*
849 А-та-та! А-ту-ту!
869 Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!
911—912 Покорись-ка лучше силе
Отпуск дам я Взоромиле
927 Вдруг колдунья подлетела,
1053 Жизнь такую проводить,
1080 Сам что делать он не знал
1101—1102 *отсутствуют*
1115—1116 *отсутствуют*
1149—1150 *отсутствуют*
1162 Замолчит тут — ни гугу!
1181—1182 *отсутствуют*

---

[1] [что]

1209—1210 *отсутствуют*
Вм. 1228 Посулил... Родному сердцу
Расставаться тяжело
С тем, при нем что возросло.
После 1248 Гонит он коня усердно,
Солнце жжет немилосердно,
1249 Вдруг он видит: на коне,
1271—1272 *отсутствуют*
1354 И на свой особый лад
После 1412 Месяц в щелку тут засветил,
Близ себя он ключ заметил,
1413 Диву дался, а потом
1416 Вдруг он видит щель замочну
1489—1490 *отсутствуют*
Вм. 1505 На развилке слез с коня,
Раздобыл<?> себе огня,—
Шел уж сон ему на ум
1511 Что бы ни было; хоть дьявол,
1535 Словно рыночный товар,
1603 Превратила так меня;
После 1626 Ты одно лишь наблюдай:
Против горла подставляй
Прямо меч ему булатный,
И тогда всё будет знатно!
1661—1662 Улыбается,— но вдруг
Собрал Змей последний дух,
1693 В горло Змею он всадил,
1740 Но, что долго прохлаждаться,
После 1746 На ее свирепый стон
Отвечает Спиридон...
1793—1794 Перемочь себя не мог,
Отдохнуть на часик лег...
1889—1890 *отсутствуют*
1891 Переехать можно вброд,
1912 Знать, так вздумалось судьбе!..
1939 Дни невидимо всё шли...
1941 Уж Булат увидел зданья.
1951—1952 Брага пенная лилась,
Как вода иль дрянной квас.

Варианты отдельного издания 1841 г. и ЛГ

1 Проснулась общая тревога

4 Четыре ретивых коня.
6 Копытом мечут жеребцы,
Вм. 17—21 Налево спутницы царицы:
Красиво бархат и парча
Их облекают до плеча,
Как соболь, черны их ресницы,
Как лето, жарки их уста,
Как цвет, пышна их красота.
Они стоят красивой цепью
25 Вот рать!.. Усами Чернобога
46 Уж тот молчит, взбешен, угрюм;
48 В тупик поставит всякий ум.
50 Ценить изящное правдиво:
51 Был у Плениры целый полк *(ЛГ)*
60 Когда ей в очи посмотрел...
74 Станица ратников и жен,
78 *как в А*
98 Дарит их новою отвагой.
113 Пить решено за лов удачный —
121—122 *следуют в обратном порядке*
125 Раздался из лесу. Чему бы
148 Меж них царевны лик прелестный
177 Зачем-то рощу посетила.
183 Хоть много били их они.
187 Царевне в очи поглядела,

СКАЗКА О ЦАРЕВНЕ ЯСНОСВЕТЕ

(С. 345)

Варианты автографа ГЦТМ

15—16 *вписаны на полях*
31 Чернокнижник [Будунтан],
37 Где во время [были] сей
57—58 Чуть победа, [пиршество],—
У него и [празднество]!
59 Все бояра, все [крестьяна],
После 62 [Любо было жить на свете!
То-то любо!.. Дети, дети!
Не любите новизну,
Вот что было в старину!..]
После 78 [Уж усищи пробивались]

После 114 [То есть кое для чего,
Верных подданных его,
Все бояра, все миряна,
Все чиновные граждана...]
115 Царь, [что может] самому
После 130 [Из сановников знатнейших,
Богатейших и умнейших,
Было много тут]
162 [Ему] ровню где найтить?
168 [Был] остер на прибаутки.
195—196 *подчеркнуты*
208 Из [царевен] не годна...
217—218 [Знаю дивную я тайну,
Я открыл ее случайно]
245 Как вошел во двор я [царский],
249—250 [Столько блеску, столько свету,
Что пожару только нету.]
273 Вот [Роману так] невеста!
284 Чтоб [царевну] привезти
302 *начато:* [Ночью]
324 [Поклонился он] Роману
326 [И утратить] не моги!
327 Поезжай ты сам в [то царство]
365 [Знаменитого] найти,
После 370 [И не вражеская ль сила]
372 Прикатил [он] до рассвета?
410 *начато:* [Быть]
441 [Словно... изумрудный] камень,
460 [Только] лишь не постигаю,
463 Пусть же нянчится с [сироткой]!..
После 514 [Чтобы свадебку там справить
И еще свой род прославить
Небывалой высотой,
Связью родственной с луной.
«Ты моя теперь, сердечко:
Крепко впилося колечко!
Лихо!» (думает Роман)...
И уж он близ отчих стран]
541 Так [подумал бы] немного...»
543 *начато:* Дочь [родная]
565—566 [С городами], областями,
[Деревеньками], садами,
После 597 *начато:* [Вот царевна Ясносвета]

645 *начато:* [Елисей]
689 [Вновь] уходит от него,
После 766 [Прибегает тут Роман]

ТАБАК

(С. 364)

Варианты копии ЛГТБ

1 Табак противен модным франтам,
15—16 Я сам, винюсь, через бобковый
Достиг известных степеней.

Варианты П

2 Но человек с деятельным умом,
9 Наполеон, известный боем,
20 В природе нюхать всё начнет,

АКТРИСА

(С. 365)

Варианты чернового автографа ЛГТБ

1—8 *отсутствуют*
10—11 Что из партера вас и лож
[С природой сходством поражает]
После 16 Что вам так нравится, так мило,
У нас рассчитано давно —
Румяна, вздохи и белила —
Все наперед запасено[1]!
17—20 Заучены все чувства наши,
Румяна — наше волшебство,
И сами мы — кумиры ваши —
Актрисы, больше ничего!
После 20 [И сами мы, кумиры ваши,
Такие ж женщины, как все]
33 Так аплодируют, что стены
34 а. [Дрожат в театре, милый друг...]

---

[1] [припасено]

6. В театре ломятся, мой друг...
35—36 [А я за это им со сцены
Лишь глазки делаю всем вдруг!]

ПЕСНЬ МАРИИ

(С. 367)

Вариант цензурованной рукописи ЛГТБ

13—14 Я б закричала ей: пусть не пугается,
Жизнь для меня не страшна.

ГОВОРУН

(С. 386)

Варианты СвС и ЛГ (1845)

174 Составил Полевой. (*СвС*)
436 Они со всех сторон, (*СвС*)
После 446 С ним пела не отличная
Певица Остергард.
Ей, право бы, приличнее
Петь в зале Энгельгард. (*СвС*)

698 Похвал недостает; (*ЛГ*)
После 730 Стыжусь подобной дичи я!..
(Хоть больно колотил,
Но правила приличия
Родитель мне внушил.) *(ЛГ)*

Вариант ЛГ (1844)

410 И в щеку и в плечо!

Разночтения копии Экз. авт. ГПБ

399 Я час пред умывальником
406 Меня он целовал,
414 С меня бери пример.

«И ТАК ЗА ГОДОМ ГОД... КОНЕЧНО, НЕ СОВСЕМ...»

(С. 408)

Варианты чернового автографа ГБЛ

3 [Солидно и весьма] благопристойно...
7—9 Чем худо?.. [а?.. решайся-ка, сестра,
А ежели когда-нибудь хандра
Найдет случайно...]

И СКУЧНО, И ГРУСТНО!

(С. 409)

Вариант ЛГ

10 Окончишь — ощипан как утка...

РОСТОВЩИК

(С. 410)

Варианты авторизованной копии ЛГТБ

9—10 С той поры к монете звонкой
Страсть вдруг получив,
13—14 Руки им из угожденья
Я лизал, как льстец,
17—36 *отсутствуют*
37 Вскоре свыкся понемногу
61—62 По картинке новомодной
Я их отпускал
65 Вот теперь зато, под старость,
После 66 *ремарка: (показывая на карман)*
Вм. 69—76 И за что ж бранить за это,
Мне отец сказал:
«Честь — фальшивая монета,
Плутни — капитал!»

Варианты ЛГ

39—40 *отсутствуют*
47 *отсутствует*

ОТРЫВОК

(С. 419)

Вторая редакция (по беловому автографу ГБЛ)

Детство

Родился я в губернии
Далекой и глухой
И прямо встретил тернии
В юдоли сей земной.
Чуть от земли завидели,
Тотчас же принялись
Пороть меня родители...
«Не шляйся, не ленись!»
Отец мой приговаривал:
«Ты скот — не человек!»
И так меня прожаривал,
Что не забыть вовек!
От матери украдкою
Меня к себе сажал
И в рот мне водку гадкую
По капле наливал:
«Ну, заправляйся смолоду,
Дурашка, подрастешь —
Не околеешь с голоду,
Рубашку не пропьешь»,—
Так говорил — и бешено
С друзьями хохотал,
Когда я, как помешанный,
И падал, и кричал...
Полакомивши коркою,
Частенько при чужих:
«Ну,— говорил,— четверкою
Катни-ка на своих!..»

Плод дало воспитание:
Я десяти годов
Уж приобрел познание,
Что значит полуштоф.
Отлично в подкаретную
С мальчишками играл,
Имел наружность бледную —

Что делать! — много знал!..
По грошику откладывал,
Надул уж кой-кого;
Отец на всё поглядывал,
Не ведя ничего.
Бранился со старухою,
Клал за́ щеку табак
И часто за сивухою
Гонял меня в кабак;
Жил бедно удивительно,
Мне не давал гроша,
Но пьяный был решительно
Добрейшая душа.
Нередко даже вместе я
Тянул с ним ерофей,
А он твердил мне: «Бестия!
Не шляйся и не пей!»
Когда ж поймает в шалости,
Спокоен и жесток,
Без гнева и без жалости
Берет свой посошок.
От страха рот разину я,
Сплетать примуся ложь —
А он меня дубиною,
И я опять за то ж!..

Так времечко катилося
Без горя и без бурь,
Но вдруг беда случилася:
В отца вселилась дурь.
Небритый, как страшилище,
Он месяц кряду пил
И вдруг меня в училище
Отправить рассудил.
Мать плакала, томилася,
Не ела по три дня,
Вздыхала и молилася,
Просила за меня.
Пешком идти до Киева
Хотела, но слегла
И с просьбой «не губи его!»
В могилу перешла.
Немытый, неприглаженный,

Бежал я босиком,
Как в церковь гроб некрашеный
Везли большим селом.
Я слезы непритворные
Руками утирал,
И волосенки черные
Мне ветер развевал.
Мир праху добродетельной!..
Отец грустил, рыдал,
Но тщетно благодетельной
Я перемены ждал.
Не изменил решения:
Изрядно куликнул,
Дал мне благословение,
Полтинник в руку ткнул,
Влепил с немым рыданием
В уста мне поцалуй...
«Учися с прилежанием,
Не шляйся, не воруй!» —
Сердечно, наставительно
Сказал в последний раз,
Махнул рукой решительно —
И кляча поплелась...

Третья редакция (по черновому автографу ИРЛИ)

МОИ ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Из признаний Белопяткина

Глава первая

Родился я в губернии
Далекой и глухой
И прямо встретил тернии
В юдоли сей земной.
Чуть от земли завидели,
Тотчас же принялись
Пороть меня родители.
«Не шляйся! не ленись! —
Папаша приговаривал,—

Ты жук[1] — не человек!»
И так меня прожаривал,
Что не забуду век!..
(При правильном питании,
Скажу вам, господа,
В подобном воспитании
Ребенку нет вреда.
Лишь бей без раздражения
И розги намоча,
Чтоб членоповреждения
Не сделать сгоряча.)
Как человек практический
И малый с головой
Прием педагогический
Имел он и другой:[2]
Раз с кумом Евстигнеичем
Он сильно закутил,
Противным ерофеичем
И сына накатил:[3]
«Ну, заправляйся смолоду,
Дурашка! подрастешь,
Не околеешь с голоду —
Рубашки не пропьешь!..»

Напившись, как помешанный,
Я падал и кричал,
А он-то, разутешенный,
Любуясь, хохотал.[4]
«На! Закуси-ка коркою!
Травник уж больно лих...[5]
Да ну теперь четверкою
Катни-ка на своих!..»

---

[1] [скот]
[2] *Ст. 13—24 вписаны на полях.*
[3] [А то — в минуту кроткую
Меня с собой сажал,
Поил [ребенка] противной водкою,
Ласкал и целовал.]
[4] [Кричал я], как помешанный,
Я падал, [я] кричал.
[Родитель] разутешенный
[С друзьями] хохотал.
[5] *Начато:* [Уж больно лих]

Хлебал я водку с тюрею
В невинные года,
Но пред житейской бурею
Не дрогнул никогда.
На старости не пьянствую,
А налижусь, то тих.
В семействе не тиранствую,
Но в детстве был я лих.
С семи лет в подкаретную
С мальчишками играл,
Имел наружность бледную,
Что делать? много знал!
По грошику покрадывал,
Обшарил кой-кого,
Отец на всё поглядывал,
Не видя ничего.
Бранил жену паскудою,
Звонил в колокола
И гнал меня с посудою
Зеленого стекла.
. . . .

КОЛЛЕКТИВНОЕ

ПОСЛАНИЕ БЕЛИНСКОГО К ДОСТОЕВСКОМУ

(С. 423)

Варианты «Писем К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену» и «Литературного вестника»

2 Достоевский, [юный] пыщ,
5 Хоть ты [новый] литератор,
22 [Взор] к мольбе моей склоня,

Разночтения ВЕ, ЛПРН, Н, С

1 Рыцарь горестной фигуры, *(Н)*
4 Ты вскочил, как яркий прыщ. *(Н)*
7 Тебя хвалит император, *(Н)*
28 Удели хоть «Двойника». *(ЛПРН)*
29 Будешь ты доволен мною, *(ВЕ)*
29 Ты доволен будешь мною, *(С)*

ПОСЛАНИЕ К ЛОНГИНОВУ

(С. 428)

Варианты чернового автографа Тургенева (ЦГАЛИ)

1 Недавний гражданин стареющей Москвы
8 а. [Спокойно] процветал строптивый Арапетов
б. [Недавно] процветал строптивый Арапетов
10 [Смотрелся] в зеркала Михайла Кочубей
12 Вращает Мухортов [прекрасными] зрачками
17 а. [Ужели вправду] ты [покинул] нас навек
б. [Ужели вправду] ты [оставил] нас навек
в. Ужель, о Лонгинов, ты кинул нас навек
После 22 [Кем не был пощажен певец Торквата Тасса,
Того, под чьей рукой не раз трещала касса,
Пока грабителя седого Адлерберг,
Щадя родной театр, в отставку не поверг.]
26 Кто <*пропуск*> подлецов тревожил и в гробу
31 С [главы избранника] до той поры не сдернет,
34 И даже [говоря<т>] ты ныне свой досуг
47 а. *начато:* [С отвисшею губой]
б. В газетной комнате, над «Северной пчелою»
53 И тычет тебе в рот он мокрым янтарем
54 Не обтерев его [как должно] обшлагом
Вм. 55—56 [Не зная, как убить томительное время]
<*пропуск*> [бремя]
57 [Посмотришь] в карты <*нрзб*> игрокам
62 И бродит [среди] книг хозяином прусак
64 Пришельца позднего из Английского клуба
После 65 Которой жизнь твоя <*4 нрзб*>
69 Ты с нами заживешь [обычной чередой...]
71 [Уж] Мухортов [открыл в России груды] торфа
75—78 *вписаны на полях в другом порядке: 77—78, 75—76.*
79 а. [Твой] Майков [наш поэт], которым ты [гордился]
б. А Майков Аполлон, с которым ты носился
80 Не без намеренья публично осрамился.

Разночтения копии ГПБ

20 Немало мы к тебе питали уваженья!
21 Иль ты подумать мог, что мы забыть могли

25 Того, кто предсказал Мильгофера судьбу,
30 Ни зависть хищная лаврового венка
41 А если временем пускаешься ты в спор,
54 Не обтерев его пристойно обшлагом.
56—60 Вечерней трапезы уныло поджидая,
То в карты глянешь ты задорным игрокам,
То Петербург ругнешь — за что не зная сам;
А там, за ужином, засядешь в колымагу —
И повлекут домой две клячи холостягу —
62 И ходит между книг хозяином прусак.
68—69 Опомнись, возвратись! Разумно и счастливо
С тобою заживем, как прежде жили мы.
75 Языкова процесс отменно разыгрался:
77—81 Европе доказал известный Соллогуб,
Что стал он больше подл, хоть и не меньше глуп;
А Майков Аполлон, поэт с гнилой улыбкой,
Вконец оподлился — конечно, не ошибкой...
И Арапетов сам — сей штатский генерал,
83—84 Стихами едкими недавно пораженный,
Стоит, как тучный вол, обухом потрясенный,
86 Уж не вздымается тюльпан его хохла!



КОММЕНТАРИИ

В первом томе академического издания собрания сочинений Некрасова помещены стихотворения 1838—1855 гг., т. е. большого промежутка времени от начала творческого пути поэта и вплоть до той поры, когда в его стихах (в частности, в «Поэте и гражданине», 1855—1856) явственно прозвучали призывы к революционной борьбе. Произведения, представленные в настоящем томе, принадлежат к ценнейшим художественным документам той эпохи. Вместе с тем они характеризуют становление Некрасова как поэта, зарождение и развитие революционно-демократических мотивов в его творчестве.

В соответствии с жанровым принципом, принятым в композиции всего издания, в первом томе сосредоточены собственно стихотворения. Некоторые некрасовские произведения тех лет вошли в другие тома: поэмы «В. Г. Белинский» и «Саша» — в том, отведенный для поэм (т. IV); ранняя «драматическая фантазия в стихах» «Юность Лермонтова» — в том драматических произведений (т. VI).

Из стихотворений Некрасова, содержащихся в его пьесах, романах, фельетонах, рецензиях, письмах, автобиографических заметках (см. т. VI—IX, XI—XIII, XV наст. изд.), в первом томе перепечатываются лишь те, которым он придавал самостоятельное значение, публикуя их (или предполагая публиковать) в виде отдельных произведений.

Стихотворения, составляющие первый том, относятся к двум периодам творческого пути Некрасова — периоду литературного ученичества (1838—1844 гг.) и периоду зрелого мастерства (с 1845 г.). Середина 1840-х гг. была важнейшим рубежом в эволюции поэта. Именно тогда Некрасов получил признание как выдающийся поэт,— об этом говорили и писали и читатели, и литераторы; первым критиком, «открывшим» Некрасова, был В. Г. Белинский (см. комментарий к стихотворению «В дороге», 1845). Позже Н. Г. Чернышевский отнес становление Некрасова как великого поэта также к середине 1840-х гг.[1] Это мнение принято и в научной литературе. К. И. Чуковский охарактеризовал годы 1838—1844 как «период литературной работы Некрасова, в течение которого он так трудно и медленно формировал свой писатель-

[1] См.: Чернышевский, т. I, 744—749.

ский стиль».[2] В статье, специально посвященной вопросу периодизации творческого пути Некрасова, М. М. Гин пишет: «Ни в коем случае мы не имеем права упускать из вида один важнейший рубеж в творческом пути Некрасова — середину 40-х годов, начало его зрелого поэтического творчества».[3]

Сам Некрасов неизменно браковал свои ранние стихи. В первые три прижизненные издания своих «Стихотворений» (1856, 1861, 1863) он включил произведения, написанные не ранее 1845 г. В последних трех изданиях (1864, 1869, 1873—1874) он поместил и несколько более ранних юмористических стихотворений, но лишь в приложении и с особым примечанием, в котором давал своим ранним стихам весьма строгую критическую оценку (см. комментарий к стихотворению «Говорун», с. 679 наст. тома).[4]

Прижизненные издания своих «Стихотворений» (начиная со второго) Некрасов открывал стихотворением «В дороге» (1845) — произведением, которое знаменовало собою начало нового этапа в его творчестве, было восторженно встречено В. Г. Белинским, высоко оценено А. И. Герценом и А. А. Григорьевым. Первое издание «Стихотворений» (1856) открывалось программным стихотворением «Поэт и гражданин» (которое входит во второй том настоящего издания), но сразу вслед за ним стояло стихотворение «В дороге».

В связи с вышесказанным в настоящем томе в качестве первого отдела помещены стихотворения 1845—1855 гг., причем этот отдел (и весь том) открывается стихотворением «В дороге». Стихотворения 1838—1844 гг. составляют второй отдел. Затем следуют небольшие отделы «Коллективное» (стихотворения, написанные Некрасовым в соавторстве) и «Dubia». В отдел «Dubia» вошли лишь такие стихотворения, принадлежность которых Некрасову вызывает мало сомнений. Стихотворения 1838—1855 гг., включавшиеся в издания Некрасова ошибочно или без достаточных оснований, в настоящем томе не перепечатаны,— им посвящена особая заметка, непосредственно связанная с комментарием к отделу «Dubia» (на с. 706—708 наст. тома).

Внутри каждого отдела стихотворения расположены в хронологическом порядке. При этом все они распределены по годо-

---

[2] *Чуковский Корней.* Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 73.

[3] *Гин М. М.* О периодизации творчества Некрасова.— Изв. АН СССР. 1971. Сер. лит-ры и яз., т. XXX, вып. 5, с. 433.

[4] В комментариях ко многим стихотворениям приводятся сведения об их перепечатках в прижизненных изданиях «Стихотворений»,— здесь имелись в виду перечисленные выше авторизованные издания, неизменно появлявшиеся под заглавием «Стихотворения Н. Некрасова». Прижизненные заграничные контрафакции, выходившие отдельными книгами под тем же заглавием, учитывались лишь в особых случаях (что каждый раз оговаривалось). Таких контрафакций было четыре: «Стихотворения Н. Некрасова. Лейпциг, 1859; Стихотворения Н. Некрасова. Берлин, 1862; Стихотворения Н. Некрасова. Изд. 2-е. Лейпциг, 1869 (перепечатка «Стихотворений» 1859 г.); Стихотворения Н. Некрасова. Изд. 2-е. Берлин, 1874 (перепечатка «Стихотворений» 1862 г. с присоединением стихотворений «Утро» и «Три элегии»).

вым рубрикам. Такое распределение является в известной мере условным (так как над некоторыми стихотворениями Некрасов работал в течение нескольких лет, да и не всегда год написания стихотворения может быть точно определен), но оно удобно для читателя и опирается на многолетнюю традицию издания стихотворений Некрасова. Стихотворения, над которыми поэт работал в течение нескольких лет, отнесены к тому году, на который приходится основная часть работы. Более точные сведения о датировке стихотворений сообщаются в комментариях.

Основанием для датировки многих стихотворений Некрасова является дата цензурного разрешения той книжки журнала, в которой они были впервые опубликованы: журнал обычно проходил через цензуру в уже отпечатанном виде и в ближайшие дни после этого выпускался в свет. Поэтому сведения о цензурном разрешении журналов приводятся в комментариях.[5]

Важным основанием для датировки большой группы стихотворений 1855 г. является их наличие в датированных тетрадях автографов: в Зап. тетр. № 1 и Зап. тетр. № 2, на которых имеются дарственные надписи А. Я. Панаевой с датой «21 мая 1855» (стихотворения, черновые автографы которых содержатся в этих тетрадях, были написаны, очевидно, не ранее этого дня), а также в тетради, которую Некрасов передал московскому книгоиздателю К. Т. Солдатенкову 7 июня 1855 г.[6] (по-видимому, стихотворения, беловые автографы которых находятся в этой тетради, были написаны до этого дня).[7]

В комментариях к настоящему тому использовано большое количество материалов, проясняющих творческую историю стихотворений. Составители учли все заметки Некрасова о своих стихотворениях (приведенные С. И. Пономаревым в Ст 1879), а также многие фактические данные, сообщенные К. И. Чуковским в советских изданиях стихотворений Некрасова. Составители данного тома опирались также на свои комментарии в ПССт 1967.

Стремясь более полно осветить общественное значение стихотворений Некрасова, составители внесли в комментарий сведения о литературной борьбе вокруг некрасовских стихотворений, о хождении стихотворений Некрасова в рукописном виде и т. д.

Широкое распространение стихотворений Некрасова в рукописях — характернейшее явление русской общественной жизни середины прошлого века. Оно не только свидетельствовало о большом интересе читателей к творчеству поэта, но и зачастую было связано с вольнолюбивыми настроениями. Так, после того как пер-

---

[5] Сведения о цензурных разрешениях изданий «Стихотворений» Некрасова в аналогичных случаях, как правило, не приводятся. Они не показательны, так как после цензурного разрешения книга могла еще долго печататься, и Некрасов вносил изменения в ее состав. Например, в «Стихотворения» 1856 г. он после цензурного разрешения (14 мая 1856 г.) включил стихотворение «Поэт и гражданин» и другие; вышла же книга лишь 19 октября 1856 г.

[6] 1 июня 1855 г. Некрасов заключил с К. Т. Солдатенковым условие об издании своих стихотворений (Москва, 1963, № 12, с. 165; Собр. соч. 1965—1967, т. VIII, с. 159, 161).

[7] См. также: *Гаркави А. М.* Состояние и задачи некрасовской текстологии.— Некр. сб., V, с. 170—173.

вое издание «Стихотворений» Некрасова в конце 1856 г. подверглось цензурным репрессиям (подробно об этом см. т. II наст. изд., комментарий к стихотворению «Поэт и гражданин»), особенно усилилась нелегальная циркуляция текстов Некрасова. Имели хождение экземпляры запрещенной книги «Стихотворений» с рукописными вставками (некоторые из них учтены в комментариях к настоящему тому, а обнаруженные в них разночтения текстов приведены в разделе «Другие редакции и варианты»);[8] книгу переписывали от руки и целиком. Без ведома Некрасова его стихотворения печатались и перепечатывались за границей (Ст 1859, Ст 1862, ряд публикаций в сборниках и периодической печати).[9]

В архивах сохранились многочисленные копии стихотворений Некрасова, сделанные разными лицами, часто неизвестными. Много стихотворений переписал в свою тетрадь П. Л. Лавров (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 340). Большой интерес представляют и конфискованные полицией или III Отделением тетради разных лиц со списками стихотворений Некрасова: тетрадь М. А. Куколь-Яснопольского (ЦГАОР, ф. 109, оп. 214, ед. хр. 380), тетрадь Н. Латкиной (ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 112) и др. Подобные материалы могли быть учтены в данном издании лишь частично, ибо количество их огромно; к тому же очевидно, что очень многие из них еще не выявлены.

Комментарий к первому тому содержит сведения о музыкальных переложениях некрасовских текстов (в данном случае использован указатель: Н. А. Некрасов в музыке. Сост. Г. К. Иванов. М., 1972).[10]

Подготовка текстов стихотворений 1838—1839 гг., вариантов и комментариев к ним осуществлена В. Э. Вацуро; подготовка текстов стихотворений 1840—1855 г., вариантов и комментариев к ним — А. М. Гаркави.

---

[8] Экземпляры первого издания некрасовских «Стихотворений» с рукописными вставками читателей прошлого века до сих пор обнаруживаются в разных городах. См.: *Воробьев В.* Судьба книги.— Книжное обозрение, 1975, 28 марта, с. 16.

[9] Подробно об этом см.: *Гаркави А. М.* Произведения Н. А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX в.— Учен. зап. Калинингр. пед. ин-та, 1957, вып. 3, с. 207—249.

[10] В соответствующих примечаниях сообщены лишь инициалы и фамилия композитора и год публикации нот с некрасовским текстом; библиографические описания этих публикаций см. в названном указателе Г. К. Иванова.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1845—1855 гг.

1845

В ДОРОГЕ

(С. 11)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 7—9.

Впервые опубликовано: ПСб (ценз. разр.— 12 янв. 1846 г.), с. 505—507, с подписью: «Николай Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден. Авторизованная копия (рукой А. Я. Панаевой) — ГБЛ (Солд. тетр., л. 50—53) — представляет собою список с текста ПСб.

В Ст 1879 датировано: «1846», без ссылки на указание автора. Поскольку в середине января 1846 г. «Петербургский сборник» уже вышел в свет, правильнее относить это стихотворение к 1845 г. К тому же еще 3 января 1846 г. Некрасов переслал цензору А. В. Никитенко какие-то стихотворения, назначаемые для «Петербургского сборника» (см.: ПСС, т. X, с. 51), среди которых, вероятно, было и «В дороге».

При перепечатке в Ст 1861 цензура не пропустила упоминание о том, что крестьянку Грушу погубили «господа», и Некрасов вынужден был переделать ст. 62.

Композиционная схема стихотворения (разговор путника с ямщиком, рассказ ямщика о своей жизни) восходит к русским народным ямщицким песням. Но эта схема наполнена иным содержанием: здесь речь идет не «про рекрутский набор и разлуку», а о тяжелой доле русской крестьянки. «В дороге» — первое из стихотворений Некрасова, посвященных женской крестьянской доле, и вместе с тем первое резкое выступление Некрасова против крепостного права.

Прототипом Груши, возможно, была крепостная девушка Наталья Андреева из имения Некрасовых Грешнево (см.: *Тарасов А. Ф.* Новые архивные материалы о семье Некрасовых.— РЛ, 1967, № 3, с. 145; *Гин М.* Последняя страница «золотого» детства поэта.— В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. Кострома, 1974, с. 133—137).

Стихотворение «В дороге» принесло Некрасову признание в литературе. Белинский пришел в восторг, когда Некрасов впервые прочитал его в кругу друзей: «...у Белинского засверкали глаза, он бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами на глазах: „Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?“» (Панаев, с. 249). Согласно другой версии, Белинский, находясь под впечатлением от стихотворения «В дороге», сказал И. И. Панаеву: «А каков Некрасов-то!.. Ведь он начинает обнаруживать

глубокий поэтический талант. Сколько скорби и желчи в его стихе!..» (там же, с. 417). В рецензии на «Петербургский сборник» Белинский писал о помещенных там стихотворениях Некрасова: «Они проникнуты мыслию; это — не стишки к деве и луне; в них много умного, *дельного* и современного. Вот лучшее из них — „В дороге“» (Белинский, т. IX, с. 573). Герцен также в 1846 г. назвал это стихотворение «превосходным» (Белинский, т. XII, с. 264); ср. слова Некрасова (в письме к И. С. Тургеневу от 26 мая/7 июня 1857 г.) о том, что Герцен «был первый, после Белинского, приветствовавший добрым словом мои стихи».

В 1863 г. стихотворения Некрасова «В дороге», «Забытая деревня», «Вино» и «Огородник» были включены в пропагандистский «Сборник рассказов в прозе и стихах», тираж которого был конфискован властями и сожжен.

Варган — народный музыкальный инструмент (см.: Даль, т. I, с. 165). Слова «на варгане играть» в данном контексте означают: играть на музыкальных инструментах.

Вальяжный — красивый, величественный.

Перебрал по ревизии души... — проверил списки своих крепостных крестьян.

Тягло — трудоспособная крестьянская семья (муж с женой), которая принималась за хозяйственную единицу в имении помещика и была обязана отработать на барщине или выполнить установленную норму оброка.

Коты — здесь: род женских полусапожек.

ПЬЯНИЦА

(С. 14)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 13—14.

Впервые опубликовано: ПСб (ценз. разр.— 12 янв. 1846 г.), с. 508—509, с подписью: «Николай Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден. Авторизованная копия (рукой А. Я. Панаевой) — ГБЛ (Солд. тетр., л. 53 об.— 55) — представляет собою список с текста ПСб.

В Ст 1879 датировано: «1845», со ссылкой на указание автора.

Вошло в бесцензурное «Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов». Лейпциг, 1858 (Р. б-ка, т. I).

Пародия на «Пьяницу» — стихотворение Эраста Благонравова (Б. Н. Алмазова) «Пропойца» (М, 1851, № 19—20, с. 288—290).

«ОТРАДНО ВИДЕТЬ, ЧТО НАХОДИТ...»

(С. 16)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 15—16.

Впервые опубликовано: ПСб (ценз. разр.— 12 янв. 1846 г.), с. 509—510, с подписью: «Николай Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден. Авторизованная копия (рукой А. Я. Панаевой) — ГБЛ (Солд. тетр., л. 55 об.— 56) — представляет собою список с текста ПСб.

В Ст 1879 датировано: «1845», со ссылкой на указание автора.

В ПСб, Ст 1856 и Ст 1861 ст. 15—16 были изъяты цензурой. Резкое слово «подлец» было направлено здесь против высокопоставленного чиновника. Впрочем, нет оснований утверждать, что Некрасов имел в виду какое-либо определенное лицо.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(С. 17)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, Приложение 1: Юмористические стихотворения 1842—45 годов, с. 210—212.

Впервые опубликовано: ПСб (ценз. разр.— 12 янв. 1846 г.), с. 510—511, с подписью: «Николай Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. В Ст 1861, Ст 1863, Ст 1864 не вошло из-за цензурного запрета. В Ст 1869 и Ст 1873 из цензурно-тактических соображений печаталось в приложении.

Автограф не найден. Факсимиле белового автографа ст. 1—18 с заглавием «Колыбельная песня» без подзаголовка — в кн.: Некрасовский альбом. Пг., 1921, с. 28. Авторизованная копия (рукой А. Я. Панаевой) — ГБЛ (Солд. тетр., л. 56 об.— 58 об.) — представляет собою список с текста ПСб.

Считая «Колыбельную песню» одним из характерных для своего творчества стихотворений, Некрасов включил ее в Р. б-ку (с датой «1846»). Впрочем, «Колыбельная песня» была написана еще в 1845 г., как и другие стихотворения Некрасова, помещенные в ПСб.

8 января 1846 г. цензор А. В. Никитенко поставил в С.-Петербургском цензурном комитете вопрос о дозволении опубликовать «Колыбельную песню» в «Петербургском сборнике», подготовив следующий черновик резолюции: «Комитет, не находя в сем сатирическом стихотворении ничего противного правилам цензуры, определил дозволить его к напечатанию» (*Гаркави А. М.* Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 53). Резолюция эта, видимо, прошла: стихотворение появилось в «Петербургском сборнике». Но вслед за тем разразилась цензурная «буря». 13 февраля 1846 г. шеф жандармов А. Ф. Орлов, требуя

наказать цензора, дозволившего публикацию «Колыбельной песни», писал министру народного просвещения С. С. Уварову: «Сочинения подобного рода, по предосудительному содержанию своему, не должны бы одобряться к печатанию» (*Евгеньев-Максимов В. Е.* В цензурных тисках.— Книга и революция, 1921, № 2 (14), с. 37). Выговор за публикацию «Колыбельной песни» вынужден был принять на себя председатель С.-Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусин-Пушкин (см.: <*Стасов В. В.*> Цензура в царствование императора Николая I.— PC, 1903, № 5, с. 383).

С этого времени в официальных кругах Некрасов стал считаться «неблагонамеренным» писателем. В марте 1848 г. Ф. В. Булгарин доносил в III Отделение: «Некрасов — самый отчаянный коммунист; стоит прочесть стихи его и прозу в С.-Петербургском альманахе, чтоб удостовериться в этом. Он страшно вопиет в пользу революции» (*Щ<еголев> П.* Эпизод из жизни В. Г. Белинского.— Былое, 1906, № 10, с. 283). Прозы Некрасова в «Петербургском сборнике» не было (доносчик, вероятно, имел в виду очерк «Петербургские углы», опубликованный в «Физиологии Петербурга»; что же касается стихов, то особую злость Булгарина вызвала «Колыбельная песня»,— это видно из его письма к цензору А. Л. Крылову от 28 декабря 1848 г.— ГМ, 1913, № 4, с. 225).

Приступая к хлопотам о Ст 1861, Некрасов вынужден был заявить, что «Колыбельная песня» там помещена не будет (*Евгеньев-Максимов В.* Некрасов как человек, журналист и поэт. М.—Л., 1928, с. 231). В 1864 г. поэт решился включить «Колыбельную песню» в свои «Стихотворения», но С.-Петербургский цензурный комитет потребовал изъять ее, аргументируя это так: «В этом стихотворении заключается едкая ирония на судьбу чиновников: гнуть спину, ползти ужом до хорошего местечка, красть, потом купить дом и сделаться русским дворянином и барином» (ПССт 1967, т. I, с. 605).

В связи с цензурными преследованиями «Колыбельная песня» получила хождение в рукописных копиях (в альбоме А. А. Майкова — ГПБ, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 610, л. 94—94 об.; в альбоме М. Н. Дириной — ГПБ, ф. 252, ед. хр. 1, л. 6—7; в рукописном сборнике Н. Орлова — ГБЛ, ф. 622, к. 2, ед. хр. 11, л. 61—63 об. и др.). Перепечатывалась в сборнике «свободных русских песен и стихотворений» «Лютня» (Лейпциг, 1869; изд. 2-е. Лейпциг, 1873; изд. 5-е. Лейпциг, 1879; изд. 6-е. Лейпциг, б. г.).

«Колыбельная песня» — «перепев» «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова.

Положена на музыку (А. И. Дюбюк, 1836).

«СТИШКИ! СТИШКИ! ДАВНО ЛЬ И Я БЫЛ ГЕНИЙ?..»

(С. 19)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, Приложение 1: Юмористические стихотворения 1842—45 годов, с. 131—132.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 11 янв., № 2, «Дагерротип», с. 31, в фельетоне «Отчеты по поводу Нового года», подписанном: «Ник-Нек».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1864 (приложение к 3-й части). Перепечатывалось в Ст 1869 и Ст 1873.
Автограф не найден.

В Ст 1864, Ст 1869 и Ст 1873 датировано: «1845».
В ст. 16 конъектура: вместо «другой» — «дугой» (обоснование этой конъектуры: *Бухштаб Б. Я.* Заметки о текстах стихотворений Некрасова.— В кн.: Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963, с. 241—242).
Выражения «избранники небес», «наш ближний», возможно, восходят к стихотворению Пушкина «Поэт и толпа». Некрасов иронизирует над эпигонами романтизма, превратившими подобные выражения в литературные штампы. Ср., например, в стихотворении М. Дмитриева «Сны веков» строку: «А поэт — небес избранник...» (Маяк, 1845, № 2, с. 70).

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ (ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ)

(С. 21)

Печатается по тексту первой публикации с исправлением ст. 17 по цензурному делу (см. ниже).
Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 1 фев., № 5, «Дагерротип», с. 97, с подписью: «Н. Стукотнин».
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Ст. 17, напечатанный в ЛГ с искажением («Горячо и лихославно»), исправляется по журналу заседания С.-Петербургского цензурного комитета 30 января 1845 г. (см.: *Гаркави А. М.* Некрасов и цензура.— Некр. сб., II, с. 446). В сочетании слов «право» и «славно» цензура усмотрела возможную насмешку над православием.
Авторство Некрасова установлено К. И. Чуковским (ПССт 1927, с. 420—421, 523). 26 января 1845 г., посылая это стихотворение Герцену, Белинский писал: «Калайдович, доставитель этого письма <...> покажет вам пародию Некрасова на Яз<ыкова>» (Белинский, т. XII, с. 250). Стихи Языкова Некрасов, видимо, пародировал и раньше (см. «Послание к соседу», помещенное в наст. томе в отделе «Dubia»).
«Послание к другу» явилось ответом на стихотворные памфлеты Языкова «К не нашим», «К Чаадаеву» и «Константину Аксакову». Эти памфлеты, имевшие характер рифмованных политических доносов (представителей передовой интеллигенции Языков обвинял в отсутствии патриотизма), вызвали волну общественного возмущения. Над «Посланием к другу» Некрасов работал в январе 1845 г. в тесном контакте с Белинским (см.: *Бухштаб Б. Я.* Некрасов в борьбе со славянофильством.— Доклады и сообщения филологического института ЛГУ, 1951. вып. 3, с. 55—69). В статье «Иван Андреевич Крылов» (ОЗ, 1845, № 2) Белинский пародировал поэзию Языкова в выражениях, перекликающихся с некрасовскими

стихами: «Молодец ты, братец ты мой, дока и удалец! Бойко и почтенно пьешь ты пенную влагу за Русь и за наше молодое буйство, ясно и восторженно бурлит в тебе бурсацкая кровь разымчивою, пьяною любовью к родине» (Белинский, т. VIII, с. 566).

Эпиграф — из стихотворения Языкова «К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву».

Будет наш — и непременно Будет пьяница лихой! и *Бойко и почтенно За нее ты прям стоишь...* — Ср. у Языкова: «Бойко и почтенно За Русь и наших ты стоишь» («Константину Аксакову»); «Будет наш» — ср. также с заглавием стихотворения Языкова «К не нашим». «...прям стоишь» — насмешка над славянофилами, прославлявшими душевную прямоту К. С. Аксакова.

Не ошибся я в дитяти... — Ср. у Языкова: «Не ошибся он в дитяти...» («Д. В. Давыдову»).

Нас развившее питье. — Ср. у Языкова: «Нас развивавшее питье» («Малага»).

Бурлит прекрасно В жилах девственника кровь... — Ср. у Языкова: «...В тебе прекрасно Кипит, бурлит младая кровь...» («Константину Аксакову»). «Девственник» — намек на К. Аксакова.

И стихом тебя уважу... — Ср. у Языкова: «С тех пор, как ты меня уважил!» («М. П. Погодину»).

Не мирволь своим врагам... — Ср. у Языкова: «Но не мирволь своим врагам!» («Константину Аксакову»).

Гордо мужествуй с бутылкой... — Некрасов пародийно переосмысляет слово «мужествовать», характерное для поэтического лексикона Языкова; ср., например: «И с лирой мужествовал я!» («А. Н. Вульфу»).

То ли дело, как бывало... — Некрасов пародирует первые 18 строк языковского стихотворения «Девятое мая».

...в нянином дому... — намек на стихотворения Языкова «К няне А. С. Пушкина» и «На смерть няни А. С. Пушкина».

Моэт — сорт шампанского.

Как с подскоком жидконогой Немец мой... — Ср. у Языкова: «Как немец скользкою дорогой Идет, с подскоком, жидконогой...» («Н. В. Гоголю»).

Не состукиваюсь чашей... — Ср. у Языкова: «Высоко над столом состукивались чаши» («Пожар»). Несколько необычное слово «состукиваться», употребленное в этой строке, подметил Белинский (т. VIII, с. 457) — и тут же, насмехаясь над славянофильской поэзией, он писал о «трескучей стукотне» стихов А. С. Хомякова (т. VIII, с. 471). С пародийным использованием этого слова, очевидно, связан и псевдоним «Стукотнин», которым Некрасов подписал стихотворение в ЛГ.

...конь звучнокопытый... — Ср. у Языкова: «скакун звучнокопытый» («Д. В. Давыдову»).

Что ж? туда!.. Я скор на дело! — Некрасов пародирует концовку послания Языкова «А. А. Елагину».

НОВОСТИ

(С. 25)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, Приложение 1: Юмористические стихотворения 1842—45 годов, с. 145—157.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 8 марта, № 9, «Дагерротип», с. 164—165, без подзаголовка, с подписью: «Ник-Нек».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1864 (приложение к 3-й части). Перепечатывалось в Ст 1869 и Ст 1873.

Автограф не найден.

В ЛГ датировано: «20 февраля 1845». В Ст 1864, Ст 1869 и Ст 1873 датировано: «1845».

В ЛГ было опубликовано с цензурными искажениями и без ст. 41—62, возможно исключенных цензурой и позднее напечатанных в С, 1847, № 1, «Смесь», с. 78, в составе анонимного (принадлежавшего в основном И. С. Тургеневу) фельетона «Современные заметки».

Б. Я. Бухштаб писал о дефектности ст. 20 как в ЛГ, так и в Ст 1864, Ст 1869 и Ст 1873, и высказал предположение, что доцензурный текст этой строки заключал каламбур (насмешку над православием) и выглядел так: «Вошли в большую моду: право, славно!» (Заметки о текстах стихотворений Некрасова.— В кн.: Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963, с. 238—241).

Визиты, поздравленья и разводы...— Здесь слово «развод» употреблено в значении: порядок рассылки караулов (в старой армии).

И в действии пустом кипящий ум...— перефразировка пушкинских строк: «С его озлобленным умом, Кипящим в действии пустом» («Евгений Онегин», гл. 7, XXII).

Но в голове так много, много, много...— Ср. слова Бобчинского о Хлестакове: «...И здесь *(вертит рукою около лба)* много, много всего» («Ревизор», д. 1, явл. 3).

На петербургских барынь и девиц Напал недуг свирепый и великий...— Об увлечении полькой как о характерном для той эпохи бытовом явлении Некрасов писал также в фельетонах «Отчеты по поводу Нового года» (1845), «Что делается в Петербурге» (1845) и др.

Почто сия на лицах всех забота? — Некрасов пародирует начальные строки стихотворения К. Н. Батюшкова «Умирающий Тасс».

От Козьего болота до Песков...— Козье болото и Пески — окраины Петербурга.

Миллионная — одна из центральных улиц Петербурга (ныне ул. Халтурина).

До той, которую воспел поэт (Его уж нет)...— Вероятно, речь идет о графине А. К. Воронцовой-Дашковой (1818—1856) и о Лермонтове, который посвятил ей стихотворение «К портрету»: «Как мальчик кудрявый, резва...»

Кессених Л.— известная в то время содержательница танцкласса в Петербурге. См. заметку о ней: СП, 1844, 19 янв., № 14.

СОВРЕМЕННАЯ ОДА

(С. 31)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 11—12.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1845, № 4 (ценз. разр.— около 30 марта 1845 г.), с. 327, с подписью: «Н. Не-в».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений». Помещено также в изданном Некрасовым сборнике «Для легкого чтения», т. 1. СПб., 1856.

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 16 об.— 17).

В сборнике «Для легкого чтения» датировано: «1844». В Ст 1879 датировано: «1845». Эта дата принята и во всех советских изданиях. В ПССт 1931 она была уточнена (К. И. Чуковским): «22 февраля 1845». В письме к А. М. Гаркави К. И. Чуковский пояснил, что эта дата была указана в автографе Некрасова, ныне утраченном (см.: Некрасовский сборник. Калининград, 1972, с. 172).

В статье «Русская литература в 1845 году», перечисляя «несколько счастливых вдохновений таланта», появившихся в периодической печати 1845 г., Белинский назвал стихотворения Некрасова «Современная ода», «Старушке» и «Чиновник» (Белинский, т. IX, с. 392).

Анализ «Современной оды» на фоне журнальной поэзии 1845 г. дается в большой статье К. И. Чуковского «Здесь и теперь». Исследователь раскрывает новаторство Некрасова, посвятившего свою поэзию важнейшим социальным проблемам современной ему русской жизни (см.: *Чуковский Корней.* Несобранные статьи о Н. А. Некрасове. Калининград, 1974, с. 25—55).

«Современная ода» перепечатывалась в сборнике «свободных русских песен и стихотворений» «Лютня» (Лейпциг, 1869: изд. 2-е. Лейпциг, 1873: изд. 5-е. Лейпциг, 1879; изд. 6-е, Лейпциг, б. г.).

СТАРУШКЕ

(С. 32)

Печатается по беловому автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1845, № 9 (ценз. разр.— 31 авг. 1845 г.). с. 171, с датой: «15 мая 1845» и подписью: «Н. Н.-в».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автографы: черновой, с датой: «15 мая 1845» — ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 30; беловой — ГБЛ (Солд. тетр., л. 101—101 об.). Беловой автограф, хранившийся в бумагах А. Я. Панаевой (см. о нем: ПССт 1934—1937, т. 1, с. 625), разыскать не удалось.

Белинский весьма положительно оценил стихотворение (см. комментарий к «Современной оде»). При жизни Некрасова оно не перепечатывалось, однако, как показывает автограф в Солд. тетр., поэт переработал его в 1855 г. Исправленная редакция была опубликована лишь в 1951 г. (см.: *Гаркави А. М.* История создания Некрасовым первого собрания «Стихотворений».— Некр. сб., I, с. 160—161).

«ОН У НАС ОСЬМОЕ ЧУДО...»

(С. 33)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ПА (ценз. разр.— 5 марта 1846 г.), в цикле «Портретная галерея», с. 26—27, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Беловой автограф (в письме Некрасова к Н. В. Кукольнику от 24 октября 1845 г.) — ГПБ, ф. 402 (Кукольник Н. В.), ед. хр. 28.

В некоторых изданиях Некрасова (например, в ПСС, т. I) печаталось в разделе «Dubia». Между тем, посылая стихотворение Кукольнику, Некрасов не скрывал своего авторства. У него были определенные основания полагать, что Кукольник согласится поместить эти стихи в своем журнале «Иллюстрация» (см.: *Гаркави А. М.* Заметки о Н. А. Некрасове.— Некр. сб., III, с. 266—269).

В первопечатном тексте (и в автографе ГПБ) последние полтора стиха после слов «Кто же он?» были заменены точками, но читатели легко угадывали, в кого метит эпиграмма. Известны разные варианты концовки, присочиненные читателями по догадке (см. в разделе «Другие редакции и варианты», с. 469). Некоторые из них были опубликованы: РА (1901, № 11, с. 430); Сев. край (Ярославль), 1902, 12 ноября, № 298, с. 3; Лит. вестник (1903, № 1, с. 123).

В списке, принадлежавшем Олениным, стихотворение озаглавлено «Булгарин»; прозвище Булгарина «Хавронья» написано с большой буквы (ГПБ, ф. 542, ед. хр. 918).

Ф. В. Булгарин (1789—1859) — издатель-редактор официозной газеты СП, продажный журналист, тайный агент III Отделения.

Фальстаф — персонаж нескольких пьес Шекспира — добродушный весельчак, трус, пьяница и обжора.

Как хавронья мил и чист...— Хавронья — одна из кличек Булгарина. Кличка эта была использована Белинским в статье «Несколько слов о фельетонисте „Северной пчелы" и о „Хавронье"» (т. IX, с. 138—143).

Даровит — как Тредьяковской...— Имя В. К. Тредиаковского (1703—1769) часто употреблялось для обозначения бездарного стихотворца.

«КОГДА ИЗ МРАКА ЗАБЛУЖДЕНЬЯ...»

(С. 34)

Печатается по Ст 1879, т. I, с. 5—6, где ст. 15—16 приведены в последней авторской редакции.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1846, № 4 (ценз. разр.— 28 марта 1846 г.), с. 403—404, с подписью: «Николай Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений». Помещено также в изданном Некрасовым сборнике «Для легкого чтения» (т. I. СПб., 1856).

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 71—72).

В сборнике «Для легкого чтения» датировано: «1845». Та же дата, со ссылкой на указание автора, в Ст 1879.

Н. Г. Чернышевский, высоко ценивший интимную лирику Некрасова, писал поэту 5 ноября 1856 г.: «...поэзия сердца имеет такие [же] права, как и поэзия мысли <...> „Когда из мрака заблужденья...“, „Давно, отвергнутый тобою...“, „Я посетил твое кладбище...“, „Ах ты, страсть роковая, бесплодная...“ буквально заставляют меня рыдать...» (т. XIV, с. 322). А. В. Дружинин писал о стихотворении «Когда из мрака заблужденья...»: «...превосходнейшее, истинно высокое создание» (*Зельдович М. Г.* Неопубликованная статья А. В. Дружинина о Некрасове.— Некр. сб., IV, с. 246). Под влиянием этого стихотворения Добролюбов написал свое «Не диво доброе влеченье...». Пытаясь опровергнуть принципы революционно-демократической этики, Ф. М. Достоевский всю вторую часть своих «Записок из подполья» (1864) построил на полемике с комментируемым стихотворением. Впрочем, отношение Достоевского к нему было сложным; он цитировал его в «Селе Степанчикове» и «Братьях Карамазовых», декламировал (21 ноября 1880 г.) на чтении в пользу Литературного фонда (см.: *Гин М.* Некрасов и Достоевский.— Север, 1971, № 11, с. 119—120).

Положено на музыку (А. А. Шахматов. 1902).

«ПУСКАЙ МЕЧТАТЕЛИ ОСМЕЯНЫ ДАВНО...»

(С. 36)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 57.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 1 (ценз. разр.— 31 дек. 1850 г.), с. 140, как «Стихотворение без подписи».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 102—102 об.).

В Ст 1879 датировано: «1845», со ссылкой на указание автора.

Положено на музыку (Ц. А. Кюи, 1902).

1846

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

(С. 37)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 53, с исправлением в ст. 16.

Впервые опубликовано: ПА (ценз. разр.— 5 марта 1846 г.), с. 18, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловые автографы — 1) в альбоме Н. В. Гербеля (ГПБ, ф. 179, ед. хр. 12, л. 292 об.) с датой записи: «21 дек. 1853» и 2) ГБЛ (Солд. тетр., л. 21 об.).

В прижизненных изданиях и автографах ст. 16 читался: «Ямщику денщик кричит...». Лично знавший Некрасова библиограф П. А. Ефремов многократно указывал, что в свободном от цензурного искажения тексте вместо «денщик» было «жандарм»; см.: Докл. РБО, вып. 1. СПб., 1908, с. 7; Экз. Ефремова ПА (факсимиле — в кн.: Николай Алексеевич Некрасов. Жизнь и творчество. Альбом. М., 1955, с. 51); Экз. Ефремова 1859 (см.: Некр. по мат. ПД, с. 155); Экз. Ефремова 1861 (см.: ЛН, т. 25—26. М., 1936, с. 589). М. К. Азадовский, обнаруживший аналогичную поправку в Экз. Гербеля, отмечал, что чтение «денщик» было вынужденной цензурной заменой: денщик не мог сидеть рядом с офицером,— он должен был находиться на запятках или рядом с ямщиком, следовательно, он не мог привстать, угрожая ямщику нагайкой; это мог сделать жандарм, место которого было в коляске рядом с арестантом (см.: *Азадовский М. К.* Несколько новых строф и вариантов Некрасова.— НБ, 1947, № 16—17, с. 13—14).

В стихотворении говорится о жандарме, перевозящем политического заключенного. Ср. написанные на ту же тему более поздние стихотворения Некрасова «Благодарение господу богу...» и «Еще тройка».

Положено на музыку (В. И. Ребиков, 1902; М. В. Коваль, 1935; В. С. Иванников, 1938; Г. К. Смирнова, 1939; Р. С. Бунин, 1961; Т. Н. Хренников, 1971).

«ХОДИТ ОН МЕЛАНХОЛИЧЕСКИ...»

(С. 38)

Печатается по тексту первой публикации: ПА (ценз. разр.— 5 марта 1846 г.), в цикле «Портретная галерея», с. 27, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

В течение ряда лет приписывалось Некрасову лишь предположительно (см., например: ПССт 1931, с. 484). В 1963 г. опубликовано письмо И. В. Павлова к Н. Н. Страхову, где указано, что это — эпиграмма Некрасова на К. С. Милановского (*Егоров Б. Ф.* Материалы об Ап. Григорьеве из архива Н. Н. Страхова.— Учен. зап. Тартуского ун-та, 1963, вып. 139, с. 343—345).

Константин Соломонович Милановский — литератор, знакомый Белинского. В 1842 г. критик, «подкупленный его либеральными фразами», поселил его у своих друзей; но вскоре выяснилось, что Милановский «жулик и аферист», и Белинский изгнал его из квартиры (см.: Белинский, т. XII, с. 509—510).

ОГОРОДНИК

(С. 39)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 17—20.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1846, № 4 (ценз. разр.— 28 марта 1846 г.), с. 401—402, с подписью: «Николай Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден.

Начиная со Ст 1879 датировалось 1846 г.— по времени первой публикации.

В «Огороднике» широко использована народно-песенная поэтика. К народным песням восходит и фабула стихотворения, причем Некрасов, очевидно, опирался на многие песни. «Огородника» возводили к песням о Ваньке-ключнике (см.: *Сакулин П. Н.* Некрасов. М., 1922, с. 35); но ближе он стоит к песням о холопе и барской дочери (см.: *Андреев Н.* Фольклор в поэзии Некрасова.— Лит. учеба. 1936, № 7, с. 64) и к рекрутской песне «Как поймали добра молодца у прилуки красной девицы» (см.: *Гаркави А. М.* Поэзия Некрасова и литературная школа Белинского.— Учен. зап. ЛГУ, 1954, № 171. Сер. филолог. наук, вып. 19, с. 159).

Как неоднократно указывалось, «Огородник» связан и с традициями песен А. В. Кольцова. В ст. 9 «По торговым селам, по большим городам» — реминисценция из стихотворения Кольцова «Что ты спишь, мужичок?»: «По селам, городам, По торговым людям» (см.: *Бухштаб Б. Я.* Сатира Н. А. Некрасова в 1846—1847 годах.— Некр. сб., III, с. 10).

Прозаическим источником стихотворения «Огородник» можно считать главу «Перстень» из повести В. А. Соллогуба «Тарантас» (см.: *Вацуро В. Э.* Один из источников «Огородника».— Некр. сб., VII, с. 106—111).

«Огородник» бытует в фольклорном репертуаре с народной мелодией. С 1880-х гг. вошел в песенники (Полный песенник... М., 1880). Положен на музыку (Н. И. Филипповский, 1900; А. М. Зорин, б. д.; М. Петров, б. д.; М. К. Штейберг, б. д.; А. И. Живцов, 1945).

В 1857 г. Е. П. Ростопчина сообщала военному министру В. А. Долгорукову о революционизирующем воздействии «Огородника» и «Тройки» Некрасова на молодое поколение, которое «сплошь заражено новыми веяниями» (*Дризен Н. В.* Драматическая цензура двух эпох. [Пг., 1917], с. 270). В 1859 г., когда вопрос о новом издании стихотворений Некрасова рассматривался членами Главного управления цензуры, «Огородник» был квалифицирован ими как одно из наиболее крамольных стихотворений поэта: А. Г. Тройницкий обращал внимание на то, что в «последнем куплете <...> изображается в слишком мрачных красках быт русского народа вообще, особенно в отношениях крестьян к помещикам»; Г. П. Митусов назвал «Огородника» среди стихотворений, которые «по своему демократическому направлению, посевающему вражду между государственными сословиями, навлекают на себя всю строгость цензуры и потому должны подлежать непре-

менному исключению»; на запрещении перепечатки «Огородника» настаивали также П. П. Вяземский и Ф. Ф. Бюлер (см.: *Mazon A.* Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. Paris. 1914, p. 398—404).

По мотивам «Огородника» было написано несколько пьес. Одна из них (принадлежавшая перу К. Д. Ефимовича) еще в 1840-х гг. не была дозволена цензурой к постановке (см.: *Гаркави А. М.* Поэзия Некрасова..., с. 153). Другая (С. Соколовского и Г. Годзевича) была запрещена советом Главного управления по делам печати 27 декабря 1881 г. как могущая «возбудить междусословное недоверие и вражду» (ЦГИА, ф. 776, оп. 2, ед. хр. 21, л. 511).

«Я ЗА ТО ГЛУБОКО ПРЕЗИРАЮ СЕБЯ...»

(С. 42)

Печатается по Ст 1879, т. I, с. 51, с исправлением цензурного искажения в ст. 16 по беловому автографу.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. 162. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 7—7 об.).

В Ст 1879 датировано: «1847», со ссылкой на указание автора. В беловом автографе выставлена дата написания — «1846». Верна эта последняя дата (см. ниже).

В прижизненных изданиях печаталось с подзаголовком «(Из Ларры)»; в беловом автографе — «(С испанского. Из Ларра)». М.-Х. Ларра (1809—1837) — испанский публицист, сатирик. Некрасов выдал стихотворение за перевод из Ларры, чтобы обойти цензурные препятствия. Ср. свидетельство одного из современников Некрасова: «На некоторых лирических стихотворениях у Некрасова стоит надпись: „Из Ларры“. Между тем Ларра не печатал стихов и знаменит своею сатирою в прозе. Некрасова спрашивали: что это значит? Он с усмешкою объяснял, что это с его стороны одна стратагема и ничего больше: „В прежнее время,— говорил он,— иные мои стихотворения не прошли бы, если бы я не выдал их за перевод с какого-нибудь малоизвестного языка; а имя Ларры такое звучное и поэтическое: легко поверят, что он писал стихи“» (*В <атсон?> Н.* Из Ларры.— ВЕ, 1878, № 5, с. 194).

Незадолго до смерти Некрасов написал на полях своей книги против текста комментируемого стихотворения: «Неправда. <Это слово относится к подзаголовку>. Приписано Ларре по странности содержания. Искреннее. Написано во время гощения у Герцена. Может быть, навеяно тогдашними разговорами. В то время в московском кружке был дух иной, чем в петербургском, т. е. Москва шла более реально, нежели Петербург (см. книгу Станкевича)» (корректура Ст 1879 — ИРЛИ, 21. 199, л. 11; опубликовано в Ст 1879 с цензурной купюрой: вместо «Герцена» — «Г.»). Упомянутая Некрасовым «книга Станкевича» — *Станкевич А.* Тимофей Николаевич Грановский. (Биографический очерк). М,. 1869. В ней, действительно, сообщалось о «реалистическом направлении» передовой московской молодежи, увлекавшейся естественными

науками (с. 218), но эта тема в стихотворении не отражена. Ссылаясь на книгу Станкевича, Некрасов, видимо, хотел косвенно указать, что стихи написаны под впечатлением политической проповеди Герцена, прозвучавшей в его спорах с Грановским (в книге Станкевича о них рассказывается довольно подробно).

Датировка стихотворения уточняется в связи с заметкой Некрасова: «Написано во время гощения у Герцена». К. И. Чуковский, считавший, что Некрасов гостил у Герцена в Соколове, под Москвой, только один раз, летом 1845 г., относил стихотворение к 1845 г. (ПСС, т. I, с. 519—520). Но недавно установлено, что Некрасов гостил у Герцена в Соколове также и летом 1846 г.: как раз в это время споры Герцена с Грановским приобрели ярко выраженный политический характер; следовательно, стихотворение надо относить к лету 1846 г. (см.: *Блинчевская М.* «Написано во время гощения у Герцена».— ВЛ, 1971, № 8, с. 253—256).

Еще до опубликования стихотворение распространялось в рукописях. Список с разночтениями и с датой «1851» — в альбоме Я. П. Полонского (ИРЛИ, 11 697, л. 31).

Что потратил свой век, никого не любя...— Ср. у А. В. Кольцова («Расчет с жизнью», 1840): «Почти век я прожил, Никого не любя» (см.: *Скатов Н.* Поэзия Алексея Кольцова. Л., 1977, с. 65).

Положено на музыку (В. Д. Козлянинова, 1875; Г. П. Базилевский, 1905).

ТРОЙКА

(С. 43)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 26—28.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 1 (ценз. разр.— 30 дек. 1846 г.), с. 91—92, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 30 об.— 32).

В Р. б-ке датировано: «1845»; в Ст 1879—«1846». Последняя дата вероятнее (если исходить из даты первой публикации).

В «Современнике» имелось посвящение: «(И. И. Маслову)». Иван Ильич Маслов (1817—1891) — чиновник при коменданте Петропавловской крепости генерале И. Н. Скобелеве, приятель Белинского и Тургенева.

«Тройка» — первое стихотворение Некрасова, помещенное в реорганизованном «Современнике». Видимо, придавая «Тройке» особое значение, Некрасов открывал ею небольшой сборник своих стихотворений, вышедший незадолго до его смерти в 1877 г. (Р. б-ка).

17 января 1847 г. Н. П. Огарев писал Т. Н. Грановскому: «„Тройка“ Некрасова — чудесная вещь. Я ее читал раз десять» (*Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения, т. 2. М., 1956, с. 395). В романе Чернышевского «Что делать?» (гл. 1) рассказывается о том, как Вера Павловна «села

к фортепьяно и запела „Тройку“ — тогда эта песня была только что положена на музыку...». Чернышевский, несомненно, имел в виду некрасовскую «Тройку» (пересказывается ее содержание: «девушка засмотрелась на офицера»).

«Тройка» многократно положена на музыку (О. Бернард, 1852; А. И. Дюбюк, 1857; Н. Леонтьев, 1857; С. А. Зыбина, 1858; Н. Ф. Виteляро, 1859; И. В. Васильев, 1872; Ф. Н. Надененко, 1925; В. И. Волков, 1944; М. В. Коваль, 1944; Н. А. Иванов, 1952; А. Вельмет, 1961; Н. П. Губарьков, 1962). В песенниках — с конца 1850-х гг. (Песни Беранже, Некрасова... М., 1858; Полное собрание новейших русских песен. М., 1859). При жизни Некрасова «Тройка» (вместе со стихотворениями «Перед дождем», «На родине», «Буря» и «Свадьба») перепечатывалась также в сборнике «Беранже в переводе русских авторов, с прибавлением стихотворений Некрасова, Кольцова и других» (М., 1868; изд. 3-е. М., 1874).

Пародии на «Тройку»: *Эраст Благонравов (Б. Н. Алмазов).* Журналистика.— М., 1851, № 19—20, с. 291—293; *А<мосов> А.* Пародия на стихотворение г. Некрасова «Тройка».— С, 1859, № 10, «Свисток», с. 537—539; *К<озлов> А.* Картежник («Что так жадно глядишь на настойку...»).— Гудок, 1862, № 26, с. 207 и др.

РОДИНА

(С. 45)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 35—38; при этом вопросительный знак в ст. 30 заменен на восклицательный (обоснование этой правки см. в кн.: Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963, с. 257—260).

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. 169—171. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой (наиболее ранний) автограф без заглавия и концовки — ГБЛ, ф. 195, к. 1, ед. хр. 23 — ранее находился в частном собрании В. В. Егерева; описан в статье: *Фролова Т. Д.* Неизвестный автограф стихотворения Н. А. Некрасова «Родина».— Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ, 1950, вып. 2, с. 99—107. Авторизованная копия с заглавием «Родина» — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 22, л. 3—4 (ранее хранилась в ГИМ; как автограф Некрасова описана В. Е. Чешихиным-Ветринским — Некрасовский сборник. Ярославль, 1922, с. 84—85). Автограф с заглавием «Родина», со значительной правкой во второй половине стихотворения — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 22, л. 1—2; факсимиле: ЛН, т. 53—54. М., 1949, между с. 96 и 97. Наборная рукопись — авторизованная копия с заглавием «Старые хоромы (Из записок ипохондрика)» и с зачеркнутым посвящением «В. Г. Б-му» (т. е. Белинскому) — ИРЛИ, 21 199. Авторизованная копия (рукой А. Я. Панаевой) — ГБЛ (Солд. тетр., л. 125 об.— 128); здесь Некрасовым вписано заглавие: «Старое гнездо. (С испанского, из Ларра)». Авторизованная копия ст. 41 (последние слова) и ст. 42 (полностью) в составе автобиографической заметки Некрасова «Я родился в 1821 г. ...» — запись К. А. Некрасова, сделанная в 1877 г. под диктовку поэта,— ИРЛИ, Р. I, оп. 20, ед. хр. 19.

«Родину» Некрасов написал в два приема. В позднейших автобиографических заметках он сообщал: «Я сблизился с Белински. Принялся немного за стихи. Приношу к нему около 1844 г. стихотворение „Родина“, написано было только начало. Белинский пришел в восторг, ему понравились задатки отрицания и вообще зарождение слов и мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах. Он убеждал продолжать» (ПСС, т. XI, с. 13). Ср. запись С. Н. Кривенко, сделанную со слов Некрасова: «Сначала Некрасов написал только первую половину стихотворения, конец был сочинен некоторое время спустя на улице, по пути к Белинскому...» (ЛН, т. 49—50. М., 1949, с. 210). Справедливость сообщений о том, что вначале была написана лишь первая часть стихотворения, подтверждается черновым автографом ГБЛ, который, по-видимому, следует датировать концом 1845 г. или началом 1846 г. (на том же листе — набросок «Письма угнетенной невинности», опубликованного в ПА; ценз. разр. альманаха — 5 марта 1846 г.). О том, что работа над «Родиной» была завершена под непосредственным впечатлением бесед с Белинским, косвенно свидетельствует посвящение Белинскому в наборной рукописи ИРЛИ. Завершение работы относилось, очевидно, к 1846 г. Именно эта дата выставлена в Ст 1879 со ссылкой на указание автора. С такой датировкой вполне согласуется и то, что Некрасов впервые пытался опубликовать «Родину» еще в № 2 С за 1847 г. (в наборной рукописи ИРЛИ рядом с текстом «Родины» — примечания к «Псовой охоте» и распоряжения наборщикам; «Псовая охота» появилась в указанной книжке журнала; «Родина» же, очевидно, не была пропущена цензурой).

В Ст 1856 под заглавием стихотворения было выставлено посвящение: «(Валерьяну Панаеву)». Валериан Александрович Панаев (1824—1899) — двоюродный брат И. И. Панаева, инженер-путеец.

Подзаголовок «Из Ларры» (в авторизованной копии ГБЛ, Ст 1856 и Ст 1861) имел фиктивный характер и был выставлен для цензурной маскировки (см. выше комментарий к стихотворению «Я за то глубоко презираю себя...»).

«Старое гнездо» (в авторизованной копии ГБЛ), «Старые хоромы» (в Ст 1856 и Ст 1861) — варианты заглавия, также вызванные цензурными соображениями. Заглавие «Родина», намекавшее на общерусские масштабы обличения, было известно друзьям поэта, но считалось крамольным и потому долго не могло появиться в печати (см.: *Гаркави А. М.* Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 93—94, 196).

Строки, содержавшие наиболее острое обличение крепостничества, были, опять-таки из цензурных соображений, заменены строками точек или менее выразительными текстами в наборной рукописи ИРЛИ, в авторизованной копии ГБЛ, а также в Ст 1856 и Ст 1861 (см. раздел «Другие редакции и варианты», с. 473—474). Без цензурных искажений «Родина» была впервые опубликована лишь в Ст 1863.

В некрасовской лирике 1840-х гг. «Родина» занимает центральное место. Здесь наиболее ярко воплощено социальное самосознание радикально настроенного разночинца, наиболее энергично выражена ненависть к дворянскому усадебному быту. Стихотворение содержит внутреннюю полемику с Пушкиным. Особенно

явственно выступает она в варианте ст. 45—48 в черновом автографе ГБЛ («И няню вспомнил я (о нянях на Руси Так много есть стихов, что боже упаси!)» и в сходных разночтениях: это — иронический намек на стихи Пушкина и Языкова о няне Пушкина — Арине Родионовне («Зимний вечер» и «Вновь я посетил...» А. С. Пушкина, «К няне А. С. Пушкина» и «На смерть няни А. С. Пушкина» Н. М. Языкова). В окончательном тексте «Родины» неприязненные стихи о няне («Ее бессмысленной и вредной доброты...» и т. д.) противостоят пушкинской характеристике няни — «добрая подружка бедной юности моей» («Зимний вечер»). Обличение деревенского быта в «Родине» построено по принципу антитезы с деревенской идиллией в первой части пушкинской «Деревни»: когда Некрасов написал «Родину», печаталась лишь первая часть «Деревни», под названием «Уединение»; вторая же, антикрепостническая часть не была известна в печати (см. об этом: *Гаркави А. М.* Из разысканий о Некрасове.— О Некр., вып. III, с. 296—298). Строки о няне в «Родине» были направлены, однако, не только против стихов об Арине Родионовне, но и против целой литературной традиции, в которой образ няни олицетворял собою положительное начало патриархального быта (см.: *Гин М.* От факта к образу и сюжету. М., 1971, с. 165, 287).

В «Родине» описана жизнь родового поместья Некрасовых в Грешневе (Ярославской губ.). Однако концовка, рисующая картину запустения помещичьей усадьбы («И с отвращением кругом кидая взор...» и т. д.), не имела ничего общего с грешневскими впечатлениями. Незадолго до смерти Некрасов на полях своей книги сделал против текста «Родины» пометку: «Примечание нужно»; редактор первого посмертного издания поэта С. И. Пономарев, видимо верно понявший смысл этой пометки, писал: «Можно догадываться, что он <Некрасов> хотел предостеречь читателей — не искать здесь вполне автобиографического характера...» (Ст 1879, т. IV, с. XVII). Широкий социальный смысл «Родины» несомненен.

Задолго до публикации «Родина» начала распространяться в рукописных списках. Активное участие в этом принял Белинский. «Стихотворение „Родина“,— писал И. И. Панаев,— привело Белинского в совершенный восторг. Он выучил его наизусть и послал его в Москву к своим приятелям...» (Панаев, с. 249). И позже «Родина» циркулировала в рукописях, особенно в революционной среде; искаженный цензурой текст публикаций читатели правили от руки. В разделе «Другие редакции и варианты» приведены разночтения «Родины» по спискам, поправкам читателей и заграничным публикациям. Укажем исходные данные тех из приведенных материалов, которые не названы в перечнях условных сокращений на с. 462—464 и 709—711. Безымянная копия ГБЛ — ГБЛ, ОР, ед. хр. 256, л. 62 об.— 64. Копия из архива А. Ф. Кони воспроизводится по ПСС, т. I, с. 441 (там указано, что она хранится в ИРЛИ, но разыскать ее не удалось). Ксерокопия ИРЛИ — ИРЛИ, 21 199. Копия П. Л. Лаврова — ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 340, л. 178—179. Писарская копия ЦГАЛИ — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. I, ед. хр. 22, л. 5—6. Кроме этих материалов заслуживает упоминания список А. И. Герцена (ЦГАЛИ, ф. 129, оп. I, ед. хр. 26, л. 28 об.— 29 об.), сделанный со Ст 1856 и не имеющий разночтений.

В 1867 г. И. А. Худяков включил «Родину» в пропагандистское издание «Жизнь природы и человека», выпущенное в Женеве.

Пародией на «Родину» является стихотворение «Воспоминания детства» (Собрание стихотворений Нового поэта. СПб., 1855, с. 69—70), принадлежащее либо И. И. Панаеву, либо самому Некрасову. Пародия эта, появившаяся еще до публикации «Родины», свидетельствует о ее популярности уже в то время.

Чей лик в аллее дальной... — Речь идет о матери поэта Елене Андреевне Некрасовой, умершей в Грешневе 29 июля 1841 г.

...угрюмому невежде... — Имеется в виду отец поэта Алексей Сергеевич Некрасов (1788—1862).

...сестра души моей... — Поэт говорит о своей любимой сестре Елизавете (1821?—1842), выданной в 1841 г. замуж за пожилого подполковника в отставке С. Г. Звягина. Она умерла, видимо, во время первых родов; у нее был сын К. С. Звягин (см.: РС, 1889, № 2, с. 351).

ПСОВАЯ ОХОТА

(С. 47)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 2, с. 7—20.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 2 (ценз. разр.— около 30 янв. 1847 г.), с. 157—166, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось во 2-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден. Наборная рукопись примечаний № 15—25 (по первоначальной нумерации), с рукописными вставками Некрасова,— ИРЛИ, 21. 199.

В Ст 1861—1873 датировано: «1846».

В С и ряде прижизненных изданий «Псовая охота» печаталась с цензурными искажениями. Не пропускались в печать строки, содержавшие явные выпады против крепостничества (см. раздел «Другие редакции и варианты», с. 476). Возможно, что и в окончательном тексте «Псовой охоты» сохраняется цензурное искажение в ст. 171—172: все публиковавшиеся варианты этих стихов представляются дефектными; можно предположить, что в доцензурной редакции здесь содержалось выражение «помещичья воля», которое одно время считалось запретным (ср. ст. 78). В этом случае мог бы быть конъектурно восстановлен бесцензурный текст ст. 171—172:

Нет нам запрета, по чистому полю
Рыская, тешить помещичью волю,

(см.: *Гаркави А. М.* Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 228—229).

В С и Ст 1856 примечаний Некрасова к «Псовой охоте» было 25. При перепечатках (начиная со Ст 1861) поэт объединил под № 1 все примечания к собачьим кличкам (прежде каждое имело свой номер: № 1—5, 17—21, 24); исключил примечание (№ 10) к

словам «В острове» (которое представляло собою отсылку к 8-му примечанию, ставшему по новой нумерации 4-м) и примечание № 13: «Однопометники — собаки одного помета». В результате перенумерации осталось 12 примечаний.

Псовую охоту, которая в ту пору была излюбленным развлечением богатых помещиков, Некрасов впервые описал еще в 1844 г.— в фельетонах «Нечто о дупелях, о докторе Пуфе и о псовой охоте» и «Журнальные отметки» (т. VII наст. изд.) и в водевиле «Петербургский ростовщик» (в куплетах «Уж как я такого парня...» — т. VI наст. изд.).

В отличие от этих ранних юмористических произведений «Псовая охота» представляет собою последовательную сатиру на крепостников и крепостничество. Стихи, в которых на первый взгляд псовая охота воспевается (ст. 67—74, 81—88, 154—162, 169—178), ироничны. В них, как доказывали К. И. Чуковский (ПСС, т. I, с. 524—525) и Б. Я. Бухштаб (Некр. сб., III, с. 22—26), Некрасов пародировал панегиристов помещичьей псовой охоты, в частности Н. Реутта (автора книги «Псовая охота», вышедшей в 1846 г.) и А. Венцеславского (автора статьи «О псовой охоте», напечатанной в «Журнале коннозаводства и охоты», 1846, № 1—3). Эпиграф — из первого тома названной книги Реутта, с. 26.

«Псовая охота» полемична по отношению к стихотворению И. С. Тургенева «Перед охотой» (С, 1847, № 1), содержавшему описание парадной стороны этого вида спорта (см.: *Гаркави А. М.* Поэзия Некрасова и литературная школа Белинского.— Учен. зап. ЛГУ, 1954, № 171. Сер. филолог. наук, вып. 19, с. 141—142; *Ямпольский И. Г.* Стихотворение Тургенева «Перед охотой» и «Псовая охота» Некрасова.— Тургеневский сборник, V. Л., 1969, с. 209). Влияние «Псовой охоты» чувствуется в стихотворении М. Л. Михайлова «Помещик» (1847).

Опекунский совет — в дореволюционной России орган, ведавший воспитательными домами, сиротскими приютами и другими «благотворительными» учреждениями; получал большие доходы от различных финансовых операций, в том числе от заклада и перезаклада помещичьих имений; имение помещика из «Псовой охоты», очевидно, было заложено, и он вносил деньги в Опекунский совет, чтобы избежать конфискации имения.

Исправник — начальник уездной полиции.

Барин арапником злобно махнул...— Сцена расправы барина с мужиком, возможно, связана с детскими впечатлениями Некрасова; ср. в воспоминаниях сестры поэта А. А. Буткевич: «Отец вышел из себя и в порыве гнева наскакал на виноватого и отдул его арапником» (ЛН, т. 49—50. М., 1946, с. 176). Ср. также воспоминания крестьян — участников охотничьих выездов А. С. Некрасова (*Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. М.—Л., 1947, с. 45—46).

«В НЕВЕДОМОЙ ГЛУШИ, В ДЕРЕВНЕ ПОЛУДИКОЙ...»

(С. 55)

Печатается по Ст 1879, т. I, с. 33—34.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 11 (ценз. разр.— 31 окт. 1851 г.), «Современные заметки», с. 87—88, в фельетоне «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики» под заглавием: «К ней», без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф без заглавия или подзаголовка — ГБЛ (Солд. тетр., л. 29—30).

В Ст 1879 датировано: «1846», со ссылкой на указание автора.

В прижизненных изданиях печаталось с подзаголовком «(Из Ларры)». О фиктивном характере этого подзаголовка см. комментарий к стихотворению «Я за то глубоко презираю себя...».

Незадолго до смерти Некрасов в своем экземпляре Ст 1873 (т. I, ч. 1) зачеркнул подзаголовок «(Из Ларры)» и, надписав «(Подражание Лермонтову)», сделал на полях заметки: 1) «N3 — отнести в приложения»; 2) «Подражание Лермонтову. Сравни: Арбенин (в драме «Маскарад»). Не желаю, чтобы эту подделку ранних лет считали как черту моей личности»; 3) «Был влюблен и козырнул» (Ст 1879, т. IV, с. XV).

Распоряжение «отнести в приложения» было отменено сестрой Некрасова А. А. Буткевич, которая 5 августа 1878 г. писала редактору Ст 1879 С. И. Пономареву: *«В неведомой глуши* следует оставить в тексте. N3 — значит: нужно написать примечание. Примечания брат не написал, между тем как в нем он, вероятно, разъяснил бы, почему не придает этой пьесе значение и относит в Приложение. Без подобного объяснения мы не можем стушевать такую капитальную вещь» (ЛН, т. 53—54. М., 1949, с. 184).

Стихотворение является не подражанием Лермонтову, а переосмыслением лермонтовских тем. С монологом Арбенина («Маскарад», д. 1, сц. 3, выход 2) связаны мотивы, в которых раскрывается история любви: разврат в юности; душевная пустота, явившаяся его следствием; новая любовь. Сходны и отдельные выражения. Однако в отличие от Лермонтова Некрасов говорит о разврате как о порождении крепостнического быта; а в концовке стихотворения, вступая в своеобразную полемику с драмой Лермонтова, отвергает арбенинскую «мертвую пустоту».

В 1862 г. А. А. Григорьев сопоставил это стихотворение с прозаическим отрывком Лермонтова «Я хочу рассказать вам...», также усматривая в некрасовских стихах «лермонтовские» мотивы (см.: *Григорьев Аполлон.* Литературная критика. М., 1967, с. 480, 605).

При публикации стихотворения в «Современнике» в фельетоне Нового поэта указывалось, что его (вслед за «Отрывком» — ср. комментарий на с. 686—687 наст. тома) прочитал автору фельетона другой поэт. «Вот еще стихотворение того же поэта <...> Оно носит самое пошлое название, так истасканное нашими поэтами: „К ней“ <...>Опять низменный мир, опять резкие краски! Но

картина уже не так мрачна. Я потому привел здесь именно эти два стихотворения, что в них видна вся внутренняя борьба поэта,— борьба кончившаяся, к счастию, торжеством его воли, разума и нравственного начала: горьким, тяжким (если только верить сейчас приведенному стихотворению) путем дошел он до сознания заблуждений своей молодости; но он наконец сознал их, а борьба с врагом, которого знаешь, уже не так страшна. Поэтому, при всей мрачности красок, второе стихотворение производит уже впечатление гораздо отраднейшее, чем первое. „Кто знает,— думал я,— может быть, со временем кругозор его расширится, и он подарит нашу литературу несколькими истинно прекрасными произведениями“».

Эти замечания о стихотворении «В неведомой глуши, в деревне полудикой...» отчасти имеют характер автопризнаний; надо полагать, что приведенный прозаический текст принадлежит Некрасову. Видимо, для того, чтобы парировать возможные упреки в подражательности, Некрасов в «Современнике» иронически отозвался о заглавии «К ней», а позже придал стихотворению подзаголовок «Подражание Лермонтову».

«— ТАК, СЛУЖБА! САМ ТЫ В ТОЙ ВОЙНЕ...»

(С. 57)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 64—65.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. 23—24. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден. Авторизованная копия (рукой А. Я. Панаевой) — ГБЛ (Солд. тетр., раздел «Не для печати», л. 148 об.— 149).

В Ст 1879 датировано: «1846», со ссылкой на указание автора.

Незадолго до смерти поэт сделал пометку: «Отнести в приложение. Не люблю этой пьесы, хотя буквально она верна — слышал рассказ очевидца Тучкова (впоследствии московского генерал-губернатора)» (Ст 1879, т. IV, с. CVIII—CIX). П. А. Тучков (1803—1864) — генерал-адъютант, с 1859 г. московский генерал-губернатор, дядя второй жены Н. П. Огарева. О том, что Огарев «нередко приводил» Некрасова к Тучковым, см.: *Тучкова-Огарева Н. А.* Воспоминания. [М.], 1959, с. 76.

К. И. Чуковский подметил (ПССт 1934—1937, т. I, с. 632), что по интонациям это стихотворение напоминает пушкинского «Гусара».

Фузея (*от франц.* fusil) — ружье.

1847

НРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

(С. 58)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 23—25.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 3 (ценз. разр.— 28 февр. 1847 г.), с. 239—240, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 25—26 об.).

Датируется началом 1847 г., но до 19 февраля, так как в письме Белинского от этого числа (см. ниже) упомянуто как написанное «недавно».

Стихи о самоубийстве замученного помещиком крепостного повара наталкивались на цензурные препятствия. Этим были вызваны замена ст. 28 в С и пропуск ст. 21—30 в Ст 1861.

В. Е. Евгеньев-Максимов (Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. II. М.—Л., 1950, с. 248) указал на тематическую связь стихотворения «Нравственный человек» со статьей В. Г. Белинского о «Парижских тайнах» Э. Сю (1844), в которой, в частности, говорилось: «В наше время слова „нравственность“ и „безнравственность“ сделались очень гибкими, и их теперь легко прилагать по произволу к чему вам угодно. Посмотрите, например, на этого господина, который с таким достоинством носит свое толстое чрево, поглотившее в себя столько слез и крови беззащитной невинности,— этого господина, на лице которого выражается такое довольство самим собою, что вы не можете не убедиться с первого взгляда в полноте его глубоких сундуков, схоронивших в себе и безвозмездный труд бедняка и законное наследство сироты. Он, этот господин с головою осла на туловище быка, чаще всего с особенным удовольствием говорит о *нравственности*...» (Белинский, т. VIII, с. 170). Заметим, что с тирадой Белинского перекликается и стихотворение Некрасова «Современная ода».

Ознакомившись с «Нравственным человеком» еще в рукописи, Белинский сообщил И. С. Тургеневу (19 февр. 1847 г.): «Некр<асов> написал недавно страшно хорошее стихотворение. Если не попадет в печать (а оно назначается в 3 № <«Современника»>), то пришлю к вам в рукописи. Что за талант у этого человека! И что за топор его талант!» (Белинский, т. XII, с. 336). Д. И. Писарев, говоря о поэзии Некрасова, восклицал: «Кто способен написать стихотворения: „Филантроп“, „Эпилог к ненаписанной поэме“ <«Несчастные»>, „Еду ли ночью по улице темной...“, „Саша“, „Живя согласно с строгою моралью...“ <«Нравственный человек»>,— тот может быть уверен в том, что его знает и любит живая Россия...» (*Писарев Д. И.* Соч., т. I. М., 1955, с. 196).

Положено на музыку (М. В. Коваль, 1935).

«В ОДИН ТРАКТИР ОНИ ОБА ХОДИЛИ ПРИЛЕЖНО...»

(С. 60)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 4 (ценз. разр.— 31 марта 1847 г.), «Смесь», с. 159, в статье «Еще несколько стихотворений Нового поэта», без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Беловой автограф с подписью «Огареву Н. Некрасов» — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. I, ед. хр. 6.

Ошибочно приписывалось И. И. Панаеву; перепечатано в его посмертном собрании сочинений (т. V. СПб., 1889).

С подписью «Огареву Н. Некрасов» публиковалось в журнале «Русская мысль» (1902, № 12, с. 176).

Стихотворение представляет собой «перепев» лермонтовского «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1841).

«ЕСЛИ, МУЧИМЫЙ СТРАСТЬЮ МЯТЕЖНОЙ...»

(С. 61)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 44—45.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 7 (ценз. разр.— 30 июня 1847 г.), с. 193, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений». Помещено также в изданном Некрасовым сборнике «Для легкого чтения» (т. I. СПб., 1856).

Беловой автограф, под заглавием «К **» — ГБЛ (Солд. тетр., л. 89—90 об.). Копия А. Я. Панаевой (первые 14 стихов) — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. I, ед. хр. 9.

В сборнике «Для легкого чтения» датировано: «1847».

В первой публикации было разбито не на четверостишия, а на два двенадцатистишия.

Пародия на это стихотворение: *Эраст Благонравов (Б. Н. Алмазов).* Если кроткий, как вол, в трезвом виде...— М, 1851, № 19—20, с. 279—280.

«ЕДУ ЛИ НОЧЬЮ ПО УЛИЦЕ ТЕМНОЙ...»

(С. 62)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 54—56.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 9 (ценз. разр.— 31 авг. 1847), с. 153—154, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден. Авторизованная копия (квалифицируемая как автограф) — ГБЛ. ф. 195, М. 8556; факсимиле: Николай Алексеевич Некрасов. Жизнь и творчество. Альбом. М., 1955, с. 63. Другая авторизованная копия с датой: «1847 (август)» — также ГБЛ (Солд. тетр., л. 104—105 об.).

В Р. б-ке датировано: «1847».

Это стихотворение — одно из характерных произведений натуральной школы». По свидетельству мемуариста, К. Д. Кавелин рассказывал, что когда Некрасов впервые прочитал в кружке Белинского «только что написанное им „Еду ли ночью...“, то все были так потрясены, что со слезами на глазах кинулись обнимать поэта» (*Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. [М.], 1958, с. 223). И. С. Тургенев писал Белинскому из Парижа 14/26 ноября 1847 г.: «Скажите от меня Некрасову, что его стихотворение в 9-й книжке „Современника“ меня совершенно с ума свело; денно и нощно твержу я это удивительное произведение — и уже наизусть выучил» (Тургенев, Письма, т. I, с. 264). М. Е. Салтыков использовал фабулу «Еду ли ночью...» в 4-й главе повести «Запутанное дело» (1848) — см.: Салтыков-Щедрин, т. I, с. 227—230, 419.

Н. Г. Чернышевский в письме к О. С. Чернышевской из Вилюйска от 15 марта 1878 г. назвал «Еду ли ночью...» одним из стихотворений, «которые останутся долго прекраснейшими из русских лирических пьес»; далее он писал, что это стихотворение «первое показало: Россия приобретает великого поэта» (Чернышевский, т. XV, с. 210). Исключительно высоко оценил это стихотворение и Д. И. Писарев (см. комментарий к стихотворению «Нравственный человек»).

В реакционной печати и в цензуре стихотворение часто квалифицировалось как «безнравственное». 14 ноября 1856 г. в рапорте о первом издании «Стихотворений» Некрасова цензор Е. Е. Волков докладывал о стихотворении «Еду ли ночью...»: «Нельзя без содрогания и отвращения читать этой ужасной повести! В ней так много безнравственного, так много ужасающей нищеты...» (*Евгеньев-Максимов В.* Некрасов как человек, журналист и поэт. М.—Л., 1928, с. 224—225).

«Еду ли ночью...» (вместе со стихотворением «Блажен незлобивый поэт...») Некрасов прочитал 10 января 1860 г. на первом публичном литературном вечере Литературного фонда (в пользу нуждающихся писателей).

С середины XIX в. «Еду ли ночью...» исполнялось с разными напевами преимущественно в среде радикально настроенных студентов. Напечатано с нотами в кн.: *Аристов А. П.* Песни казанских студентов 1840—1868 гг. СПб., 1904, с. 78. В начале XX в. вошло в песенники (Солнце всходит и заходит. Новый песенник... М., 1911).

«Еду ли ночью...» — одно из первых стихотворений Некрасова, переведенных на иностранные языки. Первый французский перевод стихотворений «Еду ли ночью...», «Забытая деревня» и «Княгиня» был опубликован в кн.: *Dumas A.* Impressions de voyage en Russie. Paris, 1859; перепечатано: С, 1859, № 5, «Современное обозрение», с. 154, в заметках Нового поэта.

«ТЫ ВСЕГДА ХОРОША НЕСРАВНЕННО...»

(С. 64)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1. с. 34.

Впервые опубликовано: С, 1850, № 9 (ценз. разр.— 30 авг. 1850 г.), с. 44, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф с заглавием «К *» — ГБЛ (Солд. тетр., л. 72 об.— 73).

В Ст 1879 датировано: «1847», со ссылкой на указание автора.

По мнению К. И. Чуковского, «относится к той женщине, с которой Некрасов жил в молодости — до сближения с Авдотьей Панаевой» (ПССт 1934—1937, т. I, с. 639).

Многократно положено на музыку (А. И. Дюбюк, 1865; М. В. Воронцова, 1867; Е. Эггерс, 1874; К. П. Галлер, 1876; А. А. Ильинский, 1897; А. И. Ермолов, 1899; Г. В. Гот, 1901; И. А. Бородин, 1902; Ц. А. Кюи, 1902; Б. М. Терентьев, 1970).

1848

«КОГДА ГОРИТ В ТВОЕЙ КРОВИ...»

(С. 65)

Печатается по беловому автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано: С, 1848, № 12 (ценз. разр.— 30 ноября 1848 г.), с. 324, в составе романа «Три страны света», подписанного: «Н. Некрасов — Н. Станицкий» («Н. Станицкий» — псевдоним А. Я. Панаевой).

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 34).

Как показывает автограф, в 1855 г. Некрасов предполагал напечатать этот текст в виде отдельного стихотворения.

В С было опубликовано с цензурными искажениями (см. раздел «Другие редакции и варианты», с. 478).

ВИНО

(С. 66)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 60—63.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. 28—30. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден. Авторизованная копия с заглавием: «Не водись-ка на свете вина!» — ГБЛ (Солд. тетр., раздел «Не для печати», л. 145—148). Список 1856 г., идентичный авторизованной копии ГБЛ и восходящий к не дошедшему до нас автографу, с указанием авторства Некрасова и датой: «1853»,— Рукописный отдел Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, ф. 30, № 34, л. 1 (описание см.: *Мельгунов Б. В.* Из разысканий о Некрасове.— РЛ, 1980, № 4, с. 140—141).

В Ст 1879 датировано: «1848», без каких-либо пояснений; относится, вероятно, к 1853 г.

В Ст 1856 и Ст 1861 было много цензурных искажений: в ст. 5 вместо «барин» было напечатано «соцкий» (т. е. сотский); в ст. 39, 47 и 65 были изъяты упоминания о том, что крестьянин готовился отомстить своим обидчикам при помощи ножа и топора. Все эти «крамольные» стихи были к тому времени написаны, так как они имеются в авторизованной копии 1855 г. и списке 1856 г. В них находим и повторяющиеся вступительные четверостишия (ст. 1—4; 25—28, 49—52), которые также отсутствовали в Ст 1856 и Ст 1861 и были опубликованы лишь в Ст 1863.

«Вино» ходило по рукам в списках (Список Модзалевского, список Полторацкого — ГБЛ, ф. 233, 10. 42 и др.). Читатели вписывали от руки бесцензурные варианты «Вина» в свои экземпляры «Стихотворений» 1856 и 1861 гг. (Экз. Васильковского, Экз. ГБЛ, Экз. Гербеля, Экз. Евгеньева-Максимова, Экз. Ефремова 1861, Экз. Чуковского и др.).

В 1871 г. был запрещен цензурой подготовленный народниками-агитаторами «Сборник для чтения», где среди произведений разных авторов были помещены «Вино» и «Орина, мать солдатская» Некрасова. 3 марта 1871 г. цензор Н. Е. Лебедев докладывал: «Означенный сборник имеет крайне тенденциозный характер и неблагонамеренное направление. В нем систематически подобраны в одно целое такие очерки и стихотворения, в которых с яркостию обрисовываются все недостатки социального устройства общества и в которых нимало не скрывается затаенная ненависть к высшему и богатому сословию, с симпатиею и скорбию о бедном и простом народе» (ЦГИА, ф. 777, оп. 2, 1871, ед. хр. 7, л. 6—7 об.).

Зазнобила меня, молодца...— По содержанию эта строфа перекликается со стихотворением Н. П. Огарева «Кабак» (1841).

Я с артелью взялся у купца...— Этот же эпизод первоначально был рассказан Некрасовым в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (т. VIII наст. изд.).

«ПОРАЖЕНА ПОТЕРЕЙ НЕВОЗВРАТНОЙ...»

(С. 68)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 146.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 5 (ценз. разр.— 30 апр. и 5 мая 1856 г.), с. 64, под заглавием: «В черный день» и с подписью: «Н. Н.».

В собрание сочинений впервые включено (под тем же заглавием): Ст 1856. Перепечатывалось (без заглавия) в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой автограф среди стихотворений 1855—1856 гг. с зачеркнутым заглавием: «В черный день» и небольшой стилистической правкой — ГБЛ (Зап. тетр. № 2, л. 40).

На полях своего экземпляра «Стихотворений» 1873 г. (т. I, ч. 1), Некрасов сделал к этому стихотворению примечание: «Умер первый мой сын — младенцем — в 1848 году» (Ст 1879, т. IV, с. XXIII). У Некрасова и А. Я. Панаевой было несколько детей, умиравших вскоре после рождения. Об этом говорится в письме Некрасова к И. С. Тургеневу от 19 апреля 1855 г. Очевидно, рано умер и ребенок, о котором упомянуто в дневниковой записи А. В. Дружинина от 23 ноября 1853 г. (см.: Ашукин, с. 125). Возможно, Некрасов имел в виду такого же рода несчастье, когда в письме к Н. А. Степанову от 16 марта 1848 г. сообщал: «Я теперь в большом горе». Все же датировка стихотворения остается неясной, поскольку документально не установлено, был ли у Некрасова сын 1848 г. рождения, а многие из датирующих пометок автора на его экземпляре «Стихотворений» 1873 г. оказались неточными. Отсутствие автографа этого стихотворения в Солд. тетр., в которую вошло почти все лучшее из написанного Некрасовым к весне 1855 г., также заставляет сомневаться в правильности даты «1848». Однако необоснованным представляется безоговорочное отнесение стихотворения в ряде изданий к 1855 г. (например, в ПСС, т. I).

Положено на музыку (Литвиновский, 1865).

«ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ, ЧАСУ В ШЕСТОМ...»

(С. 69)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: Album de m-me Olga Kozlov (М., 1883, с. 171), в составе альбомной записи Некрасова: «Не имея ничего нового, я долго рылся в моих старых бумагах и нашел там исписанный карандашом лоскуток. Я ничего не разобрал (лоскуток, сколько помню, относится к 1848 году), кроме следующих осьми стихов <...> Извините, если эти стихи не совсем идут к вашему изящному альбому. Ничего другого не нашел и не придумал. Ник. Некрасов. 9 ноября 1873 г. СПб.».

О. А. Козлова — жена дипломата и поэта-переводчика П. А. Козлова. Альбом О. А. Козловой был выпущен очень малым тиражом.

В последнее время высказано серьезное сомнение в том, что стихотворение написано в 1848 г. (см. *Эльзон М. Д.* О датировке стихотворения «Вчерашний день, часу в шестом...» — Некр. сб. VII, с. 123—130).

При жизни Некрасова стихи эти не публиковались.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден.

Положено на музыку (М. В. Коваль, 1935).

Сенная — рыночная площадь в Петербурге, была местом публичных телесных наказаний по приговору суда (ныне пл. Мира).

1850

«ПРИХОЖУ НА ПРАЗДНИК К ЧАРОДЕЮ...»

(С. 70)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1850, № 8 (ценз. разр.— 4 авг. 1850 г.), «Смесь», с. 178. в «Сантиментальном путешествии Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам», без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

А. В. Дружинин писал «Сантиментальное путешествие...» при участии Н. А. Некрасова, В. А. Милютина и др. (см. комментарий на с. 701—702 наст. тома). Стихотворение «Прихожу на праздник к чародею...» несомненно принадлежит Некрасову: К. И. Чуковскому был известен его черновой автограф (см.: ПССт 1927, с. 480). В настоящее время местонахождение автографа неизвестно.

«Прихожу на праздник к чародею...» — «перепев» лермонтовского «Выхожу один я на дорогу...». «Чародеем» назван И. И. Излер (1811—1877), владелец загородного сада под Петербургом. Стихотворение связано с «Современными заметками» (С, 1848, № 10, без подписи), в которых высмеивались стихотворцы и фельетонисты, воспевавшие праздничные гулянья в саду Излера, в таких, например, выражениях:

> Ты, *как Протей,* как истинный проказник,
> *Игривый ум пред светом показал.*

В другом «дифирамбе» в честь Излера содержалось «красноречивое и яркое описание чудес этой ночи, которую мог *проявить только один чародей, великий художник Излер»* (с. 132, 134; курсив в С). Некрасов пародировал эти «дифирамбы».

«ТАК ЭТО ШУТКА? МИЛАЯ МОЯ...»

(С. 71)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 58—59.

Впервые опубликовано: С, 1854, № 1 (ценз. разр.— 31 дек. 1853 г.), с. 135—136, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф с заглавием «К*» — ГБЛ (Солд. тетр., л. 82 об.— 84).

В Р. б-ке датировано: «1852»; в Ст 1879 выставлена (вероятно, по времени первой публикации) дата: «1854».

Как установил К. И. Чуковский, это — послание к А. Я. Панаевой, лечившейся за границей в 1850 г. (см.: ПСС, т. I, с. 532). Панаева уехала за границу в конце апреля 1850 г. (*Черняк Я. З.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.—Л., 1933, с. 175). В Петербург Панаева вернулась в сентябре 1850 г. (П. В. Анненков и его друзья, т. I. СПб., 1892, с. 560). Этим и определяется дата написания.

«ДА, НАША ЖИЗНЬ ТЕКЛА МЯТЕЖНО...»

(С. 73)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 85—87; пропущенные в прижизненных публикациях ст. 41—49 — по беловому автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. 172—174, с подзаголовком: «(Из Шенье)». Перепечатывалось (без подзаголовка) в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 67 об.— 69 об.).

В Ст 1856 Некрасов выдал стихотворение за перевод из французского поэта А.-М. Шенье (1762—1794). В Ст 1879 датировано: «1853». В действительности же стихотворение представляет собой послание за границу к А. Я. Панаевой и было написано в апреле—сентябре 1850 г. (ср. комментарий к предыдущему стихотворению).

Пропуск ст. 41—49 мог быть вызван как цензурными причинами (упоминание о «добровольном изгнании», о «полной свободе» «вдали»), так и личными мотивами. Он заполнен в ряде рукописных копий; стихи вписаны читателями и в некоторых печатных экземплярах «Стихотворений» Некрасова (см. раздел «Другие редакции и варианты», с. 480; приведенные там варианты копии А. Я. Панаевой воспроизведены по ПСС, т. I, с. 55, так как саму эту копию разыскать не удалось).

«Я НЕ ЛЮБЛЮ ИРОНИИ ТВОЕЙ...»

(С. 75)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 66.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 11 (ценз. разр.— 31 окт. 1855 г.), с. 80 и датой: «1850 год» и подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Авторизованная копия с датой: «1850» — ГБЛ (Солд. тетр., л. 60—60 об.).

Эта дата не может считаться окончательно установленной, так как под стихами интимного содержания Некрасов иногда намеренно выставлял неверные даты, чтобы скрыть от посторонних те или иные обстоятельства своей личной жизни.

Обращено, очевидно, к А. Я. Панаевой.

НА УЛИЦЕ

(С. 76)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 46—48.

Впервые опубликованы и включены в собрание сочинений: «Вор», «Проводы» и «Ванька» — Ст 1856, с. 25—27; «Гробок» (с заглавием «Гроб») — Ст 1862, с. 53. Перепечатывались в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений» («Вор», «Проводы» и «Ванька» — начиная со Ст 1861; полный состав цикла — начиная со Ст 1863).

Беловой автограф цикла «На улице» — ГБЛ (Солд. тетр., л. 98—100 об.) — по составу и композиции несколько отличается от окончательного текста: 1. «Вор»; 2. «Гробок» (без заглавия); 3. «Ванька» (с заглавием «Извозчик»); 4. «Карета»; 5. «Проводы». Позднейший черновой автограф стихотворения «Гробок» (без заглавия) — на одном листе с черновым же автографом стихотворения «Эй, Иван!» (1867) — ГБЛ ф. 195, 5755.2 (факсимиле: Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописи Н. А. Некрасова. Каталог. Сост. Р. П. Маторина. М., 1939, между с. 24 и 25).

В Ст 1879 цикл датирован 1850 г. со ссылкой на указание автора. Однако возможно, что в цикл вошли произведения разных лет. Стихотворение «Карета», первоначально включенное в этот цикл, было написано весной 1855 г. (см. комментарий на с. 633 наст. тома). Возможно также, что для этого же цикла назначалось стихотворение «Вчерашний день, часу в шестом...» (см. примеч. К. И. Чуковского в ПССт 1934—1937, т. I, с. 649), которое Некрасов относил к 1848 г.

1. ВОР

(С. 76)

Эпизод, положенный в основу стихотворения, намечен в одной из глав романа Некрасова и А. Я. Панаевой «Три страны света» (1848—1849); близкая параллель этому эпизоду — в стихо-

творении В. Гюго «Меланхолия», впервые опубликованном (на французском языке) в апреле 1856 г. в кн.: *Hugo V.* Les Contemplations, t. 1. Paris, 1856 (см.: Русско-европейские литературные связи. М.—Л., 1966, с. 131).

3. ГРОБОК

(С. 78)

Цензор А. Похвиснев в донесении о вышедшем из печати шестом издании «Стихотворений» Некрасова писал 27 сентября 1873 г.: «Есть стихотворения, как, например, ,,Гробок", ,,Так, служба!..", ,,Филантроп", производящие болезненное, отталкивающее впечатление по безотрадному взгляду на обстановку жизни, по совершенному отсутствию простого человеческого чувства, противные цензурным постановлениям, но не настолько вредные, чтобы могли служить поводом к аресту книги» (*Рейсер С. А.* Заметки о Некрасове.— В кн.: Звенья, V. М.—Л., 1935, с. 532).

4. ВАНЬКА

(С. 79)

Мерещится мне всюду драма.— Эта строка восходит к фразе А. И. Герцена в очерке «Капризы и раздумье»: «За каждой стеной мне мерещится драма» (см.: *Сакулин П.* Русская литература и социализм. М., 1924, с. 137).

1851

МОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

(С. 80)

Печатается по Ст 1874, Приложение 3: Юмористические стихотворения разных годов, с. 230—234.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 5 (ценз. разр.— 30 апр. 1851 г.), «Библиография», с. 9, в недописанной рецензии Некрасова на кн.: Раут. Литературный сборник в пользу Александринского детского приюта. М., 1851.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1874. В другие прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

В Ст 1874 датировано: «1850». В действительности написано в марте или апреле 1851 г. (ценз. разр. сборника «Раут» — 24 февр. 1851 г.).

Было включено с подзаголовком «Поэма» в «Собрание стихотворений Нового поэта» (СПб., 1855, с. 77—80). Ошибочно приписывалось И. И. Панаеву, поскольку именно он обычно выступал под псевдонимом «Новый поэт», и включалось в его посмертные собрания сочинений (т. V. СПб., 1889; т. V. М., 1912).

«Мое разочарование» — пародия на помещенное в «Рауте» стихотворение Каролины Павловой «Рассказ Лизы» (отрывок из поэмы «Кадриль»). Издатель «Раута» Н. В. Сушков извещал в особом примечании, что «Рассказ Лизы» написан «пятистопным хореем, очень редко встречающимся у нас, особенно в целых пиесах». Иронизируя над этим примечанием, Некрасов (от имени Нового поэта) сообщал в своей рецензии, что «Мое разочарование» он написал «в четверть часа» и притом «тем же трудным, по уверению издателя ,,Раута“, размером, каким написана поэма г-жи Павловой». Лиза в поэме К. Павловой — экзальтированная дворянская барышня: она постоянно восхищается красотами природы, сравнивает себя с литературными героинями и т. д. Лизу постигает разочарование: жених изменил ей, узнав, что она получила в наследство только 60 тысяч рублей. В «Моем разочаровании» Некрасов высмеял тех дворянских юношей и девушек, которые отличались восторженной и беспочвенной мечтательностью (ср. стихотворение «Женщина, каких много»).

Юрьевец-Повольск — Юрьевец, город на Волге (при впадении в нее р. Унжи), неподалеку от Костромы.

Клио (греч. мифол.) — муза истории.

Жан-Поль — псевдоним немецкого писателя-романтика И.-П.-Ф. Рихтера (1763—1825).

Демосфен (384—322 до н. э.) — древнегреческий оратор.

Галич А. И. (1783—1848) — философ-идеалист, профессор Петербургского университета.

Глинка — по-видимому, речь идет о поэте Ф. Н. Глинке (1786—1880), стихи которого Некрасов неоднократно высмеивал (в частности, и в рецензии на «Раут»).

Ричардсон С. (1689—1761) — английский писатель, автор романов «Памела», «Кларисса Гарлоу» и «История сэра Грандисона».

Декандоль О.-П (1778—1841) — швейцарский ботаник, автор монументального труда «Физиология растений».

Шамиссо А. (1781—1838) — немецкий писатель и ученый-натуралист.

Мильтон Д. (1608—1674) — английский поэт и публицист, автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай».

Соутей — Соути Р. (1774—1843), английский поэт-романтик; уже в начале XIX в. русским читателям были хорошо известны его баллады, переведенные Жуковским.

Шеллинг Ф.-Б.-И. (1775—1854) — немецкий философ-идеалист.

Клопшток Ф.-Г. (1724—1803) — немецкий поэт, автор поэмы «Мессиада».

Тацит (ок. 58—после 117) — древнеримский историк.

Ламартин А.-М.-Л. (1790—1869) — французский поэт-романтик.

ДЕЛОВОЙ РАЗГОВОР

(С. 83)

Печатается по Ст 1874, Приложение 3: Юмористические стихотворения разных годов, с. 235—251.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 8 (ценз. разр.— 8 авг. 1851 г.), «Смесь», с. 11—21, в «Заметках Нового поэта о русской

журналистике», под заглавием: «Беседа журналиста с подписчиком», без подписи. Перепечатано в изданном Некрасовым сборнике «Для легкого чтения» (т. IX. СПб., 1859) под заглавием: «Беседа журналиста с подписчиком. Драматическая сцена»; вместо подписи: ***.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1874. В другие прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Автограф не найден.

В Ст 1874 датировано: «1851». Написано в июне, июле или начале августа 1851 г. (между выходом упомянутой в стихотворении статьи А. Н. Афанасьева в ОЗ и публикацией «Делового разговора»).

В С тексту произведения предшествовали слова: «Публика! журналы! журналисты! соперничество! подписчики! Взявшись писать о русской журналистике, в последнее время я так много думал обо всем этом, что в голове моей образовалась целая поэма, в которой должен отразиться характер современной нашей журналистики. Я дал моей поэме драматическую форму и теперь деятельно пишу ее. Вот первая „Беседа", или первая часть моей драматической поэмы; надеюсь, публика прочтет ее с любопытством и благодарностию; я думаю, еще ни один литератор так горячо не хлопотал об интересах публики, как хлопочу я в моей поэме».

Под именем «Журналиста» выведен Андрей Александрович Краевский (1810—1889), издатель-редактор ОЗ. В стихотворении разоблачаются недостойные приемы, к которым он прибегал в полемике с другими журналами, в частности с С. При перепечатке в Ст 1874 Некрасов исключил те выпады против Краевского, которые утратили актуальность в 1870-х гг., в результате чего стихотворение стало значительно короче.

О роли петуха в языческом быту, Значенье кочерги, история ухвата... — Намек на статью А. Н. Афанасьева «Религиозно-языческое значение избы славянина» (ОЗ, 1851, № 6). Эта статья была типична для «мифологической» школы, сводившей народное творчество исключительно к древнейшим мифам.

...«слова, слова, слова!»... — цитата из трагедии Шекспира «Гамлет» (д. 2, сц. 1).

Вы отзывалися с разумной похвалой О Пушкине... — Речь идет о статьях Белинского, печатавшихся в ОЗ, как и прочие статьи критического отдела, без подписи.

Другие редакции и варианты

Я даже был творцом таких нововведений... — Корректурные «нововведения» Краевского заключались в том, что он расставлял лишние дефисы в выражениях типа «очень-много», печатал «петербуржский» вместо «петербургский» и т. п. Слово «петербуржский» вызывало особенно много насмешек, и самого Краевского стали в шутку называть «Краежским» (см.: Панаев, с. 71, 371—372).

Те, что без подписи,— все до одной мои. — Без подписи в ОЗ были помещены статьи многих выдающихся критиков; в первой половине 1840-х гг. литературно-критический отдел журнала

заполнялся в основном статьями Белинского. Некрасов намекает на то, что в частных разговорах Краевский выдавал себя за автора этих статей.

Недаром Лермонтов в стихах своих перчатки Советовал надеть, начав читать журнал.— Ср. стихи Лермонтова: «И я скажу — нужна отвага, Чтобы открыть хоть ваш журнал <...> Да как-то страшно без перчаток!..» («Журналист, читатель и писатель», 1840).

Сигов и Кузмичев — бездарные лубочные писатели, высмеянные Белинским (см., например: Белинский, т. I, с. 125, 190, 333; т. V, с. 86, 189 и др.).

«МЫ С ТОБОЙ БЕСТОЛКОВЫЕ ЛЮДИ...»

(С. 94)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 73.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 11 (ценз. разр.— 31 окт. 1851 г.), с. 90, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой автограф — ГБЛ, ф. 195, 5755. 2. Беловой автограф с заглавием «К ***» — ГБЛ (Солд. тетр., л. 15 об.— 16).

В Ст 1879 датировано: «1851»,— видимо, по времени первой публикации.

Обращено к А. Я. Панаевой.

Положено на музыку (М. П. Вохина, 1865).

НОВЫЙ ГОД

(С. 95)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, Приложение 1: Юмористические стихотворения 1842—45 годов, с. 207—209.

Впервые опубликовано: С, 1852, № 1 (ценз. разр.— 31 дек. 1851 г.), «Смесь», с. 172—173, в статье «Литературный маскарад накануне нового (1852) года. (Заметки поэта)», без заглавия и подписи.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. В Ст 1861, Ст 1863 и Ст 1864 отсутствовало, вероятно, из-за цензурных препятствий. В Ст 1869 и 1873 помещено в приложении «Юмористические стихотворения 1842—45 годов», видимо, лишь по цензурно-тактическим соображениям: стихотворение не имеет юмористического характера и написано гораздо позже.

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 27—28 об.).

В Ст 1879 датировано: «1852» — по времени первой публикации. Написано, очевидно, в конце 1851 г.

Н. Г. Чернышевский цитировал ст. 31—33, 35—36 из «Нового года», придав им ярко революционный смысл, в статье «Критика

философских предубеждений против общинного владения» (Чернышевский, т. V, с. 392), а ст. 27, 29—30 привел в романе «Что делать?» (т. XI, с. 336); см. об этом: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, вып. 1. Саратов, 1958, с. 521. Стихотворение перепечатывалось в кн.: Лютня. Собрание свободных русских песен и стихотворений. Лейпциг, 1869 (изд. 2-е. Лейпциг, 1873; изд. 5-е. Лейпциг, 1879; изд. 6-е. Лейпциг, б. г.).

1852

«БЛАЖЕН НЕЗЛОБИВЫЙ ПОЭТ...»

(С. 97)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 92—94.

Впервые опубликовано: С, 1852, № 3 (ценз. разр.— 29 февр. 1852 г.), с. 147—148, с датой: «25 февраля 1852 года» и подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф с датой: «22 февр. 1852» — ГБЛ (Солд. тетр., л. 32 об.— 33 об.).

В Р. б-ке под текстом указано: «В день смерти Гоголя, 21 февраля 1852».

Написано на смерть Н. В. Гоголя (умер в Москве 21 февраля 1852 г.) по мотивам лирического отступления в «Мертвых душах» (т. 1, гл. VII). Явилось одним из первых манифестов гражданского (так называемого «гоголевского») направления в борьбе против школы «чистого искусства». Гоголь был прототипом поэта-сатирика, но Некрасов придал этому образу и обобщенные черты передового гражданина. Строки «Он проповедует любовь Враждебным словом отрицанья», «И как любил он — ненавидя!» (подобных слов у Гоголя не было) вызвали возражение приверженцев «чистого искусства». «При всем нашем добросовестном старании,— восклицал Дружинин,— мы с вами ни разу не попробовали любить ненавидя или ненавидеть любя» (*Дружинин А. В.* Собр. соч., т. VIII. СПб., 1867, с. 468). Напротив, Чернышевский подхватил эти стихи и, пользуясь намеками, разъяснял читателям их революционный смысл. «...никогда,— писал он,— „незлобивый поэт“ не может иметь таких страстных почитателей, как тот, кто, подобно Гоголю, „питая грудь ненавистью“ ко всему низкому, пошлому и пагубному, „враждебным словом отрицанья“ против всего гнусного „проповедует любовь“ к добру и правде» (*Чернышевский,* т. III, с. 21—22). «Под впечатлением» некрасовских стихов И. С. Тургенев написал статью о Гоголе, за публикацию которой был арестован и выслан в Спасское (см.: Тургенев, Письма, т. II, с. 48—49).

Полемизируя с Некрасовым, Я. П. Полонский написал стихотворение «Блажен озлобленный поэт...» (1872). Реминисценция строки «Блажен незлобивый поэт» — в стихотворении Некрасова «Поэт и гражданин» (1855—1856): «Блажен болтающий поэт».

Существует предположение, что прообразом «незлобивого поэта» был В. А. Жуковский (см.: *Гин М.* От факта к образу и сюжету. М., 1971, с. 169—181).

10 января 1860 г. на первом вечере в пользу Литературного фонда Некрасов прочитал свои стихотворения «Блажен незлобивый поэт...» и «Еду ли ночью по улице темной...».

МУЗА

(С. 99)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 67—69.

Впервые опубликовано: С, 1854, № 1 (ценз. разр.— 31 дек. 1853 г.), с. 75—76, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Известны три беловых автографа: один с надписью «Дарю это стихотворение Николаю Боткину с тем, чтоб он никому не давал его списывать. Н. Некрасов. 11 августа 1852» (ЦГАЛИ, ф. 338, ед. хр. 17; факсимиле — ЛН, т. 49—50. М., 1949, с. 19—21); другой — в письме Некрасова к И. С. Тургеневу от середины ноября 1852 г. (ИРЛИ, 21 194); третий — ГБЛ (Солд. тетр., л. 85—87).

В Ст 1879 датировано: «1851», со ссылкой на указание автора. В Р. б-ке отнесено к 1852 г. (также по указанию автора). По всей видимости, Некрасов начал работу над «Музой» в середине мая 1852 г. (см. его письмо к И. С. Тургеневу от 16 мая 1852 г.), а закончил ее до 11 августа 1852 г. (как показывает автограф ЦГАЛИ).

Образ своей Музы Некрасов построил на скрытой полемике с обращением Пушкина к Музе в стихотворении «Наперсница волшебной старины...» (1821):

> Ты, детскую качая колыбель,
> Мой юный слух напевами пленила
> И меж пелен оставила свирель,
> Которую сама заворожила.

(См. об этом: *Чуковский Корней.* Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 53—55). Стихотворение Пушкина было опубликовано лишь в 1855 г., но Некрасов познакомился с ним в рукописи, очевидно, еще весной 1852 г., непосредственно перед написанием «Музы» (см.: *Гаркави А. М.* Из разысканий о Некрасове.— О Некр., вып. III, с. 298—299).

23 ноября 1852 г. И. С. Тургенев писал Некрасову о стихотворении «Муза» (которое Некрасов прислал ему в письме): «...твои стихи хороши — хотя не встречается в них того энергического и горького взрыва, которого невольно от тебя ожидаешь — притом конец кажется как бы пришитым — уничтожь также следующую небрежность: „И юношеских лет прекрасные *мечты...*“, а через два стиха опять: „Желанья и *мечты*“ и т. д. Но первые 12 стихов отличны и напоминают пушкинскую фактуру» (Тургенев, Письма,

т. II. с. 88). Некрасов учел замечание: при публикации «Музы» он исключил четверостишие, в котором были слова «Желанья и мечты».

Придавая «Музе» принципиальное значение, Некрасов предполагал поместить ее в первом номере С за 1853 г. (см.: ПСС. т. X, с. 183), а опубликовал в первом номере за 1854 г. Возможно, что задержка с публикацией была вызвана цензурными препятствиями. 5 января 1854 г., когда стихотворение уже находилось в печати, А. В. Дружинин записал в своем дневнике: «Боюсь за „Музу" Некрасова...» (ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, ед. хр. 108. л. 128 об.). Действительно, «Муза» была напечатана с цензурными искажениями (см. раздел «Другие редакции и варианты», с. 488).

Стихотворение распространялось в списках. Известна, например, копия С. Г. Мей с датой: «21 марта 1856 г.» (ГПБ, ф. 621, ед. хр. 540).

Защищая позиции «чистого искусства», А. Н. Майков написал стихотворение «Н. А. Некрасову (по прочтеньи его стихотворения „Муза")»: «С невольным сердца содроганьем Прослушал Музу я твою...» и т. д. (ЛН, т. 49—50. М., 1949, с. 614—617).

«АХ, БЫЛИ СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ!..»

(С. 101)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 90—91.

Впервые опубликовано: С, 1853, № 1 (ценз. разр.— 31 дек. 1852 г.), с. 156, без заглавия, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856, под заглавием: «Из Гейне». Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений» с пометой: «(Из Гейне)».

Беловые автографы: в альбоме М. П. Боткиной-Фет (ИРЛИ, 24 535, л. 72) с подзаголовком: «(Из Гейне)», подписью: «Н. Некрасов» и датой записи: «6 декабря 1852»; ГБЛ (Солд. тетр., л. 14 об.— 15) — без заглавия.

В Ст 1879 датировано: «1853»,— очевидно, по времени первой публикации. Датируем временем между выходом сборника «Romanzero» (октябрь 1851 г.) и записью в альбоме Боткиной-Фет.

Стихотворение Некрасова — вольный перевод «Frau Sorge» Генриха Гейне (из его книги «Romanzero»). Стиха, соответствующего последней строке русского текста, у Гейне не было. Этот стих цензура при публикации в С сочла «кощунственным», и он был напечатан в искаженном виде (см. раздел «Другие редакции и варианты», с. 489).

ЗА ГОРОДОМ

(С. 102)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 88—89.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений:

Ст 1856, с. 155—156. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловые автографы: в альбоме М. П. Боткиной-Фет (ИРЛИ, 24 535, л. 28—28 об.) с подписью: «Н. Некрасов» и с датой записи: «7 дек. 1852»; в альбоме Я. П. Полонского с датой записи: «12 июня 1854» (ПСС, т. I, с. 540; разыскать этот автограф в ИРЛИ нам не удалось; его варианты воспроизводим по ПСС, т. I, с. 446); ГБЛ (Солд, тетр., л. 96 об.— 97 об.). В Экз. авт. ГПБ Некрасовым вписаны ст. 23—24.

В Ст 1879 датировано: «1853» (очевидно, по указанию Некрасова), однако, как показывает запись в альбоме Боткиной-Фет, оно было написано не позже 7 декабря 1852 г.

По мнению К. И. Чуковского (ПСС, т. I, с. 540), выражение «сильные и сытые земли» (в ст. 23) представляет собою реминисценцию из письма Белинского к Гоголю, где упоминались пророки, обличавшие в беззаконии «сильных земли» (Белинский, т. X, с. 216).

СТАРИКИ

(С. 103)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 98.

Впервые опубликовано: С, 1853, № 1 (ценз. разр.— 31 дек. 1852 г.), с. 8, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 70—70 об.).

В Ст 1879 датировано: «1852».

Незадолго до смерти Некрасов распорядился исключить «Стариков» из основного свода своих стихотворений: «Перенести в приложение» (Ст 1879, т. IV, с. CXV).

ПРЕКРАСНАЯ ПАРТИЯ

(С. 104)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 2, с. 21—35; ст. 128 восстановлен по БдЧ.

Впервые опубликовано: БдЧ, 1856, № 10 (ценз. разр.— 22 сент. 1856 г.), с. 199—205, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось во 2-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф с заглавием «Прекрасная пара» — ГБЛ (Солд. тетр., л. 116 об.— 125; факсимиле ст. 219—232 этого автографа — ПСС, т. I, между с. 80 и 81). Беловой автограф ст. 1—4 с пометкой А. Ф. Кони «Автограф Н. А. Некрасова» — ГПБ, ф. 124, ед. хр. 3016.

Во всех прижизненных изданиях, начиная со Ст 1861, датировано: «1852».

По замыслу связано со стихотворением «Памяти <Асенков>ой» (см. комментарий к нему на с. 625 наст. тома).

Он город за женою взял...— благодаря выгодной женитьбе получил доступ в петербургское светское общество.

Фудрас — Фудра Т.-Л.-О. (1800—1872), французский беллетрист, автор романов из жизни светского общества.

Дюма — имеется в виду Александр Дюма-отец (1803—1870), популярный французский романист.

Жорж Санд — псевдоним знаменитой французской романистки Авроры Дюдеван (1804—1876), поборницы женских прав.

Рубини Д.-Б. (1795—1854) — итальянский певец. О его гастролях в Петербурге в 1843 г. см. комментарий к стихотворению «Говорун».

Александр Марлинский — псевдоним, которым А. А. Бестужев (1797—1837) подписывал свои романтические повести.

Кукольник Н. В. (1809—1868) — писатель, автор псевдопатриотических драм. В Экз. авт. ГПБ переписчик вместо заменявших ст. 128 точек вписал строку: «И Федоров и Кони». Разыскавшая этот текст Р. Б. Заборова высказала догадку, что это — подлинная некрасовская строка и что поэт имел в виду писателя Б. М. Федорова (1794—1875), агента III Отделения. «Впоследствии Некрасов заменил имя Федорова на Кукольника, вероятно потому, что осмеянного им Б. М. Федорова, автора сусальной народной оперы „Русский крестьянин, или Гость с Бородинского поля“, могли спутать с П. С. Федоровым — „сносным переводчиком и водевилистом“ с которым Некрасов при случае сотрудничал» (Некр. сб., V, с. 272).

Кони Ф. А. (1809—1879) — водевилист.

Широкоплечий трагик...— Имеется в виду В. А. Каратыгин (1802—1853).

Кто по часам не поджидал Зеленую карету...— В зеленых каретах привозили в театр воспитанниц театрального училища.

Но ты, к кому души моей Летят воспоминанья...— Речь идет о В. Н. Асенковой (см. комментарий к стихотворению «Памяти <Асенков>ой»).

«Норма» (1831) — опера итальянского композитора В. Беллини (1801—1835), в 1840-х гг. шла на сцене Михайловского театра в Петербурге.

Манфред — герой одноименной драмы Байрона; здесь в смысле — разочарованный в жизни человек.

Дюсо (Дюссо) — владелец ресторана в Петербурге.

Ловлас — персонаж романа английского писателя С. Ричардсона (1689—1761) «Кларисса Гарлоу» (1748), повеса, соблазнитель женщин.

Кессених — см. комментарий к стихотворению «Новости».

«О ПИСЬМА ЖЕНЩИНЫ, НАМ МИЛОЙ!..»

(С. 112)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 133—134.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. 193—194, под заглавием: «Отрывок». Перепечатывалось (без заглавия) в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден.

В Ст 1879 датировано: «1852».

Видимо, относится к циклу стихотворений, посвященных А. Я. Панаевой. С. И. Пономарев указал на связь этого стихотворения со стихотворениями «Письма» (1855) и «Горящие письма» (1877), обращенными, очевидно, к ней же (см.: Ст 1879, т. IV, с. XXXII). Ст. 24—26 перекликаются с концовкой обращенного также к А. Я. Панаевой стихотворения «Прощанье» (1856).

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

(С. 113)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 130—132.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 1 (ценз. разр.— 31 дек. 1854 г.), с. 7—8, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 34 об.— 36 об.).

В Ст 1879 датировано: «1852», со ссылкой на указание автора. В Р. б-ке отнесено (также, видимо, по указанию автора) к 1853 г.

И. А. Панаев в мемуарах «О Некрасове» определил «Застенчивость» как стихотворение автобиографического характера (ЛН, т. 49—50. М., 1949, с. 537—538). Современный исследователь, возражая против прямолинейной автобиографической интерпретации «Застенчивости», отмечает, что герой этого стихотворения наделен чертами, типичными для труженика-разночинца середины прошлого века (см.: *Корман Б. О.* Лирика Н. А. Некрасова. Воронеж, 1964, с. 127—129).

1853

ФИЛАНТРОП

(С. 115)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 2, с. 37—46; в ст. 86—89, 109, 134, 136 по беловому автографу ИРЛИ восстанавливаются свободные от цензурных искажений варианты.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 2 (ценз. разр.— 31 янв. и 5 февр. 1856 г.), с. 237—242, с датой: «1852» и подписью: «Н. Некрасов»,

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось с датой: «1853» во 2-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф с подзаголовком: «(Члену Общества посещения бедных, его в<ысокоблагоро>дию Мих. Ник. Лонгинову отставного коллежского секретаря Пучина всенижайшее донесение о причинах, доведших означенного Пучина до крайней степени нищеты, бродяжничества и пьянства)» и датой: «1853, ноябрь» — ИРЛИ, 23 380 (подробное описание этого автографа: *Яковлев Н.* «Филантроп».— Некр. по мат. ПД, с. 105—117; факсимиле начала автографа — ПССт 1967, т. I, с. 165). Другой беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 61—67).

До последнего времени «Филантропа» в изданиях Некрасова относили к ноябрю 1853 г. на основании даты в автографе ИРЛИ, а также письма Некрасова к И. С. Тургеневу от 17 ноября 1853 г., в котором он сообщал: «Посылаю тебе ,,Филантропа" — скажи мне о нем свое мнение. Этой вещи я не почитаю хорошею, но дельною...» — а в постскриптуме к письму добавлял: «,,Филантропа"— не успел переписать, пришлю после»; 22 ноября 1853 г. Некрасов читал «Филантропа» А. В. Дружинину (Ашукин, с. 124). Однако в обнаруженном недавно Экз. авт. ГПБ имеется подробное (сделанное неизвестным лицом, но авторизованное Некрасовым) описание не дошедшего до нас автографа, где «Филантроп» был датирован: «1853. Октябрь» (*Заборова Р. Б.* Запрещенный Некрасов.— Некр. сб., V, с. 275).

«Филантроп» был опубликован в С с многочисленными искажениями. Специально для цензуры Некрасов присочинил несколько строф, где говорилось, будто «нынче» положение бедняков облегчено, а честные чиновники всячески поощряются; поэт вынужден был изменить все стихи, указывавшие на графский титул филантропа, и стихи, в которых цензура могла усмотреть «оскорбление» чиновничества. Часть этих искажений Некрасову удалось устранить при перепечатках «Филантропа» в Ст 1856 и Ст 1861.

К. И. Чуковский отметил, что сюжет «Филантропа» связан с гоголевской традицией (особенно сцена у «сиятельного лица», ст. 105—148): «Здесь и ,,Повесть о капитане Копейкине" (Копейкин у генерал-аншефа), здесь и ,,Шинель" (Акакий Акакиевич у «значительного лица»), и самая атмосфера происшествия гоголевская» (*Чуковский Корней.* Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 136).

Некоторые материалы для «Филантропа» дала Некрасову деятельность петербургского благотворительного Общества посещения бедных. Оно пользовалось «высочайшим» покровительством: его попечителем сначала был герцог Максимилиан Лейхтенбергский (зять Николая I), а затем великий князь Константин Николаевич; членами — наследник престола (будущий Александр II), видные сановники. Большое участие в работе Общества принимали петербургские литераторы; председателем его был В. Ф. Одоевский. Некрасов был хорошо осведомлен о делах Общества: 26 марта 1851 г. он был избран в его члены (см.: *Бухштаб Б. Я.* Некрасов и петербургские филантропы.— Учен. зап. Горьковского ун-та, 1964, вып. 72. Сер. историко-филол., с. 331). О том, что замысел «Филантропа» был подсказан впечатлениями, полученными

в Обществе посещения бедных, позволяет судить и вышеприведенный шутливо-пародийный подзаголовок к стихотворению в беловом автографе ИРЛИ. В окончательном тексте стихотворения Общество посещения бедных не упоминается, однако в образе филантропа отразились некоторые черты В. Ф. Одоевского: он тоже был «сиятельным лицом» (только в отличие от некрасовского персонажа имел не графский, а княжеский титул), тоже сочинял научно-популярные статьи для крестьян (в частности, вместе с А. П. Заблоцким в 1840-х гг. издавал сборники «Сельское чтение», на которые, видимо, и намекал Некрасов в «Филантропе»,— см.: *Гин М.* Н. А. Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957, с. 47); наконец, среди своих приятелей пользовался репутацией «ангельской личности» (см. об этом: РС, 1895, № 1, с. 98). Одоевский и сам полагал, что Некрасов вывел его в «Филантропе». Когда было объявлено, что 10 января 1860 г. на вечере в пользу нуждающихся литераторов Некрасов прочтет стихотворения «Еду ли ночью по улице темной...» и «Филантроп» (см. объявление в РИ, 1860, 9 янв.), Одоевский обратился к нему с письмом, где просил во избежание сплетен и кривотолков не читать «Филантропа» (АсК, с. 132—135). Поэт ответил ему, что поводом к написанию «Филантропа» был такой случай: когда-то Некрасов посетил писателя В. И. Даля, жившего на «8-м, кажется, этаже, просить у него статьи» и «очень запыхался»,— а Даль ошибочно принял его за пьяного. «Но, по-моему,— добавлял Некрасов,— я и Даля не изобразил — я вывел черту современного общества...» (ПСС, т. X, с. 412). Действительно, в первых публикациях «Филантропа» были строки, возможно метившие в Даля (см. вариант после ст. 60 С и Ст 1856),— однако ответ Некрасова Одоевскому имел «дипломатический» характер: образ филантропа все же больше напоминает Одоевского, нежели Даля. Но, конечно, это образ широко обобщенный: сатира направлена против либеральной филантропии в целом.

В прижизненных изданиях Некрасова «Филантроп» печатался с многочисленными цензурными искажениями. Стихотворение распространялось в рукописных копиях, отчасти восходивших к автографам поэта; в своих экземплярах Ст 1856 и Ст 1861 читатели восстанавливали от руки свободный от цензуры текст (см. разночтения в разделе «Другие редакции и варианты», с. 495—496; приводим исходные данные для тех источников, которые не названы в списках условных сокращений: копия П. А. Ефремова — Докл. РБО, вып. 1, СПб., 1908, с. 8; копия П. Л. Лаврова — ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 340, л. 213 об.— 216).

«Филантроп» был перепечатан в бесцензурном издании: Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов. Лейпциг, 1858 (Р. б-ка, т. I).

Очень высокую оценку «Филантропу» дал Д. И. Писарев (см. комментарий к стихотворению «Нравственный человек»).

Провиантская комиссия — учреждение, ведавшее продовольственным снабжением армии.

Звезда станиславская — орден св. Станислава.

Гайдук — здесь: служитель у вельможи.

«Я ПОСЯГНУ НА НЕПРИЛИЧНОСТЬ...»

(С. 120)

Печатается по черновому автографу ЦГАЛИ.

Впервые опубликовано К. Чуковским: Красная газета, 1926, 29 марта, № 74, вечерний выпуск, с. 2.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Черновой автограф — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. I, ед. хр. 34. Копия А. В. Дружинина с пометкой: «Экспромт на обеде Тургеневу в 1853 или 1854 году (черновая при сем)» и подписью: «Н. Некрасов» — ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, ед. хр. 22, л. 1.

Обед Тургеневу по случаю его возвращения из ссылки был дан в редакции С 13 декабря 1853 г. (*Клеман М. К.* Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. М.—Л., 1934, с. 71). Очевидно, на этом обеде Некрасов и выступил со своей дружеской эпиграммой.

Бранит холеру и понос... — Тургенев, действительно, часто сетовал на холеру (см.: Тургенев, Письма, т. II, с. 223, 291 и др.).

И похвалу его большую Всему, что ты ни напиши... — Мемуаристы свидетельствуют, что Тургенев часто расхваливал посредственные произведения.

ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО

(С. 121)

Печатается по тексту Р. б-ки, с. 12—13.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 3 (ценз. разр.— 28 февр. 1855 г.), с. 86, под заглавием: «Памяти приятеля» и с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856 (под заглавием: «Памяти приятеля»). Перепечатывалось (под тем же заглавием) в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф с заглавием: «Памяти приятеля» — ГБЛ (Солд. тетр., л. 88 об.— 89).

В Ст 1879 датировано: «1853» (очевидно, по указанию автора), а в Р. б-ке (по его же указанию) — «1851».

Заглавие «Памяти Белинского» в Р. б-ке принадлежало, несомненно, самому поэту. Авторитетность этой публикации подтверждается тем, что здесь была внесена поправка и в ст. 16. Исправленное чтение «сдержанное племя» находим и в Ст 1879; в тексте этого издания было сохранено заглавие «Памяти приятеля», однако в указателях были названы также заглавия «Памяти Белинского» (т. IV, с. CXCIX) и «Белинскому» (т. IV, с. CCI).

Стихотворение посвящено памяти В. Г. Белинского (умершего 26 мая 1848 г.). Написано оно было в то время, когда имя критика находилось под строжайшим цензурным запретом в связи с распространением «крамольного» письма Белинского к Гоголю.

На полях своей книги Некрасов незадолго до смерти пояснил: «Известно, что о Белинском нельзя было слова пикнуть» (Ст 1879, т. IV, с. XXXIV). О том, как велик был страх перед возможными полицейскими репрессиями, свидетельствует такой факт: В. П. Боткин (понимавший, кому посвящено стихотворение) писал И. С. Тургеневу 13 марта 1855 г.: «Скажи Некрасову спасибо за стихи „Памяти приятеля“ Они во всех отношениях превосходны»,— но тут же (очевидно, опасаясь перлюстрации) густо зачеркнул эти слова (см.: *Егоров Б.* Н. А. Некрасов и В. П. Боткин.— ВЛ, 1964, № 9, с. 252).

Затеряна давно твоя могила...— Могила Белинского на Волковом кладбище, действительно, была затеряна. Ср. в поэме Некрасова «В. Г. Белинский»: «Могила заросла кругом: Не сыщешь...». Лишь в 1856 г., пользуясь указаниями вдовы Белинского, библиограф П. А. Ефремов разыскал эту могилу (Докл. РБО, вып. 1. СПб., 1908, с. 1—2).

БУРЯ

(С. 122)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 78—79.

Впервые опубликовано: первоначальная редакция — С, 1850, № 9 (ценз. разр.— 30 авг. 1850 г.), с. 41—42, с подписью: «Н. Некрасов»; переработанный текст — Ст 1856, с. 184—185.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856 (переработанный текст). Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений». Первоначальная редакция в прижизненные собрания сочинений не включалась.

Автограф первоначальной редакции — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. I, ед. хр. 4. Беловой автограф основного (переработанного) текста — ГБЛ (Солд. тетр., л. 20 об.— 21); факсимиле начала этого автографа — ПСС, т. I, между с. 176 и 177.

Переработка первоначальной журнальной редакции была осуществлена, видимо, в 1853 г.: эта дата выставлена в Ст 1879 (вероятно, по указанию автора).

Первоначальная редакция была пародирована Эрастом Благонравовым (Б. Н. Алмазовым) в стихотворении «Кофей» (М, 1851, № 19—20, с. 286—287). В результате переработки Некрасов устранил недостатки первоначальной редакции (растянутость, риторичность и т. п.) и создал замечательное лирическое стихотворение (см. об этом: *Чуковский Корней.* Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 305—308).

Неоднократно положено на музыку (Н. Я. Афанасьев, 1877; А. Б. Куракин, 1877; В. И. Главач, 1893; М. А. Слонов, 1902). С конца XIX в. включалось в песенники (Полный русский песенник. М., 1892).

Шубка — здесь: сарафан.

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ГРАФА ГАРАНСКОГО

(С. 123)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, Приложение 1: «Юмористические стихотворения 1842 — 45 годов», с. 199—206, с восстановлением цензурной купюры в ст. 58—67 и исправлением в ст. 86 по авторизованной копии ГБЛ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. 93—96. В Ст 1861 и Ст 1863 отсутствовало вследствие цензурного запрета. В Ст 1864, Ст 1869 и Ст 1873 по цензурно-тактическим соображениям помещено в приложении, среди юмористических стихотворений 1842—1845 гг., однако на шмуцтитуле был выставлен особый подзаголовок: «(Писано в 1853 году)».

Автограф не найден. Авторизованная копия рукой А. Я. Панаевой с поправками Некрасова — ГБЛ (Солд. тетр., отдел «Не для печати», л. 140—144 об.). Автографические вставки Некрасова — в Экз. авт. ГБЛ.

Заглавие первоначально было несколько иное, подзаголовок на французском языке отсутствовал. Ранний вариант заглавия в авторизованной копии ГБЛ: «Из путевых заметок по России русского барина, долго жившего за границей». Разночтение в копии П. Л. Лаврова (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 340, л. 216): «Путевые записки о России русского барина, долго жившего за границей». О том, как был написан французский текст подзаголовка, Н. Г. Чернышевский рассказывает: «Перевод заглавия книги Гаранского на французский язык Некрасов поручил сделать мне; у него оно было написано по-русски; я сделал, но сказал, что я не умею писать по-французски, потому надобно показать мой перевод знающему хорошо французский язык <...> через несколько времени вошел Тургенев, мы показали, он поправил» (Чернышевский, т. I, с. 750).

Фамилия либеральствующего космополита Гаранского, возможно, восходит к фамилии крупного ярославского чиновника Я. И. Горанского, обширный некролог которого был напечатан в СП от 21 марта 1847 г., № 65 (см.: *Базанов Вас.* От фольклора к народной книге. Л., 1973, с. 211).

Стихи о расправе крестьян с жестоким помещиком (ст. 57—67) находят себе аналогию в статьях Герцена; говоря о зверствах помещиков-крепостников: «...тот с дворней выезжал Разбойничать, тот затравил мальчишку» (ст. 79—80), Некрасов, видимо, основывался на реальных фактах — о подобных же явлениях писали в своих произведениях С. Т. Аксаков, Н. С. Лесков, А. Н. Майков, Ф. М. Достоевский (см.: *Бухштаб Б. Я.* Сатирическая поэзия Некрасова в годы «цензурного террора».— Некр. сб., IV, с. 72—74).

Вскоре после опубликования «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» (вместе с «Поэтом и гражданином» и «Забытой деревней») были перепечатаны в рецензии Чернышевского на Ст 1856 (С, 1856, № 11). Эта перепечатка вызвала целую цензурную «бурю» (см. комментарий к стихотворению «Поэт и гражданин» в т. II наст. изд.). 14 ноября 1856 г. цензор Е. Е. Волков в рапорте министру народного просвещения А. С. Но-

рову писал об «Отрывках...»: «В этих отрывках, между прочим, сказано, что крестьяне наши терпят, „по их словам, общую страду, что грустно видеть, как они бледны и слабы! но что вряд ли мужиков трактуют как свиней... Что, если между помещиками есть тираны,— то зачем же медлит сатиры грозный бич?“ Нет сомнения, что автор имел благую цель при сочинении этих отрывков; но едва ли она будет достигнута!.. Надо спросить у крестьян, что скажут они, если кто-нибудь из них прочтет эти отрывки? Наверное, можно предположить, что тот не засмеется!.. а скажет вместе с автором: „Жаль, дремлет русский ум“,— и предлагаемую автором „сатиру“ примет, пожалуй, за другое слово...» (*Евгеньев-Максимов В.* Некрасов как человек, журналист и поэт. М.—Л., 1928, с. 224).

В связи с цензурным запретом «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» распространялись в рукописях; в своих экземплярах Ст 1856 читатели исправляли цензурные искажения (см. раздел «Другие редакции и варианты», с. 500; приводим исходные данные для тех источников, которые не названы в списках условных сокращений: копия Н. А. Панова — Некр. сб., II, с. 498; копия М. Л. Михайлова нами не разыскана, ее разночтение воспроизводим по ПСС, т. I, с. 96).

С балкона наблюдая, Спросил: довольны ли?.. Кричат: «Довольны всем!» — Ср. распоряжение гоголевского Городничего: «Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу: довольны ли? — чтобы говорили: „Всем довольны, ваше благородие“; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия...» («Ревизор», д. 1, явл. 5).

1854

В ДЕРЕВНЕ

(С. 127)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 80—84.

Впервые опубликовано: С, 1854, № 11 (ценз. разр.— 31 окт. 1854 г.), с. 5—7, с посвящением: «(С. С. Д.)» и подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено (без посвящения): Ст 1856. Перепечатывалось (также без посвящения) в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 73 об.—77).

В Ст 1879 датировано: «1853», со ссылкой на указание автора. В Р. б-ке (очевидно, также по указанию автора) датировано: «1854». Верна вторая дата: в письме И. С. Тургенева к С. Т. Аксакову от 31 мая 1854 г. об этом стихотворении упоминается как о литературной новинке (Тургенев, Письма, т. II, с. 223).

С. С. Д., которому первоначально было посвящено стихотворение,— вероятно, Степан Семенович Дудышкин (1820—1886), в то время ведущий критик ОЗ.

Стихи о крестьянине Савушке, погибшем на медвежьей охоте, некоторые читатели поняли как намек на смерть Николая I: ходили слухи, будто царь умер под впечатлением военного поражения в Крыму. Видя в стихотворении «В деревне» политическую аллегорию, А. А. Григорьев писал, что оно имеет «претензию на большую ядовитость» (М, 1855, № 15-16, с. 177—178). Между тем оно было написано и опубликовано до смерти Николая I, и самого Некрасова лишь удивляли подобные произвольные толкования. Поэт сделал заметку: «Казус со стих<отворением> „В деревне“. М. был уверен, что — о Н<иколае> П<авловиче>. Брат К<онстантин> знает» (ПССт 1931, с. 509). Кто такой М.— не установлено.

На этот казус сослался впоследствии Н. Г. Чернышевский, защищая С от цензурных гонений. В докладной записке 1862 г. он упомянул, что ретрограды произвольно истолковали «как намек на одну высокую личность» стихотворение «В деревне», бывшее простым рассказом из сельского быта (Чернышевский, т. XVI, с. 360).

Центральная часть стихотворения построена на мотивах народных причитаний.

14 ИЮНЯ 1854 ГОДА

(С. 130)

Печатается по Ст 1856, с. 147.

Впервые опубликовано: С, 1854, № 7 (ценз. разр.— 30 июня 1854 г.), с. 5, без заглавия, с эпиграфом: «Вы грозны на словах, попробуйте на деле! *Пушкин*», с датой: «14 июня 1854 г. (В день появления соединенного флота вблизи Кронштадта)» и подписью: ***.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. В другие прижизненные издания «Стихотворений» Некрасова не входило.

Беловой автограф без заглавия с датой: «14 июня 1854 (в день первого появления соединенного флота у Кронштадта)» — ГБЛ (Солд. тетр., л. 81 об.— 82); факсимиле начала этого автографа — ПСС, т. I, между с. 64 и 65.

Написано под впечатлением одного из ранних эпизодов Крымской войны. 14 июня соединенная англо-французская эскадра появилась вблизи Кронштадта, угрожая Петербургу. Некрасов, находившийся в то время на даче под Ораниенбаумом, совершил вместе с друзьями поездку к морю, чтобы посмотреть на вражеские корабли (см. письмо И. И. Панаева к М. Н. Лонгинову от 10 июля 1854 г.— В кн: Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922, с. 214—215).

Позорище — зрелище, арена.

«МЫ, ПОСЕТИВ ТЕБЯ, ДРУЖИНИН...»

(С. 131)

Печатается по черновому автографу ЦГАЛИ.

Впервые опубликовано К. Чуковским: Красная газета, 1926, 24 июня, № 145, вечерний выпуск, с. 2.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Черновой автограф, с датой: «28 июля 1854. Чертово»— ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, ед. хр. 19, л. 1. На том же листе сверху — надпись А. В. Дружинина: «Для чернокнижных вдохновений».

Александр Васильевич Дружинин (1824—1864) — писатель и журналист. В двадцатых числах июля 1854 г. Некрасов и Тургенев гостили у него в имении его матери Чертове (Гдовского уезда, Петербургской губернии). Дружинин в ту пору всячески пропагандировал «чернокнижие», под которым он разумел сочинение развлекательных, юмористических произведений (вроде «Сантиментального путешествия Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам»), а также непристойных стихов. Такое «чернокнижие» было характерным явлением эпохи «мрачного семилетия» (1848—1855).

ПРИЗНАНИЯ ТРУЖЕНИКА

(С. 132)

Печатается по Ст 1874, с. 215—218.

Впервые опубликовано: первоначальная редакция под заглавием: «Труженик» — С, 1854, № 11 (ценз. разр.— 31 окт. 1854 г.), «Литературный ералаш», с. 103—110, без подписи; перепечатана в вышедшем под редакцией Некрасова сборнике «Для легкого чтения», т. V. СПб., 1857, с. 380—391, под заглавием: «Труженик. Признания новейшего Фальстафа», без подписи (в оглавлении: Стихотворение Н ***); переработанный текст — Ст 1874, Приложение 3: «Юмористические стихотворения разных годов», с. 215—218.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1874.

Автограф не найден.

В Ст 1874 датировано: «1854» (дата относится к первоначальной редакции). Окончательный текст (1874) представляет собою первую половину первоначальной редакции, подвергшуюся стилистической правке.

О своей работе над стихотворением Некрасов сообщает И. С. Тургеневу 16 октября 1854 г.: «...голова моя занята шутовским сочинением...». Еще П. А. Ефремов указал (см.: Докл. РБО, вып. 1. СПб., 1908, с. 13), что прототипом «Труженика» был литературный критик Павел Васильевич Анненков (1812—1887). Действительно, в кружке С любили потешаться над тучностью и чревоугодием Анненкова. Ср. в «Послании к Лонгинову», которое было написано Некрасовым, Тургеневым и Дружининым, строки: «Где Анненков, чужим наполненный вином, Пред братцем весело

виляет животом» (наст. том, с. 428); сатиру Некрасова и Дружинина на Анненкова «За то, что ходит он в фуражке...» (т. II наст. изд.); обращение Тургенева к Анненкову в одном из писем (Тургенев, Письма, т. III, с. 72):

Идеалист с широким пузом,
Ростбифа неуклонный жрец...

«Клуб», о котором говорится в «Признаниях труженика»,— петербургский Английский клуб. Анненков был его членом с 1852 г. При публикации «Признаний труженика» в С цензура, видимо, сочла их «оскорбительными» для этого клуба, и Некрасову пришлось перенести место действия стихотворения в Москву; в ст. 2 вместо «В час, когда по Невскому гуляю» было напечатано: «В час, как по Кузнецкому гуляю». При перепечатке в сборнике «Для легкого чтения» Некрасов восстановил доцензурные варианты в этом и ряде других стихов.

В редакции 1874 г. уже нет многих подробностей и личных намеков, потерявших к 1870-м гг. свою актуальность; зато сильнее зазвучали мотивы обличения тунеядства как общественного явления той эпохи (см.: *Бухштаб Б. Я.* К истории стихотворения Н. А. Некрасова «Признания труженика».— О Некр., вып. III, с. 190—203).

Другие редакции и варианты

Плантатор — здесь: помещик, живущий в своем имении.

Презираю снобсов и хлыщей.— Снобсы (снобы) — гордецы, раболепствующие перед модою; слово это распространилось после издания «Книги о снобсах» (1848) английского писателя У.-М. Теккерея; русских представителей этого типа И. И. Панаев еще раньше вывел в повестях «Онагр» и «Актеон» (обе — 1841). Слово «хлыщ» было пущено в обиход И. И. Панаевым, начавшим в 1854 г. публиковать в С цикл очерков «Опыт о хлыщах». «Хлыщом» прозвали и самого Панаева (см. дневниковую запись А. В. Дружинина от 6 февраля 1854 г.— ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, ед. хр. 108; *Зотов В. Р.* Петербург в сороковых годах.— ИВ, 1890, № 2, с. 335). Анненков относился к Панаеву пренебрежительно; он писал: «Панаев был большой враль» (*Анненков П. В.* Литературные воспоминания. [М.], 1960, с. 535). Поэтому возможно, что в словах «Презираю снобсов и хлыщей» отражено реальное отношение Анненкова к Панаеву.

Предаваясь благородной лени, Не пишу снотворных сочинений.— В этих стихах, возможно, содержался намек на повести П. В. Анненкова «Кирюша» и «Она погибнет», написанные в конце 1840-х гг. О «бездарности», «снотворности» этих повестей много говорили, а Тургенев в насмешку прозвал Анненкова «наш Кирюша» (Панаева, с. 169, 213).

Не служа, к отличию дорог Никому я перебить не мог.— Анненков был состоятельным человеком, нигде не служил.

Политипаж — гравюра, резанная на дереве.

Легюм (франц.) — овощи, зелень.

Тот глаза лазоревые пялит...— Возможно, намек на члена Английского клуба З. Н. Мухортова; ср. в «Послании к Лонгинову»: «Вращает Мухортов лазурными зрачками».

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

(С. 135)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 137—138.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 1 (ценз. разр.— 31 дек. 1854 г.), с. 27—28, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф не найден. Авторизованная копия — ГБЛ (Солд. тетр., л. 106—107).

В Р. б-ке датировано: «1855», но, очевидно, было написано раньше (см. дату ценз. разр. первой публикации в С). В Ст 1879 отнесено (вероятно, по указанию автора) к 1854 г. Более точная дата сообщена в авторизованной копии ГБЛ: «22—25 ноября».

Образ несжатой полосы, возможно, был подсказан Некрасову известным зачином народной песни: «Полоса ль моя, да полосонька, Полоса ль моя, да не паханая...» и т. д. (*Соболевский А. И.* Великорусские народные песни, т. 3. СПб., 1897, с. 51).

Стихотворение воспринималось некоторыми читателями как аллегорическое: в образе пахаря, который «не по силам работу затеял», вероятно, усматривали намек на Николая I, приведшего страну к военной катастрофе и умершего во время Крымской войны (см.: *Гаркави А. М.* Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 135). Это толкование произвольно, тем более что стихотворение написано до смерти Николая I (ср. комментарий к стихотворению «В деревне»). К. И. Чуковский считал, что «Несжатая полоса» имеет автобиографическую основу и написана «под влиянием тяжелой болезни, которой Некрасов заболел в 1853 г.» (ПСС, т. I, с. 550). Косвенные подтверждения тому: в Ст 1856 «Несжатая полоса» включена в 4-й отдел, составленный из лирических произведений; в одном из последних своих стихотворений «Сон» (1877) Некрасов писал о себе как о сеятеле, который сбирает «колос с своей несжатой полосы».

Влияние «Несжатой полосы» ощущается в стихотворении В. В. Крестовского «Полоса» (1861).

Многократно положено на музыку (Н. Я. Афанасьев, 1877; В. И. Ребиков, 1900; И. С. Ходоровский, 1902; А. Т. Гречанинов, 1903; А. А. Спендиаров, 1903; П. Г. Чесноков, 1904; В. П. Адамов, 1910; А. Е. Лозовой, 1913; А. П. Максимов, 1913; Р. С. Бунин, 1961; Т. Н. Хренников, 1971).

Станица — Директор Киевской военной гимназии П. Н. Юшенов обратился к Некрасову с просьбой разъяснить смысл этого слова. В письме от 31 марта 1874 г. Некрасов отвечал: «Я <...> употребил слово „станица“ потому, что с детства слышал его в народе, между прочим, в этом смысле: птицы летают *станицами;* воробьев *станичка* перелетела и т. п. <...> Слова: группа, партия, даже стая, которыми можно было бы заменить его в „Несжатой полосе“, кроме своей прозаичности, были бы менее точны, лишив

выражение того оттенка, который характеризует птицу перелетную (о которой идет речь в стихотворении), располагающуюся время от времени *станом* на удобных местах для отдыха и корма».

«ПРОБИЛ ЧАС!.. НЕ СКАЖУ, ЧТОБ С ОХОТОЙ...»

(С. 137)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 1 (ценз. разр.— 31 дек. 1854 г.), «Смесь», с. 66, в фельетоне «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики», без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1931.

Авторство Некрасова установил К. И. Чуковский, которому был известен черновой автограф этого стихотворения (см.: *Чуковский К.* Неизвестные стихи Некрасова.— Красная нива, 1928, № 1, с. 6; ПССт 1931, с. 620). В настоящее время местонахождение автографа неизвестно. Вариант автографа (в разделе «Другие редакции и варианты, с. 512) воспроизводится по примечаниям К. И. Чуковского: ПССт 1934—1937, т. I, с. 694.

Написано накануне нового, 1855 г. В фельетоне эти стихи произносит аллегорический персонаж — Новый год. Его «предшественник» назван «сумасшедшим, окровавленным, полным коварства», так как 1854 г. был отмечен кровопролитными сражениями на фронтах Крымской войны.

«СТОЛ НАКРЫТ, ПОДСВЕЧНИК ВЫТЕРТ...»

(С. 138)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: *Фет А. А.* Мои воспоминания, ч. 1. М., 1890, с. 35.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден.

Перед описанной в воспоминаниях сценкой, происходившей у Тургенева и послужившей поводом для стихотворения Некрасова, Фет сообщает о посещении поэта на Колокольной ул., где Некрасов проживал в 1850—1854 гг. Возможно, что стихотворение было написано в 1850—1852 гг., до ссылки Тургенева в Спасское; но более вероятной датой представляется 1854 г., когда Некрасов сочинил ряд юмористических стихотворений (отчасти в соавторстве).

Видерт А. Ф. (1829—1886) — писатель; перевел на немецкий язык песни Кольцова, «Записки охотника», «Ревизора»; жил то в России, то в Германии; в 1850—1852 гг. и в январе—марте 1854 г. жил в России (*Алексеев М. П.* Первый немецкий перевод «Ревизора».— В кн.: Гоголь. Статьи и материалы. Л., 1954, с. 192—206).

Иван — И. Соколов, камердинер Тургенева.

ЛЕТО

(С. 139)

Печатается по беловому автографу ГБЛ. Точками заменены ненаписанные стихи, для которых в автографе оставлено место.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1879, № 1, с. 64, в неподписанной статье «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова. (Библиографические заметки)», без ст. 9—12.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Беловой автограф с подписью: «А. Фет» — ГБЛ, ф. 195, п. 1, ед. хр. 8.

Эту дружескую пародию вслед за К. И. Чуковским (см.: ПСС, т. 1, с. 619) предположительно относим к 1854 г., когда Некрасов написал несколько шуточных стихотворений.

Здесь пародируется не какое-нибудь определенное стихотворение, а большой цикл пейзажной лирики Фета с характерными для нее перечислениями деталей и лирической недосказанностью. Ближайшими объектами пародии, очевидно, были стихи Фета, посвященные временам года: «Весна» (так первоначально называлось стихотворение «Уж верба вся пушистая...»), «Летний вечер тих и ясен...», «Непогода — осень — куришь...» и др. Стих «И спешит, озираясь, куда-то», возможно, восходит к строке: «И ты идешь одна, украдкой, озираясь» (из стихотворения Фета «Когда мечтательно я предан тишине...»).

1855

МАША

(С. 140)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 70—72.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 3 (ценз. разр.— 28 февр. 1855 г.), с. 87—88, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой автограф без заглавия — ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 22—23). Авторизованная копия ст. 1—12 и беловой автограф ст. 13—14 — ГБЛ (Солд. тетр., л. 107 об.— 109).

В Ст 1879 датировано: «1851» (видимо, по указанию автора), но это неверно, так как черновой автограф находится среди записей 1855 г. Учитывая этот автограф и первую публикацию, следует датировать стихотворение началом 1855 г.

Прежде чем разрешить публикацию «Маши» в «Современнике», цензор В. Н. Бекетов передал стихотворение на просмотр председателю С.-Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусину-Пушкину, который потребовал: «1. <...> *Изменить* слово *казенный*. 2. *Заменить* другим чем мысли: „Но испорчен он был с малолетства Изученьем новейших наук“. 3. Заменить слово *либерал* дру-

гим», о чем Бекетов и сообщил Некрасову в письме (АсК, с. 78). Поэтому в журнале «Маша» появилась с искажениями.

Проанализировав «Машу», Чернышевский (т. V, с. 585—586) подводил читателей к выводу о порочности господствовавшего в тогдашней России общественного строя.

Положено на музыку (А. Красников, б. г.). В песенниках — с начала XX в. (Новейший песенник, содержащий в себе: песни, романсы и стихотворения. СПб., 1906).

«Я СЕГОДНЯ ТАК ГРУСТНО НАСТРОЕН...»

(С. 142)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 124.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 5 (ценз. разр.— 30 апр. 1855 г.), с. 136, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 103—103 об.).

В Ст 1879 датировано: «1854», а в Р. б-ке отнесено к 1856 г. Написано в апреле 1855 г. в деревне под Ярославлем; ср. в письме П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу от 23 апреля 1855 г.: «О Некрасове ничего не мог узнать: он в деревне и прислал оттуда <в редакцию С> стихи, из которых одни: на приближение весны и смерти — превосходны» (Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 3. [М.], 1934, с. 55).

Написано под впечатлением тяжелой болезни, которой Некрасов страдал с 1853 г. (см. комментарий к «Последним элегиям» на с. 632 наст. тома).

СВАДЬБА

(С. 143)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 122—123.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 11 (ценз. разр.— 31 окт. 1855 г), с. 51—52, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой автограф первоначальной редакции без заглавия с датой: «29 мар<та 1855 г.>» — ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 59 об.— 58 об.); публиковался под редакторским заглавием «Встреча» (впервые — ПССт 1934—1937, т. I, с. 712—713). Переработав стихотворение, Некрасов создал «Свадьбу». Ее черновой автограф в виде разрозненных набросков, без заглавия — ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 93 об., 58, 49 об.— 49). Перебеленный сводный автограф с поправками и с датой: «23 апр<еля 1855 г.»> — ЦГАЛИ (Зап. тетр., л. 5—6). Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 13—14).

В Ст 1879 ошибочно датировано: «1854». Точные даты написания первоначальной и окончательной редакций выставлены в названных выше автографах.

Неоднократно указывалось, будто сюжет «Свадьбы» восходит к поэме английского поэта Д. Крабба (1754—1832) «Приходские списки» (см., например: Ст 1879, т. IV, с. XXXIX). Это неверно: Некрасов познакомился с поэмой Крабба лишь через несколько месяцев после написания «Свадьбы», да и сходство «Свадьбы» с «Приходскими списками» незначительно (см.: *Левин Ю. Д.* Некрасов и английский поэт Крабб.— Некр. сб., III, с. 478—480).

Налой (или аналой) — в православной церкви высокий покатый столик для книг и икон, перед которым совершался свадебный обряд.

«ДАВНО — ОТВЕРГНУТЫЙ ТОБОЮ...»

(С. 145)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 129.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 9 (ценз. разр.— 31 авг. 1856 г.), с. 89, с подписью: «Н. Н.»; в оглавлении: «Стихотворение Н. А. Некрасова».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой автограф первоначальной (незавершенной) редакции — ГБЛ А(Зап. тетр. № 3, л. 71); впервые опубликован К. И. Чуковским в статье «Неизданные стихотворения Н. А. Некрасова» (30 дней, 1931, № 1, с. 58) и в ПССт 1931, с. 494. Черновой автограф с заглавием «К ***» и датой: «25 апр<еля 1855 г.>. Ночь» — ГБЛ Б(Зап. тетр. № 3, л. 72); факсимиле этого автографа в кн.: Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописи Н. А. Некрасова. Каталог. Сост. Р. П. Маторина. М., 1939, между с. 8 и 9. Беловые автографы: 1) с заглавием: «К **» и датой: «24 апр<еля 1855 г.>» — ЦГАЛИ (Зап. тетр., л. 6 об.); 2) с тем же заглавием — ГБЛ (Солд. тетр., л. 87 об.— 88); 3) с тем же заглавием — в письме к И. С. Тургеневу от 30 июня — 1 июля 1855 г.— ИРЛИ, 21 194; 4) без заглавия — наборная рукопись 1856 г. <?> — ИРЛИ, ф. 163, ед. хр. 855. Список И. С. Тургенева с заглавием: «К ***» — ГБЛ, ф. 306, к. 1, ед. хр. 10.

В Ст 1879 датировано: «1854», со ссылкой на указание автора. Однако, как показывают датирующие пометки в автографах, стихотворение было написано 24—25 апреля 1855 г.

Посвящено А. Я. Панаевой; написано под впечатлением размолвки с ней. Об этом сообщил Н. Г. Чернышевский (т. XIV, с. 144). Чернышевский очень любил это стихотворение (см. комментарий к стихотворению «Когда из мрака заблужденья...» на с. 580 наст. тома). В романе «Что делать?» (гл. V, разд. XXII) Катерина Полозова со своим хором исполняют «Давно — отвергнутый тобою...» и «Песню Еремушке» Некрасова. На вопрос Некрасова: «Понравятся ли тебе эти стихи» (ПСС, т. X, с. 225) — Тургенев

отвечал: «Стихи твои «К **» просто пушкински хороши — я их тотчас на память выучил» (Тургенев, Письма, т. II, с. 295).

Положено на музыку (И. Ф. Грабанек, 1865; К. Ю. Давыдов, 1879; Ф. Струве, 1889; С. А. Гирс, 1893; Ц. А. Кюи, 1902; Б. М. Терентьев, 1970).

ПАМЯТИ <АСЕНКОВ>ОЙ

(С. 146)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 74—77.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 9 (ценз. разр.— 31 авг. 1855 г.), с. 31—33, под заглавием: «Воспоминание. (Отрывок)» и с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено (под тем же заглавием): Ст 1856. Перепечатывалось (с заглавием: «Памяти - - ой») в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой автограф без заглавия среди записей, относящихся к весне 1855 г.,— ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 82—80). В этом автографе — две редакции ст. 1—40 и набросок ст. 61—62. Более поздний сводный черновой автограф с заглавием: «Воспоминание. (Памяти А-ой)» и датой: «1854 ноябрь—1855 апрель» — ЦГАЛИ (Зап. тетр., л. 7—8 об.). Беловой автограф с заглавием: «Актриса. [Памяти В. Н. А.]» — ГБЛ (Солд. тетр., л. 77 об.— 81). Черновые автографы показывают, что Некрасов вначале колебался, строить ли повествование в форме обращения к героине или в 3-м лице. В черновом автографе ЦГАЛИ и в беловом автографе ГБЛ после ст. 48 были еще 16 строк, впоследствии перешедших в стихотворение «Прекрасная партия», причем первые 8 из них подверглись значительной правке (ср. в «Прекрасной партии» ст. 161—176).

В Ст 1879 ошибочно датировано: «1853». Датируется по черновому автографу ЦГАЛИ.

На полях своего экземпляра Ст 1873, т. I, ч. 1, Некрасов пометил: «Актрисе Асенковой, блиставшей тогда. Бывал я у нее; помню похороны,— похожи, говорили тогда, на похороны Пушкина: теперь таких вообще не бывает. Это собственно эпизод из пьесы „Прекрасная партия“, которую писал наскоро для Дружинина, не успел отделать, и она долго валялась» (Ст 1879, т. IV, с. XXXIV). Слова «для Дружинина» в данном случае означают: для выходившей под редакцией А. В. Дружинина «Библиотеки для чтения».

Асенкова Варвара Николаевна (1817—1841) — водевильная и драматическая актриса. Сильное впечатление, которое произвела игра Асенковой на юношу Некрасова, отразилось в стихотворении 1840 г. «Офелия». Около 1840 г. Некрасов мог бывать у нее, поскольку ее квартира была местом, где часто собиралась увлекавшаяся театром молодежь (сводку материалов об отношении Некрасова к Асенковой см. в работе Н. И. Куделько, помещенной в кн.: *Евгеньев-Максимов В. Е. и др.* Некрасов и театр. Л.—М., 1948, с. 54—74). Асенкова умерла от туберкулеза. В ст. 29—48 точно

описаны обстоятельства, предшествовавшие ее смерти. Похороны Асенковой (22 апреля) были очень многолюдными (см. их описание в ЛГ от 24 апр. 1841 г.) и, видимо, отчасти приняли характер политической демонстрации (об этом А. Ф. Кони говорил К. И. Чуковскому — см.: ПСС, т. I, с. 541): среди отвергнутых артисткой «бездушных невежд» называли Николая I, которого многие считали главным виновником ее ранней смерти. Биограф Асенковой сообщает: «С именем В. Н. Асенковой связана также легенда, переданная нам лично М. Г. Савиной (со слов артистов П. А. Каратыгина и П. К. Громовой) и А. Ф. Кони (со слов своего отца Ф. А. Кони), что в последний год жизни Асенковой Николай грубо пытался снискать расположение артистки. Но Асенкова „посмела" уклониться от этой „чести" Военщина, стоявшая за спиной Николая, подвергла ее яростной травле, и артистка, не выдержав нравственной пытки, приняла яд. Все усилия лучших врачей не могли спасти ее» (*Брянский А. М.* В. Н. Асенкова. Л., 1947, с. 58).

И ты на сцену в первый раз... — Дебют Асенковой на сцене Александринского театра 21 января 1835 г. прошел с огромным успехом. Присутствовать на этом спектакле Некрасов не мог: он приехал в Петербург лишь через три с лишним года.

Твой закат был странен и прекрасен... — В последний раз Асенкова выступала на сцене за несколько недель до смерти, 16 февраля 1841 г., в болезненном состоянии.

ИЗВОЗЧИК

(С. 149)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 29—33.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 5 (ценз. разр. — 30 апр. 1855 г.), с 132—135, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой автограф без заглавия — ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 57 об.— 51 об.); отдельный набросок «Выпьет 25 стакан<ов>» и т. д.— ГБЛ (Зап. тетр. № 1, л. 89). Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 8—12 об.).

В Ст 1879 датировано: «1848», по указанию автора. Однако наличие чернового (сильно правленного) автографа в Зап. тетр. № 3 позволяет уверенно датировать начало и бо́льшую часть работы над стихотворением весной 1855 г. Некоторая доработка «Извозчика» была, очевидно, произведена в 1856 г. при подготовке Ст 1856.

Сюжет о повесившемся извозчике был широко распространен в беллетристике 1830—1840-х гг. («Психологическое явление» М. П. Погодина, «Мешок с полуимпериалами» В. П. Бурнашева, «Ночной извозчик» Ф. В. Булгарина, «Мешок с золотом» Н. А. Полевого), а позже — в устной передаче, в виде анекдота. Некрасов переработал этот сюжет, придав ему ярко демократическое звучание (см.: *Гаркави А. М.* К вопросу об источниках поэзии Н. А. Не-

красова.— Учен. зап. Калининградского пед. ин-та, 1957, вып. 3, с. 253—254; *Гин М. М.* Из истории борьбы Некрасова с ложной народностью.— Некр. сб., III, с. 273—280). С «Извозчиком» связано более позднее стихотворение Некрасова «Эй, Иван!» (1867): среди черновых записей 1855 г.— четверостишие, очевидно относившееся к «Извозчику», а впоследствии перешедшее (с изменением в ст. 1) в стихотворение «Эй, Иван!»: «Выпьет 25 стакан<ов>...» и т. д.

В С ст. 25—28 были напечатаны с цензурным искажением: была вытравлена намеченная еще в черновом автографе мысль о крепостничестве как помехе для личного счастья Ванюхи и причине его самоубийства.

При прохождении через цензуру Ст 1861 член Главного управления цензуры П. П. Вяземский (в отзыве от 22 октября 1859 г.) настаивал на изъятии «Извозчика» (см.: *Mazon A.* Un maître du roman russe Ivan Contcharov. Paris, 1914, p. 398—399).

Грязнáя — улица в Петербурге (ныне ул. Марата), на которой находилась большая извозчичья «биржа».

ВЛАС

(С. 152)

Печатается по Ст 1879, т. I, с. 138—141, где два четверостишия, следовавшие в прижизненных изданиях после ст. 52 и 76, исключены по указанию автора.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 6 (ценз. разр.— 31 мая 1855 г.), с. 329—331, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой автограф без заглавия среди записей, относящихся преимущественно к весне 1855 г.,— ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 1—4 об). Беловой автограф ст. 1—10 с заглавием: «Начало стихотворения „Влас"» и датой записи: «10 дек. 1873» — в альбоме Г. П. Данилевского (ГПБ, ф. 326, ед. хр. 274, л. 185). Авторизованная копия А. Я. Панаевой, сделанная с текста С,— ГБЛ (Солд. тетр., л. 37—41).

В Ст 1879 датировано: «1854», со ссылкой на указание автора. Более точная датировка: весна 1855 г. (по времени работы над черновым автографом и первой публикации).

А. Я. Панаева рассказывает: «Некрасов написал стихотворение „Влас" после свидания с одним из бывших крестьян его отца, который был сдан в солдаты, вернулся на родину после продолжительного срока своей службы и, не найдя в живых никого из своего семейства, посвятил остаток своей жизни на собирание пожертвований на построение церкви. Его занесло в Петербург, и он пришел к Некрасову повидаться с ним, с сыном своего бывшего помещика. Некрасов долго беседовал со стариком, попивая с ним чай» (Панаева, с. 371).

Стихотворение связано с народными легендами о раскаявшемся разбойнике (см.: *Гаркави А. М.* Поэзия Н. А. Некрасова в годы «мрачного семилетия».— Учен. зап. Калининградского пед. ин-та, 1956, вып. 2, с. 34). В творчестве Некрасова «Влас» предвещает притчу «О двух великих грешниках» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Некрасов показал моральную красоту народа. Это было высоко оценено Ф. М. Достоевским, который, однако, был недоволен тем, что в стихотворении недостаточно выражены идеи смирения и «потребность страдания» (см.: Достоевский, т. XXI, с. 31—41).

Было перепечатано в бесцензурном издании: Русская хрестоматия. Сост. К. Днепровский. Прага, 1874.

Положено на музыку (Н. П. Брянский, 1896; А. А. Оленин, 1911).

НАСЛЕДСТВО

(С. 155)

Печатается по беловому автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано (по Экз. Ефремова 1861): *Розанов И.* Неизданное стихотворение Н. А. Некрасова.— ЛН, т. 25—26. М., 1936, с. 589.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. I.

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., раздел «Не для печати», л. 150).

Наличие этого автографа — единственное основание для датировки стихотворения.

«ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ ГОВОРЯ: „ТЫ СУЩАЯ НИЧТОЖНОСТЬ“»

(С. 156)

Печатается по Ст 1869, ч. 1, с. 80.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. 154. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений», кроме Ст 1873.

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 94—94 об.).

В Ст 1879 ошибочно датировано: «1856». Наличие белового автографа в Солд. тетр. показывает, что стихотворение было написано до 7 июня 1855 г.

Без ведома автора было перепечатано в бесцензурном издании: Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов. Лейпциг, 1858 (Р. б-ка, т. I).

«ЗАЧЕМ НАСМЕШЛИВО РЕВНУЕШЬ...»

(С. 157)

Печатается по беловому автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано И. Розановым (по Экз. Ефремова 1861): ЛГ, 1938, 5 янв., № 1; уточнения по автографу сделаны К. Чуковским: Драгоценная находка.— Огонек, 1946, № 48—49, с. 21.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. I.
Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 91—93).

Наличие автографа является одним из оснований для датировки.
Обращено к А. Я. Панаевой.

...Музу темную мою Я прославляю и пою... — Имеется в виду стихотворение «Муза» (1852).
Не так же ль в юные лета... — Как указал К. И. Чуковский (ПСС, т. I, с. 620), эти стихи навеяны фактами из жизни А. Я. Панаевой, отразившимися в ее автобиографической повести «Семейство Тальниковых» (1847).

СЕКРЕТ

(С. 159)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 39—43.
Впервые опубликовано: ст. 21—36 — С, 1851, № 11 (ценз. разр.— 31 окт. 1851 г.), «Смесь», с. 89, в «Заметках Нового поэта о русской журналистике», под заглавием: «Великий человек», без подписи; полностью — С, 1856, № 8 (ценз. разр.— 31 июля 1856 г.), с. 203—205, с датой: «1846» и подписью: «Н. Некрасов».
В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».
Черновой автограф с заглавием: «Секрет. (Современная баллада)» — ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 9—11). Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 17 об.— 20). Корректура, назначавшаяся для С, но запрещенная и приобщенная к цензурным делам 12 августа 1855 г.,— ЦГИА, ф. 777, оп. 2, 1855 г., ед. хр. 28, л. 72. Беловой автограф (наборная рукопись 1856 г.?): ст. 1—28 — ГБЛ, ф. 195, М. 4835. 9; ст. 29—76 — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 139.

В Ст 1879, как и в С, «Секрет» датировано: «1846». Между тем черновой автограф в Зап. тетр. № 3 показывает, что основная часть работы над стихотворением была выполнена весною 1855 г. Возможно, Некрасов поставил в публикации С фиктивную дату «1846», чтобы цензура не искала в тексте злободневных намеков на «лица». А может быть, этой датой поэт хотел указать, что замысел «Секрета» возник у него давно.
Сюжет «Секрета» отчасти был намечен еще в некрасовской прозе 1840-х гг.: в фельетоне «Черты из характеристики петербургского народонаселения», 1844 (см.: ПСС, т. V, с. 481); в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (см.: ПСС, т. VI, с. 266); в романе «Три страны света», ч. 1, 1848 (см.: ПСС, т. VII, с. 61—66). Но в стихотворении сатира на русскую буржуазию стала более последовательной, острой и сильной.

Заглавие «Великий человек» (С, 1851) было, конечно, ироническим. Я. П. Бутков, намечая в рассказе «Сто рублей» (1845) тип русского капиталиста, употребил сходное выражение: «зародыш будущего великого человека» (*Бутков Я. П.* Повести и рассказы. М., 1967, с. 97).

Юфть — сорт кожи.

Анну с короною... — Эти слова в ряде публикаций были заменены точками: из-за цензуры нельзя было указать, что крупным орденом св. Анны с короной правительство наградило негодяя.

«ПРАЗДНИК ЖИЗНИ — МОЛОДОСТИ ГОДЫ...»

(С. 162)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 102—103.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 8 (ценз. разр.— 31 июля 1856 г.), с. 206, под заглавием: «Сознание», с датой: «1855» и подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856, с заглавием: «Сознание» и посвящением: «(Николаю Боткину)». Перепечатывалось (без заглавия и посвящения) в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой автограф с датой: «11 марта <1855 г.>» — ИРЛИ, 21 195; подробное описание этого автографа: *Степанов Н. Л.* Как писал стихи Некрасов.— Лит. учеба, 1933, № 3—4, с. 73. Беловой автограф с датой: «1855» — ГБЛ (Солд. тетр., л. 3—3 об.); факсимиле начала этого автографа — ЛН, т. 53—54. М., 1949, с. 499. Беловой автограф (карандашом, относящийся, видимо, к 1856 г.) — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 142, л. 1—2 об. Все три автографа — с заглавием: «Сознание».

В Р. б-ке неверно датировано: «1854». Правильная дата: «1855» — в С и Ст 1879. Было написано (в черновом варианте) 11 марта 1855 г., доработано (как показывает наличие автографа в Солд. тетр.) до 7 июня 1855 г.

В черновом автографе концовка была другая: слово «любовь» осмыслялось в личном плане (см. в разделе «Другие редакции и варианты», с. 538, вм. 21—24, вариант б.). Переделка резко усилила социальное звучание концовки и всего стихотворения. Сторонник «чистого искусства» В. П. Боткин, выражая неудовольствие этой переделкой, писал Тургеневу 5 августа 1855 г.: «Представь себе, Некрасов последнюю строфу своего прекрасного стихотворения „К своим стихам“, с которого я взял у тебя список,— переменил. Вышла дидактика, к которой он стал так склоняться теперь. Я разумею последнюю строфу, начинающуюся: „Та любовь etc“». (*Боткин В. П., Тургенев И. С.* Неизданная переписка. М.—Л., 1930, с. 69).

Николай Петрович Боткин (1813—1869), которому стихотворение было посвящено в Ст 1856,— брат В. П. Боткина, путешественник.

Придавая стихотворению «Праздник жизни...» принципиальное значение, Некрасов в 1855 г. (как показывает Солд. тетр.) предполагал поместить его в начале сборника своих «Стихотворений».

Нет в тебе поэзии свободной, Мой суровый, неуклюжий стих! — По поводу этих стихов Чернышевский писал Некрасову 24 сентября 1856 г.: «...я с этим не согласен. Свобода поэзии не в том, чтобы писать именно пустяки <...> а в том, чтобы не стеснять своего дарования произвольными претензиями и писать о том, к чему лежит душа». Исходя из такого понимания свободы творчества, Чернышевский утверждал, что талант Некрасова вполне «свободен» (Чернышевский, т. XIV, с. 314). Некрасов согласился с этим замечанием: 31 марта/12 апреля 1857 г. он писал Л. Н. Толстому о своем творческом процессе: «...мысль, побуждение, свободно возникавшее, неотвязно преследуя, наконец заставляло меня писать. В этом отношении я, может быть, более верен свободному творчеству, чем многие другие».

«БЕЗВЕСТЕН Я. Я ВАМИ НЕ СТЯЖАЛ...»

(С. 163)

Печатается по Ст 1869, ч. 1, с. 136, с заполнением цензурного пропуска в ст. 10 по беловому автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. 157. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений», кроме Ст 1873, куда не вошло, возможно, по цензурным причинам.

Черновой автограф — ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 21). Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 84 об.); факсимиле этого автографа: ЛН, т. 53—54. М., 1949, с. 73.

В Ст 1879 ошибочно датировано: «1856». Наличие автографов в указанных тетрадях позволяет уверенно отнести стихотворение к весне 1855 г.

«ТЯЖЕЛЫЙ КРЕСТ ДОСТАЛСЯ ЕЙ НА ДОЛЮ...»

(С. 164)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 99—100.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. 131—132. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой автограф, включающий ст. 13—16 и отдельный набросок, относящийся к этому стихотворению,— ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 80). Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 109 об.— 110 об.).

В Ст 1879 ошибочно датировано: «1856». Наличие автографов в названных тетрадях дает основание уверенно датировать это стихотворение весною 1855 г.

С. И. Пономарев считал, что в стихотворении речь идет о матери Некрасова (Ст 1879, т. IV, с. XLVI). Возражая Пономареву, Н. Г. Чернышевский писал: «...дело идет о совершенно иной женщине, о той, любовь к которой была темою стольких лирических пьес Некрасова» (Чернышевский, т. I, с. 750). Стихотворение

посвящено А. Я. Панаевой и навеяно обострением болезни Некрасова весною 1855 г. (см. ниже комментарий к «Последним элегиям»).

В 1889 г. в беседе со своим литературным секретарем М. П. Красновым Чернышевский назвал это стихотворение «лучшим лирическим произведением на русском языке» (ЛН, т. 49—50. М., 1949, с. 602).

Положено на музыку (К. Кехрибарджи, 1875; Я. Ф. Пригожий, 1877; А. С. Фаминцын, 1889).

ПОСЛЕДНИЕ ЭЛЕГИИ

(С. 166)

Печатаются по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 125—128.

Впервые опубликованы: 1-я элегия — С, 1853, № 3 (ценз. разр.— 28 февр. 1853 г.), с. 120, без заглавия, с подписью: ** (в оглавлении: ***); весь цикл, под заглавием: «Последние элегии» — Ст 1856, с. 186—189.

В собрание сочинений впервые включены: Ст 1856. Перепечатывались в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Незаконченный черновой автограф 3-й элегии — ГБЛ (Зап. тетр. № 1, л. 141 об.— 142). Беловой автограф всего цикла — ГБЛ (Солд. тетр., л. 22—24 об.).

В Ст 1879 датировано: «1853». Однако наличие чернового автографа 3-й элегии в Зап. тетр. № 1 убеждает, что она была написана не ранее 21 мая 1855 г. Наличие же белового автографа в Солд. тетр. показывает, что работа над циклом была завершена не позже 7 июня 1855 г.

Очевидно, работу над циклом Некрасов начал в 1853 г. под впечатлением тяжелой болезни (см. о ней: *Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. Изд. 4-е. СПб., 1901, с. 377), а завершил весной 1855 г. в период обострения той же болезни.

«ЕЩЕ СКОНЧАЛСЯ ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК...»

(С. 169)

Печатается по беловому автографу ГБЛ (Зап. тетр. № 2).

Впервые опубликовано: ст. 7—38 — ПССт 1931, с. 494, под редакторским заглавием: «На смерть Грановского»; полностью — в статье: *Розанов И. Н.* Новые тексты Некрасова.— Известия, 1938, 4 янв., № 3 (6470), с. 3.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1931 (без ст. 1—6); ПСС, т. I (полностью).

Черновой автограф ст. 15—29 — ГБЛ (Зап. тетр. № 1, л. 142 об.— 142). Беловые автографы — ГБЛ: Солд. тетр., л. 115—116; Зап. тетр. № 2, л. 18—18 об.

По наличию чернового автографа в Зап. тетр. № 1 и белового автографа в Солд. тетр. датируется промежутком времени между 21 мая и 7 июня 1855 г.

Ст. 22—29 вошли в лирическую комедию «Медвежья охота» (1867) в качестве характеристики Т. Н. Грановского. Поэтому стихотворение долго рассматривалось как отклик на смерть Грановского (умер 4 октября 1855 г.). Но, как установлено в статье А. М. Гаркави «История создания Некрасовым первого собрания „Стихотворений“» (Некр. сб., I, с. 152, 154), стихи эти были написаны до смерти Грановского. Высказано убедительное предположение, что поводом к их написанию была смерть Николая Григорьевича Фролова (1812—1855), друга Грановского, сотрудника С; Фролов умер 15 января 1855 г. (*Толстяков А.* Об адресате стихотворения «Еще скончался честный человек...» — ВЛ, 1971, № 11, с. 249—252).

КАРЕТА

(С. 170)

Печатается по беловому автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано: Ст 1862, с. 53—54, в составе цикла «На улице» под № 5.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1931 (черновой набросок); ПСС, т. I (окончательный текст).

Два черновых наброска — ГБЛ (Зап. тетр. № 1, л. 68 об.—69). Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 99 об.— 100, в составе цикла «На улице» под № 4).

По наличию черновых набросков в Зап. тетр. № 1 и белового автографа в Солд. тетр. датируется промежутком времени между 21 мая и 7 июня 1855 г.

Тему «Кареты» Некрасов разработал в 1859 г. в первой части сатиры «О погоде», в концовке главы «Сумерки».

«ФАНТАЗИИ НЕДРЕМЛЮЩЕЙ МОЕЙ...»

(С. 171)

Печатается по автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПССт 1934—1937, т. I, с. 545.

Автограф — ГБЛ (Зап. тетр. № 1, л. 69) — представляет собою карандашный набросок без поправок. Перед текстом надпись: «Прощание с планами» и две строки:

Немного покидаю дорогого
Я в этом мире.

На полях пометка «Москва», позволяющая датировать стихи временем пребывания Некрасова в Москве, т. е. летом 1855 г.

НА РОДИНЕ

(С. 172)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 104, где ст. 7 напечатан без цензурной купюры.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. 183. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой автограф — ГБЛ (Зап. тетр. № 1, л. 96); факсимиле этого автографа — ПССт 1934—1937, т. I, между с. 714 и 715.

В Ст 1879 датировано: «1855». Очевидно, написано летом 1855 г., когда Некрасов жил на даче в Петровском парке под Москвой.

14 июля 1855 г. В. П. Боткин писал И. С. Тургеневу, что живет вместе с Некрасовым «на даче, обращенной в поле. Перед нами лес и рожь» (*Боткин В. П., Тургенев И. С.* Неизданная переписка. М.—Л., 1930, с. 62).

Незадолго до смерти Некрасов продиктовал своей сестре А. А. Буткевич: «Судьбе угодно было, что я пользовался крепостным хлебом только до 16 лет, далее я не только никогда не владел крепостными, но, будучи наследником своих отцов, имевших родовые поместья, не был ни одного дня даже владельцем клочка родовой земли <...> Я когда-то написал:

Хлеб полей, возделанных рабами,
Нейдет мне впрок...

Написав этот стих еще почти в детстве, может быть, я желал оправдать его на деле» (ПСС, т. XII, с. 19).

Анализ творческой работы Некрасова (по автографу ГБЛ) см.: *Ашукин Н.* Как работал Некрасов. М., 1933, с. 44—46.

Перепечатывалось в бесцензурных сборниках русской поэзии: Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов. Лейпциг, 1858 (Р. б-ка, т. I); Лютня. Собрание свободных русских песен и стихотворений. Изд. 5-е. Лейпциг, 1879.

Положено на музыку (А. Б. Куракин, 1877; Ц. А. Кюи, 1902; А. В. Мосолов, 1928).

«ТЫ МЕНЯ ОТОСЛАЛА ДАЛЕКО...»

(С. 173)

Печатается по автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПССт 1934—1937, т. I, с. 540.

Автограф — ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 20 об.). Набросок карандашом. Весь текст зачеркнут.

Очевидно, обращено к А. Я. Панаевой и написано летом 1855 г., когда Некрасов жил на даче под Москвой, «убежав городской суеты» (см. выше комментарий к стихотворению «На родине»).

«О, НЕ СКЛОНЯЙ ПОБЕДНОЙ ГОЛОВЫ...»

(С. 174)

Печатается по автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПССт 1931, с. 493.

Автограф карандашом, с поправками и пометкой: «29 ав<густа 1855 г.> (получ<ено> известие о взятии Севаст<ополя>)» — ГБЛ (Зап. тетр. № 1, л. 2).

Следуя за русскими народными песнями, Некрасов употребил слово *победная* в значении *бедная, кручинная.*

ГАДАЮЩЕЙ НЕВЕСТЕ

(С. 175)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 113—114.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. 50—51. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой автограф с датой: «8 сент<ября 1855 г.>» — ГБЛ (Зап. тетр. № 2, л. 3—4). Последняя редакция автографа близка к печатному тексту, но в автографе была еще концовка, отброшенная поэтом при публикации.

В Ст 1879 ошибочно датировано: «1856». Год написания определяется по положению автографа в Зап. тетр. № 2, а также в связи с тем, что Ст 1856 были подготовлены к печати до отъезда Некрасова за границу (11 августа 1856 г.).

В БОЛЬНИЦЕ

(С. 176)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 105—110.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 10 (ценз. разр.— 30 сент. 1855 г.), с. 157—160, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Черновой автограф — ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 33, 41 об.— 40). Беловой автограф двух дополнительных отрывков, не вошедших, однако, в окончательный текст,— на вырезке из С, присланной Некрасовым К. Т. Солдатенкову с пояснением: «Прибавленные строфы пришли мне в голову после того, как уже стихотв<орение> было набрано»,— ГБЛ (Солд. тетр., вкладка на отдельном листе); факсимиле см.: ЛН, т. 53—54. М., 1949, с. 237.

В Р. б-ке ошибочно датировано: «1856», в Ст 1879 — «1855». Начало работы над стихотворением относится, видимо, к весне 1855 г. (о чем позволяет говорить положение чернового автографа в Зап. тетр. № 3). К июню стихотворение, очевидно, еще не было завершено: автограф его полного текста в Солд. тетр. отсутствует. Дата цензурного разрешения первой публикации показывает, что работа над стихотворением была закончена до 30 сентября 1855 г.

К. И. Чуковский высказал предположение, что стихотворение было первоначально задумано Некрасовым как вступление к поэме «В. Г. Белинский»: «Согласно этому раннему замыслу, умирающий в подвале „бедный и честный писатель" обращался перед смертью к молодым литераторам с горячим призывом отдать все силы на служение народному благу <...> Дальше следовало поэтическое изложение заветов великого критика» (ПСС, т. I, с. 562—563). Поскольку «изложение заветов» Белинского перешло из поэмы «В. Г. Белинский» в стихотворение «Русскому писателю», а оттуда — в стихотворение «Поэт и гражданин», К. И. Чуковский все эти произведения связывал с тем же замыслом (там же, с. 563). Эта гипотеза не может считаться доказанной, но косвенно подтверждается тем, что черновые наброски стихотворения «В больнице» и поэмы «В. Г. Белинский» находятся в одной и той же Зап. тетр. № 3.

Дополнительные отрывки, пересланные Некрасовым К. Т. Солдатенкову, получили распространение в рукописной передаче (Экз. ГБЛ, Экз. Гербеля, Экз. Евгеньева-Максимова, Экз. Лазаревского, Экз. Музея Н.).

Отрывок из стихотворения («Не было средства, однако, помочь...») положен на музыку (В. Д. Козлянинова, 1875).

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

(С. 180)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 141—142.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: Ст 1856, с. 34—36. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Автограф с датой: «2 окт<ября 1855 г.> Ночь» — ГБЛ (Зап. тетр. № 2, л. 8—9); в этом автографе зачеркнуто первоначальное заглавие «Барин» и надписано: «Забытая деревня». Беловой автограф припадлежал К. А. Федину (см.: ПСС, т. I, с. 572).

В Р. б-ке и Ст 1879 неточно датировано: «1856». Год написания определяется по месту автографа в Зап. тетр. № 2, а также в связи с тем, что Ст 1856 были подготовлены до отъезда Некрасова за границу (11 августа 1856 г.).

Высказывалось мнение, будто Некрасов написал «Забытую деревню» под влиянием поэмы Д. Крабба «Приходские списки» (Ст 1879, т. IV, с. XLV; ср. комментарий к стихотворению «Свадьба» на с. 624 наст. тома). Однако сходство «Забытой деревни» с соответствующим отрывком «Приходских списков» невелико, а сю-

жет стихотворения разработан Некрасовым совершенно самостоятельно (см.: *Левин Ю. Д.* Некрасов и английский поэт Крабб.— Некр. сб., II, с. 480—482).

Перепечатка «Забытой деревни» (вместе с «Поэтом и гражданином» и «Отрывками из путевых записок графа Гаранского») в № 11 «Современника» за 1856 г., в рецензии Н. Г. Чернышевского на Ст 1856, вызвала цензурную «бурю» (подробно об этом — в т. II наст. изд., в комментарии к стихотворению «Поэт и гражданин»). Некоторые читатели усматривали в «Забытой деревне» политический памфлет, подразумевая под старым барином недавно (18 февраля 1855 г.) умершего царя Николая I, под новым — Александра II, под забытой деревней — Россию. 14 ноября 1856 г. цензор Е. Е. Волков докладывал об этом министру народного просвещения А. С. Норову: «Некоторые же из читателей под словами „забытая деревня" понимают совсем другое... Они видят здесь то, чего вовсе, кажется, нет,— какой-то тайный намек на Россию...» (*Евгеньев-Максимов В.* Некрасов как человек, журналист и поэт. М.—Л., 1928, с. 223). Из мемуаров А. П. Златовратского известно, что «какой-то цензор» даже «донес за нее <«Забытую деревню»> на Некрасова III Отделению» (Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. [Л.], 1961, с. 139—140). Некрасов, вероятно, учитывал возможность подобных толкований, но смысл «Забытой деревни» гораздо шире: бесполезно народу ждать помощи «сверху», от «добрых господ». Именно в этом смысле использовал цитаты из «Забытой деревни» Д. Н. Мамин-Сибиряк — в эпиграфе к последней главе романа «Горное гнездо» (1884).

Образ бабушки Ненилы из «Забытой деревни» воспроизвел М. Е. Салтыков-Щедрин в очерке «Скрежет зубовный» (1860) из цикла «Сатиры в прозе». У Щедрина этот образ воплощает вековую нужду крепостного крестьянства: «Вот и ты, бедная, сгорбленная нуждой, бабушка Ненила. Спокойно сидишь ты у ворот покосившейся избенки твоей...» и т. д. (Салтыков-Щедрин, т. III, с. 378).

Еще до публикации в Ст 1856 «Забытая деревня» была известна в литературных кругах: так, она упоминается в письме К. Д. Кавелина к М. П. Погодину от 3 апреля 1856 г. (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П Погодина, кн. 14. СПб., 1900, с. 217). В конце 1850-х гг. хранение списков «Забытой деревни» считалось признаком политической «неблагонадежности» (*Златовратский Н. Н.* Воспоминания. [М.], 1956, с. 325). Сохранилось много списков «Забытой деревни»: список И. С. Тургенева с датой: «2 ок<тября> 1855» — ГБЛ, ф. 306, карт. 1, ед. хр. 9; список П. Л. Лаврова — ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 340, л. 213—213 об; список А. П. Елагиной — ГБЛ, ф. 99, карт. 16, ед. хр. 61; список из архива РС — ИРЛИ, ф. 265, оп. 3, ед. хр. 81, л. 7—7 об.; безымянный список с заглавием «Барин» — ЦГАЛИ, ф. 1345, оп. 1, ед. хр. 751, л. 383—383 об.; безымянный список — ГБЛ, ОР, ед. хр. 256, л. 61 об.— 62 и др.

В Ст 1856 А. И. Герцен особо отметил «Псовую охоту», «В деревне» и «Забытую деревню», о которых он писал: «прелесть» (Герцен, т. XXVI, с. 69).

«Забытая деревня» — одно из первых стихотворений Некрасова, переведенных на иностранные языки. Первый французский перевод «Забытой деревни» (а также стихотворений «Еду ли ночью

по улице темной...» и «Княгиня») принадлежал А. Дюма и был опубликован еще в 1859 г. (ср. комментарий к стихотворению «Еду ли ночью по улице темной...» на с. 594—595 наст. тома).

Цуг — упряжка в четыре или шесть лошадей попарно; езда цугом была привилегией богатых и знатных господ.

«ЗАМОЛКНИ, МУЗА МЕСТИ И ПЕЧАЛИ!..»

(С. 182)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 151—152.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 3 (ценз. разр.— 29 февр. и 3 марта 1856 г.), с. 83, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

Беловой автограф с датой: «3 дек<абря 1855 г.>» — ГБЛ (Зап. тетр. № 2, л. 41—41 об.).

В Р. Б-ке и Ст 1879 неточно датировано: «1856». Датируется по автографу; год написания определяется по приводимым ниже откликам.

Подчеркивая принципиальное значение этой эстетической декларации, Некрасов завершил ею Ст 1856.

На полях своего экземпляра Ст 1873, т. I, ч. 1, против слов: «Замолкни, Муза мести и печали!..»,— Некрасов сделал пометку: «Уехал за границу; дальнейшее <писано> по возвращении» (Ст 1879, т. IV, с. XLIII). Эта пометка относится к размещению стихотворений в Ст 1873: «дальнейшее» — это произведения, которые были напечатаны на следующих страницах: «Тишина», «Убогая и нарядная» и др.; они были написаны после возвращения поэта (с августа 1856 г. по июнь 1857 г. Некрасов находился за границей, где прошел курс лечения).

7 декабря 1855 г. В. П. Боткин писал Некрасову: «Стихи твои крепко огорчили меня — а какие прекрасные стихи! Из лучших твоих стихов. Только ты клевещешь на себя, говоря:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

Не знаю я, насколько ты можешь ненавидеть,— но насколько ты можешь любить, я это чувствую» (цит. по: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Н. А. Некрасов и люди 40-х годов.— ГМ, 1916, № 9, с. 177; ср. комментарий к стихотворению «Блажен незлобивый поэт...» на с. 605 наст. тома).

9 декабря 1855 г. И. С. Тургенев, посылая П. В. Анненкову в Симбирск список первоначальной редакции этих стихов, писал: «Прилагаю Вам стихотворение, написанное им <Некрасовым>

вчера — и еще далеко не обделанное <...> Последние восемь стихов поразительны» (Тургенев, Письма, т. II, с. 328, 330). Тут какая-то неувязка: либо Тургенев ошибочно считал, что стихотворение было написано 8 декабря, либо в дате письма допущена опечатка; автограф письма не сохранился. Имеется машинописная копия этого письма, принадлежавшая М. К. Клеману (там же, с. 599).

25 декабря 1855 г. Некрасов прочитал это стихотворение Л. Н. Толстому, который «сразу запомнил его наизусть» *(Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890. М., 1958, с. 104).

«ГДЕ ТВОЕ ЛИЧИКО СМУГЛОЕ...»

(С. 183)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 111.

Впервые опубликовано: С, 1861, № 1 (ценз. разр.— 29 дек. 1860 и 21 янв. 1861 г.), с. 240, с подписью: **.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1863, ч. 3. Перепечатывалось в 3-й части Ст 1869 и Ст 1873. Перепечатка (точно воспроизводящая текст С) — в журнале «Модный магазин», 1863, № 19, с. 223.

Автограф не найден.

В Ст 1879 датировано: «1855» (видимо, по указанию автора).

Возможно, что стихотворение обращено к А. Я. Панаевой и что Некрасов, не желая посвящать посторонних в подробности своей интимной жизни, долго не печатал его. В этом случае становится понятным, почему при публикации в С поэт не выставил своего имени, а в собрание своих сочинений включил это стихотворение лишь через много лет после написания.

Положено на музыку (М. Н. Офросимов, 1877; А. А. Спиро, 1886; П. А. Шуровский, 1892; Б. М. Терентьев, 1970).

ДЕМОНУ

(С. 184)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 1, с. 120—121.

Впервые опубликовано: Моск. вестник, 1860, 20 февр., № 7, с. 108, под заглавием: «Демон» и с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1861, ч. 1. Перепечатывалось в 1-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений».

В Ст 1856 не вошло, однако в списке стихотворений, которые Некрасов предполагал туда включить, значится «Демон» — ГБЛ (Зап. тетр. № 2, л. 43 об.).

Беловой автограф ст. 1—16 без заглавия — ЦГАЛИ (Зап. тетр., л. 18).

В Ст 1879 датировано: «1860» (вероятно, по времени первой публикации). Наличие указанного автографа позволяет датировать стихотворение 1855 г.

На полях своего экземпляра Ст 1873, т. I, ч. 1 Некрасов против стихотворения «Демону» пометил: «Нужно примечание» (Ст 1879, т. IV, с. LVI). Действительно, смысл стихотворения не вполне ясен. Возможно, под «учителем», о котором здесь говорится, разумелся В. Г. Белинский (подробно об этом см.: *Гаркави А. М.* К теме «Некрасов и Белинский».— Некрасовский сборник. Калининград, 1972, с. 62—66). Стихотворение могло быть задумано как зашифрованное от цензуры обращение к Белинскому (ср. комментарий к стихотворению «Памяти Белинского» на с. 613—614 наст. тома). В этом случае «братьей болтливой моей» поэт, вероятно, называет стихи. «Демон бессонных ночей» и выраженная в последующих строках скорбь об утрате «учителя» могут быть отчасти сопоставлены с теми словами, которые, если верить мемуаристке, Некрасов произнес в беседе с Добролюбовым: «Я с каждым годом всё сильнее чувствую, как важна для меня потеря его <Белинского>. Я чаще стал видеть его во сне, и он живо рисуется перед моими глазами. Ясно припоминаю, как мы с ним, вдвоем, часов до двух ночи беседовали о литературе и о разных других предметах. После этого я всегда долго бродил по опустелым улицам в каком-то возбужденном настроении, столько было для меня нового в высказанных им мыслях...» (Панаева, с. 290).

СТИХОТВОРЕНИЯ 1838—1844 гг.

Первые выступления Некрасова в печати относятся к 1838 г. На протяжении 1838—1839 гг. он публикует ряд стихотворений в «Сыне отечества», «Библиотеке для чтения» и «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“». Эти ранние опыты вошли затем в первый сборник Некрасова «Мечты и звуки», составив, однако, незначительную его часть: большинство стихотворений сборника появилось в нем впервые. В автобиографических заметках 1872 г. Некрасов вспоминал, что сборник был составлен из стихов, привезенных из Ярославля в Петербург, т. е. написанных до 20 июля 1838 г.; в набросках автобиографии 1877 г. он сообщал, что уже к пятнадцати годам из его ранних стихов составилась «целая тетрадь», которую он намеревался издать по приезде в Петербург. В автобиографическом романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» также упоминается о тетради «Стихотворения Т. С.», которую герой подготовил для издания перед отъездом в Петербург. Таким образом, некоторые стихотворения сборника могут относиться к 1836—1837 гг. и даже к более раннему времени. Выделить их, однако, не представляется возможным.

Об истории печатания сборника Некрасов рассказал сам в автобиографических заметках 1872 и 1877 гг. Издать сборник ему рекомендовал штабс-капитан Г. Ф. Бенецкий, преподаватель Павловского кадетского корпуса, у детей которого Некрасов был гувернером. Бенецкий распространил среди кадетов билеты по предварительной подписке. Рукопись под названием «Стихотворения

Н. Некрасова» на 114 листах была отнесена Некрасовым в цензуру 26 июня 1839 г. и одобрена 25 июля; 8 августа 1839 г. он получил ее обратно (ЦГИА, ф. 777, оп. 27, № 203, л. 17 об.— 18). Собранных средств оказалось недостаточно для издания, и лишь в декабре 1839 г. Некрасов с помощью своего нового знакомого К. А. Данненберга предпринимает попытку напечатать сборник. 12 декабря Данненберг обратился к своему казанскому приятелю Н. И. Второву с просьбой распространить дополнительные билеты. «Здесь в Питере,— сообщал он,— пущено 50 билет<ов>; но все-таки мало, чтоб на эти деньги можно было напечатать». Сборник предполагалось издать «на хорошей бумаге, в цветно<й> обертке, величиною листов в 7 в 8-ю долю» (цит. по: *Вацуро В. Э.* Некрасов и К. А. Данненберг.— РЛ, 1976, № 1, с. 140). В это время Некрасов начал испытывать сомнения в достоинствах стихов и собирался «изорвать» рукопись; однако в силу взятых на себя обязательств перед подписчиками не мог отказаться от издания. Уже имея книгу «в листах», т. е. в корректуре (по-видимому, в конце января или начале февраля 1840 г.), он отправился к В. А. Жуковскому, который посоветовал ему не указывать на книге своего полного имени (ПСС, т. XII, с. 11—12, 22). Сборник получил новое название «Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н.» и вышел в свет в феврале 1840 г. (билет на выпуск был подписан цензором А. И. Фрейгангом 6 февраля; 19 февраля Данненберг сообщал Второву, что типография «замешкалась» и что книга вышла из печати только «на прошлой неделе» — см.: ЦГИА, ф. 777, оп. 27, № 272, л. 6; *Бобович А. С.* Цензурные материалы о Некрасове из библиотеки Ленинградского гос. университета.— НБ, 1947, № 16—17, с. 67; РЛ, 1976, № 1, с. 141). Часть тиража была разослана подписчикам (так, 16 экземпляров было отправлено Второву), какое-то количество книг Некрасов подарил (один из экземпляров сборника с авторской надписью сохранялся в коллекции А. З. Попельницкого — см.: Антиквар, 1902, № 5, с. 171). В распространении книги Некрасову помогал Н. Ф. Фермор, продававший экземпляры кадетам Инженерного училища (см.: *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания.— В кн.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971, с. 53—54; о Ферморе см. ниже, с. 663, комментарий к стихотворению «<В альбом Марии Фермор>». Попытка самого Некрасова продать книгу через книгопродавцев-комиссионеров оказалась безуспешной.

Сборник вызвал критические отклики. С кратким сдержанно-благожелательным отзывом выступила «Библиотека для чтения». По мнению рецензента, «звуки» (техника стиха) в сборнике оказались «лучше, нежели мечты» (поэтическое содержание). «Стихи в самом деле хороши; местами даже проглядывает чувство, и вообще видно, что господин Н. Н. имеет талант, который заслуживает одобрения» (БдЧ, 1840, № 3, отд. VI, с. 30). Безусловно одобрительной была рецензия «Современника», принадлежавшая, по-видимому, П. А. Плетневу, которому Некрасов был лично известен; в отличие от «Библиотеки для чтения» он находил в «каждой пьесе» «создание мыслящего ума или воображения» и упрекал поэта лишь в «некоторой небрежности в отделке стихов» (С, 1840, № 2, с. 133—134; ср.: *Плетнев П. А.* Сочинения и переписка, т. II. СПб., 1885, с. 289—290). Развернутый отзыв дала «Северная пчела»; указывая на необходимость снисходительного отношения к первым

трудам юного автора, рецензент (скрывшийся за инициалами Н. С.) отмечал в нем «дарование несомненное», но порицал его за пристрастие к «прежней школе», т. е. элегической поэзии, «которая думала находить поэтическое в одних чувствах грусти, безнадежности, отчаянии», а также за подражание известным образцам (СП, 1840, 14 марта, № 59). Автор рецензии специально оговаривался, что имя поэта ему «вовсе неизвестно» и, «кажется <...> в первый раз является в нашей литературе» (возможно, что это замечание было критическим приемом, имевшим целью показать беспристрастие рецензента). Другой обычный рецензент «Северной пчелы», Л. В. Брант, выступил со своим отзывом в «Русском инвалиде»; по-видимому, он либо знал Некрасова, либо слышал о нем от общих знакомых. Брант писал, что, по его сведениям, автор книги — «юный, очень юный поэт» и что в этом случае «стихотворения его более нежели удачны». Он связывал элегические мотивы сборника с обстоятельствами жизни автора, который «рано встретил суровость земных испытаний и горьких лишений, рано брошен в мир нужд и утраты всего, что делает прекрасными воспоминания детства». Оценивая самые стихи, рецензент высказывал пожелание большей «определенности» поэтических идей и большей их связи с действительностью (РИ, 1840, 13 июня, № 130). Наиболее благоприятным для Некрасова был отзыв Ф. Н. Менцова (1817—1848), художника и поэта, в 1830-е гг. печатавшегося в «Сыне отечества» и других изданиях, а в конце десятилетия выступавшего как рецензент «Журнала Министерства народного просвещения». Можно думать, что с Менцовым у Некрасова были какие-то личные связи; в произведениях молодого Некрасова есть следы чтения его стихов (см. с. 651, 655, 672 наст. тома, комментарий к стихотворениям «Встреча душ», «Землетрясение», «День рожденья»). Менцов напоминал в печати о стихах Некрасова, которые он постоянно отмечал «в числе лучших» в своих ежегодных обзорах; стремясь представить читателям автора сборника как уже получившего некоторую известность поэта, он раскрыл и его инициалы-анаграмму («Н. Некрасов»). Цель Менцова — «ободрить» «прекрасный талант», которому он предрекал почетное место в истории русской поэзии при условии изучения поэтической теории и лучших поэтических образцов. Специально останавливался Менцов на вопросе о подражательности таланта Некрасова; не отрицая «невольного подражания» Бенедиктову и Подолинскому, «могущественное влияние» которых почти неизбежно испытывает всякий начинающий поэт, он в то же время настаивал на самостоятельности Некрасова, проявившейся в целом ряде стихотворений сборника, и отмечал отсутствие подражаний какому-либо определенному образцу (ЖМНП, 1840, № 3, отд. VI, с. 118—124; ср. там же, 1841, № 10—12, отд. VI, с. 284, где «Мечты и звуки» названы «прекрасными опытами»). Об отзывах Менцова см.: *Верховский Г. П.* С чего начинается некрасоведение? — В кн.: О Некрасове. Статьи и материалы, вып. 4. Ярославль, 1975, с. 145—198.

Отрицательный отзыв о сборнике дал В. С. Межевич в «Литературной газете» (1840, 24 февр., № 16, с. 373—378). Статье Межевича предшествовало личное знакомство с Некрасовым; в полемике с поэтом по поводу водевиля «Шила в мешке не утаишь» Межевич вспоминал, как начинающий Некрасов принес ему на

квартиру для рецензирования свой первый сборник (СП, 1841, 3 ноября, № 246). Касаясь этого эпизода в письме к Ф. А. Кони от 25 ноября 1841 г., Некрасов разъяснял, что целью его визита было помещение объявления о книге в редактируемых Межевичем «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции» (см. его в «Прибавлениях» к «Ведомостям», 1840, 14 февр.), а не просьба о заступничестве, с которой он не обращался ни к кому из журналистов (ПСС, т. X, с. 31; ср. комментарий Т. С. Царьковой в изд.: *Некрасов Н. А.* Собр. соч. в 4-х т., т. 4. М., 1979, с. 265). В своей рецензии Межевич также напоминал о предшествующих журнальных публикациях «г. Н. Н.», в том числе и на страницах «Литературной газеты»; собранные в книгу, эти стихи, по мнению Межевича, дают читателю ощущение «пустоты, безотчетности, неопределенности впечатлений»; ставя «г. Н. Н.» в ряд безликих журнальных поэтов («гг. Якубович, Рапч, Тимофеев, Менцов, Стромилов, Бахтурин, Струйский, Бернет, Сушков, Траум, Банников и пр., и пр., и пр.»), критик замечал, что все они «суть нечто до тех пор, пока не издадут полного собрания своих сочинений: тогда они становятся ничто» (парафраза этой формулы есть в поздней пародии на Некрасова В. П. Буренина (*Современный сатирик <Буренин В. П.>*. На Невском. Фельетон 89.— Искра, 1866, № 26, с. 333—334); ср.: Русская стихотворная пародия (XVIII—начало XX в.). Л., 1960, с. 540). Близким было мнение о сборнике и В. Г. Белинского, находившего в нем «все знакомые и истертые чувствованьица, общие места, гладкие стишки» и лишь изредка — «стих, вышедший из души в куче рифмованных строчек» (ОЗ, 1840, т. IX, № 3, отд. VI, с. 8—9, без подписи). Ю. К. Арнольд, общавшийся с Некрасовым в 1841 г., уверенно утверждал, что «Белинскому, конечно, как и *всему* петербургскому литературному кругу, было хорошо известно, что автор Н. Н. не кто иной, как водевилист *Перепельский*, и что настоящее его имя *Николай Некрасов*» (*Арнольд Ю.* Воспоминания, вып. II. М., 1892, с. 214; ср. также замечание Данненберга в письме Второву от 12 декабря 1839 г., что «Некрасов со всеми главными журналистами в ладах»). В рецензии на «Одесский альманах на 1840 год» Белинский включал Некрасова в тот же ряд «стихотворцев», которые перечислялись у Межевича, добавив к ним барона Розена, Бороздну, Печенегова, Падерную, Гогниева, Шахову и других (там же, т. IX, № 3, отд. VI, с. 9—14; ср.: Белинский, т. IV, с. 118—119, 121). Есть сведения и о третьем отрицательном отзыве, якобы произнесенном публично А. В. Никитенко с университетской кафедры (*Глушицкий Н.* Письмо в редакцию по поводу биографии Н. А. Некрасова, помещенной в «Отечественных записках».— Петерб. листок, 1878, 1 июня, № 107).

Под впечатлением этих отзывов, и прежде всего рецензии Белинского, Некрасов, по его собственным воспоминаниям, начал «отбирать» экземпляры книги у книгопродавцев и «большую часть уничтожил»; однако некоторое число экземпляров, по-видимому, осталось в руках комиссионеров; так, в 1859 и в 1863 гг. книгопродавец Апраксина двора Федоров объявил о продаже сборника «Мечты и звуки», причем раскрывал имя автора (Ласточка, журнал для дам и девиц, 1859, № 3, «Изящная словесность»; ОЗ, 1863, № 9, отд. II, с. 2) (см.: *Гаркави А. М.* Разыскания о Н. А. Некра-

сове.— Учен. зап. Калинингр. пед. ин-та, 1961, вып. 9, с. 52; *Царькова Т. С.* О литературной жизни ранних произведений Н. А. Некрасова.— РЛ, 1977, № 3, с. 91). Единственной попыткой Некрасова печатно реагировать на критику было упоминание статьи Межевича в его полемике с последним по другому поводу (см. его открытое письмо в редакцию «Литературной газеты» — ЛГ, 1841, 17 июня, № 66; ПСС, т. XII, с. 30). Об этом своем ответе («глупом, глупее самой книги») Некрасов упоминал в набросках автобиографии 1877 г. С начала 1840-х гг. Некрасов начинает сам пародировать мотивы и фразеологию своих ранних стихов; ему атрибутируется и критическая статья с ироническими намеками на «Мечты и звуки» (Цветы музы. Стихотворения А. Градцева. СПб., 1842.— ЛГ, 1842, 18 янв., № 3; ср. также отзыв об этой книге В. Г. Белинского, где упоминаются «цветы, мечты, звуки, альбомы» как непременная принадлежность массовой поэзии,— Белинский, т. V, с. 613) (см.: *Егоров В. А.* Неизвестные рецензии Н. А. Некрасова в «Литературной газете».— В кн.: Н. А. Некрасов и его время. Межвузовский сборник, вып. III. Калининград, 1977, с. 143—144). В 1849 г., отвечая Л. Бранту, напомнившему Некрасову о своем «благосклонном и одобрительном отзыве» на «Мечты и звуки», Некрасов замечал, что не только не помнит рецензий, но «давным-давно забыл и о самых этих „Мечтах и звуках“» (ПСС, т. XII, с. 256). Тем не менее отзвуки журнальных полемик о «Мечтах и звуках» обнаруживаются у Некрасова и позднее; ср., например, его «Плач о поэтах», включенный в рецензию на «Дамский альбом» (1854), где перечисляются «журнальные поэты»,— те же, которых называли и Белинский, и Межевич. Подробно о первом сборнике Некрасова см.: *Максимов В.* Литературные дебюты Н. А. Некрасова. СПб., 1908; *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. Л., 1947.

Проблема историко-литературной интерпретации сборника и комментирования отдельных стихотворений осложняется той их особенностью, которая была отмечена уже первыми рецензентами и в дальнейшем подтверждена самим Некрасовым, вспоминавшим, что он подражал «фразерскому направлению» журнальной поэзии («что ни прочту, тому и подражаю»). Подражание это в отдельных случаях носило характер реминисцирования, чаще же всего сводилось к воспроизведению общих, типовых форм массовой журнальной поэзии. Поэтому для стихов Некрасова обычно трудно указать конкретный источник, но можно с большей или меньшей вероятностью установить ряд тематических, фразеологических и метроритмических аналогов в пределах журнального круга чтения молодого поэта. В своей совокупности такие аналоги позволяют решить вопрос о поэтической ориентации сборника «Мечты и звуки». Само название сборника также принадлежало к числу «типовых» (ср., например, «Мечты и звуки поэзии» И. Грузинова. М., 1842); как таковое, оно было в середине 1840-х гг. пародировано Н. Ф. Щербиной (*Щербина Н. Ф.* Избранные произведения. Л., 1970, с. 255).

МЫСЛЬ

(С. 187)

Печатается по МиЗ, с. 18—19.
Впервые опубликовано: СО, 1838, т. V, № 10 (ценз. разр.— 15 сент. 1838 г.), отд. I, с. 100, с подписью: «Н. Некрасов».
В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.
Автограф не найден.

В журнальном тексте — примечание редакции: «Первый опыт юного, 16-тилетнего поэта». Об этом своем первом опубликованном произведении Некрасов вспоминал в 1843 г. в рассказе «Помещик двадцати трех душ»: «Забуду тот нелепый восторг, который заставлял меня бегать, высуня язык, когда я увидел в „Сыне отечества“ первое мое стихотворение, с примечанием, которым я был очень доволен» (ПСС, т. V, с. 315).
Пропуск ст. 20—21, по-видимому, цензурного характера.

СМЕРТИ

(С. 188)

Печатается по МиЗ, с. 74—75.
Впервые опубликовано: СО, 1839, т. VII, № 1 (ценз. разр.— 14 янв. 1839 г.), отд. I, с. 12—13, с подписью: «Н. Некрасов» и датой: «12 ноября 1838 года».
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Ст. 6—12 развернуты Некрасовым в стихотворении «Злой дух». Одобрительные отзывы о стихотворении см. в рецензиях БдЧ (1840, № 3, отд. VI, с. 30—31), ЖМНП (1839, № 7, отд. VI, с. 79—80 и 1840, № 3, отд. VI, с. 119). Автор отзывов в последнем журнале — Ф. Н. Менцов — называл его лучшим в сборнике «Мечты и звуки».

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

(С. 190)

Печатается по МиЗ, с. 70—71.
Впервые опубликовано: СО, 1838, т. VI, № 11 (ценз. разр.— 15 ноября 1838 г.), отд. I, с. 17—18, с подписью: «Н. Некрасов» и посвящением: «(Н. В. С.)» (в МиЗ посвящение перенесено в оглавление).
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Ст. 14 в первоначальном журнальном варианте («С печатью грусти на челе») восходит к строке из известного предсмертного

стихотворения Д. В. Веневитинова «Люби питомца вдохновенья» (см.: *Веневитинов Д. В.* Сочинения, ч. I. Стихотворения. М., 1829, с. 90, где она напечатана в редакции «С печатью тайны на челе»). Эта строка (как цитата из Веневитинова) введена Некрасовым позднее в поэму «Суд».

ЧЕЛОВЕК

(С. 191)

Печатается по МиЗ, с. 60.

Впервые опубликовано: СО, 1838, т. VI, № 11 (ценз. разр.— 15 ноября 1838 г.), отд. I, с. 18, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

Ст. 1—2 — реминисценция из оды Пушкина «Вольность», прочитанной Некрасовым еще в Ярославле (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. М.—Л., 1947, с. 141 — 143). Положительный отзыв о стихотворении см. в рецензии СП, 1840, 14 марта, № 59, с. 235 (подпись: «Н. С.»).

1839

ПОЭЗИЯ

(С. 192)

Печатается по тексту первой публикации, с исправлением по автографу опечатки в ст. 26 («смертных» вместо «смертным»).

Впервые опубликовано: МиЗ, с. 20—21.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф (беловой) без ст. 17—20 с датой: «4 марта 1839 г. С.-П<етер>б<ург>» и подписью: «Н. Некрасов» — ИРЛИ, альбом М. А. Гамазова, ф. 68, оп. 1, № 43, л. 20 (опубликован в кн.: Некр. по мат. ПД, с. 119—120).

Гамазов Матвей Авелевич (1811—1893) — впоследствии известный ориенталист, переводчик и поэт-дилетант, друг и дальний родственник И. И. Панаева. Некрасов познакомился с Гамазовым в доме Н. Ф. Фермора; в свою очередь Гамазов познакомил его с Панаевым. Впоследствии Гамазов участвовал в «Иллюстрированном альманахе» Панаева и Некрасова и в С (см.: *Гамазов М. А.* К воспоминаниям А. Я. Головачевой.— ИВ, 1899, кн. 4, с. 255—256; *Григорьян К. Н.* Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X — начало XX вв.). Ереван, 1974, с. 178—198. В стихотворении «Поэзия» Ф. Н. Менцов без больших оснований видел влияние Подолинского (ЖМНП, 1840, № 3, отд. VI, с. 119; *Максимов В.* Литературные дебюты Н. А. Некрасова. СПб., 1908, с. 79—80).

МОЯ СУДЬБА

(С. 193)

Печатается по МпЗ, с. 24—25, с восстановлением цензурной купюры («царя») в ст. 27 по журнальному тексту.

Впервые опубликовано: ЛПРИ, 1839, 25 марта (ценз. разр.— 24 марта 1839 г.), с. 250.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

Образ «чаша жизни», «чаша слез», на котором строится стихотворение, был распространен еще в 1820-е гг. (ср. «Элегию» (1821 или 1822) Дельвига, «Две чаши» (1826) Шевырева, «Чашу жизни» (1831) Лермонтова) и к концу 1830-х гг. стал поэтическим штампом (*Теплова Н.* Предостережение.— ЛПРИ, 1839, 11 марта, № 10, с. 212; *Вуич Н.* Две чаши.— ЛПРИ, 1839, 9 дек., № 23, с. 448 и др.; см.: *Григорьева А. Д.* Поэтическая фразеология Пушкина.— В кн.: Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969, с. 158—159) Ст. 19 — реминисценция из стихотворения Пушкина «Поэту» («Поэт, не дорожи любовию народной...»). Положительную оценку стихотворению дал Ф. Н. Менцов (ЖМНП, 1839, № 7, отд. VI, с. 79—80 и 1840, № 3, отд. VI, с. 121).

ДВА МГНОВЕНИЯ

(С. 194)

Печатается по МнЗ, с. 29—30.

Впервые опубликовано: ЛПРИ, 1839, 8 апр., № 14 (ценз. разр.— 7 апр. 1839 г.), с. 297, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

Стихотворение следует за традиционными мотивами лирики 1830-х гг., в известной мере отправлявшейся от пушкинского «Поэта», но интерпретировавшей его сообразно утвердившимся в романтической эстетике представлениям о творчестве как озарении, приобщении к божественному началу и духовном преображении (см., например: *Станкевич Н.* Мгновение.— Телескоп, 1832, № 6, с. 173 (с некоторыми фразеологическими совпадениями); *Зилов А.* К приятелю, трудящемуся над стихосложением.— В кн.: Стихотворения Алексея Зилова. М., 1835, с. 113—114; *Бахтурин К.* Ночь.— В кн.: Стихотворения К. Бахтурина. СПб., 1837, с. 44—45; а также стихотворение Л. Якубовича под тем же названием «Два мгновения», но с несколько иным сюжетным наполнением, опубликованное в С (1838, № 3, с. 192—193)). Аналогия «поэт—орел» — также общее место; в 1835 г. она была пародирована К. Эврипидиным (К. С. Аксаковым) в стихотворении «Орел и поэт» (Телескоп, 1835, ч. 29, с. 238—239), получившем широкий резонанс (см. в комментариях С. И. Машинского в кн.: Поэты кружка Станкевича. М.—Л., 1964, с. 578—579. (Б-ка поэта)). Положительный отзыв о «Двух мгновениях» принадлежит Ф. Н. Менцову (ЖМНП, 1840, № 3, отд. VI, с. 120); наряду с неко-

торыми другими стихами сборника — «Рукоять», «Покойница», «Песня Замы» — он отметил в этом стихотворении «печать поэтической независимости».

ИЗГНАННИК

(С. 196)

Печатается по МиЗ, с. 61—65.

Впервые опубликовано: СО, 1839, т. IX, № 6 (ценз. разр.— 5 июня 1839 г.), отд. I, с. 55—58, с подписью: «Н. Некрасов» и посвящением: «(Н. Ф. Фермору)» (в МиЗ посвящение перенесено в оглавление).

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

Образный строй стихотворения традиционен для поэзии 1830-х гг. (ср. в «Призвании» А. Тимофеева: «Есть бедный невольник: с небесной душою, Свинцовою цепью прикован к земле...» — БдЧ, 1837, № 5, отд. I, с. 9; ср. также: *Гогниев И. Е.* Отчизна душ.— СО, 1838, № 9, отд. I, с. 14—15). Более непосредственные связи ощущаются между «Изгнанником» и «Посланием к другу» П. П. Ершова (БдЧ, 1836, № 6, отд. I, с. 155—160); они сказываются в аналогичном развитии поэтической темы, близости мотивов, метроритмического рисунка и в отдельных лексико-фразеологических совпадениях (см. ст. 41—42; у Ершова: «И дорогой ценой страданья Грех малодушья искупить»; ср. также ст. 46—47; у Ершова: «Железом душу окую...»). Чтение стихотворения Ершова, которое рассматривалось в критике как программное, возможно, отразилось также в стихотворениях «Земляку» и «Могила брата».

РУКОЯТЬ

(С. 199)

Печатается по МиЗ, с. 81—82.

Впервые опубликовано: ЛПРИ, 1839, 24 июля, № 25 (ценз. разр.— 23 июля 1839 г.), с. 531—532, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден.

В лонгиновском экземпляре сборника (ИРЛИб, шифр Ло.1.28) против стихотворения «Рукоять» помета рукой М. Н. Лонгинова: «Жуковский одобрил». В набросках автобиографии 1872 и 1877 гг. Некрасов вспоминал о представлении Жуковскому корректурных листов книги «Мечты и звуки» в 1840 г.; Жуковский одобрительно отозвался о двух (в другом наброске — одном) стихотворениях (ПСС, т. XII, с. 12, 22). Положительный отзыв о стихотворении дал и Ф. Н. Менцов (см. комментарий к стихотворению «Два мгновения» на с. 647—648 наст. тома).

ЖИЗНЬ

(С. 200)

Печатается по МиЗ, с. 65—67.

Впервые опубликовано: БдЧ, 1839, № 7 (ценз. разр.— 30 июня 1839 г.), с. 5—6, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

Существует вероятное предположение, что стихотворение отражает влияние лермонтовской «Думы» (*Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. М.—Л., 1947, с. 207). «Дума», появившаяся впервые в ОЗ (1839, № 1, отд. III, с. 148—149), сразу же была высоко оценена критикой (см., например, отзыв Н. Мельгунова: ЛПРИ, 1839, 13 мая, № 19, с. 416). О большом читательском успехе «Думы» вспоминал В. Г. Белинский (Белинский, т. IV, с. 521). Прямое текстуальное совпадение можно видеть в ст. 41 (у Лермонтова: «И царствует в душе какой-то холод тайный»). «Жизнь» Некрасова близка «Думе» ритмически и фразеологически и, подобно лермонтовскому стихотворению, является инвективой против утратившего жизненную цель общества. Вместе с тем в «Жизни» центральная идея и отдельные мотивы «Думы» подверглись переинтерпретации: на место лермонтовского социального пессимизма и скептицизма поставлен осознанный жизненный идеал (прежде всего религиозный). Такое переосмысление характерно для массовой поэзии 1830-х гг., усваивавшей в «Думе» главным образом общеромантическую тему осуждения развращенной «толпы» и оставлявшей в стороне ее глубокую социально-философскую концепцию. См. обширный сопоставительный материал в статье: *Бродский Н.* Поэтическая исповедь русского интеллигента 30—40-х годов.— В кн.: Венок Лермонтову. М., 1914, с. 66—67, 95, 97. Положительный отзыв о стихотворении Некрасова дал Ф. Н. Менцов (ЖМНП, 1839, № 12, отд. VI, с. 183).

КОЛИЗЕЙ

(С. 202)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: МиЗ, с. 1—5.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

Ф. Н. Менцов указывал на это стихотворение как на подражание Бенедиктову (ЖМНП, 1840, № 3, отд. VI, с. 119), имея в виду, очевидно, стихотворение «Развалины» (см.: *Бенедиктов В.* Стихотворения, кн. 2. СПб., 1838, с. 5—7). Одним из источников стихотворения, по-видимому, является очерк «Колизей. (Римское зодчество)» в «Художественной газете» Н. В. Кукольника (1838, № 19—24 (ценз. разр.— 12 марта 1839 г.), с. 652—655), по своей структуре в общих чертах совпадающий с «Колизеем» Некрасова

и имеющий ряд лексико-фразеологических точек соприкосновения; как и стихотворение, очерк заканчивается описанием креста, воздвигнутого в XVIII в. папой Бенедиктом XIV посреди арены, где происходили бои гладиаторов.

Покуда ты живо ∾ в хаоса бездну.— Имеется в виду средневековая легенда (распространенная еще в VIII столетии среди пилигримов), что Рим будет существовать, пока стоит Колизей, а с его разрушением погибнет и Рим, и весь мир.

Что день, то я новые знало потери ∾ изящное тело мое.— В XIV—XVIII вв. в развалинах Колизея добывали строительный материал для общественных построек (палаццо Фарнезе и др.); при папе Клименте IX уцелевшая часть Колизея была превращена в завод для добывания селитры.

АНГЕЛ СМЕРТИ

(С. 205)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 5—6.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Тема стихотворения широко распространена в поэзии 1830-х гг. Аналогичная трактовка темы, лексическая близость могут быть отмечены в стихотворениях Д. Струйского (Трилунного) «Ангелу смерти» и К. Айбулата (Розена) «Смерть», напечатанных одновременно (ЛПРИ, 1838, 5 сент., № 36, с. 709). Второе из этих стихотворений пользовалось широкой популярностью, неоднократно перепечатывалось, вплоть до 1890-х гг., и приписывалось разным авторам, в том числе Лермонтову (см.: Рус. обозр., 1896, № 4, с. 894, № 5, с. 385—387). Ф. Н. Менцов (ЖМНП, 1840, № 3, отд. VI, с. 119) находил в стихотворении влияние Подолинского, однако без больших оснований (см.: *Максимов В.* Литературные дебюты Н. А. Некрасова. СПб., 1908, с. 79—80).

ВСТРЕЧА ДУШ

(С. 206)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 7—11.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Тема стихотворения широко распространена в поэзии 1830-х гг., см. аналоги — «Отчужденный» Подолинского (БдЧ, 1836, № 9, отд. I, с. 5—12; Повести и мелкие стихотворения А. Подолинского, ч. II. СПб., 1837, с. 21—35), с модификацией темы; его же «Див и пери» (там же, ч. I, с. 37); «Облако» В. Красова (БдЧ, 1839, № 4, отд. I, с. 66—68). Ст. 1 — реминисценция из тра-

гедии Н. В. Кукольника «Торквато Тассо» (акт 5, явл. 3): «Но снова все туманится и тмится...» (*К<укольник> Н.* Торквато Тассо, большая драматическая фантазия в стихах. СПб., 1833, с. 163). Трагедию Кукольника Некрасов знал (ср. парафразу строк из нее в рассказе «Без вести пропавший пиита» (1840)). Возможно, однако, что строка попала к Некрасову через посредство стихотворения Ф. Н. Менцова «Огонь небесный»: «Что небо вдалеке туманится и тмится?» (БдЧ, 1838, № 11, отд. I, с. 7; о знакомстве Некрасова с этим стихотворением см. в комментарии к стихотворению «Землетрясение» на с. 655 наст. тома). Ф. Н. Менцов (см. комментарий к стихотворению «Ангел смерти» на с. 650 наст. тома) указывал на воздействие Подолинского; В. Е. Евгеньев-Максимов (Литературные дебюты Н. А. Некрасова, СПб., 1908, с. 51—52) оспаривал это наблюдение, приводя в качестве более вероятного источника «Теона и Эсхина» В. А. Жуковского; сходство «Встречи душ» и «Теона и Эсхина», однако, весьма отдаленно. Значительно ближе «Встреча душ» связана с лирической ситуацией стихотворения Е. А. Баратынского «Своенравное прозванье...» (*Баратынский Е. А.* Стихотворения, ч. 1. М., 1835, с. 225): в загробном мире души любящих, лишенные «чувственных примет», узнают друг друга по условному, интимному имени.

Амарилла — условно-поэтическое имя, распространенное во французской поэзии XVIII в. и перешедшее в русскую, в первую очередь идиллическую, поэзию.

ИСТИННАЯ МУДРОСТЬ

(С. 209)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 11—14.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Иррационалистические мотивы этого стихотворения характерны для романтической философской лирики 1830-х гг. (ср. ранние стихотворения А. В. Кольцова «Человеческая мудрость (Дума)» (ЛПРИ, 1838, 26 марта, № 13, с. 248) и «Неразгаданная истина (Дума)» (там же, 1838, 9 апр., № 15, с. 289); анонимное стихотворение «Совет мудреца» (БдЧ, 1838, № 3, отд. I, с. 14—15) и др.). Отзыв о стихотворении Некрасова как растянутом, хотя и не лишенном удачных строк, см. в рецензии СП (1840, 14 марта, № 59, с. 234; подпись: «Н. С.»); «много прекрасных мыслей» в нем находил Ф. Н. Менцов (ЖМНП, 1840, № 3, отд. VI, с. 121—122). В 1870 г. стихотворение было использовано Н. С. Лесковым для обвинения Некрасова в идейном ренегатстве (см.: *Лесков Н. С.* Загадочный человек.— В кн.: *Лесков Н. С.* Собр. соч. в 11-ти т., т. 3. М., 1957, с. 363—364); касаясь этой темы, публицист Г. З. Елисеев, подвергшийся тому же обвинению в очерке Лескова, заметил, что стихотворение Некрасова — «чистое подражание», однако без сколько-нибудь серьезных оснований связал его с одой Ломоносова, имея в виду «Вечернее размышление о божьем вели-

честве» (ОЗ, 1878, № 3, отд. II, с. 130). Положительно отозвался о стихотворении Т. Звонков (С. И. Пономарев) в статье «На могилу Некрасова» (Гражданин, 1878, № 4—5, с. 86—87). Подробно о полемике вокруг этого стихотворения см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. М.—Л., 1947, с. 200—202.

Благоговеть пред мистицизмом ∾ *удел людей...* — по-видимому, парафраза строк Бенедиктова из сонета «Природа»: «...бойся исказить догадкою своей Запретные красы святого мистицизма» (см.: *Бенедиктов В.* Стихотворения. СПб., 1835, с. 99).

...не мудрствуя лукаво... — цитата из «Бориса Годунова» Пушкина (сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»).

ЗЕМЛЯКУ

(С. 212)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 15—18.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Стихотворение носит автобиографический характер. Высказывалось предположение, что оно обращено к Андрею Ивановичу Глушицкому, товарищу Некрасова по ярославской гимназии, знакомство с которым Некрасов возобновил в 1838 г. в Петербурге. При помощи и поддержке Глушицкого Некрасов готовился к поступлению в университет (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. М.—Л., 1947, с. 155—160). Стихотворение близко к посланию Бенедиктова «К М-ру» (см.: *Бенедиктов В.* Стихотворения. СПб., 1835, с. 72—74); ср. также «Послание к другу» П. П. Ершова (БдЧ, 1836, № 6, отд. I, с. 155—160). Возможно также, что в нем сказались впечатления от чтения «Евгения Онегина» Пушкина (ср., например строфу XI главы VIII).

Пропуск ст. 62—63, вероятно, цензурного происхождения.

ГОРЫ

(С. 215)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 21—23.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Отдаленное подражание стихотворению Бенедиктова «Горные выси» (см.: *Бенедиктов В.* Стихотворения, кн. 2. СПб. 1838, с. 1—2; впервые под заглавием «Горы» — С, 1837, т. V, с. 238—239), в частности ст. 43—44 являются парафразой строк «Висит громада вековая, Чужая долу и звездам», ставших предметом журнальной полемики. Попытка вскрыть семантику образа была предпринята

в ЛПРИ (1838, 9 апр., № 15, с. 290): «Горы, возвысясь над равнинами и не достигши небес, остаются чуждыми и долу и звездам: так и поэт, отделясь от толпы и презирая земное, никогда вполне не достигает небесного». Критический отзыв о «неверности» этой картины дал Н. А. Полевой (СО, 1838, № 1, отд. IV, с. 47), с которым в это время общался Некрасов. Подробнее см. комментарий Л. Я. Гинзбург в кн.: *Бенедиктов В. Г.* Стихотворения [Л.], 1939, с. 308—309 (Б-ка поэта). У Бенедиктова же из стихотворения «Облака» (см.: *Бенедиктов В.* Стихотворения. СПб., 1835, с. 31) заимствован образ в ст. 39—40 (ср.: «Чаша неба голубая Опрокинута на мир»), как известно, вызвавший несколько ироническую похвалу Пушкина (см.: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания, [М.], 1950, с. 72); ст. 21 восходит к стихотворению Баратынского «Череп» (см.: *Баратынский Е.* Стихотворения, ч. I. СПб., 1835, с. 186). Не исключена возможность, что в стихотворении отразились также впечатления от чтения «Кавказского пленника» и стихотворения «Кавказ» Пушкина (см.: *Максимов В.* Литературные дебюты Н. А. Некрасова. СПб., 1908, с. 85).

ЗЛОЙ ДУХ

(С. 217)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 25—27.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Источником стихотворения является «Демон» Пушкина (ср. реминисценцию в ст. 18—20; у Пушкина: «Его язвительные речи Вливали в душу хладный яд»; вариацию этих строк см. в стихотворении «Смерти», ст. 6—8). В романтической лирике 1830-х гг. «демон» чаще всего олицетворял рационалистический скептицизм, «земную существенность», которой противопоставлялось «идеальное», «божественное», поэтическое начало.

НЕЗАБВЕННАЯ

(С. 219)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 27—29.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Ф. Н. Менцов (ЖМНП, 1840, № 3, отд. VI, с. 119) указывал на это стихотворение как на подражание Бенедиктову. По-видимому, у Бенедиктова заимствовано только название и общая лирическая ситуация. Эпиграф взят из стихотворения Пушкина «Дориде».

ТУРЧАНКА

(С. 221)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 31—33.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Стихотворение характерно для романтического экзотизма 1830-х гг. (см. также стихотворения «Песня Замы», «Смуглянка»); как и большинство стихотворений раннего Некрасова, является сплавом общих мест романтической лирики. «Перечислительный» метод описания — одна из существенных особенностей «ориентальной» любовной поэзии. Ближе других стоит к стихотворению Бенедиктова «К черноокой» (см.: *Бенедиктов В.* Стихотворения, кн. 2. СПб., 1838, с. 72—73); ср., кроме того, его стихотворения «Черные очи» и «Кудри» (см.: *Шимкевич К.* Бенедиктов, Некрасов, Фет.— В кн.: Поэтика, сб. 5. Л., 1929, с. 118—121); тематические и ритмико-стилистические аналоги дают также «Гурия» Подолинского (см.: Повести и мелкие стихотворения А. Подолинского, ч. II. СПб., 1837, с. 51), «Черкешенка» С. Стромилова (СО, 1838, № 7, отд. I, с. 16) и др. Имя героини, возможно, восходит к трагедии В. Н. Олина «Корсер» (СПб., 1828; переделка поэмы Байрона), которой Некрасов увлекался еще в Ярославле (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е. и др.* Некрасов и театр. М.—Л., 1948, с. 8). Неточную автоцитату из стихотворения «Турчанка» см. в рассказе Некрасова 1841 г. «Двадцать пять рублей» (ПСС, т. V, с. 123); пародийную парафразу ст. 24—25 — в атрибутируемой Некрасову рецензии на книгу А. Градцева «Цветы музы» (см. с. 644 наст. тома).

Пропуск ст. 29, по-видимому, цензурного характера.

СОМНЕНИЕ

(С. 223)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 33—36.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

ПЕСНЯ

(С. 226)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 37—38.
В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.
Автограф не найден.

Первый опыт использования дактиля — одного из излюбленных размеров позднего Некрасова.

ПОКОЙНИЦА

(С. 227)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 38—39.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Положительный отзыв о стихотворении дал Ф. Н. Менцов (см. комментарий к стихотворению «Два мгновения» на с. 647—648 наст. тома).

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

(С. 228)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 40—46.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Стихотворение следует за широко распространенными в поэзии 1830-х гг. эсхатологическими мотивами (см., например: *Тимофеев А.* 1) Гроза.— БдЧ, 1837, № 8, отд. I, с. 137—141; 2) Последнее разрушение мира.— БдЧ, 1838, № 6, отд. I, с. 136—140, с близким развитием темы и ритмической организацией; *Бенедиктов В.* Смерть в Мессине.— В кн.: *Бенедиктов В.* Стихотворения. СПб., 1835, с. 26—27). Все эти произведения варьируют мотивы стихотворения В. Гюго «Небесный огонь» («Le Feu du Ciel»), открывающего сборник «Восточные мотивы» («Les Orientales» 1828). Непосредственным источником стихотворения Некрасова является, по-видимому, вольный перевод стихотворения Гюго, сделанный Ф. Н. Менцовым,— «Падение Содома и Гоморра» (Моск. наблюдатель, 1835, дек., кн. 2, с. 422—434); в 1838 г. он был напечатан вторично под заглавием «Огонь небесный» (БдЧ, 1838, № 11, отд. I). Некрасов перерабатывает эпизод гибели городов, в отличие от Менцова заканчивая стихотворение картиной торжества божественного милосердия. Ф. Н. Менцов одобрительно отозвался о стихотворении (ЖМНП, 1840, № 3, отд. VI, с. 121). Подробнее см.: *Вацуро В. Э.* К литературной истории стихотворения Некрасова «Землетрясение».— Некр. сб., V, с. 276—280.

...земли утроба...— формула, восходящая к «Людмиле» Жуковского, (см. также комментарий к стихотворению «Ночь» на с. 659 наст. тома).

Гром гремит, как в двери гроба Череп мертвой головы — образ, возможно, заимствованный из баллады А. Тимофеева «Мертвый гость» (БдЧ, 1839, № 1, отд. I, с. 14): «И, сомкнувши уста и сложивши перста, Головою об крышку стучит».

Летает, кружится взоревавшийся камень...— Ср. в «Диве и пери» А. И. Подолинского: «И летит разжженный камень» (*Подолинский А.* Повести и мелкие стихотворения, ч. I. СПб., 1837, с. 29).

ВОРОН

(С. 233)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 47—50.
В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.
Автограф не найден.

Стихотворение является первым в серии фантастических баллад, которые составляют в совокупности своеобразный цикл внутри сборника. Одной из особенностей баллады 1830-х гг. является ее ориентация на подлинное народное предание или имитация его; характерен также рост натуралистических мотивов и погружение балладных элементов в бытовую сферу. Эти черты баллады 1830-х гг. восприняты и Некрасовым. Попытка создать балладу-сказку с национальным колоритом очевидна в «Пире ведьмы».

РЫЦАРЬ

(С. 236)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 51—52.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

ВОДЯНОЙ

(С. 238)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 53—55.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

В стихотворении разработан весьма популярный в балладной поэзии 1830-х гг. мотив любви русалки к смертному. На эту тему написана, в частности, «Ундина» (1837) В. А. Жуковского, пользовавшаяся большим успехом. Возможно, что в «Водяном» перефразирована одна из формул рецензии Е. Ф. Розена на «Ундину»: «Она получила душу от своего возлюбленного, она стала совсем иная» (СО, 1837, № 6, отд. III, с. 216); ср. у Некрасова: «И стала совсем я иная». В целом баллада далека от «Ундины». Некоторые детали ее, вероятно, восходят к театральным впечатлениям Некрасова, например от балета «Дева Дуная» с участием Тальони — одного из популярнейших спектаклей 1830-х гг. (с ноября 1837 г. выдержал 26 представлений) (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е. и др.* Некрасов и театр. М.—Л., 1948, с. 18).

ПИР ВЕДЬМЫ

(С. 240)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 55—57.
В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.
Автограф не найден.

Стихотворение — свободная вариация фольклорных рассказов о празднествах нечистой силы, отразившихся и в литературе. Ср., например, описание шабаша ведьм в новелле Порфирия Байского (О. М. Сомова) «Киевские ведьмы» (Новоселье. СПб., 1833, с. 331—359), послужившей источником «Гусара» Пушкина (1833). Ср. также близкие описания у Гоголя — в «Пропавшей грамоте» (где «бесовское племя» отплясывает «какого-то чертовского тропака» — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч., т. I. [М.—Л.], 1940, с. 188) и вторую сцену в церкви в «Вие» («сквозь окна и двери посыпалось с шумом множество гномов»; с криком петуха они улетают — там же, т. II. [М.—Л.], 1937, с. 574—575, редакция 1835 г.). «Конский топот» («конский гоп») входит в звуковую картину шабаша в «сне Татьяны» («Евгений Онегин», глава V, строфа XVII).

НЕПОНЯТНАЯ ПЕСНЯ

(С. 242)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 58—59.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Поэтическая концепция, лежащая в основе стихотворения, была чрезвычайно распространена в 1830-е гг.; ее отправная точка — учение о «мировой душе», разработанное, в частности, философией Шеллинга и затем модифицированное и в значительной мере вульгаризированное романтической поэзией 1830-х гг., превратившей его в поэтический троп. Стихотворение Некрасова создавалось, по-видимому, под непосредственным влиянием широко известной элегии Жуковского «Море»; возможно также воздействие стихотворения С. Стромилова «К морю» (Моск. наблюдатель, 1838, май, кн. 1, с. 98—99 и — под названием «Море» и в несколько иной редакции — БдЧ, 1839, № 5, отд. I, с. 14—15); вероятно, Некрасову были известны и другие произведения с той же разработкой темы, например сонет Н. Щербины «К морю» (СО, 1838, № 10, отд. 1, с. 99; в этом номере журнала на следующей странице напечатано стихотворение Некрасова «Мысль») и стихотворение близко знакомого ему Н. Фермора «Черноморская ночь» (СО, 1839, № 2, отд. I, с. 99—101); ср. также «Море» В. Бенедиктова (*Бенедиктов В.* Стихотворения, кн. 2. СПб., 1838, с. 14—24). Слабым подражанием Жуковскому назвал это стихотворение Некрасова рецензент СП (1840, 14 марта, № 59, с. 234). Эпиграф взят из стихотворения Пушкина «Земля и море».

НЕЗАБВЕННЫЙ ВЕЧЕР

(С. 244)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 67—70.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

МОГИЛА БРАТА

(С. 246)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 72—73.
В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.
Автограф не найден.

Брат Некрасова, Андрей (род. 1820), скончался в июле 1838 г., накануне отъезда поэта в Петербург. По воспоминаниям сестры Некрасова А. А. Буткевич, эта потеря произвела в нем «сильный нравственный переворот»; он «впервые серьезно задумался о своей участи» (<*Скабичевский А. М.*>. Николай Алексеевич Некрасов. Биографические сведения.— Ст 1879, т. I, с. XXIII). Об А. А. Некрасове см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. М.—Л., 1947, с. 129—132, 139.

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ

(С. 248)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 76.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

В стихотворении отразились образный строй и стилевые элементы поэзии Бенедиктова (ср. его «Утес» — *Бенедиктов В.* Стихотворения. СПб., 1835, с. 85—86; см. об этом: *Шимкевич К.* Бенедиктов, Некрасов, Фет.— В кн.: Поэтика, сб. 5. Л., 1929, с. 115—116).

НОЧЬ

(С. 249)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 77—79.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

В экземпляре МиЗ, принадлежавшем М. Н. Лонгинову (ИРЛИ, шифр Ло.1.28), против стихотворения рукою Лонгинова помечено: «Полевой одобрил». По-видимому, эта запись, как и другие, сделана со слов Некрасова. Некрасов близко общался с Полевым с октября 1838 г. (см. записи в дневнике Полевого — ИВ, 1888, № 3, с. 669, 670, 673 и автобиографические записи Некрасова 1872 и 1877 гг.— ПСС, т. XII, с. 12). Некоторые тематические и фразеологические аналоги «Ночи» см. в стихотворении Н. Веревкина «Утренний сон» (БдЧ, 1839, № 8, отд. I, с. 49—51).

Вот встают из мрака тени ∾ *И крылами прошумят.*— Парафраза строк из «Людмилы» В. А. Жуковского («Слышен шорох тихих теней...»).

ДНИ БЛАГОСЛОВЕННЫЕ

(С. 251)

Печатается по МиЗ, с. 79—80.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1840, 24 янв., № 7, с. 154—155, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден.

Довольно близкое подражание стихотворению Бенедиктова «Незабвенная» (см.: *Бенедиктов В.* Стихотворения. СПб., 1835, с. 75—77; см. рецензию Ф. Н. Менцова — ЖМНП, 1840, № 3, отд. VI, с. 119). Стихотворение Бенедиктова было чрезвычайно популярно и могло быть воспринято Некрасовым даже не непосредственно, а через многочисленные подражания, в том числе и через пародию К. Эврипидина (К. С. Аксакова) «Воспоминание» («Кто отдаст мне молодость, время незабвенное...») (Телескоп, 1835, ноябрь, кн. 2, с. 465—466, с ироническим примечанием Белинского, направленным против «бенедиктовской» школы). Ст. 9—20 стихотворения Некрасова находят аналогию в пародии Аксакова и не имеют соответствий у Бенедиктова. Положительный отзыв о стихотворении принадлежит Ф. Н. Менцову (ЖМНП, 1840, № 7, отд. VI, с. 63—64).

ЗАГАДКА

(С. 252)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: МиЗ, с. 80—81.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

Что мир создан не случайностью...— Идея телеологической закономерности творения характерна для деистических возражений материализму. К 1830-м гг. относится новая вспышка интереса к проблеме необходимости и случайности, отразившаяся и в поэзии

(см.: *Ярмерштедт В.* Миросозерцание кружка Станкевича и поэзия Кольцова. Из истории литературно-философского движения в России.— Вопр. филос. и психол., 1893, № 5, отд. I, с. 94—124).

ОБЕТ

(С. 253)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 82—83.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Это, как и следующее стихотворение,— вариант разработки темы разочарования в любви, прочно утвердившейся уже в элегической поэзии 1820-х гг. В романтической лирике 1830-х гг., переосмыслившей элегические темы, возникает новая характерная мотивировка «холодности» и безучастности героя: презрение ко всему земному, в том числе к любви, во имя идеального, «небесного» начала. Элементы данной поэтической концепции есть в стихотворении «Красавице». См. разработку этой темы в целом ряде стихотворений конца 1830-х гг. в различных модификациях, нередко дающих явные аналоги стихотворениям Некрасова: *Красов В.* Песня.— Моск. наблюдатель, 1838, март, кн. 1, с. 45—46 (перепечатана в БдЧ, 1839, № 1, отд. I, с. 11—12, с ошибочной подписью: «Бернет»); *Айбулат К.* Очаровательнице.— ЛПРИ, 1839, 25 февр., № 8, с. 165; *Тютчев Ф. И.* Не верь, не верь поэту.— С. 1839, № 2, с. 154—155; *Бенедиктов В.* 1) N. N.-ой.— В кн.: *Бенедиктов В.* Стихотворения. СПб., 1835, с. 45—47; 2) Холодное признание, К Анне, Я не люблю тебя.— В кн.: *Бенедиктов В.* Стихотворения, кн. 2. СПб., 1838, с. 35—36, 81—83, 94—96 и др. Стихотворение было пародировано как подражательное (см.: ЛГ, 1840, 24 февр., № 16, с. 377—378).

КРАСАВИЦЕ

(С. 254)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 83—85.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

См. комментарий к стихотворению «Обет».
Начальные строки близки к стихотворению Пушкина «Не пой, красавица, при мне...» (1828) и стихотворению В. Г. Бенедиктова «N. N..-ой» («О, не играй веселых песен мне...») (см.: *Бенедиктов В.* Стихотворения. СПб., 1835, с. 45—47).

ТОТ НЕ ПОЭТ

(С. 256)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 85—86.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Стихотворение включается в обширный круг поэтических деклараций 1830-х гг., утверждающих независимость истинного поэта от растлевающего влияния среды. По характеру разработки темы и композиционным особенностям ближе других стоит к стихотворениям П. П. Ершова «Вопрос» (БдЧ, 1838, № 10, отд. I, с. 92—94) и И. И. Панаева «Лжепоэту» (ЛПРИ, 1838, 18 июня, № 25, с. 486); ср. также: *Гр. Р<остопчин>а.* Кто поэт.— Моск. наблюдатель, 1835, авг., кн. 1, с. 386—388; *Стромилов С.* Поэт.— ЛПРИ, 1838, 25 июня, № 26, с. 507; *Якубович Л.* Собрату.— Сборник на 1838 год... СПб., [1838], с. 86 и др. Пародию на это стихотворение («Кто не поэт?») см.: Репертуар русского театра. СПб., 1841, № 4, «Стихотворения», с. 1—2 (подпись: «Л...в»). Ср.: *Царькова Т. С.* О литературной жизни ранних произведений Н. А. Некрасова.— РЛ, 1977, № 3, с. 93.

ПЕСНЯ ЗАМЫ

(С. 257)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 87—88.
В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.
Автограф не найден.

Положительный отзыв об этом стихотворении принадлежит Ф. Н. Менцову (см. комментарий к стихотворению «Два мгновения» на с. 647—648 наст. тома).

ЧАС МОЛИТВЫ

(С. 259)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 89—90.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Подражание «Песне» («Когда взойдет денница золотая...») Е. А. Баратынского (см.: *Баратынский Е.* Стихотворения, ч. 1. СПб., 1835, с. 103).

СМУГЛЯНКЕ

(С. 260)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 90—92.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

См. комментарий к стихотворению «Турчанка» на с. 654 наст. тома. В 1840 г. рецензент СП (14 марта, № 59, с. 234—235) процитировал как удачные несколько строк этого стихотворения.

ВЕСНА

(С. 262)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 92—94.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Стихотворение было пародировано как подражательное (см.: ЛГ, 1840, 24 февр., № 16, с. 376—377).

СЕРДЦУ

(С. 264)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 95—96.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Начальные стихи — парафраза первых строк стихотворения Е. А. Баратынского «Дитя мое, она сказала...» (*Баратынский Е.* Стихотворения, ч. 1. СПб., 1835, с. 228).

ПРИЗНАНИЕ

(С. 266)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 97—98.
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

РАЗГОВОР

(С. 267)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: МиЗ, с. 98—103.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Тематический аналог стихотворения — «Разговор души с телом» М. Воскресенского (см.: Новоселье, т. 2. СПб., 1834, с. 437—438).

Люблю житейское волненье... — парафраза строки Пушкина («Поэт и толпа», 1828).

ДУМА

(С. 271)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: Литературные прибавления к ЖМНП, 1840, № 1, с. 3—4, с подписью: «Н. Некрасов».
В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Датируется 1839 г. предположительно, в связи с первой публикацией.

<В АЛЬБОМ МАРИИ ФЕРМОР>

(С. 273)

Печатается по беловому автографу ЦГАЛИ.
Впервые опубликовано Н. С. Ашукиным: ЛГ, 1938, 5 янв., № 1, с. 4.
В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. I.
Беловой автограф — ЦГАЛИ, ф. 1336, оп. 1, ед. хр. 61, л. 16 (запись в альбом Марии Фермор, с подписью: «Душевно уважающий вас Н. Некрасов»). Факсимиле автографа — ЛН, т. 49—50. М., 1949, с. 213.

Датируется — по времени знакомства Некрасова с семьей Ферморов — концом 1830-х или началом 1840-х гг. В ПСС, т. I, предположительно отнесено к 1839 г.
Мария Фермор — сестра Н. Ф. Фермора, преподавателя Инженерного училища. Некрасов познакомился с Фермором вскоре после приезда в Петербург в 1838 г. Н. Ф. Фермор помог Некрасову выпустить МиЗ; Фермору было посвящено вошедшее в МиЗ стихотворение «Изгнанник». О Н. Ф. Ферморе и отношениях с ним Некрасова см.: ЛН, т. 49—50, с. 211—212.

1840

В АЛЬБОМ

(С. 274)

Печатается по беловому автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано С. А. Рейсером по Экз. Лазаревского: Звезда, 1938, № 1, с. 167.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. I.

Беловой автограф — ГБЛ (Солд. тетр., л. 93 об.).

В ПСС, т. I датировано: «1840». В ПССт 1967 «по характеру стиля» (т. I, с. 646) отнесено к концу 1830 — началу 1840-х гг.

Чистейшей прелести... — реминисценция последнего стиха из сонета А. С. Пушкина «Мадонна» (1830): «Чистейшей прелести чистейший образец».

МЕЛОДИЯ

(С. 275)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: П, 1840, № 3 (ценз. разр.— 30 марта 1840 г.), с. 104, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

К. А. Д., которому посвящена «Мелодия»,— видимо, Клавдий Андреевич Данненберг (1816—1842). Сын офицера из Казани, он приехал в Петербург и там, против воли родителей и лишенный их материальной поддержки, поступил в Академию художеств; в 1840 г. вместе с Некрасовым скитался по «петербургским углам» (см.: ЛН, т. 49—50. М., 1949, с. 198). Предположение о том, что «Мелодия» посвящена К. А. Данненбергу, высказал А. М. Гаркави (Учен. зап. ЛГУ, 1954, № 171. Сер. филолог. наук, вып. 19, с. 126) и обосновала О. В. Ломан (см.: Н. А. Некрасов и русская литература. Второй межвузовский сборник, вып, 40. Ярославль, 1975, с. 193—196).

Обширные сведения о К. А. Данненберге собраны в статье: *Вацуро В. Э.* Некрасов и К. А. Данненберг.— РЛ, 1976, № 1; об отношениях Некрасова с Данненбергом см. также: Учен. зап. Калинингр. пед. ин-та, 1955, вып. 1, с. 68.

Авзония — романтическое наименование Италии.

НАШ ВЕК

(С. 277)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: П, 1840, № 3 (ценз. разр.— 30 марта 1840 г.), с. 106—107, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.
Автограф не найден.

Принадлежность Некрасову устанавливается на основании полного совпадения ст. 53—56 с куплетами из его водевиля «Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь» (карт. 2, явл. 1). С теми же куплетами почти совпадает ст. 57 «Нашего века» (в водевиле: «В бога здравья воду тянут»). См.: *Горкави А. М.* Неизвестные строки Н. А. Некрасова.— В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Межвузовский сборник, вып. II. Калининград, 1976, с. 164—165.

Юмористическое описание разных изобретений, связанное с обличением обмана и спекуляций, характерно для водевильных куплетов того времени. Популярны были, например, куплеты П. С. Федорова «Ведь нынче всё перемудряют, Всё изменяют с каждым днем...» (Репертуар русского театра, 1840, кн. I, с. 20) и куплеты А. И. Писарева «Лошадьми, водой, парами Сеют, жнут, куют, прядут, Скоро думать не умами, А машинами начнут...» (там же, 1840, кн. 2, с. 11—12).

Дагерротип — первоначальная, несовершенная разновидность фотографического снимка. Выполнялся на металлических пластинах. Изобретен Л.-Ж. Дагерром в 1839 г.

Летоходы, весоходы...— В ту пору изобретение новых средств передвижения стало своего рода поветрием (см., например: СП, 1840, 12 янв., № 9, с. 34, статья «Новые локомотивы»; 20 мая, № 112, «Смесь», с. 444; 4 окт., № 224, «Смесь», с. 893; 1841, 5 апр., № 74, «Смесь», с. 295 и др.). Многие из этих новшеств оказывались пуфами.

Доктора свои находки...— Стихи о докторах, промышлявших «водяной медициной», были весьма актуальны. За короткий срок в одной лишь СП появился ряд рекламных объявлений о водолечении: о книге доктора Э. Майя «Советы при лечении холодною водою», 1839 (1840, 28 февр., № 46, с. 184; 17 июля, № 159, с. 636); о заведении доктора Гардера в С.-Петербурге для лечения холодной водой (1840, 22 мая, № 114, с. 453—454); о книге доктора Бижеля «Лечение водою по методе Присница, в Грефенберге». М., 1841 (1841, 12 мая, № 102, с. 408); о книге доктора Д. Мюллера «Чудесные силы холодной воды при лечении трудных болезней». М., 1841 (1841, 17 июня, № 132, с. 528).

ОФЕЛИЯ

(С. 280)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: П, 1840, № 5 (ценз. разр.— 14 июня 1840 г.), с. 62, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

Написано, видимо, под впечатлением игры В. Н. Асенковой, исполнявшей роль Офелии в «Гамлете» — спектакле, который шел

в Александринском театре в сезон 1839/1840 гг. (см. об этом: *Кудёлько Н. И.* О стихотворении Некрасова «Офелия».— НБ, 1947, № 16—17, с. 28—30).

Неуловимый отпечаток Какой-то тайны на челе.— Реминисценция из стихотворения Д. В. Веневитинова (см. комментарий к стихотворению «Безнадежность» на с. 645—646 наст. тома).

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОДЬЯЧИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

(С. 282)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: <1> — П, 1840, № 2 (ценз. разр.— 20 февр. 1840 г.), с. 132, с подписью: «Феоклист Боб» (в оглавлении: «Сложил Феоклист Анифриевич Боб»); <2> Снова — здорово! — П, 1840, № 3 (ценз. разр.— 30 марта 1840 г.), с. 105—106, с подписью: «Феоклист Боб» (в оглавлении: «Провинциальный подьячий в Петербурге, или Снова — здорово»; «Сложил Феоклист Анифриевич Боб»); <3> Провинциальный подьячий опять в Петербурге. Беда неминучая и радость могучая — П, 1840, № 7 (ценз. разр.— 31 июля 1840 г.), с. 49—50, с подписью: «Феклист Онуфрич Боб» (в оглавлении: «Сложил Феоклист Онуфриев сын Боб»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920 (ст. 25—48, 149—252); ПССт 1927 (полностью).

Автограф не найден.

«Провинциальный подьячий в Петербурге» — первое стихотворение Некрасова, одобренное В. Г. Белинским, который писал: «Очень забавны куплеты ,,Провинциальный подьячий в Петербурге''; они так всем понравились и уже так всем известны, что мы не имеем нужды выписывать их» (Белинский, т. IV, с. 169). В связи с успехом стихотворения Некрасов в 1841 г. вывел «провинциального подьячего» Феоклиста Боба в качестве главного действующего лица в своем водевиле «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке».

<1>

Люблю лишь арифметику...— В этих стихах о «четырех правилах арифметики» угадывается несомненное сходство с куплетами из водевиля Ф. А. Кони (1809—1879) «Девушка-гусар», с большим успехом исполнявшимися В. Н. Асенковой в Александринском театре. Некрасов придал этому мотиву характер сатиры на чиновников-взяточников (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е. и др.* Некрасов и театр. Л.—М., 1948, с. 29).

До Павловска катался я Железной мостовой...— Первая в России железная дорога Петербург—Павловск протяженностью в 25 верст была полностью открыта для движения в 1838 г. В первые годы многие «катались» по ней для развлечения.

Воксал — это слово употреблялось в значении «концертный зал» (ср.: Даль, т. I, с. 232). «Воксал» в Павловске был открыт

в 1838 г. Позже (в 1844 г.) Некрасов подробно описал его в фельетонном цикле «Петербургские дачи и окрестности» (см.: ПСС, т. V, с. 467—468).

Палкинский орган — здесь: оркестр в ресторане Палкина в Петербурге.

«Фебус» — водевиль Н. А. Коровкина «Фебус, провинциальный певец» (переделка с французского). Шел на сцене Александринского театра в сезон 1839/1840 гг.

Сосницкий И. И. (1794—1871) — известный русский актер, с особенным успехом выступавший в комедиях и водевилях.

Брамбеус — Барон Брамбеус — псевдоним писателя и журналиста О. И. Сенковского (1800—1858), редактора «Библиотеки для чтения».

Читая «Библиотеки» — т. е. номера «Библиотеки для чтения».

«Титулярные» — водевиль Ф. А. Кони «Титулярные советники в домашнем быту». Шел на сцене Александринского театра в сезон 1839/1840 гг.

Тальони М. (1804—1884) — известная танцовщица, родом из Италии, прима-балерина парижской Большой оперы. В Петербурге гастролировала в 1837—1842 гг.; выступала, в частности, в балете Маурера «Тень», который был поставлен в Петербурге балетмейстером Ф. Тальони, отцом балерины.

Ванька — легковой извозчик.

«Пчелка» — официозная газета «Северная пчела», издававшаяся в ту пору Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем.

«Инвалид» — газета «Русский инвалид», выпускавшаяся военным министерством.

Газ немцы провели.— Подробно о ходе работ по газовому освещению Петербурга в 1820—1840-х гг. см.: *Греч А.* Весь Петербург в кармане. Справочная книга. СПб., 1851, с. 117—119.

Кунсткамера — старейший русский государственный естественнонаучный музей, созданный по распоряжению Петра I в 1714 г. и открытый для обозрения в 1719 г. (ныне — Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде).

<2> СНОВА — ЗДОРОВО!

Дагерротип — см. выше, с. 665, комментарий к стихотворению «Наш век».

Ходил я в Академию «Помпею» ту смотреть...— Известная картина К. П. Брюллова (1799—1852) «Последний день Помпеи», завершенная в 1833 г., была выставлена в Академии художеств.

За что Брюллову премию Пришлося возыметь.— В 1834 г. на выставке в Лувре картина «Последний день Помпеи» была удостоена большой золотой медали.

Авантажная — видная, представительная.

А лучше всех красуется Статуя мужика: Он важно в бабки дуется...— Статуя «Парень, играющий в бабки» (1836) работы скульптора Н. С. Пименова (1812—1864) была выставлена в Академии художеств. Описана в стихотворении А. С. Пушкина «На статую играющего в бабки» (1836).

Битка́ — бойкий, опытный, смелый человек.

Я мимо сфинок шел ∾ На пристань здесь поставлены».— «Сфинки» — два гранитных сфинкса, привезенные в Петербург из

Египта и поставленные на набережной Невы возле Академии художеств. Первоначально на их пьедесталах была высечена следующая надпись: «Сии огромные сфинксы, посвященные за XXV веков знаменитому Мемнону (фараону Аменофу III), перевезены в град Святого Петра в царствование императора Николая I и поставлены на сей гранит в 1834 году». Эта напыщенная надпись, проникнутая раболепием перед самодержцами (Николаем I и египетским фараоном Мемноном), была предметом многочисленных насмешек. В «Провинциальном подьячем» Некрасов пародировал ее. В его стихах Мемнон «превратился» в Мемнонова. Такое «превращение» имело свою художественную мотивировку: ведь повествование велось от лица невежественного провинциала Феоклиста Боба, который и сфинксов называл «сфинками» (подробно об этом см.: *Гаркави А. М.* Из разысканий о Некрасове.— О Некр., вып. II. с. 295—296).

В фалборках, как из кисеи, Закрыты волоса.— Фалборки — уменьш. от фалбора (правильнее — фалбала, от англ. falbola) — оборки, декоративные складки (на платье, портьерах и т. п.).

<3> ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОДЬЯЧИЙ ОПЯТЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

БЕДА НЕМИНУЧАЯ И РАДОСТЬ МОГУЧАЯ

Да вдруг — и скушал гриб...— В просторечии — не дождался ожидаемого, обманулся.

Ходил всегда я в нанковых, не то чтобы в трико...— т. е. одевался бедно (нанка — дешевая хлопчатобумажная ткань, трико — вид шерсти).

Клико — французское вино (сорт шампанского).

...от Аничкина...— т. е. от Аничкова моста (через Фонтанку, на Невском проспекте).

«Лев Гурыч Синичкин, или Провинциальная дебютантка» — водевиль Д. Т. Ленского (1805—1860), поставленный в Александринском театре в 1840 г. (в 1839 г.— в Малом Театре в Москве).

Пантелей Жучок — персонаж комедии Ф. А. Кони «Деловой человек, или Дело в шляпе», поставленной в Александринском театре 31 мая 1840 г. Жучок ревнует свою жену к молодому чиновнику Горскому и в связи с этим попадает в комические ситуации.

На тонких экскузациях...— т. е. отговорках, извинениях (от лат. excusatio); скрытая цитата из высказываний Пантелея Жучка.

Что хочет быть актрисою...— намек на название водевиля П. С. Федорова (1803—1879) «Хочу быть актрисой, или Двое за шестерых», поставленного в Александринском театре 31 мая 1840 г.

Одесский то есть грек.— Константин Константинович Омега, персонаж водевиля «Хочу быть актрисой...», тип скряги.

На днях смотрел Парашеньку...— т. е. Парашу в драме Н. А. Полевого (1796—1846) «Параша-Сибирячка», поставленной в Александринском театре в январе 1840 г. Роль Параши исполняла В. Н. Асенкова (см. на с. 625—626 наст. тома, комментарий к стихотворению «Памяти <Асенко>вой»).

Гусева Е. И. (1787?—1853) — известная комическая актриса Александринского театра.

В окошке на пришпекте я Фигуру видел раз... — Сходный комический эпизод описан в рассказе Некрасова «Двадцать пять рублей», 1841 (см.: ПСС, т. V, с. 117—119).

Решпект (нем. Respekt) — уважение, почтение.

Грязнáя — улица в Петербурге (ныне ул. Марата).

БАБА-ЯГА, КОСТЯНАЯ НОГА

(С. 292)

Печатается по тексту первых публикаций: эпиграф и ст. 1—216 (до слов «Царевны нет!..» включительно) — по ЛГ, с исправлением ст. 51 («царевны» вместо «Плениры» — по отдельному изданию 1841 г., поскольку в дальнейшем тексте царевна именуется Миловзорой); ст. 216 (от слов «Царевна с ней!») — 1960 — по изданию 1841 г. с конъектурой в ст. 616 («странен» вместо «страстен»).

Впервые опубликовано: эпиграф и ст. 1—216 (до слов «Царевны нет!..» включительно) с примечанием: «Эта оригинальная сказка уже печатается и в непродолжительном времени выйдет в свет» — ЛГ, 1840, 19 окт., № 84, стб. 1909—1912; полностью — в виде отдельной книги, без имени автора: Баба-Яга, Костяная нога. Русская народная сказка в стихах в осьми главах. СПб., 1841 (перепечатано: Баба-Яга, Костяная нога. Русская народная сказка в стихах в восьми главах. Сочинение Н. Некрасова. СПб., 1871).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920 (ст. 61—212); ПССт 1927 (полностью).

Автограф, с правкой, надписью Некрасова: «Передаю право в вечное и потомственное владение санктпетербургскому купцу Василию Петрову Полякову. 17 сентября 1840 года. Деньги за сию сказку получил сполна. Н. Некрасов» — и пометкой — дозволением к печати 8 октября 1840 г.— цензора Е. Ольдекопа,— ГЦТМ, ф. 187, ед. хр. 229167.

Дата продажи рукописи В. П. Полякову (17 сентября 1840 г.) является главным основанием для датировки сказки. Однако, как показывает сличение печатного текста с рукописью, Некрасов вносил поправки в текст во время печатания. Сказка отдельным изданием вышла в свет 4 января 1841 г. (см.: НБ, 1947, № 16—17, с. 67).

Рукопись «Бабы-Яги» вместе с рукописями некоторых других произведений («Сказка о царевне Ясносвете» — см. ниже, с. 672; «Юность Ломоносова», «Великодушный поступок», «Федя и Володя» — т. VI наст. изд.) Некрасов продал петербургскому издателю-книгопродавцу В. П. Полякову. Об обстоятельствах выхода в свет прижизненных изданий сказки «Баба-Яга» Некрасов рассказал в автобиографических записках (1877): «Был я поставщиком у тогдашнего Полякова, писал азбуки, сказки по его заказу. В заглавие сказки „Баба-Яга, костяная нога“ он прибавил „ж<--->желеная“, я замарал в корректуре. Увидав меня, он изъявил удивление и просил выставить первые буквы ж... ж... Не знаю,

пропустила ли ему цензура. Лет через тридцать, по какому-то неведомому мне праву, выпустил эту книгу г. Печаткин. Жиленой ж<—>там не было, но зато было мое имя, чего не было в поляковских изданиях» (ПСС, т. XII, с. 23). Видимо, В. П. Печаткин перекупил у В. П. Полякова (или его наследников) право на издание сказки; в рекламных целях он выставил на обложке имя Некрасова, в то время давно уже пользовавшееся всероссийской известностью. Поскольку никакого участия в издании 1871 г. Некрасов не принимал, оно не может быть учтено при подготовке текста сказки для новых изданий.

В «Бабе-Яге» Некрасов использовал многочисленные литературные и фольклорные источники. В частности, он обратился «к произведениям Пушкина в фольклорном духе — „Руслану и Людмиле“ и „Сказкам“» (*Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. М.—Л., 1947, с. 245). По мнению П. Ф. Якубовича, «в первых двух <главах сказки> автор пытается подражать манере „Руслана и Людмилы,“ в остальных — народным сказкам Пушкина» (*Гриневич П. Ф. (Якубович П. Ф.)* Очерки русской поэзии. Изд. 2-е. СПб., 1911, с. 118). В отдельных местах (см., например, ст. 757—758, 804—805, 1469—1470) встречаются явные отголоски пушкинской «Сказки о царе Салтане». Кроме того, в зачинах третьей и четвертой глав, а также в обращениях типа «Ах ты, Змей мой Змеуланыч, Дорогой Иван Иваныч!» (ст. 1719—1720) чувствуется влияние «Конька-горбунка» П. П. Ершова. Основным же источником фабулы «Бабы-Яги» явилась «Повесть о дворянине Заолешанине» В. А. Левшина (см.: *Лупанова И. П.* Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX в. Петрозаводск, 1959, с. 460). Возможно, Некрасов использовал и другие фольклорные стилизации второй половины XVIII в., типа книг: *Чулков М. Д.* Пересмешник, или Славенские сказки, ч. 1—5. СПб.— М., 1766—1789; *Попов М. И.* Описание древнего славенского языческого баснословия... СПб., 1768, откуда могли быть заимствованы имена Чернобог, Зимцерла и т. п. Отдельные ситуации и выражения сказки могли быть взяты и непосредственно из фольклора. Так, открывающее шестую главу четверостишие («Время льется словно речка...») восходит к народной драме «Царь Максимилиан» (см.: *Царькова Т. С.* Раннее творчество Н. А. Некрасова и фольклор.— РЛ, 1978, № 4, с. 114).

В ЛГ (1841, 22 февр., № 22, с. 88) была напечатана снисходительно-доброжелательная рецензия на сказку «Баба-Яга». Рецензия заканчивалась так: «...сказка довольно занимательна, и в ней почти везде есть смысл (большая редкость!), есть несколько недурных стихов и множество неправильных, жестких, что, может быть, произошло от поспешности автора одеться в печать и обертку. Как бы то ни было, мы думаем, что и для этой сказочки много на Руси найдется читателей, которые *оценят* ее, поймут и раскупят».

Ст. 1228. *Посулил ему как шмерцу.*— Шмерц (в просторечии) — презрительное наименование немца.

СЛЕЗА РАЗЛУКИ

(С. 340)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: П, 1840, № 9 (ценз. разр.— 8 окт. 1840 г.), с. 93, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

Распусти власы на шейке ∾ *Волноваться волю дай!* — В этих строках чувствуются отзвуки стихотворения В. Г. Бенедиктова «Кудри» (1836).

«К НЕЙ! ! ! ! !»

(С. 341)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: П, 1840, № 10 (ценз. разр.— 30 окт. 1840 г.), с. 37—38, с примечанием: «Помещаем это оригинальное стихотворение для того только, чтобы утешить друга нашего Н. А. Перепельского: *Грибовников — без вести пропавший пиита* — отыскался» — и подписью: «Иван Грибовников» (в оглавлении: «„К ней!“ Ивана Ивановича Грибовникова»).

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

Н. А. Перепельский — псевдоним Некрасова. Иван Грибовников — персонаж рассказа Некрасова «Без вести пропавший пиита» (1840), бездарный молодой поэт. Сообщение, что Грибовников «отыскался», объясняется в связи с содержанием этого рассказа: потеряв надежду разбогатеть при помощи литературных занятий, Грибовников бежал неизвестно куда; Некрасов с иронией писал от имени Перепельского, порицающего себя за то, что слишком сурово обошелся с Грибовниковым: «Желая загладить свою ошибку, я всеми мерами решился отыскать Ивана Ивановича, благословить его на литературное поприще, и вот уже четырнадцать лет не проходит дня, в который бы я не искал его, не вспоминал о нем и не укорял себя за необдуманный поступок» (ПСС, т. V, с. 73).

Стихотворение «К ней!!!!!» — пародия на любовную лирику эпигонов романтизма. Заглавие это Некрасов оценивал как «самое пошлое название, так истасканное нашими поэтами» (ПСС, т. I, с. 523); в своих статьях он неоднократно насмехался над стихотворениями, обращенными «к ней» (см.: ПСС, т. IX, с. 42, 166). В выражении «мечт моих ходулями» может быть усмотрен автопародийный намек на название сборника «Мечты и звуки».

Маныч — приток Дона.

ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ

(С. 343)

Печатается по копии ИРЛИ.

Впервые опубликовано (по этой же копии) и включено в собрание сочинений: ПССт 1931, с. 426.

Автограф не найден. Копия — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, ед. хр. 47 (с датой: «27 ноября 1840 года» и подписью: «Н. Некрасов»).

Авторство Некрасова подтверждается тем, что стихотворение написано накануне дня рождения поэта (28 ноября). Как указал Б. Я. Бухштаб (см.: ПСС, т. I, с. 614), оно является подражанием элегии Ф. Н. Менцова «День рождения»: «Рожденья день, рожденья день! Как много дум приводит он с собою!» (БдЧ, 1838, № 10, с. 98—100). Впрочем, и Некрасов, и Менцов в начальных строках своих стихотворений подражали «Вечернему звону» И. И. Козлова: «Вечерний звон, вечерний звон! Как много дум наводит он...» (см. примечания К. И. Чуковского: ПССт 1934—1937, т. I, с. 593).

СКОРБЬ И СЛЕЗЫ

(С. 344)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: П, 1840, № 11 (ценз. разр.— 14 дек. 1840 г.), с. 26, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

СКАЗКА О ЦАРЕВНЕ ЯСНОСВЕТЕ

(С. 345)

Печатается по автографу ГЦТМ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПССт 1927, с. 408—412.

Автограф, с правкой Некрасова и подписью: «Н. А. П-р-п-ский» (т. е. Н. А. Перепельский — псевдоним Некрасова),— ГЦТМ, ф. 187, ед. хр. 229166.

В 1840 г. Некрасов много работал по заказам книгопродавца В. П. Полякова (см. на с. 669—670 наст. тома, комментарий к сказке «Баба-Яга, Костяная нога»). Библиофил П. А. Картавов разыскал автограф «Сказки о царевне Ясносвете» в бумагах этого книгопродавца (см.: Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым. СПб., 1902, с. 22). «Сказка о царевне Ясносвете» является более самостоятельным и зрелым произведением, чем «Баба-Яга», и потому предположительно датируется концом 1840 г.

К. И. Чуковский получил от П. А. Картавова сведения, «что сказка Некрасова была сдана в типографию и не вышла из пе-

чати по не зависящим от автора причинам» (ПСС, т. I, с. 601). Вполне возможно, что эти причины были цензурные. Сказка обладала определенной политической остротой; В. Е. Евгеньев-Максимов справедливо заметил, что цари и царевичи изображены в ней в карикатурном виде, как «плаксы и дурни» (*Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. М.—Л., 1947, с. 246). Однако утверждение исследователя, что над рукописью сказки «сильно поработал красный карандаш цензора Евстафия Ольдекопа» (*Евгеньев-Максимов В.* Н. А. Некрасов в борьбе с цензурой.— В кн.: Творчество Некрасова. Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы, т. III. М., 1939, с. 36), несправедливо: все вычерки и поправки в автографе сделаны не красным карандашом, а коричневыми чернилами и, видимо, не цензором, а самим автором (может быть, отчасти в порядке автоцензуры). Зачеркнув первоначальное заглавие сказки: «Сказка о том, как царь Елисей хотел женить сына на луне, взять в приданое небо и двинуть рать на солнце, как всё это не удалось и как царь Пантелей поправил и кончил дело благополучно», Некрасов надписал: «Сказка о царевне Ясносвете». Мы принимаем этот последний авторский вариант заглавия, так как первоначальный вариант мог быть забракован самим автором из-за громоздкости и цензурный характер этой правки не доказан.

Мнение В. Е. Евгеньева-Максимова, что сказка «ориентируется некоторыми сторонами своего содержания и стиля на „Конька-горбунка„ Ершова» (*Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I, с. 245), вполне обосновано и подтверждается, в частности, упоминанием «Ивана» и «коня-горбатки» уже в начале ее (ст. 21). Однако и по фабуле, и по системе образов персонажей «Сказка о царевне Ясносвете» далека от сказки Ершова. Вместе с тем в «Сказке о царевне Ясносвете» встречаются (см., например, ст. 421—422) и реминисценции из «Сказки о царе Салтане» Пушкина.

Ст. 9. *Как Руслан с Бовой сражался...*— Еруслан (Руслан) Лазаревич и Бова-королевич — богатыри, герои волшебных русских повестей XVII в.; повести о Еруслане и Бове распространились в лубочных изданиях XVIII—XIX вв.

Ст. 74. *С виду был другой Полкан...*— Полкан — великан из повести о Бове-королевиче.

Ст. 381. *К нам царевич из чарморя...*— Смысл последнего слова не вполне ясен. Корень «чар» в различных местных говорах ассоциируется с горами, обрывами и т. п. (см.: *Мурзаев Э. М., Мурзаева В. Г.* Словарь местных географических терминов. М., 1959, с. 248). В этом случае «из чарморя» может быть понято как «из-за гор, из-за моря».

1841

ТАБАК

(С. 364)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: П, 1841, № 5 (ценз. разр.— 31 авг. 1841 г.), с. 85, с подписью: «В. Б-ой».

В собрание сочинений впервые включено (без заглавия): Ст 1920.

Автограф не найден. Копия (в составе писарской рукописи водевиля «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке», дозволенного цензором М. Гедеоновым (ценз. разр.— 26 марта 1841 г.) к представлению в Александринском театре, которое состоялось 2 мая 1841 г.; с подписью (относящейся к водевилю в целом): «Н. А. Перепельский») — ЛГТБ, I, VI, 5, 8.

Указанная публикация до последнего времени не была замечена. Она свидетельствует, что Некрасов извлек эти куплеты из водевиля (где они были вложены в уста Сыромолотного — страстного любителя нюхательного табака) и, несколько переделав их и озаглавив «Табак», напечатал в виде самостоятельного стихотворения. В первой публикации некоторые строки были искажены (ст. 2, 9 и 20, возможно, вследствие самоуправства цензуры, которая в словах «Весь свет понюхивать начнет» могла усмотреть неуважительный намек на светское «общество»); эти искажения устраняются по копии ЛГТБ.

АКТРИСА

(С. 365)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: РиП, 1843, кн. 1 (ценз. разр.— 15 янв. 1843 г.), с. 239—240, с подписью: «Н. П.» (т. е. Наум Перепельский — псевдоним Некрасова).

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Черновой автограф первоначальной редакции (в составе рукописи водевиля «Вот что значит влюбиться в актрису!») — ЛГТБ, I, I, 4, 81.

Датируется по времени написания названного водевиля, дозволенного к представлению (ценз. разр.— 29 окт. 1841 г.— ЦГИА, ф. 780, оп. I, 1841, ед. хр. 17, л. 96) в Александринском театре, которое состоялось 10 ноября 1841 г., однако с той оговоркой, что для публикации в РиП стихотворение было доработано.

В водевиле эти куплеты были вложены в уста главной героини актрисы Дюмениль, однако в спектакле они были заменены прозаическим изложением.

1842

ПЕСНЬ МАРИИ

(С. 367)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: РиП, 1843, кн. 1 (ценз. разр.— 15 янв. 1843 г.), с. 240, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден. Копии (в составе писарских рукописей драмы «Материнское благословение, или Бедность и честь») — ЛГТБ, I, IV, 5, 73 (цензурованная рукопись); ЛГТБ, I, IV, 5, 71 (рукопись без пометки цензора).

Драма является переделкой французской пьесы А.-Ф. Деннери и Г. Лемуана «Божья милость, или Новая Фаншон». Была дозволена цензурой к постановке 9 октября 1842 г.; поставлена в Александринском театре 19 октября 1842 г., имя автора обозначалось псевдонимом «Н. А. Перепельский».

«Песнь Марии» пользовалась популярностью в демократических кругах на протяжении ряда десятилетий. Скрытую цитату из нее («и хижины бедные, богом хранимые») находим в первом из «Писем об Осташкове» (1862—1863) В. А. Слепцова (см.: *Слепцов В. А.* Сочинения в двух томах, т. II. М., 1957, с. 177). Ее цитировал и М. Е. Салтыков-Щедрин в неоконченной статье «Говоря по правде, положение русского литератора...» (1879), указывая, что, хотя литература «начала постепенно проникать в массы» — «в хижину бедную, богом хранимую», однако положение писателя остается тяжелым. «Читают ли его в хижине, богом хранимой,— этого он доподлинно еще не знает, но в собственной нехранимой квартире он получает только щелчки» (Салтыков-Щедрин, т. XIII, с. 642).

Положено на музыку (М. М. Горшков, 1869).

«ВНИЗУ СЕРЕБРЯНИК ЧЕКАЛИН...»

(С. 368)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПССт 1928, с. 432.

Автограф не найден. Описание его оставил К. И. Чуковский, видевший его в начале 1920-х гг. в Москве (ПССт 1934—1937, т. II, кн. 2, с. 857).

К. И. Чуковский прочел дату под стихотворением как «Апр<ель 18>72 г.». По всей видимости, это ошибочное прочтение. Ее следовало, вероятно, читать как «Апр<ель 18>42». Мастерская петербургского серебряника Чекалина помещалась в 1840-х гг. на Невском пр., 111, в доме Дурышкина (см.: Городской указатель или адресная книга... на 1849 г. Сост. Цылов. СПб., 1849, с. 395). Палены в 1840-х гг. в указанном доме не проживали. Личность Земфиры Пален установить не удалось.

1843

ПОРТРЕТЫ

(С. 369)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: РиП, 1843, кн. 1 (ценз. разр.— 15 янв. 1843 г.), с. 236—239, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.
Автограф не найден.

Суд современный...— Скрытая цитата из лирического отступления, открывающего главу VII первого тома «Мертвых душ», где это выражение повторяется многократно. Под «современным судом» Некрасов в данном случае разумеет скороспелые суждения о литературе и искусстве, широко распространявшиеся в ту пору в обывательской среде, где в ранг великих писателей возводился, например, Н. В. Кукольник.

С кого не пишем мы портретов?..— Перефразированный стих Лермонтова «С кого они портреты пишут?» («Журналист, читатель и писатель», 1840).

«Как Байрон, гордости поэт» — цитата из Пушкина («Евгений Онегин», глава первая, строфа LVI).

Актер на сцене фарсирует...— т. е. играет в ключе фарса, буффонады.

КАБИНЕТ ВОСКОВЫХ ФИГУР...

(С. 372)

Печатается по тексту первой публикации, с конъектурами в ст. 459 («необычайной» вместо «необыкновенной») и в ст. 468 («Мари Антоанет» вместо «Мария Антоанета»).

Впервые опубликовано в виде отдельной листовки (афиши): Кабинет восковых фигур... СПб., 1843, с подписью: «Жан-Шульт, покорный ваш слуга».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920 (ст. 37—44); ПССт 1967, т. I (полностью).

Автограф не найден.

Афиша заканчивалась текстом: «На Невском проспекте, на углу Владимирской, в доме генерал-майора Осоргина, вход с проспекта. Пониженная цена за вход 25 коп. сереб. с персоны. Дети до 10 лет платят 10 коп. сер. К большему удобству публики в кассе продается по 10 коп. сереб. подробное описание всей галереи, составленное в таком расположении, в каком находятся по комнатам предметы»,— и имела помету (являющуюся основанием для датировки): «Печатать дозволяется. 17 ноября 1843 г. Цензор А. Очкин».

Согласно сообщению Ф. С. Глинки, Некрасов, находившийся в тяжелых материальных обстоятельствах, сочинил эту афишу за 25 рублей (см.: ИВ, 1891, № 2, с. 585—586). Мемуарист привел восемь строк из афиши (ст. 37—44), которые включались затем в советские издания произведений Некрасова. Но полный текст афиши оставался неизвестным. По обнаруженному в ГПБ экземпляру листовки (шифр 18. 191. 1. 350) его опубликовал в 1956 г. В. Э. Боград (Некр. сб., II, с. 401—411). При этом В. Э. Боград привел ряд дополнительных данных, подтверждающих авторство Некрасова: отдельные строки и выражения афиши находят близкое соответствие в стихотворениях «Провинциальный подьячий в Петербурге» (1840) и «Говорун» (глава I, 1843); Некрасов жил в том же доме Осоргина, в котором помещался «Кабинет восковых фигур» (см.: Некр. сб., II, с. 397—400).

Сочиняя стихотворение, Некрасов, видимо, пользовался путеводителем по «заведению» Шульта, упоминаемым и в стихотворном тексте афиши (ст. 143) и называвшимся: Сокращенное описание галереи художеств, составленное в таком порядке, в каком расположены предметы. СПб., 1841 (то же — Рига, 1841 и 1845; М., 1842). Однако он отступил от того «расположения предметов», которое дано в нем; сведения, почерпнутые из путеводителя, он сопроводил своими пояснениями, большей частью юмористического характера; кроме того, дал описания нескольких «фигур», в путеводителе не упомянутых. «Заведение» Шульта было рассчитано на малообразованного обывателя,— этим, очевидно, были подсказаны в афише установка на сенсационность, а местами — грубый юмор.

Тальма Ф.-Ж. (1763—1826) — великий французский актер. Ср. путеводитель, с. 3.

Иван Иваныч Штейнигер-с... — Ср. в путеводителе: «Иоанн Штейнигер, браунауский ратсгер (член ратуши), коего борода хватала за носки башмаков...» (с. 3).

Миаули (правильнее — Миаулис) *А.-В.* (около 1770—1835) — греческий адмирал, один из руководителей национально-освободительного движения 1820-х гг. Ср. путеводитель, с. 10.

Фильелины (филэллины) — люди, сочувствовавшие и помогавшие греческому национально-освободительному движению против турецкого ига в 1820-х гг. К ним принадлежали названные в афише *лорд Кохрен* и *полковник Фабвье*. Ср. путеводитель, с. 10.

Сын Наполеона — Наполеон II, имевший до падения империи титул «римского короля», впоследствии герцог Рейхштадтский (1811—1832). В путеводителе названо и имя его кормилицы — мадам Ларри (с. 3).

Стюарт Мария (1542—1587) — шотландская королева. Последние годы жизни провела в заточении. Была казнена по приказу английской королевы Елизаветы Тюдор. Гофмейстер *Мельвиль*, графы *Кент* и *Шревсбури* (Шрузбери) — ее придворные. Ср. путеводитель, с. 8.

Он Пальмом прозывается... — Ср. в путеводителе: «Иоанн Филипп Пальм, нюрнбергский книгопродавец <...> весной 1806 года распространил летучий листок „Германия в своем величайшем унижении“. Об этом тотчас узнала французская тайная полиция...» (с. 2).

Царица неги, сладострастья... — Венера. Ср. путеводитель, с. 9.

Пигмалион (греч. мифол.) — скульптор, ожививший своей любовью созданную им статую *Галатеи*.

А здесь две старушоночки Танцуют менуэт. — Путеводитель (с. 3) сообщает о сестрах-лилипутках Бебе из Парижа, 75 и 73 лет.

Кант И. (1724—1804) — ср. путеводитель, с. 9.

Лютер М. (1483—1546) — ср. путеводитель, с. 3.

Меланхтон Ф. (1497—1560) — немецкий гуманист, сподвижник Лютера. Ср. путеводитель, с. 3.

Вольтер (1694—1778) — ср. путеводитель, с. 9.

Великий Фридрих, бич австрийцев... — прусский король Фридрих II (1712—1786). Ср. путеводитель, с. 10.

И черноокая Христина...— испанская королева Христина (1816—1878). Ср. путеводитель, с. 9.

И черноусый Фердинанд...— испанский король Фердинанд VII (1784—1833). Ср. путеводитель, с. 4.

Моран Л.-Ш. (1771—1813?) — наполеоновский генерал. Ср. путеводитель, с. 1—2.

Махмуд — турецкий султан Махмуд II (1808—1839). Ср. путеводитель, с. 8.

Потом Антония-девица, Она с усами, с бородой...— Ср. в путеводителе: «Елена Антония, девушка с бородой...» (с. 3).

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — ср. путеводитель, с. 10—13.

Бертран А.-Г. (1773—1844) — наполеоновский генерал, гофмаршал. Ср. путеводитель, с. 11.

Монтолон Ш.-Т. (1783—1853) — адъютант Наполеона, последовавший за ним на остров Св. Елены. Ср. путеводитель, с. 11.

Виланд Х.-М. (1733—1813) — немецкий писатель. Ср. путеводитель, с. 10.

Франклин Б. (1706—1790) — американский политический деятель и ученый. Ср. путеводитель, с. 9.

Кто это кроткое созданье...— Мария Магдалина. Ср. путеводитель, с. 4—5.

А это просто чучело...— Ср. в «Провинциальном подьячем в Петербурге», ст. 367: «А вышло — просто чучело...».

С небритой бородой.— Эта строка точно совпадает со ст. 82 «Говоруна».

Вот этот так дантист...— Как указал В. Э. Боград (ПССт 1967, т. I, с. 652), слово «дантист» здесь, вслед за Гоголем («Мертвые души», т. I, глава X), употреблено в значении: «зубодробитель», «герой зубосокрушающей силы».

А<.....>баум ну точно наш...— По мнению В. Э. Бограда (ПССт 1967, т I, с. 652), речь идет об известном в то время фокуснике Апфельбауме, открыто назвать которого в разоблачительном контексте было неудобно.

Битка́.— См. выше, с. 667, комментарий к стихотворению «Провинциальный подьячий в Петербурге».

Ренель, старушка дряхлая...— Ср. путеводитель, с. 6.

Мадам Капель из Австрии Шесть разом родила...— Ср. в путеводителе: «Госпожа Капель из Австрии, принесшая на свет одним разом шестеро неживых мальчиков» (с. 6).

Сам грозный Гран-Диаволо...— Стихи о разбойнике Гран-Диаволо восходят к путеводителю (с. 6—7), где названо и имя убитого графа (Рикальди).

Ведь это Гейнрих, царь Доминго...— Имеется в виду туземец Кристоф, правивший в 1810-х гг. в северной части острова Гаити под именем доминиканского короля Генриха I; покончил жизнь самоубийством во время мятежа в своей армии. Ср. путеводитель, с. 4.

Шарлотта Гаген — немецкая актриса, гастролировавшая в Петербурге в 1839 г. Ср. путеводитель, с. 2.

Вот герцог Брауншвейгский Карл...— Упомянут в путеводителе, с. 4.

Карл X (1757—1830) — французский король, свергнутый буржуазной революцией 1830 г. Ср. путеводитель, с. 4.

Леон XII — папа римский Лев XII (1760—1829). Ср. путеводитель, с. 4.

То Жак, тирольский мужичок, С своей девятою женою.— В путеводителе (с. 5) названо и имя жены — Елизавета Вандшерер.

Рень (франц. reine) — королева.

Мари Антоанет — Мария Антуанетта (1755—1793), французская королева, казненная по приговору Революционного трибунала. Ср. путеводитель, с. 9.

1843—1845

ГОВОРУН

(С. 386)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, Приложение 1: Юмористические стихотворения 1842—45 годов, с. 159—197, с исправлением в аннотации главы I («Агафье Леонардовне» вместо «Агафье Леопардовне»).

Впервые опубликовано: глава I — СвС, т. 1 (ценз. разр.— 13 февр. 1843 г.), с. 14—31, без подписи; глава II — СвС, т. 2 (ценз. разр.— 5 июня 1843 г.), с. 23—40, без подписи; глава III — ЛГ, 1845, 11 янв., № 2, с. 32—33, под заглавием: «Отрывок из записок петербургского жителя» и с подписью: «Ф. Белопяткин».

Отрывок «Я с час пред умывальником ∾ Бери с меня пример!..» (подглавка IV главы II) вторично опубликован, в составе прозаического фельетона Некрасова серии «Хроника петербургского жителя»,— ЛГ, 1844, № 13, с. 237.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1864, ч. 3, с примечанием: «В этой пьесе дело наполовину идет о мелочах, занимавших тогдашнюю петербургскую публику, а теперь потерявших всякий интерес и смысл. Я попробовал было их выкинуть — пьеса лишилась связи, пришлось их оставить. Повторяю, я печатаю эти вирши не потому, чтоб видел в них какое-нибудь достоинство, а чтоб отбить охоту у гг. библиографов копаться в моих юношеских упражнениях после моей смерти» (с. 202). Последняя фраза связана с другим примечанием Некрасова, относящимся ко всему разделу «Юмористические стихотворения 1842—45 годов»: «...я решился сам пересмотреть старые журналы, газеты и отдельные брошюры, в которых, начиная с 1838 года, помещал я свои первые опыты, и напечатать в приложениях к моим стихотворениям то, что окажется сколько-нибудь характерным, адресуя теперь же к моим родным и гг. библиографам мою покорнейшую просьбу: *не перепечатывать ничего остального после моей смерти»* (там же, с. 131—132).

Автограф не найден. Копии отрывка «Я с час пред умывальником ∾ Бери с меня пример!..» — ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 340, л. 218 об. (Лаврова); ГПБ, О. XVII.91, с. 346 (под заглавием: «Христосованье»; П. И. Семевского); Экз. авт. ГПБ (неизвестного переписчика).

Первые две главы «Говоруна» Некрасов датировал (в Ст 1864, ч. 3, Ст 1869, ч. 3 и Ст 1873, т. II. ч. 3) 1842 г., однако в действительности глава I была написана в первой половине февраля 1843 г. (так как упоминаемый в ней дебют танцовщицы Л.-А. Гран

в Большом театре состоялся 30 января 1843 г.), а глава II — в апреле—мае 1843 г. (именно к этому времени относятся описываемые в ней петербургские новости). Глава III, датированная 1845 г. в указанных изданиях, была написана, вероятно, в конце 1844 г., во всяком случае до 11 января 1845 г. (дата ее публикации).

При первой публикации в ст. 174 и 697, содержащих неуважительные высказывания о Н. А. Полевом и Ф. В. Булгарине, были сделаны цензурные замены.

В. Г. Белинский выделил в главе I «Говоруна» первые две строфы (начиная со ст. 3: «...Я предан сокрушению...»): «В этих шуточных стихах,— писал он,— целая история жизни многих людей...» (Белинский, т. VII, с. 11). Ст. 47 («Бежать хотел в Швейцарию») Ф. М. Достоевский цитировал в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863); скрытая цитата из того же стиха содержится в его фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861); в повести «Двойник» (1846) находим реминисценцию ст. 61—62: «капитальцем, домком, деревеньками и красавицей дочерью» (см.: *Гин М.* Достоевский и Некрасов.— Север, 1971, № 11, с. 117, 118). Ст. 399—414 («Я с час пред умывальником...») во второй половине прошлого века распространялись в радикальной среде в виде отдельного стихотворения (см. выше).

Глава I

Хвалы он всем славнейшие Печатно раздает...— Речь идет о Ф. В. Булгарине (см. о нем на с. 579 наст. тома, комментарий к стихотворению «Он у нас осьмое чудо...»).

Шарманщик с обезьяною...— В ту пору в Петербурге было много бродячих шарманщиков, преимущественно иностранцев. Их различные типы подробно описал Д. В. Григорович в рассказе «Петербургские шарманщики» (1843).

Па-де-де (франц. pas de deux) — танец вдвоем.

С тех пор, как шутка с «Нашими» Пошла и удалась...— В 1841—1842 гг. в Петербурге выходила (отдельными выпусками) серия бытописательных очерков «Наши, списанные с натуры русскими» (редактор А. П. Башуцкий). Всего было издано 14 выпусков; каждый был иллюстрирован *политипажами* (гравюрами на дереве).

Историю которого Состряпал Полевой.— Имеется в виду книга Н. А. Полевого «История Италийского графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск» (СПб., 1843), имевшая рекламно-коммерческий характер; была украшена многочисленными политипажами, выполненными в Петербурге и Париже. Белинский резко отрицательно отозвался о ней (Белинский, т. VI, с. 562—565).

Увидишь тут Булгарина, В бекеше, в картузе.— Намек на иллюстрацию в издании Булгарина «Очерки русских нравов», по поводу которой Некрасов в своей рецензии писал: «Что за охота рисовать такие отталкивающие физиономии!..» (ПСС, т. IX, с. 80; см. также с. 710).

И целую компанию Салопниц и бродяг.— Намек на рассказ Булгарина «Салопница», выпущенный в 1842 г. отдельной книжкой с политипажами В. Ф. Тимма. Об этой книжке Белинский

писал: «Разумеется, всякий полюбуется картинками, а читать текста уж верно не будет» (Белинский, т. VI, с. 171).

Иллюминовано — здесь игра слов: иллюминовать (франц. illuminer), т. е. иллюстрировать, а также ярко освещать.

Клот, Тимм и Нетельгорст... — К. К. Клот (правильнее — Клодт) (1807—1879) — русский художник, основатель школы гравировки на дереве. В. Ф. Тимм (1820—1895), О. П. Нетельгорст — художники-граверы.

«Жизель» (1841) — балет А.-Ш. Адана; в петербургском Большом театре был поставлен в 1842 г.

Гран Л.-А. (1819—1907) — известная датская балетная артистка. Отчет об исполнении ею партии Жизели 30 января 1843 г. см.: ЛГ, 1843, 21 февр., № 8, «Журнальная амальгама», с. 163.

Андреянова Е. И. (1816?—1857) — танцовщица, впервые в Петербурге исполнившая партию Жизели.

Поэма музыкальная Исполнена красот, Но самое печальное Либретто: уши рвет! — Подобные легковесные суждения о либретто оперы «Руслан и Людмила», высказывания о «несценичности» оперы имели место непосредственно после премьеры, состоявшейся в Большом театре 27 ноября 1842 г. (см.: *Орлова А.* М. И. Глинка. Летопись жизни и творчества. М., 1952, с. 245—248). Нет оснований считать, что Некрасов солидаризировался с этими словами, вложенными в уста Белопяткина, тем более что к февралю 1843 г. (когда появилась глава I «Говоруна») передовая публика уже по заслугам оценила гениальную оперу Глинки.

Полкана голова... — Голова великана не имеет имени ни в опере Глинки, ни в поэме Пушкина. Имя Полкан встречается в русском фольклоре, особенно же оно было распространено в лубочных изданиях (см., например, сказку о Бове-королевиче).

Десть — старинная мера писчей бумаги (24 листа).

Боско К.-Б. (1793—1863) — итальянский фокусник, неоднократно гастролировавший в России. Его фокусы подробно описаны в особой книжке: Волшебный кабинет Карла Боско, или Чародей молодежи. СПб., 1849.

Цыганы из Москвы... — Речь идет об известном цыганском хоре Г. Соколова; ср. стихотворение В. Г. Бенедиктова «Московские цыгане» (1842).

«Соловей» — романс А. А. Алябьева на слова А. А. Дельвига.

Проводят в лавки газ! — О газовом освещении в Петербурге говорится также в стихотворении Некрасова «Провинциальный подьячий в Петербурге» (1840); см. на с. 284 наст. тома.

Глава II

Консоляция — штраф в некоторых карточных играх.

Рубини Д.-Б. (1795—1854) — знаменитый итальянский певец, «божественный тенор». Его гастроли в Петербурге, начавшиеся весной 1843 г., проходили с огромным успехом. О его концертах в зале Дворянского собрания, о его выступлениях в операх «Отелло» (Д. Россини) и «Лючия ди Ламмермур» (Г. Доницетти) см.: ЛГ, 1843, 7 марта, № 10; 25 апр., № 16, 2 мая, № 17.

Лист Ф. (1811—1886) — великий венгерский композитор и пианист. В апреле—июне 1843 г. дал ряд концертов в Петербурге.

Сулье Л.— наездник, родом из Франции, служил шталмейстером (старшим конюшим) у турецкого султана. В январе 1843 г. прибыл со своей труппой в Петербург, где в течение нескольких месяцев показывал «конские ристалища» на городских площадях. Д. В. Григорович вспоминал о встрече с Некрасовым на одном из таких «ристалищ» (*Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. [М.—Л.], 1961, с. 78). Подобные «ристалища» устраивались в Петербурге и весной 1844 г. (см. их подробное описание в фельетоне Некрасова «Хроника петербургского жителя» — ПСС, т. V, с. 405, 426—427).

Прилежно я окидывал Заморского кита.— В апреле 1843 г. чучело кита было выставлено в особом балагане возле Александринского театра (см.: СП, 1843, 10 апр., № 80, с. 319).

Брамбеус — см. на с. 667 наст. тома комментарий к стихотворению «Провинциальный подьячий в Петербурге».

Контраданс (правильнее: контрданс) — бальный танец.

На пе — термин карточной игры, обозначающий намерение играть по удвоенной ставке.

Тюря С.— известный в тогдашнем Петербурге игрок на бильярде. См. о нем в статье В. Толбина «Маркеры и бильярдные игроки» (Финский вестник, 1847, № 9).

Брамбеус сам с кометою За ум меня сравнил.— В 20-х числах февраля 1843 г. вышла тоненькая книжечка — СвС, т. 1, где была помещена глава I «Говоруна». Эту книжечку Барон Брамбеус (О. И. Сенковский) в шутку сравнил с кометой, наблюдавшейся тогда в Европе (БдЧ, 1843, № 3, с. 43).

Глава III

Боржия — главная героиня оперы Г. Доницетти «Лукреция Борджиа» (1833).

Альбони М. (1823—1894) — итальянская певица. На гастроли в Петербург прибыла осенью 1844 г.

Гарция — Виардо (урожд. Гарсиа) М.-Ф.-П. (1821—1910), знаменитая французская певица. В Россию на гастроли приезжала неоднократно, начиная с 1843 г.

Гарнец — старая мера сыпучих тел, равная 3,28 литра.

Фиглярин — кличка, данная Ф. В. Булгарину Пушкиным (в стихотворениях «Не то беда, что ты поляк...» и «Моя родословная») и получившая широкое хождение в литературе.

Над нами сочинители Смеются в повестях...— Ср. в стихотворении «Чиновник» строки «Зато, когда являлася сатира...» (с. 417—418 наст. тома) и комментарий к ним (с. 685—686).

Без вздоров сатирических Идет лишь Полевой...— Пьесы Н. А. Полевого (1796—1846), проникнутые консервативными тенденциями, пользовались успехом в среде чиновников, подобных Белопяткину. Некрасов относился к этим пьесам резко отрицательно; см. его рецензию, написанную еще в 1842 г. (ПСС, т. IX, с. 61—68).

«И ОН ИХ НЕ ЧУЖДАЛСЯ В ГОДЫ ОНЫ...»

(С. 407)

Печатается по автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПССт 1931, с. 447.

Автограф — ГБЛ, ф. 195, 5758, 2/8, л. 2 об.— представляет собою отдельную заметку на рукописи романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова».

Датировка (1843—1844) предположительно определяется на основании местоположения автографа.

В ст. 3—5 речь идет о Жорж Санд. Ср. в «Литературной тле» И. И. Панаева: «...а о Жорже Санде не имел никакого понятия и только слышал от кого-то, что она ходит в мужском платье и курит сигары» (*Панаев И. И.* Сочинения, т. I. СПб., 1860, с. 42?). См. также у Некрасова в «Прекрасной партии» (1852) строки: «И строго осуждал Жорж Санд, Что носит панталоны» (на с. 107 наст. тома) и комментарий к ним (на с. 609).

«И ТАК ЗА ГОДОМ ГОД... КОНЕЧНО, НЕ СОВСЕМ...»

(С. 408)

Печатается по автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано: *Некрасов Н.* «Тонкий человек» и другие неизданные произведения. М., 1928, с. 182.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1931.

Автограф — ГБЛ, ф. 195, к. 1, № 1, л. 2 об.— представляет собою отдельную заметку на рукописи романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова».

Ошибочно считалось, что заметка сделана на рукописи романа «Тонкий человек», в связи с чем стихотворение датировали 1853 г. (см.: ПСС, т. I, с. 617). В результате переквалификации рукописи стихотворение должно быть предположительно отнесено к 1843 или 1844 г.

1844

И СКУЧНО, И ГРУСТНО!

(С. 409)

Печатается по ПА (ценз. разр.— 5 марта 1846 г.), с. 22.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 30 ноября, № 47, в составе фельетона «Преферанс и солнце», с. 808, без подписи (перепечатано: ПА, без подписи).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден.

На принадлежность стихотворения Некрасову указали А. М. Скабичевский (Ст 1879, т. I, с. XLIX) и С. И. Пономарев (там же, т. IV, с. XI). П. А. Ефремов ошибочно считал, что стихотворение написано И. И. Панаевым (пометка в Экз. Ефремова ПА).

Представляет собой «перепев» стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно» (1840). В середине 1840-х гг. Некрасов создал ряд таких переделок. Вариант ст. 10 в «Литературной газете» («Окончишь — ощипан как утка...») ясно указывает на авторство Некрасова, так как сходное сравнение (речь идет о проигравшемся картежнике) он употребил в том же 1844 г. в стихотворении «Чиновник» (ст. 121; «Ощипанной подобен куропатке...»).

Ремизиться вечно не стоит труда... — Ремиз — термин карточной игры, означающий недобор положенного числа взяток или штраф.

Но рано иль поздно обрежешься вдруг... — Обрезаться — карточный термин: ошибиться, поставить не на ту карту, на которую задумал сделать ставку.

РОСТОВЩИК

(С. 410)

Печатается по ПА (ценз. разр.— 5 марта 1846 г.), цикл «Портретная галерея», с. 28—31.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 4 янв., № 1, «Дагерротип», с. 12, под заглавием: «История ростовщика (из нового неиграного водевиля)», с подписью: «Пе-ре-й» (т. е. Н. А. Перепельский — псевдоним Некрасова) (перепечатано: ПА, без подписи).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден. Копия (в составе цензурованной рукописи водевиля «Петербургский ростовщик», при жизни Некрасова не напечатанного, но дозволенного к представлению (ценз. разр.— 7 дек. 1844 г.) в Александринском театре, которое состоялось 1 июня 1845 г.) — ЛГТБ, I, VI, 3, 43.

В водевиле эти куплеты были вложены в уста ростовщика Лоскуткова. Дозволяя водевиль к постановке, цензор М. Гедеонов вычеркнул их красными чернилами (см. копию ЛГТБ). Ст. 39—40, 47, отсутствующие в публикации ЛГ, очевидно, изъяты цензурой. При публикации в ПА Некрасов придал стихотворению новую концовку, резко усилившую его социально-обличительную направленность.

Чив — щедр.

Добрый, нежный был родитель... — В этом четверостишии Некрасов пародирует фразеологию баллад В. А. Жуковского. В «Ростовщике» использован размер баллады «Рыцарь Тогенбург».

ЧИНОВНИК

(С. 413)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, Приложение 1: Юмористические стихотворения 1842—45 годов, с. 133—144.

Впервые опубликовано: ФП, ч. 2 (ценз. разр.— 2 янв. 1845 г.), с. 81—93, с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1864, ч. 3.

Автограф не найден. Авторизованная копия — ГБЛ (Солд. тетр., л. 41 об.— 49 об.) — представляет собой позднейший список с текста ФП.

В Ст 1864, Ст 1869 и Ст 1873 датировано: «1844».

Подстрочное примечание Некрасова о портном Кинчерфе в ФП было несколько иным: «Портной на Мещанской, которому преимущественно заказывают петербургские чиновники и актеры».

«Чиновник» был написан, вероятно, специально для ФП в связи с помещенной в первой части сборника статьей В. Г. Белинского «Петербург и Москва», в которой говорилось: «В Петербурге все служит, все хлопочет о месте или об определении на службу <...> Слово „чиновник“ в Петербурге такое же типическое, как в Москве „барин“, „барыня“ и т. д. Чиновник — это туземец, истый гражданин Петербурга» (Белинский, т. VIII, с. 408). Когда стихотворение было опубликовано, Белинский писал: «„Чиновник“, пьеса в стихах г. Некрасова, есть одно из тех в высшей степени удачных произведений, в которых мысль, поражающая своею верностью и дельностью, является в совершенно соответствующей ей форме, так что никакой самый предприимчивый критик не зацепится ни за одну черту, которую мог бы он похулить. Пьеса эта <...> верно воспроизводит одно из самых типических лиц Петербурга — *чиновника* <...> Эта пьеса — одно из лучших произведений русской литературы 1845 года» (там же, т. IX, с. 218, 220).

Чихирь — молодое виноградное вино, привозившееся с Кавказа.

В коллежские асессоры попасть...— Чин коллежского асессора в ту пору давал права потомственного дворянства.

Галерная — улица в Петербурге (ныне Красная ул.).

Консоляция — см. на с. 681 наст. тома, комментарий к стихотворению «Говорун».

Ремиз — см. выше, с. 684, комментарий к стихотворению «И скучно, и грустно!»

...от «Москвы родной» до Иртыша, От «финских скал» до «грозного Кавказа»...— пересказ стихов Пушкина: «...от Перми до Тавриды, От финских хладных скал до пламенной Колхиды...» («Клеветникам России», 1831).

Блаженные отцы И деды наши пировать любили, Весной садили лук да огурцы...— Отзвук стихов И. С. Тургенева из первой строфы поэмы «Параша» (1843): «...наши добрые отцы Любили яблоки — да огурцы».

Паратый (поратый) — сильный, бойкий и прыткий.

Зато, когда являлася сатира...— Чиновник негодовал прежде всего на Гоголя; в ФП к этим стихам была иллюстрация (гравюра

на дереве Е. Е. Бернадского по рисунку А. А. Агина); чиновник левой рукой указывает на книгу с надписью «Шинель», а правой — на картину, изображающую сибирский пейзаж. Слова «Не совестятся видеть и читать» давали понять, что речь идет также «о пьесе „Ревизор", которую чиновник мог видеть на сцене» (*Чуковский Корней.* Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 89). Действительно, в Петербурге было немало «особ», ненавидевших Гоголя за «Ревизора» и разделявших «мнение» Ф. Толстого («Американца»), который заявил, что Гоголь — «враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь» (*Аксаков С. Т.* Собр. соч. в 4-х т., т. III. М., 1956, с. 189).

ОТРЫВОК

(С. 419)

Печатается по Ст 1874, т. III, ч. 6, Приложение 3: Юмористические стихотворения разных годов, с. 267—269.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 11 (ценз. разр.— 31 окт. 1851 г.), в составе фельетона «Заметки Нового поэта о русской журналистике», с. 85—86, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1874, т. III, ч. 6.

Автограф не найден. Беловой автограф второй редакции («Детство») — ГБЛ (Солд. тетр., л. 111—114 об.) — относится к 1855 г.; опубликован в ПСС, т. I, с. 405—407. Эта редакция распространялась в списках (Экз. ГБЛ, Экз. Ефремова 1861, Экз. Лазаревского, Экз. Музея Н.). Черновой автограф третьей редакции («Мои детские годы») -- ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 16 — является позднейшей переработкой и был датирован 1861 г., но (видимо отказавшись от мысли завершить переработку) Некрасов зачеркнул эту дату и надписал: «1841»; опубликован: *Чуковский К.* Из некрасовского архива. Неизданные стихотворения.— Летопись Дома литераторов, 1921, № 3, с. 4. Эта редакция включена в собрание сочинений как самостоятельное стихотворение: ПССт 1927.

В Ст 1874 датировано: «1844».

Последовательность второй и третьей редакций подтверждается, в частности, совпадением ст. 10 «Детства» и чернового варианта того же ст. в «Моих детских годах» (см. раздел «Другие редакции и варианты», с. 558 и 561).

Подзаголовок «Из признаний Белопяткина» (к стихотворению «Мои детские годы») свидетельствует о связи «Отрывка» и текстов двух названных редакций со стихотворением «Говорун», которое написано также от имени Белопяткина.

В С публикация «Отрывка» сопровождалась указанием, что эти стихи прочел автору фельетона (автором, очевидно, был И. И. Панаев) посетитель — «поэт <...> замечательный», лицо которого «дышало умом, избытком доброты и печали». После текста «Отрывка» говорится: «По чувству, с которым он читал это стихотворение, я догадался, что предмет его слишком близок сердцу самого поэта. Я не признаю этого стихотворения безусловно хорошим. В нем краски довольно грубы, сфера <...> содержания довольно однообразна, низменна и ограничена; картины мрачны;

но ведь каждый из нас пишет хорошо только то, что сам пережил, перечувствовал, видел своими глазами. И у меня недостает духу обвинить поэта за то, что предметы своих песнопений почерпает он в низменных сферах, где протекает его собственная жизнь. Это еще не беда. Обстоятельства его могут измениться, круг зрения его может расшириться, и тогда он представит нам другие образы, найдет, может быть, другие краски. Для меня важнее то, что в стихах его есть содержание, определенно высказываемое; что хоть и неэффектных сторон жизни касается его муза, но его грубые стихи прочувствованы...» В процитированном отзыве чувствуется самооценка; видимо, прав был К. И. Чуковский, считавший, что эти строки в фельетоне Панаева «несомненно» принадлежат Некрасову (см.: ПССт 1934—1937, т. I, с. 611).

Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 г. неточно цитировал ст. 15—16 «Детства», в ту пору еще не опубликованного; вероятно, он слышал эти стихи от самого Некрасова (см.: *Бухштаб Б. Я.* Начальный период сатирической поэзии Некрасова.— Некр. сб., II, с. 116).

Другие редакции и варианты

Отлично в подкаретную С мальчишками играл...; С семи лет в подкаретную С мальчишками играл...— азартная карточная игра «три листика».

КОЛЛЕКТИВНОЕ

1846

ПОСЛАНИЕ БЕЛИНСКОГО К ДОСТОЕВСКОМУ

(С. 423)

Печатается по тексту первой полной публикации.

Впервые опубликовано: отрывки и отдельные строфы — *Панаев И. И.* Заметки Нового поэта о петербургской жизни.— С, 1855, № 12, «Смесь», с. 240: *Стасюлевич М. М.* От редакции (по поводу «Воспоминаний» П. В. Анненкова).— ВЕ, 1880, № 5, с. 413; *Полонский Я. П.* И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину.— Н, 1884, № 4, с. 87; полностью — Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснит. примеч. М. Драгоманова. Женева, 1892, приложения, с. 207—208 (по списку А. И. Герцена), с датой: «1846» и подписью: «Тургенев и Некрасов» (последующие публикации: ЛПРН, 1901, № 11, стб. 392—393 (по менее достоверной копии Д. В. Григоровича), под заглавием: «На Достоевского», с подписью: «Тургенев и Некрасов»; Литературный вестник. 1903. т. V. кн. 1. с. 113—114 (по копии со списка А. И. Герцена), с примечанием: «Поправки по рукописи Некрасова сделаны рукой Тургенева»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден.

М. М. Стасюлевич в названной публикации сообщил, что «Послание...» написали «Некрасов, Панаев и др.» Однако в дошедших до нас полных копиях «Послания...», которые являются наиболее авторитетными, стоит подпись: «Тургенев и Некрасов». Уже цитированное примечание в публикации «Литературного вестника», а также то обстоятельство, что Стасюлевич не знал об авторстве Тургенева, дают возможность предположить, что основным автором «Послания...» был Некрасов.

В ст. 27—28 повесть Ф. М. Достоевского «Двойник» названа «неизданным творением». Поскольку она появилась в февральской книжке ОЗ за 1846 г., датировка «1846» может быть уточнена: стихотворение, очевидно, следует отнести к январю 1846 г.

Как раз в то время В. Г. Белинский собирал материалы для альманаха «Левиафан». Среди литераторов, обещавших ему свое сотрудничество, был и Достоевский (см.: Белинский, т. XII, с. 254).

Как бы воспроизводя приглашение участвовать в альманахе, обращенное Белинским к Достоевскому, Некрасов и Тургенев иронизируют над нервозностью Достоевского и его болезненным самолюбием (ср. повесть Некрасова «Как я велик!» — т. VIII наст. изд.).

Пыщ — здесь: надутый, напыщенный человек.

Хоть ты юный литератор, Но в восторг уж всех поверг...— Речь идет об огромном успехе первой повести Достоевского «Бедные люди» (1845).

Лейхтенберг — герцог Максимилиан Лейхтенбергский (1817—1852), зять Николая I, считавшийся «покровителем» искусства и литературы.

Но когда на раут светский...— Однажды, когда Достоевского (на балу у графа М. Ю. Виельгорского) представили светской красавице Сенявиной, ему якобы от волнения сделалось дурно (см.: Из записной книжки Д. В. Григоровича.— ЛПРН, 1901, № 11, стб. 393).

Удели не «Двойника».— Повесть Достоевского «Двойник» не нравилась Белинскому (см.: Белинский, т. X, с. 41, 206).

Обведу тебя каймою, Помещу тебя в конец.— Согласно распространившемуся в тогдашних литературных кругах слуху, Достоевский, отдавая Некрасову повесть «Бедные люди» для опубликования в ПСб, будто бы требовал, чтобы она была напечатана «заметнее», чем прочие произведения, и чтоб каждая страница ее обведена была особой рамкой (*Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. М., 1961, с. 90). Говорили также, что подобные претензии Достоевский предъявил Белинскому, предлагая ему своего «Двойника» для альманаха «Левиафан» (*Анненков П. В.* Литературные воспоминания. [М.], 1960, с. 283; ЛПРН, 1901, № 11, стб. 393—394; *Леонтьев К.* Собр. соч., т. IX. СПб., 1914, с. 114).

ЗАГАДКА

(С. 425)

Печатается по копии ГПБ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПССт 1927, с. 426 (без ст. 9—16); ПССт 1967, т. I, с. 516—517 (без ст. 15—16).

Автограф не найден. Копия (рукою А. А. Краевского) — ГПБ, ф. 391, ед. хр. 27 (с пометкой неизвестной рукой: «Дружинин, Тургенев и Некрасов»).

Было высказано мнение, что «Загадка» написана летом 1854 г., когда Некрасов и Тургенев жили по соседству под Ораниенбаумом *(Гутьяр Н. М.* Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева. СПб., 1910, с. 24). Однако эпиграмма эта упоминается в дневниковой записи А. В. Дружинина от 6 апреля 1854 г.: «Встретили Арапетова, на коего сочинены отличные стихи: „Художества любитель“ и пр.» (ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, ед. хр. 108, л. 139). По мнению И. Г. Ямпольского, «Загадка» могла быть написана еще в конце 1853 г., когда П. В. Анненков поссорился с Арапетовым (см.: *Тургенев И. С.* Стихотворения и поэмы. Л., 1970, с. 450).

Иван Павлович Арапетов (1811—1887) — крупный чиновник. В середине 1850-х гг. занимал пост начальника канцелярии департамента уделов; был близок к литературным кругам.

Вре-бонтон (vrai bon ton — франц.) — истинный хороший тон, светские манеры.

Жантильйом (gentilhomme — *франц.)* — дворянин.

Прудон П.-Ж. (1809—1865) — французский мыслитель, теоретик анархизма.

Рашель Э. (1821—1858) — французская трагическая актриса; осенью 1853 г. гастролировала в Петербурге, а в начале 1854 г.— в Москве. О «восхищении» Арапетова Рашелью см.: ПССт 1934—1937, т. I, с. 684.

Три раза в год трясущий Журнальные статьи...— Арапетов помещал в журналах (в том числе в С) статьи по экономическим вопросам.

Перовский Л. А. (1792—1856) — министр внутренних дел (до 1852 г.), а затем (1852—1856) министр уделов и управляющий «кабинетом его императорского величества»; прямой начальник Арапетова.

ПЕСНЬ ВАСЕНЬКЕ

(С. 426)

Печатается по автографу ЦГАЛИ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПССт 1927, с. 426 (ст. 25—36, принадлежащие Некрасову); ст. 1—24, принадлежащие Дружинину, публикуются впервые.

Автограф — ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, ед. хр. 19, л. 2—3. В конце текста помета: «Чертово. Конец июля».

Написано между 23 и 31 июля 1854 г., когда Некрасов и Тургенев гостили у Дружинина (см. дневниковую запись Дружинина от 31 июля 1854 г.— ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, ед. хр. 108).

«Песнь Васеньке» является примером так называемого «чернокнижия» (см. на с. 618 наст. тома комментарий к стихотворению «Мы, посетив тебя, Дружинин...»).

Она обращена к литературному критику Василию Петровичу Боткину (1811—1869), который в то время находился в приятельских отношениях с Некрасовым, хотя и не разделял революционно-демократических взглядов поэта. В 1847—1857 гг. Боткин сотрудничал в С. В конце 1850-х гг. он порвал с этим журналом и стал одним из активных врагов Некрасова.

В автографе после текста «Песни Васеньке» приписка Дружинина: «Читатель не должен судить по этим стихам о наших чувствах к одному из первых друзей наших. Истинный литератор не должен жалеть отца для красного словца».

ПОСЛАНИЕ К ЛОНГИНОВУ

(С. 428)

Печатается по беловому автографу ЦГАЛИ.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПССт 1927, с. 426—427.

Беловой автограф А. В. Дружинина — ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, ед хр. 19, л. 7—8. Черновой автограф И. С. Тургенева (ст. 35—38 — рукой Некрасова) — там же, л. 11 об.— 10. Копия (неизвестной рукой) в бумагах А. А. Краевского — ГПБ, ф. 391, ед. хр. 26 (с пометой: «Н. Некрасов, И. Тургенев, А. Дружинин»).

Основным автором «Послания к Лонгинову», видимо, был Тургенев: ему принадлежит черновой автограф; к нему же обращен шуточный ответ, написанный Дружининым (и Некрасовым?) от имени Лонгинова: «Тургенев! кто тебе внушил Твое посланье роковое?..» (ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, ед. хр. 19).

Написано между 23 и 31 июля 1854 г. и также является примером так называемой «чернокнижной словесности» (см. предыдущий комментарий).

Обращено к библиографу Михаилу Николаевичу Лонгинову (1823—1875). В 1840—1850-х гг. Лонгинов был близок к кружку С; впоследствии стал крупным чиновником, ярым реакционером. «Послание...» связано с переездом Лонгинова в мае 1854 г. из Петербурга в Москву, где он получил должность чиновника особых поручений при генерал-губернаторе.

Осенью 1854 г., будучи проездом в Москве, Некрасов безуспешно пытался разыскать Лонгинова и передать ему «Послание...» (см.: ПСС, т. X, с. 206—207).

Бассейная — улица в Петербурге (ныне ул. Некрасова).

...и клуба кров священный... — Имеется в виду аристокра-

ческий Английский клуб в Петербурге. Лонгинов был его членом с 1851 г.

Где Анненков, чужим наполненный вином...— См. на с. 618—619 наст. тома комментарий к стихотворению «Признания труженика».

Пред братцем...— Речь идет о И. В. Анненкове (1814—1887), флигель-адъютанте, впоследствии (с 1862 г.) петербургском обер-полицмейстере.

Арапетов — см. выше, с. 689, комментарий к стихотворению «Загадка». Оно и названо в «Послании к Лонгинову» «насмешливыми куплетами» и «меткими стихами» об Арапетове.

Кочубей М. В. (1816—1874) — князь, гофмаршал.

Авдулин С. А. (ум. 1855) — приятель Лонгинова, завсегдатай Английского клуба.

Мухортов З. Н. (1820—1876) — чиновник, орловский помещик, впоследствии вице-президент Вольного экономического общества. Много занимался вопросом о разработке залежей торфа в Петербургской губернии.

Егунов А. Н. (1824—1897) — статистик и экономист, сотрудник С.

Хотинский М. С. (1810—1866) — популяризатор естественных наук; впоследствии был разоблачен как агент III Отделения (см.: Герцен, т. XVII, с. 187, 189—191). У Лонгинова была непристойная поэма «Матвей Хотинский».

Кто верно предсказал Мильгофера судьбу...— Стихотворение Лонгинова «Мильгофер» упоминается и в пьесе Некрасова «Как убить вечер?» (ПСС, т. IV, с. 224; т. III наст. изд.).

Поймал за жирный хвост весь причет наш священный? — Речь идет об антицерковной и фривольной поэме Лонгинова «Отец Пихатий».

Ни времени рука, Ни зависть хитрая лаврового венка...— пародийная вариация на тему «Памятника» Горация.

«Северная пчела» — см. на с. 667 наст. тома, комментарий к стихотворению «Провинциальный подьячий в Петербурге».

«Эй, Вася, трубочку!» — Авторы «Послания...» пародируют восклицание из пьесы Н. В. Кукольника «Иван Рябов, рыбак архангелогородский»: «Васька, трубу и лодку!» (БдЧ, 1839, т. 32, отд. I, с. 141). Ср. в повести И. И. Панаева «Родственники» (1847): «...лежать целые дни <...> с янтарем в зубах, изредка прерывая чтение или мечту ленивым криком: „Васька! трубку!“» (Русские повести XIX века, 40—50-х годов, т. I. М., 1952, с. 452).

То Петербург ругнешь, за что не знаешь сам...— Отзвук лермонтовского стиха: «Но я люблю,— за что, не знаю сам...» («Родина», 1841).

Пришельца позднего из Аглицкого клуба...— Речь идет о московском Английском клубе.

Мейендорф П. К., барон (1796—1863) — русский посол в Австрии в 1850—1854 гг. Связанный с высшей австрийской аристократией, проводил проавстрийскую политику. В июне 1854 г., когда отношения между двумя странами ухудшились, был отозван из Вены (*Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. М., 1934, с. 153, 392).

Милютина проект...— Н. А. Милютин (1818—1872) — известный государственный деятель, впоследствии один из осуществлявших руководство проведением крестьянской реформы. Здесь имеются

в виду «Правила для промышляющих извозом в С.-Петербурге на 1854 год», подписанные министром внутренних дел Д. Г. Бибиковым и директором хозяйственного департамента Н. А. Милютиным и выпущенные отдельной брошюрой. Следуя этим «Правилам», петербургские власти тщетно пытались установить единый тариф оплаты извозчиков.

Языкова процесс...— М. А. Языков (1811—1885) — чиновник, был близок к кружку С. Вложил свой капитал в комиссионную контору, которая обанкротилась. Речь идет о третейском суде между М. А. Языковым и его компаньоном по конторе Н. Н. Тютчевым (см.: Панаева, с. 207—209).

Европе возвестил известный Соллогуб, Что стал он больше подл, хотя не меньше глуп...— В. А. Соллогуб (1813—1882) — писатель, в первой половине 1840-х гг. был близок к «натуральной школе», но затем отошел от нее; написал ряд легковесных водевилей; в связи с началом Крымской войны стал выступать со стихотворениями и статьями в монархическом духе, чем и вызвано обвинение его в подлости. 8 апреля 1854 г. в газете «Закавказский вестник» была напечатана псевдопатриотическая «ода-симфония» В. А. Соллогуба и Е. А. Вердеревского «Россия перед врагами». 11 июня 1854 г. в газете «Journal de St-Petersbourg) было опубликовано открытое письмо Соллогуба (русский перевод — СПбВ, 1854, 18 июля), в котором он, порицая критическую направленность своих ранних повестей, декларировал верноподданические взгляды.

А Майков Аполлон, с гнилой своей улыбкой, На днях оподлился, конечно, не ошибкой...— В ту пору А. Н. Майков начал писать псевдопатриотические стихи. Первым из них было стихотворение «Коляска» (1853), воспевавшее Николая I. «Послание к Лонгинову» дошло до Майкова, и он ответил стихотворением «Авторам „Письма к Лонгинову“»: «Не низойду до эпиграммы:..» (ЛН, т. 49—50. М., 1949, с. 618).

Другие редакции и варианты

Кем не был пощажен певец Торквата Тасса* ∾ *Пока грабителя седого Адлерберг...— В 1833 г. в Петербурге была анонимно опубликована (отдельной книгой) драма «Торквато Тассо». Существует мнение, что ее автором был А. Д. Киреев (1797—1857), который с 1833 по 1853 г. служил управляющим петербургской театральной конторой и за это время очень разбогател; В. Ф. Адлерберг (1791—1884), ставший в 1853 г. министром двора (в ведении этого министерства находились и государственные театры), назначил ревизию, которая вскрыла в театральной конторе большие хищения, и А. Д. Киреев был уволен в отставку (см. об этом: Панаева, с. 52—53; *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года, ч. 1. СПб., 1877, с. 38, 166; *Инсарский В. А.* Воспоминания.— РС, 1874, № 10, с. 306—314; *Куликов Н. И.* Театральные воспоминания.— РС, 1892, № 8, с. 451—452; ср. примечания И. Г. Ямпольского в кн.: *Тургенев И. С.* Стихотворения и поэмы. Л., 1970, с. 452). Известно также, что в молодости А. Д. Киреев перевел на русский язык пьесу Бомарше «Преступная мать» (см.: *Зотов Р. М.* Записки.— ИВ, 1896, № 8, с. 308). Однако, по другим сведениям, автором драмы «Торквато Тассо» был М. Д. Киреев (см. заметку Старого театрала о «Хрони-

ке петербургских театров» А. И. Вольфа, опубликованную в РС, 1877, № 10, с. 348), видимо, брат А. Д. Киреева, упоминаемый в переписке последнего (см.: Щукинский сборник, вып. 1. М., 1902, с. 128, 135).

DUBIA

1841

ТОЛК С НОВЫМ ГОДОМ

(С. 433)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: П, 1841, № 2 (ценз. разр.— 28 марта 1841 г.), с. 61, без подписи (в оглавлении подпись: «***») и с подстрочным примечанием к заглавию: «Эта статья прислана из *отдаленной области православного царства русского* — и потому так запоздала».

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Приписывается Некрасову на основании ряда тематических и смысловых совпадений со стихотворением «Наш век» (см. на с. 277—279 наст. тома): та же тема связанных с новейшими изобретениями мистификаций и обманов, то же обыгрывание слова «надуть»; те же или близкие детали: весоходы, газ (осветительный), «гальванические штуки» (в «Нашем веке» — «гальванические лампы»), «бричка без осей» (в «Нашем веке» — «экипаж» «на колесах трехсаженных») и т. п. (см.: *Гаркави А. М.* Неизвестные строки Н. А. Некрасова.— В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Межвузовский сборник, вып. II. Калининград, 1976, с. 165—166).

...приделав к шару крылья...— В ту пору много писали о предполагавшемся полете английского изобретателя Грина на воздушном шаре в Америку (СП, 1840, 20 марта, № 64, с. 253; 24 сент., № 215, с. 859—860; 25 сент., № 216, с. 863—864 и др.).

Кошениль — насекомое, служившее до конца XIX в. сырьем для изготовления красной краски; особенно ценилась мексиканская кошениль.

К N. N.

(С. 435)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: П, 1841, № 3 (ценз. разр.— 12 июня 1841 г.), с. 43—44, с подписью: «N. N.» (в оглавлении подпись: «Н. Н.») и пометой в конце текста: «Эльдорадо».

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1967, т. I, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Автограф не найден.

На авторство Некрасова впервые указал Д. А. Пахомов в статье «Забытое стихотворение Некрасова» (ПБ, 1947, № 16—17, с. 10—12). О принадлежности стихотворения Некрасову говорят следующие соображения: в 1841 г. Некрасов был близким сотрудником П; в оглавлении стихотворение подписано инициалами поэта — «Н. Н.»; по стилю оно напоминает некоторые некрасовские произведения той поры; в содержании стихотворения может быть усмотрен намек на предполагавшийся брак сестры поэта Елизаветы Алексеевны с пожилым человеком (см. на с. 588 наст. тома, комментарий к стихотворению «Родина», а также письмо Некрасова к Ф. А. Кони от 18 июля 1841 г.).

Таким образом, адресатом стихотворения, видимо, была Е. А. Некрасова, сестра поэта.

1844

ПОСЛАНИЕ К СОСЕДУ

(С. 436)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 20 июля, № 28, в составе фельетона «Падающие звезды», с. 484, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

На авторство Некрасова указал К. И. Чуковский. В пользу такой атрибуции говорит как содержание, так и стиль стихотворения. В ту пору Некрасов пародировал стихи Языкова (см. выше, с. 21—24, стихотворение «Послание к другу (из-за границы)» и комментарий к нему, с. 575—576).

Стихотворение представляет собой пародию на стихотворное послание Н. М. Языкова (1803—1846) к историку М. П. Погодину. В последние годы жизни Языков стал реакционно-славянофильским поэтом; талант его явно ослабел; его стихи вызывали возмущение и насмешки передовых людей. В послании к Погодину Языков благодарил своего адресата за подарок — старинную чернильницу:

М. П. ПОГОДИНУ

Благодарю тебя сердечно
За подареньице твое!
Мне с ним раздолье! С сим житье
Поэту! Дивно-быстротечно,
Легко пошли часы мои —
С тех пор, как ты меня уважил!
По-стихотворчески я зажил,
Я в духе! Словно как ручьи
С высоких гор на долы злачны
Бегут, игривы и прозрачны,
Бегут, сверкая и звеня

Светлостеклянными струями,
При ясном небе, меж цветами
Весной: так точно у меня
Стихи мои проворно, мило
С пера бегут теперь: и вот
Тебе, мой явный доброхот,
Стакан стихов: на, пей! Что было,
Того уж ныне не воротить!
Да, брат, теперь мои созданья
Не то, что в пору волнованья
Надежд и мыслей; так и быть!
Они теперь — напиток трезвый;
Давным-давно уже в них нет
Игры и силы прежних лет,
Ни мысли пламенной и резвой,
Ни пьяно-буйного стиха.
И не диковинное дело:
Я сам не тот уже, и смело
В том признаюсь: кто без греха?
Но ты, мой добрый и почтенный,
Ты примешь ласковой душой
Напиток, поднесенный мной,
Хоть он бесхмельный и не пенный!

Послание это появилось в М (1844, № 6 (ценз. разр.— 23 июня 1844 г.), с 190). Перепечатав его полностью, автор фельетона «Падающие звезды» добавлял: «Вот кстати стихотворение, присланное нам из провинции; оно показалось нам так оригинально, что мы решаемся его напечатать»,— после чего была помещена пародия.

О том же стихотворении Языкова «М. П. Погодину» Белинский писал в статье «Русская литература в 1844 году»: «Это *дивно-быстротечное* стихотворение, звенящее *светлостеклянными* струями пресной и не совсем свежей воды, поднесенной в стакане *явному* доброхоту стихотворцем, *сделавшимся в духе* от *подареньица*, которым *уважил* его *явный* доброхот,— это образцовое проявление заживо умершего таланта...» (Белинский, т. VIII, с. 461).

Четверик — старая русская мера сыпучих тел, равная 26,24 литра.

1845

ОДА «СОН»

(С. 437)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 4 янв., № 1, «Дагерротип», с. 13, с подписью: «Ч».

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1967, т. I, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Автограф не найден.

Предположительно приписано Некрасову, так как отдел «Дагерротип» заполнялся, по свидетельству самого поэта, его произведениями в стихах и прозе (см.: ПСС, т. XII, с. 13; ЛН, т. 53—54. М., 1949, с. 48).

Тредьяковский В. К. (1703—1769) — см. на с. 579 наст. тома, комментарий к стихотворению «Он у нас осьмое чудо...».

Орфей (греч. мифол.) — певец, своим чудным пением укрощавший диких зверей и совершавший другие чудеса.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

(С. 438)

Печатается по тексту первой публикации, с конъектурным дополнением в ст. 16 («победивши» вместо «победив»).

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 18 янв., № 3, «Дагерротип», с. 53, без подписи и с подстрочным примечанием к слову «борзописца»: «Так решился назвать себя один юный поэт, подающий блестящие надежды в будущем».

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

Главное основание атрибуции то же, что для предыдущего стихотворения. Кроме того, эпиграф из Гоголя (из последнего абзаца повести «Невский проспект»), ироническое упоминание о Бенедиктове как певце женской красоты характерны для произведений Некрасова той поры. Описанная в стихотворении ситуация отчасти перекликается с «Невским проспектом». Сходную (но не аналогичную) фабулу, предваренную скрытой цитатой из того же «Невского проспекта», Некрасов разработал в одном из эпизодов романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (ПСС, т. VI, с. 230—231).

Караванная — улица в Петербурге (ныне ул. Толмачева).

КАРП ПАНТЕЛЕИЧ И СТЕПАНИДА КОНДРАТЬЕВНА

(С. 440)

Печатается по тексту первой публикации, с исправлениями в ст. 91 («волшебного» вместо «волшебном»), 107 («ни сна на постели» вместо «ни сна, ни постели»).

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 25 янв., № 4, «Дагерротип», с. 69—71, без подписи, с пометой: «(Будет окончание)» (окончание напечатано не было).

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1927.

Автограф не найден.

Приписывается Некрасову на тех же основаниях, что и «Ода „Сон“» (см. выше).

Представляет собой пародию на первую главу «индейской повести» В. А. Жуковского «Наль и Дамаянти». Поэма Жуковского

вышла отдельной книгой в Петербурге в 1844 г. Приводим начало пародируемого текста:

Жил-был в Индии царь, по имени Наль. Виразены
Сильного сын, обладатель царства Нишадского, этот
Наль был славен делами, во младости мудр и прекрасен
Так, что в целом свете царя, подобного Налю,
Не было, нет и не будет; между другими царями
Он сиял, как сияет солнце между звездами.
Крепкий мышцею...

Ряд строк из «Наля и Дамаянти» включен в пародию дословно, что и дало возможность исправить неточности в ст. 91 и 107 (см. выше).

В ст. 20 слова «обет произнес пред судьбою», видимо, являются цензурным вариантом. У Жуковского в соответствующем месте поэмы говорится: «обет пред богами» — но в контексте пародии упоминание о богах могло быть сочтено кощунственным.

Бурдюк — мешок из цельной бараньей или козлиной шкуры.
Ендова — широкий сосуд с носиком для разливки питья.

ОДА «ЧАЙ»

(С. 445)

Печатается по тексту первой публикации, с конъектурами в ст. 10 («тобой» вместо «той») и ст. 17 («пииты, пиющие тя» вместо «пиюты, пиищие тя»).

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 8 февр., № 6, «Дагерротип», с. 112, с подписью: «Ч...».

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1967, т. I, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Автограф не найден.

Приписывается Некрасову на том же основании, что и «Ода „Сон“» (см. выше, с. 696).

«Ода „Чай“» — насмешка над кулинарным отделом ЛГ («Записки для хозяев»), в котором незадолго до того было помещено несколько рекламных статей о чае. Самая большая из них, «Нечто о чае» (ЛГ, 1844, 27 июля, № 29 и 3 авг., № 30), принадлежала чаеторговцу А. Немчинову и была снабжена эпиграфом из стихотворения П. А. Вяземского «Самовар», начинавшимся словами:

По-православному, не на манер немецкий,
Не жидкий, как вода или напиток детский,
Но Русью веющий, но сочный, но густой,
Душистый льется чай янтарною струей.

Тредьяковский В. К. (1703—1769) — см. на с. 579 наст. тома, комментарий к стихотворению «Он у нас осьмое чудо...».

1846

РЕВНОСТЬ

(С. 448)

Печатается по «Собранию стихотворений Нового поэта». СПб., 1855, с. 53—54.

Впервые опубликовано: ПА (ценз. разр.— 5 марта 1846 г.), с. 11—13, с подписью: «Владимир Бурнооков» (перепечатано: Собрание стихотворений Нового поэта. СПб., 1855).

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1967, т. I, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Автограф не найден.

Датируется временем между 4 апреля 1845 г. (ценз. разр. сборника «Метеор на 1845 год», в котором появилось пародируемое в «Ревности» стихотворение В. Г. Бенедиктова «Тост») и 5 марта 1846 г. (ценз. разр. ПА).

Приписывалось И. И. Панаеву, включалось в его посмертные собрания сочинений (т. V. СПб., 1889; т. V. М., 1912). Б. Я. Бухштаб в статье «Некрасов в стихах Нового поэта» (Некр. сб., II, с. 434—444) привел доводы в пользу авторства Некрасова: Некрасов неоднократно выступал под псевдонимом «Новый поэт»; в «Собрании стихотворений Нового поэта» (СПб., 1855) были помещены произведения не только И. И. Панаева, но и Некрасова («Мое разочарование», «Они молчали оба... Грустно, грустно...»). «Ревность» — выдающаяся пародия, замеченная В. Г. Белинским и целиком перепечатанная в его рецензии на ПА (Белинский, т. IX, с. 607—608). «...с подлинными творческими достижениями Некрасова-пародиста,— пишет Б. Я. Бухштаб,— Панаев никак не мог соревноваться» (Некр. сб., II, с. 439).

Поскольку Некрасов был редактором ПА и значительное количество напечатанных в нем стихотворений несомненно принадлежит ему, многие из них (уже приписывавшиеся Некрасову) помещены в настоящем томе на правах «dubia».

«Ревность» — пародия на стихи В. Г. Бенедиктова с их вычурной риторикой. Псевдоним «Бурноокову», вероятно, подсказан стихами Бенедиктова «Фосфор в бешеном блистанье — Взоры быстрые твои...» («К черноокой», 1835), которые Некрасов высмеял в рецензии на «Собрание стихотворений» П. Витусова (ПСС, т. XII, с. 249). Ближайшими объектами пародии являются стихотворения Бенедиктова «Ревность» (в сб. «Вчера и сегодня», кн. 1. СПб., 1845 (ценз. разр.— 27 марта 1845 г.)) и «Тост» (в сб. «Метеор на 1845 год». СПб., 1845 (ценз. разр.— 4 апреля 1845 г.)). Заглавие и тема пародии восходят к стихотворению «Ревность», размер и строфика — к стихотворению «Тост». Оба эти стихотворения уничтожающей критике подверг Белинский (Белинский, т. IX, с. 35—37, 42—45).

Ярким, радужным алмазом Пламенел твой светоч — разум! — Ср. у Бенедиктова (в стихотворении «Тост»):

Жизнь! сияй! Твой светоч — разум.
Да не меркнет над тобой
Свет сей, вставленный алмазом
В перстень вечности самой.

Сих отчаянных краев, Полных хлада и снегов,— От Камчатки льдяноребро́й До брегов отчизны доброй...— Ср. у Бенедиктова (в стихотворении «Тост»):

За здоровье всей земли,—
Всей — с Камчатки льдянореброй,
От отчаянных краев
До брегов Надежды Доброй...

Венчан тернием, не миртом ~ Но отчаяния спиртом Налью череп через край...— Ср. у Бенедиктова (в стихотворении «Тост»):

Венчан лавром или миртом,
Наподобие сих чаш
Будь налит череп наш
Соком дум и мысли спиртом!

СТИХОТВОРЕНИЕ, *ЗАИМСТВОВАННОЕ* ИЗ ШИЛЛЕРА И ГЕТЕ

(С. 448)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ПА (ценз. разр.— 5 марта 1846 г.), в цикле «Портретная галерея», с. 27—28, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1967, т. I, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Автограф не найден.

Датируется временем между 8 августа 1845 г. (ценз. разр. «Стихотворений Александра Струговщикова, заимствованных из Гете и Шиллера») и 5 марта 1846 г. (ценз. разр. ПА).

Об основаниях атрибуции см. предыдущий комментарий.

Дополнительное соображение в пользу авторства Некрасова: ему принадлежат все остальные стихотворения цикла «Портретная галерея»: «Он у нас осьмое чудо...», «Ходит он меланхолически...», «Ростовщик».

Представляет собой эпиграмму на поэта и переводчика Александра Николаевича Струговщикова (1808—1878) и пародию на его стихотворение «Фантазия Клары», являющееся вольным переводом песенки Клерхен из трагедии Гете «Эгмонт»:

Веселиться, грустить,
Чашу радости пить
И теряться!
От тоски умирать,
До небес ликовать,
Забываться!
Верить одному
Сердцу своему...
Всех счастливей в мире,
Всех несчастней быть —
Только-то и счастья
В жизни, что любить!

Заглавие пародии восходит к заглавию сборника: «Стихотворения Александра Струговщикова, заимствованные из Гете и Шиллера» (кн. 1. СПб., 1845), в котором (на с. 85) была помещена «Фантазия Клары».

Припеваючи жить И шампанское пить ∾ *Вечеринки давать...*— О вечеринках у Струговщикова см.: Панаев, с. 256, 259; Никитенко, т. I, с. 221.

ЖЕНЩИНА, КАКИХ МНОГО

(С. 449)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ПА (ценз. разр.— 5 марта 1846 г.), с. 129—130, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920.

Автограф не найден.

Впервые приписал это стихотворение Некрасову (сославшись лишь на то, что оно появилось в ПА) В. Горленко в статье «Литературные дебюты Некрасова» (ОЗ, 1878, № 12, «Современное обозрение», с. 163—164). До 1967 г. принадлежность стихотворения Некрасову не вызывала сомнений. В ПССт 1967, т. I помещено в разделе «Стихотворения, приписываемые Некрасову». Об основаниях атрибуции см. комментарий к стихотворению «Ревность» (с. 698).

«Женщина, каких много» продолжает тему и манеру стихотворения И. С. Тургенева «Человек, каких много» (1843). Большой отрывок из «Человека, каких много» Некрасов поставил эпиграфом к одной из глав своего романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (ПСС, т. VI, с. 255).

Влюблялася в прекрасные душонки...— ирония, направленная на романтическое понятие «прекрасная душа» (от нем. «schöne Seele»). См. об этом: *Бухштаб Б. Я.* Сатира Некрасова в 1846—1847 годах.— Некр. сб., III, с. 18—19.

Текла — имя героини драматической трилогии Ф. Шиллера «Валленштейн» (1796—1799), популярный образ идеальной девы, воспетый многими поэтами-романтиками.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

(С. 451)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ПА (ценз. разр.— 5 марта 1846 г.), с. 140—141, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1967, т. I, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Автограф не найден.

Об основаниях атрибуции см. комментарий к стихотворению «Ревность» (с. 698).

Слово «преставить» (ст. 8, 18) встречалось в поэтическом языке Некрасова, например в стихотворении «В дороге», 1845 (см. ст. 18 по ПСб и всем прижизненным изданиям Некрасова, кроме Ст 1873).

1850

<ИЗ «САНТИМЕНТАЛЬНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ИВАНА ЧЕРНОКНИЖНИКОВА ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ ДАЧАМ»>

(С. 452)

Печатается по текстам первых публикаций.

Впервые опубликованы: С, 1850, № 8 (ценз. разр.— 4 авг. 1850 г.), «Смесь», в составе шуточной повести «Сантиментальное путешествие Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам», с. 184—185 (<1> «Ферапонт овчину дубил...»), 194 (<2> «О, если б мог я шар земной...», <3> «Злодею выбиты все зубы...»), 217 (<4> Другу Копернаумову), 240—241 (<5> «Была прекрасная погода...»), 242—243 (<6> «Несчастный день! позорный день!»), 251 (<7> «Нет, мало места здесь возвышенной натуре...»), без подписи.

В собрание сочинений впервые включены: <1> «Ферапонт овчину дубил...», <4> Другу Копернаумову, <5> «Была прекрасная погода...», <6> «Несчастный день! позорный день!», <7> «Нет, мало места здесь возвышенной натуре...» — ПССт 1927, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову»; <2> «О, если б мог я шар земной...», <3> «Злодею выбиты все зубы...» — ПСС, т. I, раздел «Dubia».

Автографы не найдены.

Шуточная повесть «Сантиментальное путешествие Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам» написана по преимуществу А. В. Дружининым; была включена (посмертно) в издание: *Дружинин А. В.* Собр. соч., т. VIII. СПб., 1867.

Некоторое участие в работе над этой повестью принял Некрасов, живший летом 1850 г. на даче в Парголове. М. Н. Лонгинов писал: «Справедливость требует сказать, что первые три главы „Чернокнижникова“ писаны Дружининым (особенно стихи) при деятельном сотрудничестве Н. А. Некрасова и младшего из членов нашего кружка, покойного В. А. Милютина, бывшего потом профессором Петербургского университета и кончившего жизнь в Эмсе, в июле 1855 года. Главы эти писались в Парголове, где Н. Некрасов проводил лето, а Дружинин и Милютин у него нередко гостили. Тут же помещены рассказы и шутки разных других лиц, но невозможно определить теперь, что именно принадлежит кому в первоначальном „Чернокнижникове“ (*Лонгинов М.* Вместо предисловия.— В кн.: *Дружинин А. В.* Собр. соч., т. VIII, с. XIII). К. И. Чуковский справедливо отметил неточность этих указаний Лонгинова, так как «в первых трех главах повести стихи

отсутствуют, они начинаются только с восьмой главы...» (ПСС, т, I, с. 632). Об участии Некрасова в работе над «Сантиментальным путешествием...» упомянул и П. П. Пекарский в рукописной заметке (см.: Боград Совр., с. 504).

В настоящем томе на правах «dubia» приводятся все стихотворения из «Сантиментального путешествия...», кроме стихотворения «Прихожу на праздник к чародею...», несомненно принадлежащего Некрасову (см. на с. 70 наст. тома), и стихотворения «Я в бурной юности моей...», Некрасову, очевидно, не принадлежащего (см. ниже, с. 706, в перечне «Стихотворения 1838—1855 гг., включавшиеся в собрания сочинений Некрасова ошибочно или без достаточной аргументации»).

<1> «ФЕРАПОНТ ОВЧИНУ ДУБИЛ»

(С. 452)

В «Сантиментальном путешествии...» эти нелепые вирши читает девятилетний мальчик Митя, который слывет «юным гением». О самих виршах присутствующие говорят словами рецензии на «Греческие стихотворения» Н. Ф. Щербины (появившейся в ОЗ, 1850, № 6): «*Эти стихи <...> как бы возросшие под ясным небом Греции, убаюканные шумными всплесками зеленоводного Эгейского моря...*»

Ирония направлена не только на рецензента ОЗ, но также, вероятно, и на самого Щербину (1821—1869), который, как известно, начал писать стихи еще в детстве.

<2> «О, ЕСЛИ Б МОГ Я ШАР ЗЕМНОЙ...»

(С. 452)

Как указано Ф. Я. Приймой в докладе на XVIII Некрасовской конференции в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в январе 1974 г., источником этого отрывка являются строки из написанной на русском языке поэмы Т. Г. Шевченко «Тризна» (1843):

О, если б мог он шар земной
Схватить озлобленной рукой
Со всеми гадами земными,
Схватить, измять и бросить в ад!..
Он был бы счастлив, был бы рад.

В «Сантиментальном путешествии...» эти строки Шевченко не процитированы, а пародированы: они вставлены в юмористический контекст, причем комическое звучание усилено переводом речи в форму от первого лица.

<4> ДРУГУ КОПЕРНАУМОВУ

(С. 452)

Капернаум — селение в Галилее, упоминаемое в Евангелии. В середине XIX в. некоторые петербургские литераторы и худож-

ники называли «капернаумами» те трактиры, в которых они любили встречаться. Отсюда фамилия Капернаумов (Копернаумов) в фельетонах А. В. Дружинина, а также фамилия портного Капернаумова в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского (см.: *Альтман М. С.* Из арсенала имен и прототипов литературных героев Достоевского.— В кн.: Достоевский и его время. Л., 1971, с. 209—212). Отсюда же, видимо, и фамилия Кафернаумский в романе А. И. Герцена «Кто виноват?» (ч. II, гл. 6).

Принадлежность Некрасову стихотворения «Другу Копернаумову» почти несомненна, так как оно во многом перекликается с его стихотворением «О вы, герои биллиарда...» (из фельетона «Теория бильярдной игры», 1847) об азартных игроках в биллиард, которые идут своей «стезей» «С кием в руке и с полной чашей» (см.: ПССт 1967, т. I, с. 493).

<5> «БЫЛА ПРЕКРАСНАЯ ПОГОДА...»

(С. 453)

Иль против воли ты, Мария...— реминисценция из «Полтавы» Пушкина: «Мария, бедная Мария, Краса черкасских дочерей! Не знаешь ты, какого змия Ласкаешь на груди своей».

Под гнетом страсти роковой — отзвук стиха Пушкина «Под гнетом власти роковой» («К Чаадаеву», 1818).

<6> «НЕСЧАСТНЫЙ ДЕНЬ! ПОЗОРНЫЙ ДЕНЬ!»

(С. 454)

Пародия на стихотворение А. А. Дельвига «Романс» (1820):

Прекрасный день, счастливый день!
И солнце и любовь!..

1854

«КТО ВИДИТ ЖИЗНЬ С ОДНОЙ КАРМАННОЙ ТОЧКИ...»

(С. 456)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1854, № 2 (ценз. разр.— 31 янв. 1854 г.), «Литературный ералаш», с. 1, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1967, т. I, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Автограф не найден.

Предположительно приписывается Некрасову на основании следующих свидетельств. 6 /18 февраля 1883 г. В. М. Жемчужников в письме к А. Н. Пыпину указывал, что ряд произведений Козьмы Пруткова редакция С «напечатала в отделе „Ералаш“ дотоле не существовавшем, добавив стихотворный эпиграф — кажется — Некрасова» (*Прутков Козьма.* Полн. собр. соч. М.—Л., 1965, с. 396). 11 апреля 1883 г. А. М. Жемчужников в открытом

письме к редактору «Новостей и Биржевой газеты» сообщал: „Перед собранием, кажется, самых первых произведений Пруткова, напечатанном в „Современнике“, помещено отдельно, в виде эпиграфа, стихотворение, Пруткову не принадлежащее. Оно, по всей вероятности, написано редакциею „Современника“ и имело целью подготовить читателя к предстоящему ему чтению шуточного рода» (там же, с. 389). В вырезке из С (ИРЛИ) на полях этого стихотворения помета В. М. Жемчужникова: «И. И. Панаева или Некрасова» (там же, с. 461).

Тому горшок, в котором преет каша, Покажется полезней «Ералаша» — перефразировка стихов Пушкина: «Печной горшок тебе дороже: Ты пищу в нем себе варишь» («Поэт и толпа», 1828). Ср. у Некрасова в «Железной дороге» (1864): «Или для вас Аполлон Бельведерский Хуже печного горшка?» «Литературный ералаш» — юмористический отдел С; существовал в 1854 г.

«ВЗИРАЕТ ОН НА ЖИЗНЬ СУРОВО, СТРОГО...»

(С. 457)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 1 (ценз. разр.— 31 дек. 1854 г.), «Смесь», в составе фельетона «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики», с. 63, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПССт 1967, т. I, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Автограф не найден.

На вероятное авторство Некрасова указал А. М. Гаркави в «Заметках о Н. А. Некрасове» (Некр. сб., III, с. 266). Основания атрибуции: Некрасову принадлежит и другое стихотворение, вошедшее в тот же фельетон,— «Пробил час!.. Не скажу, чтоб с охотой...»; ст. 3 (слова, выделенные в С курсивом) близко совпадает со ст. 155 стихотворения Некрасова «Новости»: «Но в голове так много, много, много...», являющимся скрытой цитатой из «Ревизора» (см. на с. 577 наст. тома комментарий к стихотворению «Новости»).

В публикуемом отрывке, как явствует из фельетона, выведен некий господин, «окруженный всеми условиями для счастья» (очевидно, крупный чиновник).

1855

НА МАЙКОВА (1855 ГОДА)

(С. 458)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: *Гин М.* Н. А. Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957, с. 106.

В собрание сочинений включается впервые.
Автограф не найден.

Печатая стихотворение по копии академика П. П. Пекарского (из архива В. Е. Евгеньева-Максимова), помеченной «Н. Некрасов», М. М. Гин писал: «Поскольку в других своих записях Пекарский обычно ошибок не допускал и поскольку в то время, к которому относится эпиграмма, он сотрудничал в «Современнике», есть все основания полагать, что эта эпиграмма действительно принадлежит Некрасову» (указ. соч., с. 106—107).

Эпиграмма вызвана переходом А. Н. Майкова (1821—1897) на монархические позиции в 1853—1855 гг. (ср. на с. 692 наст. тома, комментарий к стихотворению «Послание к Лонгинову»).

Давно ли воспевал он прелести свободы? — Речь идет о вольнолюбивых мотивах, проскользнувших в некоторых стихотворениях А. Н. Майкова в 1840-х гг., в частности в поэме «Машенька» (1845).

А вот уж цензором... — С 1852 г. А. Н. Майков служил цензором в С.-Петербургском комитете цензуры иностранной.

Стал академиком... — Ошибочное утверждение: Майков академиком не был.

...сочиняет оды. — Речь идет, в первую очередь, о стихотворении «Коляска» (1853), в котором Майков воспевал Николая I.

Неистово браня несчастную Европу... — В частности, в поэме «Арлекин» (1855), представлявшей собою сатиру на демократическую Францию.

Дубельт Л. В. (1793—1862) — управляющий III Отделением в 1839—1856 гг.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1838—1855 гг., ВКЛЮЧАВШИЕСЯ В СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ НЕКРАСОВА ОШИБОЧНО ИЛИ БЕЗ ДОСТАТОЧНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

1839

ОБЛАКА («ИЗ-ЗА ГОР ИЗДАЛЕКА...»)

Впервые опубликовано: ЛПРИ, 1839, ч. 1, 22 апр., № 16, с. 337, с подписью: «У».

Включалось в ПССт 1927 и ПССт 1931, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Автор стихотворения не известен.

1842

<ИЗ РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ И. МЯТЛЕВА «КАРТИНКИ РУССКИХ НРАВОВ... КНИЖКА ТРЕТЬЯ. ПЕТЕРГОФСКИЙ ПРАЗДНИК. ТРИ ПЬЕСКИ». СПб., 1842>: <1> «МОН АМИ, ТЫ ПРИМИ...», <2> «ВОТ АВТОР КУРДЮКОВОЙ...»

Впервые опубликованы: ЛГ, 1842, 4 окт., № 39, в составе названной рецензии, с. 800, без подписи.

Включались в ПССт 1931, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

В примечаниях к ПССт 1931 К. И. Чуковский писал: «Рецензия несомненно написана Некрасовым, но мы не решаемся с должной уверенностью приписать ему стихотворную пародию на Мятлева, так как он слишком слабо знал французский язык» (с. 641). Однако вопрос об атрибуции рецензии неясен; в ПСС она не вошла. Автор стихотворений не известен.

1843

ТРУЖЕНИК («Я СЛУШАЛ, О МОЙ ДРУГ, ИХ ПОШЛЫЕ РАССКАЗЫ...»)

Впервые опубликовано: СвС, т. II (ценз. разр.— 5 июня 1843 г.), в составе поэмы «Жизнь и люди», с. 20—22, без подписи. Вторично опубликовано С. А. Рейсером по приписанной Некрасову копии в Экз. Лазаревского: Звезда, 1933, № 1, с. 168.

Включалось в основной свод произведений поэта в ПСС, т. I и ПССт 1967, т. I.

Авторство Некрасова считалось бесспорным.

На первую публикацию в СвС указал А. Ф. Крошкин в статье «Об участии Н. А. Некрасова в создании поэмы „Жизнь и люди"» (Доклады восьмой научно-теоретической конференции. Таганрогский пед. ин-т. Сер. филол. наук, т. II. Ростов-на-Дону, 1965, с. 61—69), выдвинув при этом предположение, что в названной поэме Некрасову принадлежат многие фрагменты. Однако из мемуаров В. Р. Зотова доподлинно известно, что поэма «Жизнь и люди» написана им (ИВ, 1890, № 2, с. 339—340). Автор стихотворения — В. Р. Зотов.

«ОТЕЦ ТВОЙ, ПОП-БЕЗДЕЛЬНИК...»

Впервые опубликовано по копии А. А. Буткевич (ИРЛИ): *Евгеньев-Максимов В.* Предсмертные думы Н. А. Некрасова.— Заветы, 1913, № 6, с. 35.

Включалось в основной свод стихотворений Некрасова в Ст 1920, ПССт 1927, Собр. соч. 1930, т. I.

Принадлежность стихотворения Некрасову считалась несомненной. Однако, как выяснилось, это эпиграмма И. С. Тургенева на М. В. Белинскую, датируемая концом 1843 г. (см.: *Базилевская Е. В.* Мнимая эпиграмма Некрасова. (К вопросу об отношениях Некрасова и Тургенева).— Звенья, I. М.—Л., 1932, с. 185—194).

Автор стихотворения — И. С. Тургенев.

1844

«БРАВО! БРАВО! БРАВО! БОЖЕСТВЕННО!.. ЧУДНО!..»

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 23 ноября, № 46, в составе фельетона «Петербургская хроника», с. 788, без подписи.

Включалось в ПССт 1927 и ПССт 1931, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Автор стихотворения не известен.

1845

«ПОЮ, ПОЮ Я ПОДВИГ ОНЫЙ...»

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 4 окт., № 38, в составе фельетона «Петербургская хроника», с. 630, без подписи.

Включалось без каких-либо оговорок в ПССт 1931 и ПССт 1934—1937, т. I.

Некрасов перестал сотрудничать в ЛГ с апреля 1845 г. (см.: ПСС, т. XII, с. 33). Автор стихотворения не известен.

1846

«С ЦВЕТКОМ В РУКЕ, БЛЕДНА И ОДИНОКА...»

Впервые опубликовано: ПА (ценз. разр.— 5 марта 1846 г.), с. 34, без подписи.

Включалось, как появившееся в ПА, в ПССт 1967, т. I, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Известно указание П. А. Ефремова, что автором стихотворения был И. И. Панаев (см. пометку в Экз. Ефремова ПА).

1850

«Я В БУРНОЙ ЮНОСТИ МОЕЙ...»

Впервые опубликовано: С, 1850, № 8 (ценз. разр.— 4 авг. 1850 г.), «Смесь», в составе шуточной повести «Сантиментальное путешествие Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам», с. 192, без подписи.

Включалось в ПССт 1927 и ПССт 1931, раздел «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

В примечаниях к ПССт 1931 К. И. Чуковский писал: «Мы не думаем, чтобы этот „Опыт“ принадлежал Некрасову, так как то словесное виртуозничанье, которое заключается в нем, было Некрасову чуждо» (с. 642). В ПСС, т. I стихотворение не вошло.

Ср. также комментарий к циклу «<Из „Сантиментального путешествия Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам“>» (с. 702). Автор стихотворения не известен; вероятно, им был А. В. Дружинин.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ[1]

АсК — Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916.
Ашукин — *Ашукин Н. С.* Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М., 1935.
БдЧ — «Библиотека для чтения».
Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. I—XIII. М., 1953—1959.
Боград ОЗ — *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки», 1868—1884. Указатель содержания. М., 1971.
Боград Совр.— *Боград В. Э.* Журнал «Современник», 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959.
ВЕ — «Вестник Европы».
ВЛ — «Вопросы литературы».
ГА — Государственный архив (вслед за сокращением пишется название области).
ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).
Герцен — *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954—1966.
ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея СССР (Москва).
ГМ — «Голос минувшего».
ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).
Даль — *Даль Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1955.
Добролюбов — *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 9-ти т. М.—Л., 1961—1964.
Докл. РБО — Доклады и отчеты Русского библиологического общества. Новая серия.
Достоевский — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1972 — (издание продолжается).
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».

---

[1] Кроме этого списка в этом томе, как и в некоторых последующих томах, имеются списки условных сокращений с аннотированными описаниями отдельных автографов и других уникальных источников текста, а также сокращений, относящихся к оформлению раздела «Другие редакции и варианты» (см. вступительные заметки к этому разделу в соответствующих томах).

ИВ — «Исторический вестник».
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (Ленинград).
ИРЛИ б — Библиотека Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (Ленинград).
ЛГ — «Литературная газета».
ЛГТБ — Архив Ленинградской государственной театральной библиотеки им. А. В. Луначарского.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛН — «Литературное наследство».
ЛПРИ — «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“».
ЛПРН — «Нива. Ежемесячные литературные приложения».
М — «Москвитянин».
Масанов — *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей в 4-х т. М., 1956—1960.
МВ — «Московские ведомости».
МиЗ — Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н<екрасова>. СПб., 1840.
Н — «Нива».
НБ — «Научный бюллетень Ленинградского государственного университета».
Некр. в восп. — Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971.
Некр. по мат. ПД — Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома. Пг., 1922.
Некр. сб. — Некрасовский сборник. I—III. М.—Л., 1951, 1956, 1960; IV, V, VI, VII. Л., 1967, 1973, 1978, 1980.
Никитенко — *Никитенко А. В.* Дневник в 3-х т. [Л.], 1955—1956.
ОЗ — «Отечественные записки».
О Некр. — О Некрасове, вып. I—III. Ярославль, 1958, 1968, 1971.
П — «Пантеон русского и всех европейских театров».
ПА — альманах «Первое апреля». СПб., 1846.
Панаев — *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. Л., 1950.
Панаева — *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М., 1972.
ПП — Последние песни. Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1877.
ПСб — Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846.
ПСС — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем, т. I—XII. М., 1948—1953.
ПССт 1927 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1927.
ПССт 1928 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1928.
ПССт 1931 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. Изд. 6-е. М.—Л., 1931.
ПССт 1934—1937 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений, т. I. М.—Л., 1934; т. II (кн. 1 и 2). М.—Л., 1937.
ПССт 1967 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений в 3-х т. Л., 1967 («Библиотека поэта». Большая серия. Изд. 2-е).
РА — «Русский архив».
Р. б-ка — Н. А. Некрасов. СПб., 1877 (серия «Русская библиотека», VII).
РВ — «Русский вестник».

РИ — «Русский инвалид».
РиП — «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров».
РЛ — «Русская литература».
РС — «Русская старина».
РСл — «Русское слово».
С — «Современник».
Салтыков-Щедрин — *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. в 20-ти т. М., 1965 — (издание продолжается).
СвС — Статейки в стихах. Без картинок. Т. 1—2. СПб., 1843.
СО — «Сын отечества».
Собр. соч. 1930 — *Некрасов* [*Н. А.*]. Собр. соч., т. I—V. М.—Л., 1930
Собр. соч. 1965—1967 — *Некрасов Н. А.* Собр. соч. в 8-ми т. М., 1965—1967.
СП — «Северная пчела».
СПбВ — «Санкт-Петербургские ведомости».
Ст 1856 — Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.
Ст 1859 — Стихотворения Н. Некрасова. Лейпциг, 1859.
Ст 1861 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1—2. Изд. 2-е. СПб., 1861.
Ст 1862 — Стихотворения Н. Некрасова. Изд. пополненное. Берлин, 1862.
Ст 1863 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1—2. Изд. 3-е. СПб., 1863.
Ст 1864 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1, 2. Изд. 4-е; ч. 3. Изд. 1-е. СПб., 1864.
Ст 1864, ч. 3 (отд. изд.) — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 3. Изд. 1-е (отд. изд.); изд. 2-е. СПб., 1864.
Ст 1868 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1, 2. Изд. 5-е; ч. 3. Изд. 2-е, [3-е]. СПб., 1868.
Ст 1868, ч. 3 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 3. Изд. 2-е, [3-е]. СПб., 1868.
Ст 1869 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1—2. Изд. 5-е; ч. 3. [Изд. 2-е]; ч. 4. [Изд. 1-е]. СПб., 1869.
Ст 1873, т. I—III, ч. 1—5 — Стихотворения Н. Некрасова, т. I, ч. 1—2; т. II, ч. 3—4; т. III, ч. 5. Изд. 6-е. СПб., 1873.
Ст 1874 — Стихотворения Н. Некрасова, т. III, ч. 6. СПб., 1874.
Ст 1879 — Стихотворения Н. А. Некрасова, т. I—IV. Посмертное изд. СПб., 1879.
Ст 1920 — Стихотворения Н. А. Некрасова. Изд. испр. и доп. Пг., 1920.
Тургенев, Письма — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.—Л., 1961—1968.
ФП — Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов, под редакциею Н. Некрасова, ч. 1—2. СПб., 1845.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).
Чернышевский — *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. I—XVI. М., 1939—1953.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения 1845—1855 гг.

Стихотворения 1838—1844 гг.

1838

1839

Подготовка текстов и комментарии

В. Э. ВАЦУРО и *А. М. ГАРКАВИ* при участии *Т. С. ЦАРЬКОВОЙ*

Редакторы тома

В. Г. БАЗАНОВ, О. Б. АЛЕКСЕЕВА

Контрольный рецензент тома

Т. С. ЦАРЬКОВА

Николай Алексеевич Некрасов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Том 1

Стихотворения 1838—1855 гг.

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР*

Редакторы издательства *Т. А. Лапицкая* и *Е. А. Смирнова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *Н. П. Кизим* и *Э. Н. Липпа*

Сдано в набор 27.10.80. Подписано к печати 18.05.81. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Печ. л. 22$^{1}/_{2}$+ +1 вкл. ($^{1}/_{16}$ печ. л.) = 37.91 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 35.2. Тираж 300 000. (2-й з. 150 001—300 000). Изд. № 7939. Тип. зак. № 1339. Цена 3 р. 90 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Киевская книжная фабрика. 252054, Киев, ул. Воровского, 24